

Цыгульский Виктор Федосиевич

Диалектика истории человечества

Книга двадцать седьмая

ПЕРМЬ 2016

Оглавление

ГЛАВА СТО ДЕВЯНОСТО СЕДЬМАЯ	4
Предпосылки первой русской революции	4
ВВЕДЕНИЕ	4
§ 1 Объективные противоречия капитализма в России как источник для зарождения процесса борьбы пролетариата против царизма	5
§ 2. Объективные противоречия внутри капиталистического общества, как источник отрицания капитализма и толкающие народные массы на противодействие ему	7
§ 3. Торгово – промышленный кризис в России 1899-1901 г. и уроки кризиса	9
§ 4. Экономическая основа самодержавия в эпоху монополистического капитализма	12
§ 4. 1. Главная материальная основа самодержавия	13
§ 4. 2. Государственный капитализм как одна из экономических опор самодержавия	17
§ 4.3. Крепостнически-дворянско-помещичий класс и его политические организации	23
§ 4. 4. Духовенство и его политические организации	33
§ 4. 5. Либеральный лагерь	41
ГЛАВА СТО ДЕВЯНОСТО ВОСЬМАЯ	55
Развитие Лениным марксизма на протяжении всех этапов дореволюционного пролетарского сознательного процесса развития России	55
§ 1. «Три источника и три составных части марксизма», как одна из основных работ, отмечающих единство, целостность научного понимания истории	55
§ 2. Работа Ленина «Марксизм и реформизм», как оружие по разоблачению оппортунистов и ревизионистов всех направлений и борьбы с ними	59
§ 3. Эра реформ	61
ГЛАВА СТО ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТАЯ	64
Первая русская буржуазно-демократическая революция, ее причины и начало	64
§ 1. Теория перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую в эпоху империализма	64
§ 1. 1. Концепция буржуазно-демократической революции, разработанная Марксом и Энгельсом	64
§ 1. 2. Маркс, Ленин о буржуазной революции без буржуазии	66
§ 1. 3. Пролетариат – гегемон буржуазной революции	69
§ 1. 4. Крестьянство в буржуазно-демократической революции	71
§ 2. Империалистические вожеления Николая Второго, обусловившие первую русскую революцию	74
§ 3. Накануне революции	81
§ 4 Петербургские большевики накануне 1905 года	86
§ 5. 9 (22) января 1905 года — начало революции в России. Деятельность петербургских большевиков в дни январских событий	97
§ 6. 9 января 1905 года	108
§ 7. План петербургского сражения	120
§ 8. «Царь-батюшка» и баррикады	122
§ 8. 1. Первые шаги	123
§ 9. 9-е января и Ленин	125
§ 10. Влияние событий 9-го января на подъем рабочего движения в России	129
§ 11. Перестройка работы петербургской большевистской организации после 9 января 1905 года	135
§ 11. 1. Усиление влияния большевиков в массах	135
§ 12. Советы, их образование из потребностей классовой борьбы в 1905 году	148
§ 12 1. Возникновение советов и беспартийные организации Петербурга	149
§ 13. Летняя стачка и Совет Рабочих Депутатов Иваново - Вознесенска	152
§ 14. Костромская стачка и Совет Рабочих Депутатов в июле 1905 г.	157
§ 15. Совет депутатов печатников и мысль о создании общегородского Совета в сентябре	

1905 года в Москве.....	159
§ 16. Организации в других городах России, из которых развились Советы	162
§ 17. Петербургский и московский советы рабочих депутатов 1905 года	165
§ 18. Провинциальные советы	178
§ 19. Структура советов.....	186
§ 20. Эволюция советов	188
§ 21. Петербургские большевики в период нарастания и наивысшего подъема революции в мае декабре 1905 года	191
21. 1. Руководство большевиков революционным движением в Петербурге весной и летом 1905 года	191
§ 22. Действия большевиков по соединению крестьянского движения в единый процесс борьбы в революции	203
§ 23. Аграрное движение в России	206
§ 23. 1. Движение до 1905	206
§ 23. 2. Движение в 1905 — 1906 гг.	206

ГЛАВА СТО ДЕВЯНОСТО СЕДЬМАЯ

Предпосылки первой русской революции

ВВЕДЕНИЕ

Мы продолжаем наше исследование как продолжение «Диалектики истории человечества» - научное изложение истории человечества единственно правильным научным методом – диалектическим. Через все тома нашего исследования проходит одна первопричина истории человечества - производство, и на его основе – единство, всеобщая связь, движение и самодвижение человечества, как естественный процесс.

В последующих томах мы будем рассматривать историю России с 1890-х годов до падения власти рабочего класса в 1927 году. Конечно, мы рассмотрим и более поздние годы, годы, когда партия большевиков боролась против мелкобуржуазной и даже фашистской диктатуры Сталина и его детища – КПСС.

Почему мы берем историю России, а не других народов? Да потому что этот период в истории человечества является ярчайшим в истории борьбы рабочего класса на планете, потому что партия рабочего класса России вела эту борьбу на основе науки, научного понимания истории. Это привело рабочих к необычайным успехам. Опыт этой борьбы должны знать все народы на Земле.

В последующем мелкая буржуазия под руководством Сталина и КПСС подвергла ревизии и извращению героическую борьбу русского пролетариата. Вся научная практика была уничтожена, партия Ленина расстреляна. Как следствие, в СССР с 1927 по 1991 г.г. восторжествовал капитализм. Этот период русской истории должен быть весьма поучителен для угнетенных масс всей планеты. Наследники КПСС и сейчас, в условиях кажущейся оппозиции, на деньги буржуазии, стремятся держать новые поколения рабочих в неведении, отвлекая их от научного понимания истории. Но правду скрывать долго невозможно.

Ленин владел научным пониманием истории с первых лет своего зрелого развития. Все его работы изложены на основе научного понимания истории.

Он великолепно владеет всеми частями научного понимания истории и использует их в практической деятельности по развитию России по всем законам природы и истории человечества. И мы увидим, что получалось это у него - превосходно.

В «Диалектике истории человечества» мы, опираясь на классиков научного понимания истории, в том числе и Ленина, показали, что природа – процесс процессов. Процесс есть любое действие и противодействие, происходящее в природе и истории человечества. Именно это свойство природы позволяет человеку научно овладеть законами природы и истории человечества независимо от воли и сознания людей, уйти от субъективного изучения истории людей и природы. Именно процессы порождают изменения, движения, самодвижение и развитие в природе и истории людей. Наиболее общие процессы в истории человечества на ступени неравенства, цивилизации проявляются как борьба классов. Движущей силой процесса развития человечества является борьба таких противоположных классов как свободный и раб, патриций и плебей, феодал и крепостной, мастер и подмастерье, буржуа и пролетарий. Об этом писали Маркс и Энгельс в «Манифесте», а мы детализируем всё это в своей «Диалектике истории человечества». В период сталинизма и КПСС теория классовой борьбы, как центр тяжести марксизма, была под негласным запретом.

Центром тяжести марксизма называет теорию классовой борьбы Ленин. Энгельс

утверждает, что с открытием теории классовой борьбы Маркс сделал открытие равное открытию Коперника и Дарвина, что с этого времени история стала точной наукой.

Правда буржуазия сейчас, как и сто пятьдесят лет тому назад, утверждает, что история как наука невозможна. Да это и понятно, так как научное понимание истории выносит ей смертный приговор.

Наоборот, рабочему классу научная история указывает пути выхода из своего рабского состояния, а также пути избавления всего человечества от эксплуатации, разрушительных войн и всеобщему процветанию жизни людей на нашей планете.

Ленин, со студенческих лет, овладевавший научным пониманием истории, знанием развития человечества вследствие борьбы классов, с молодых лет организовал руководство народными массами, творцами истории, на борьбу с мировым капитализмом.

В этой борьбе классов как процессе Ленин учитывал весь опыт борьбы всех народов на пути движения вперёд и каждый год, исходя из задач практической борьбы, совершенствовал научное понимание истории, науку об общих законах философию, теорию классовой борьбы и многие другие стороны научного понимания истории человечества и истории развития природы.

В ответ на брюзжание буржуазных чистоплюев, утверждающих об антигуманности марксистской теории классовой борьбы, нам остаётся утверждать, что только глубокое понимание значения и роли её позволит человечеству с наименьшими жертвами и кровью выбраться из кровавого капиталистического общества с его постоянными войнами, тюрьмами для протестующих угнетённых и судами для всех, кого эксплуатация толкает даже на уголовные преступления.

Не один класс в истории человечества не уступал своего господства добровольно. Он держался до последних сил, часто доводя до гибели свой народ, свою нацию. Это мы показали в своей «Диалектике истории человечества» детально.

История природы и истории человечества есть процесс. Он может быть стихийным и сознательным, когда люди овладевают законами развития истории человечества. Вместе с этим процессом идет в упорнейшей борьбе со старым, становление развитие нового общества. Так было в прошлой истории человечества. Так будет до тех пор, пока существует частная собственность и эксплуатация, самые антигуманные явления между людьми на ступени цивилизации.

Овладев пониманием законов истории, усвоив теорию классовой борьбы, Ленин, создав партию рабочего класса, организовал народные массы России и ряда других стран, осуществил взятие власти в России. Эта власть к рабочему классу, партии большевиков случайно не свалилась с небес и царского трона, а завоёвана в упорной научно организованной классовой борьбе.

И мы ставим своей задачей раскрыть эту борьбу, действие и противодействие двух частей российского общества как процесс. Делается эта попытка впервые с момента запрета марксизма, научного понимания истории Сталиным в 1931 году.

§ 1 Объективные противоречия капитализма в России как источник для зарождения процесса борьбы пролетариата против царизма

Мы начинаем исследование революционной борьбы русского народа против эксплуатации его царизмом и буржуазией.

Естественно встает вопрос: имеет ли народ основания для подобных действий? Гуманно ли такое действие, которое приводит к человеческим жертвам в десятки, сотни

тысяч людей?

Исходить мы здесь должны из объективных законов развития природы и общества – диалектики. Развитие в природе и истории человечества происходит из диалектических противоречий, которые проявляют себя как процесс. Внутренние противоречия капитализма, обусловленные частной собственностью на основные средства производства, эксплуатация, нищета, смертность, войны – неизбежно порождают недовольство, ненависть к капитализму. Всё это порождает борьбу классов. Борьба эта очень жестокая, она ведет не только к огромным жертвам в обществе, но часто и к его гибели. Научно понимая эти последствия, ученые – люди, владеющие научным пониманием истории – сознательно идут на организацию этой борьбы, чтобы наименьшей кровью избавить человечество от таких трагедий. Так будет продолжаться, пока не исчезнет эксплуатация на земле. Эксплуататоры никогда не согласятся с такими выводами ученых, никогда добровольно не откажутся от порабощения одних классов другими. Ради этого они готовы на всё – вплоть до сознательного уничтожения революционных классов в мировых войнах. Как это было во время Первой и Второй мировых войн.

К сожалению, вся история человечества на ступени неравенства, т.е. цивилизации «мчит свою колесницу по человеческим трупам». Неравенство между людьми является источником всех войн между гражданами в одной стране, и войнами между народами. И народы в силу отчаяния, безысходности, ненависти между богатыми и бедными, начинают борьбу между различными классами в отдельных странах. Эта борьба классов бывает «жестокой и бессмысленной» у одних народов и источником прогресса – у других. Об этом говорят все факты прошлой истории у всех народов. Через все тома нашей «Диалектики истории человечества» мы это раскрыли через труды самых выдающихся историков всех народов.

Мало того, историки, ученые Европы показали, что те народы, которые не боролись со старым миром, старыми, отживающими классами у себя дома, погибали в силу своего внутреннего разложения. Примеров этому мы в своих предыдущих томах прошлой работы мы привели предостаточно.

Ленин, который в совершенстве овладел научным пониманием истории уже в 25 лет, сразу поставил перед собой цель через классовую борьбу избавить эксплуатируемые классы России от эксплуатации феодализма и капитализма в своей стране, с перспективой – осуществит это в масштабах всего человечества. Надо признать, на основе научного понимания истории получилось это у него грандиозно. Не его вина, что после смерти, власть оказалась в руках мелкой буржуазии, бюрократии, которые сделали за 80 лет всё, чтобы вернуть Россию в капитализм с его существенными противоречиями и страданиями для простых граждан.

В последующих томах мы покажем его научную практику по созданию нового общества, которое с железной необходимостью вырастает в жесточайшей борьбе со старыми отживающими классами не только в России, но и на всей планете.

Читателю, чтобы разораться в научной практике Ленина, его партии, нужно хорошо владеть научным пониманием истории. Через все тома нашей прошлой работы мы старались помочь в этом нашему пролетарскому читателю.

Эксплуататорским классам научное понимание истории для своего благополучия не нужно. Оно его не устраивает. Даже все бывшие академики, профессора бывшей КПСС пришли к выводу, что научное понимание истории невозможно. Такова диалектика взаимоотношений между богатыми и бедными на ступени цивилизации в истории.

Другого мнения были гениальнейшие исследователи в истории человечества с древнейших времен. Выше мы это показали в томах нашей ранней многотомной работы.

Теперь нам очень полезно проследить научную революционную практику на опыте рабочей, коммунистической (большевистской) партии в России. Другого подобного опыта человечество больше не знает. Более того, этот опыт сталинизм и КПСС залили кровью членами партии большевиков, а научные труды по научному пониманию истории скрывались 80 лет в спецхранах НКВД.

Итак, мы приглашаем своих читателей к освоению новых научных знаний в области истории, которые кроме как в истории России мы не найдём нигде. Начнем же мы с объективных причин, предпосылок, которые толкали русский народ к борьбе против эксплуатации. Оставалось только осуществить научно их организацию, борьбу. И как это сделал Ленин, созданная им партия, мы увидим в десятке новых томов.

§ 2. Объективные противоречия внутри капиталистического общества, как источник отрицания капитализма и толкающие народные массы на противодействие ему

Весьма обстоятельно об источнике противоречий капитализма порождающих борьбу пролетариата против капитализма показал Ленин в 1900-м году. «Ответе г. П. Нежданову». Ленин писал, что в «№ 4-м «Жизни» г. П. Нежданов разбирает мою и других авторов статьи о теории рынков. Я намерен ответить только на это утверждение г-на П. Нежданова, именно на то, что Я «искажил свою борьбу против теории третьих лиц» своей статьей в № 1 «Научного Обозрения» за текущий год. Что касается до остальных вопросов, поставленных г. П. Неждановым относительно теории рынков и в частности взглядов П. Б. Струве, то я ограничусь ссылкой на свою статью в ответ Струве («Еще к вопросу о теории реализации»; напечатание ее в «Научном Обозрении» замедлилось по обстоятельствам, от автора не зависящим).

Г-н П. Нежданов утверждает, что «капиталистическое производство никаким противоречием между производством и потреблением не страдает». Из этого он выводит, что, признавая это противоречие, «Маркс страдал серьезным внутренним противоречием, и что я повторяю ошибку Маркса».

Я считаю совершенно ошибочным (или основанным на недоразумении) мнение г. П. Нежданова и не могу видеть никакого противоречия во взглядах Маркса, продолжает Ленин.

Утверждение г. П. Нежданова, что в капитализме нет никакого противоречия между производством и потреблением, настолько странно, что его можно объяснить только совершенно *особым смыслом*, который придан им понятию «противоречие». Именно г. П. Нежданов думает, что «раз действительно существует противоречие между производством и потреблением, — это противоречие должно систематически давать избыточный продукт». Это совершенно произвольное и, по-моему, совершенно неправильное толкование. Критикуя мои утверждения о противоречии между производством и потреблением в капиталистическом обществе, г. П. Нежданов должен был (думается мне) изложить читателю, как я понимаю это противоречие, не ограничиваясь изложением своего взгляда на сущность и значение этого противоречия. Вся суть вопроса (вызвавшего полемику г. П. Нежданова против меня) в том-то и состоит, что я понимаю рассматриваемое противоречие совершенно не так, как хочет понимать его г. П. Нежданов. Я нигде не говорил, что это противоречие должно *систематически* давать избыточный продукт; я этого не думаю, и подобного взгляда нельзя вывести из слов Маркса. Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму, состоит в том, что производство растет с громадной быстротой, что конкуренция сообщает ему тенденцию безграничного расширения, тогда как потребление (личное), если и растет, то крайне слабо; пролетарское состояние народных масс не дает возможности быстро расти личному потреблению. Мне кажется, что всякий,

внимательно прочитавший стр. 20 и 30 моих «Этюдов» (статья о сисмондистах, цитируемая г. П. Неждановым) и стр. 40 «Научного Обозрения» (1899 г., № 1), убедится в том, что я с самого начала *только такой смысл* и придавал противоречию между производством и потреблением в капитализме. Да и нельзя придать этому противоречию иного смысла, если держаться строго теории Маркса. Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму, состоит только в том, что растет национальное богатство рядом с ростом народной нищеты, растут производительные силы общества без соответствующего роста народного потребления, без утилизации этих производительных сил на пользу трудящихся масс. Понимаемое в этом смысле рассматриваемое противоречие есть не подлежащий никакому сомнению, подтверждаемый ежедневным опытом миллионов людей факт, и именно наблюдение этого факта приводит работников ко взглядам, нашедшим полное и научное выражение в теории Маркса. Это противоречие вовсе не ведет необходимо к тому, чтобы систематически производился избыточный продукт (как хочет думать г. Нежданов). Мы вполне можем представить себе (рассуждая чисто теоретически об идеальном капиталистическом обществе) реализацию пест продукта и капиталистическом обществе без всякого избыточного продукта, *но мы не можем представить себе капитализма* без несоответствия между производством и потреблением. Выражается это несоответствие (как ясно показано Марксом в его схемах) в том, что производство средств производства может и должно обгонять производство предметов потребления.

Таким образом, г. Нежданов совершенно ошибочно заключил, что противоречие между производством и потреблением должно систематически давать избыточный продукт, и из этой ошибки вытекло его несправедливое обвинение Маркса в непоследовательности. Напротив, Маркс остается строго последовательным, когда показывает:

1) что продукт *может* быть реализован в капиталистическом обществе (разумеется, при предположении пропорциональности между различными отраслями промышленности); что для объяснения этой реализации ошибочно было бы привлекать внешнюю торговлю или «третьих лиц»;

2) что теории мелкобуржуазных экономистов (а 1а Прудон) относительно невозможности реализовать *сверхстоимость* покоятся на полном непонимании самого процесса реализации вообще;

3) что даже при вполне пропорциональной, идеально гладкой реализации мы не можем представить себе капитализма без противоречия между производством и потреблением, без того, чтобы гигантский рост производства не совмещался с крайне слабым ростом (или даже застоем и ухудшением) народного потребления. Реализация происходит больше на счет средств производства, чем на счет предметов потребления — это ясно следует из схем Маркса; а из этого, в свою очередь, вытекает с неизбежностью, что «чем больше развивается производительная сила, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления» (Маркс). Из всех мест «Капитала», посвященных вопросу о противоречии между производством и потреблением, ясно видно, что *только в таком смысле* Маркс и понимал противоречие между производством и потреблением.

Между прочим, г. П. Нежданов думает, что г. Туган-Барановский тоже отрицает противоречие между производством и потреблением в капиталистическом обществе. Я не знаю, верно, ли это. Г-н Туган-Барановский сам привел в своей книге схему, показывающую возможность роста производства при сокращении потребления (и это, действительно, возможно и случается при капитализме). Неужели можно отрицать, что здесь мы видим противоречие между производством и потреблением, хотя избыточного продукта здесь нет?

Обвиняя Маркса (и меня) в непоследовательности, г. П. Нежданов кроме того упустил из виду, что для обоснования своей точки зрения он должен бы был выяснить, как же следует понимать «независимость» производства средств производства от производства предметов потребления. По Марксу, эта «независимость» ограничивается тем, что известная (и постоянно возрастающая) часть продукта, состоящего в средствах производства, реализуется обменами внутри данного подразделения, т. е. обменами средств производства на средства

производства (или обращением добытого продукта *in natura* на новое производство); но в *конечном счете* изготовление средств производства необходимо связано с изготовлением предметов потребления, ибо средства производства изготавливаются не ради самих же средств производства, а лишь ради того, что все больше и больше средств производства требуется в отраслях промышленности, изготавливающих предметы потребления. Таким образом, отличие взглядов мелкобуржуазных экономистов от взглядов Маркса состоит не в том, что первые признавали вообще связь между производством и потреблением в капиталистическом обществе, а второй отрицал вообще эту связь (это было бы абсурдом). Различие состоит в том, что мелкобуржуазные экономисты считали эту связь производством и потреблением *непосредственной*, думали, что *производство идет за потреблением*. Маркс показал, что эта связь *лишь посредственная*, что *сказывается она лишь в конечном, счете*, ибо в капиталистическом обществе *потребление идет за производством*. Но хотя и посредственная, а все-таки связь есть; потребление в конечном счете должно идти за производством, и, если производительные силы рвутся к безграничному росту производства, а потребление сужено пролетарским состоянием народных масс, то противоречие здесь несомненно. Это противоречие не означает невозможности капитализма, но оно означает необходимость превращения в высшую форму: чем сильнее становится это противоречие, тем дальше развиваются как объективные условия этого превращения, так и субъективные условия, т. е. сознание противоречия работниками. Спрашивается теперь, какое же положение мог бы занять г. Нежданов по отношению к вопросу о «независимости» средств производства от предметов потребления? Одно из двух: или он станет совершенно отрицать всякую зависимость между ними, станет утверждать возможность реализации средств производства, *совершенно не связывающихся* с предметами потребления, не связывающихся даже и «в конечном счете», — и тогда он неизбежно придет к абсурду, или же он признает, вслед за Марксом, что в конечном счете средства производства связаны с предметами потребления, — и тогда он должен признать правильность моего понимания теории Маркса.

Возьму пример, чтобы иллюстрировать, в заключение, абстрактные рассуждения конкретными данными. Известно, что в каждом капиталистическом обществе употреблению машин мешает часто непомерно низкая заработная плата (= низкий уровень потребления народных масс). Мало того: бывает даже так, что приобретенные предпринимателями машины бездействуют, ибо цены на рабочие руки падают до того, что хозяину выгоднее становится ручная работа! Наличие противоречия между потреблением и производством, между стремлением капитализма безгранично развивать производительные силы и ограничением этого стремления пролетарским состоянием, нищетой и безработицей народа, ясна в этом случае, как день. Но не менее ясно, что из этого противоречия правильно будет делать единственно лишь тот вывод, что уже самое развитие производительных сил с неудержимой силой должно вести к замене капитализма хозяйством ассоциированных производителей. Наоборот, было бы совершенно ошибочно делать из этого противоречия тот вывод, что капитализм должен *систематически* давать избыточный продукт, т. е. что капитализм вообще не может реализовать продукта, не может, поэтому играть никакой прогрессивной исторической роли и т. п.

§ 3. Торгово – промышленный кризис в России 1899-1901 г. и уроки кризиса

К началу противодействия, борьбе против существующего строя всегда предшествуют не только глубинные, сущностные причины, но и поверхностные кратковременные кризисы. О наличии такого кризиса в 1899 -1901 году пишет Ленин.

«Вот уже почти два года, как тянется торгово-промышленный кризис. И он, по-видимому, все разрастается, захватывая новые отрасли промышленности, распространяется на новые районы, обостряется новыми банковыми крахами. Наша газета, начиная с декабря

прошлого года, в каждом номере отмечала так или иначе развитие кризиса и его гибельные действия. Пора поставить общий вопрос о причинах и значении этого явления. Для России оно сравнительно ново, как нов и весь наш капитализм. В старых же капиталистических странах, т. е. в таких странах, в которых большинство продуктов производится на продажу, в которых большинство рабочих не имеет ни земли, ни орудий труда и продает свою рабочую силу, нанимаясь в чужие хозяйства, нанимаясь к собственницам, владеющим землей, фабриками, машинами и проч., и капиталистических странах кризис есть явление старое, повторяющееся от времени до времени, Как припадок хронической болезни. Кризисы можно, поэтому предсказывать, и, когда в России стал особенно быстро развиваться капитализм, — в социал-демократической литературе был предсказан и теперешний кризис. В брошюре «Задачи русских социал-демократов», написанной в конце 1897 г., говорилось: «В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла (оборота, повторяющего одни и те же события, как повторяются зима и лето), когда промышленность «процветает», торговля идет бойко, фабрики работают вовсю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием» промышленности. Такой крах разорит массу мелких хозяйчиков, бросит массы рабочих в ряды безработных...». И крах наступил — такой крутой, какого еще Россия не видывала. От чего же зависит эта ужасная хроническая болезнь капиталистического общества, возвращающаяся так правильно, что ее можно предсказывать?

Капиталистическое производство не может развиваться иначе, как скачками, два шага вперед и шаг (а иногда и целых два) назад. Как мы уже заметили, капиталистическое производство есть производство на продажу, производство товаров на рынок. А распоряжаются производством отдельные капиталисты, каждый поодиночке, и никто не может в точности знать, сколько именно и каких именно продуктов требуется на рынке. Производят наугад, заботясь только о том, чтобы перегнать друг друга. Вполне естественно, что количество произведенного может не соответствовать потребности рынка. И эта возможность особенно велика, когда громадный рынок внезапно расширяется на новые, неизведанные и громадные области. Так именно обстояло дело, когда начиналось недавно пережитое нами «процветание» промышленности. Капиталисты всей Европы протянули лапы к населенной сотнями миллионов части света, к Азии, в которой до тех пор только Индия да небольшая часть окраины была связана тесно со всемирным рынком. Закаспийская дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию, «Великая Сибирская дорога» (великая не только по своей длине, но и по безмерному грабежу строителями казенных денег, по безмерной эксплуатации строивших ее рабочих)

открывала Сибирь, Япония стала превращаться в промышленную нацию и попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии. Постройки гигантских железных дорог, расширение всемирного рынка и рост торговли — все это вызвало неожиданное оживление промышленности, рост новых предприятий, бешеную погоню за рынком для сбыта, погоню за прибылью, основание новых обществ, привлечение к производству массы новых капиталов, составленных отчасти и из небольших сбережений мелких капиталистов. Неудивительно, что эта бешеная всемирная погоня за новыми неизвестными рынками привела к громадному краху.

Чтобы ясно представить себе эту погоню, надо принять во внимание, какие колоссы участвовали в ней. Когда говорят: «отдельные предприятия», «одиначные капиталисты», то часто забывают, что в сущности эти выражения неточны. В сущности, отдельным и одиначным осталось только присвоение прибыли, а само производство стало общественным. Гигантские крахи только потому и стали возможны и неизбежны, что в подчинении у шайки богачей, ищущих одной наживы, оказались могучие *общественные* производительные силы. Поясним это примером из русской промышленности. В последнее время кризис распространился и на область нефти. А в этой промышленности ворочают такие, напр., предприятия, как «Товарищество нефтяного производства бр. Нобель». В 1899 г. товарищество продало 163 млн. пуд. нефтяных продуктов на сумму 53,5 млн. руб., а в 1900 г. уже 192 млн. пуд. на сумму 72 млн. руб. В один год увеличение производства в одном предприятии на 18¹/₂ млн. руб.! Такое «одно предприятие» держится объединенным трудом десятков и сотен тысяч рабочих, занятых добычей нефти, переработкой ее, доставкой ее по нефтепроводам, железным дорогам, морям и рекам, запятым постройкой необходимых для этого машин, складов, материалов, барж, пароходов и пр. Все эти десятки тысяч рабочих работают на все общество, а распоряжается их трудом горсточка миллионеров, которая присваивает себе всю прибыль, приносимую этим организованным трудом масс. (Т-во Нобель получило чистой прибыли в 1899 г. — 4 млн. руб., а в 1900 г. — 6 млн. руб., из которых акционеры получили по 1300 руб. на пай в 5000 руб., а пять членов правления получили *награды* 528 000 руб.!) Если несколько таких предприятий бросаются в бешеную гонку для захвата места на неведомом рынке, то удивительно ли наступление кризиса?

Мало того. Чтобы получилась прибыль от предприятия, надо продать товары, найти покупателей. И покупателем должна быть вся масса населения, потому что громадные предприятия производят горы и горы продуктов. А во всех капиталистических странах девять десятых населения состоит из нищих: из рабочих, получающих самую скудную заработную плату, из крестьян, живущих в массе еще хуже рабочих. И вот, когда крупная промышленность во время процветания размахивается произвести как можно больше, — она выбрасывает на рынок такую массу продуктов, что за них не в состоянии заплатить неимущее большинство народа. Количество машин, орудий, складов, железных дорог и проч. все возрастает, но это возрастание от времени до времени прерывается, потому что масса народа, для которого, в конце концов, предназначены все эти улучшенные способы производства, остается в бедности, доходящей до нищенства. Кризис показывает, что современное общество могло бы производить несравненно больше продуктов, идущих на улучшение жизни всего трудящегося народа, если бы земля, фабрики, машины и проч. не были захвачены кучкой частных собственников, извлекающих миллионы из народной нищеты. Кризис показывает, что рабочие не могут ограничиться борьбой за отдельные уступки со стороны капиталистов: во время оживления промышленности такие уступки можно завоевать (и русские рабочие своей энергичной борьбой не раз завоевывали себе уступки в 1894—1898 гг.), — но приходит крах, и капиталисты не только отбирают назад данные ими уступки, но и пользуются беспомощностью рабочих для еще большего понижения платы. И так неизбежно будет продолжаться до тех пор, пока армии социалистического пролетариата не низвергнут господства капитала и частной собственности. Кризис показывает, как близоруки были те социалисты (называющие себя «критиками», должно быть, на том основании, что они без критики перенимают учения буржуазных экономистов), которые два года тому назад шумно заявляли о том, что крахи становятся теперь менее вероятными.

Уроки кризиса, разоблачающего всю нелепость подчинения общественного производства частной собственности, так назидательны, что теперь и буржуазная печать требует усиления надзора — напр., над банками. Но никакой надзор не помещает капиталистам основать во время оживления такие предприятия, которые неминуемо потом банкротятся. Алчевский, бывший основателем обанкротившихся земельного и торгового банков в Харькове, доставал себе правдами и неправдами миллионы рублей для основания и поддержки горнопромышленных предприятий, суливших золотые горы. И заминка в промышленности погубила эти банки и горные предприятия (Донецко-Юрьевское общество). Но что означает эта «гибель» предприятий в капиталистическом обществе? Это означает, что слабые капиталисты, капиталисты «второй величины», вытесняются более солидными миллионерами. Харьковского миллионера Алчевского заменяет московский миллионер Рябушинский, который, как более богатый капиталом, будет еще сильнее давить на рабочего. Замена второстепенных богачей первостепенными, увеличение силы капитала, разорение массы мелких собственников (напр., мелких вкладчиков, теряющих с крахом банка все имущество), страшное обнищание рабочих — вот что ведет за собой кризис. Напомним еще описанные в «Искре» случаи, что капиталисты удлинняют рабочий день и стараются при расчете заменить сознательных рабочих более покорными сермягами.

В России вообще действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране. К застою в промышленности присоединяется у нас голодовка крестьян. Безработных рабочих высылают из городов в деревни, но куда будут высылают безработных крестьян? Высылкой рабочих хотят очистить от беспокойного народа города, но, может быть, высылаемым удастся пробудить хоть часть крестьян от их вековой покорности и поднять их на заявления не одних только просьб, но и *требований*? Рабочих и крестьян сближает теперь не только безработица и голод, но также и тот полицейский гнет, который отнимает у рабочих возможность соединения и защиты, отнимает у крестьян даже приходящую к ним от доброхотных жертвователей помощь. Тяжелая полицейская лапа становится во сто раз тяжелее для миллионов народа, потерявшего всякие средства к жизни. Жандармы и полиция в городах, земские начальники и урядники в деревнях ясно видят, что ненависть к ним растет, и они начинают бояться не только деревенских столовых, но и газетных объявлений о сборе пожертвований. Боязнь пожертвований! И вправду, верно, на воре шапка горит. Когда вор видит, что обокраденному им человеку прохожий протягивает подаяние, — вору начинает казаться, что они подают друг другу руки, чтобы общими силами расправиться с ним.

§ 4. Экономическая основа самодержавия в эпоху монополистического капитализма

Разбирая историю России как процесс, как действие и противодействие двух сторон, мы должны рассмотреть силы обеих сторон. И, конечно мы начинаем с более сильной, старой, консервативной стороны — царизма. Поможет нам в этом весьма объективная работа Давидовича.

Сущность царского абсолютизма невозможно понять без выяснения его конкретной

экономической основы.

В царской России, где после отмены в 1861 г. крепостного права быстрыми темпами рос капитализм, изменения в политической и юридической надстройке происходили очень медленно, заняв две исторические эпохи: домонополистического капитализма и империализма. Одна из решающих причин столь значительной задержки переворота в надстройке — это то, что самодержавие и при империализме сохранило мощную материальную основу. Ведь и в эпоху империализма «Россия оставалась страной с сильными феодально-крепостническими пережитками».

§ 4. 1. Главная материальная основа самодержавия

Методологический ключ к выяснению материальной основы самодержавия содержится в выводе К. Маркса о том, что во Франции при Бурбонах, т. е. во времена абсолютизма, «властвовала *крупная земельная собственность*», что «легитимная монархия была лишь политическим выражением наследственной власти собственников земли, подобно тому как Июльская монархия — лишь политическим выражением узурпаторской власти буржуазных выскочек». Сторонники Бурбонов и орлеанисты были разъединены «двумя различными видами собственности... старой противоположностью между городом и деревней, соперничеством между капиталом и земельной собственностью».

Царское самодержавие на протяжении всей своей более чем двухсотлетней истории могло существовать прежде всего потому, что было политическим выражением власти крупных земельных собственников-дворян, державших в своих руках многомиллионное крестьянство. В. И. Ленин в статье «Крепостники за работой» (сентябрь 1901 г.), характеризуя земельную политику самодержавия как крепостническую, показал, что царскому «правительству нужна опора в азиатском крупном землевладении». В эпоху империализма самодержавие, разумеется, нуждалось уже не только в этой опоре, однако она оставалась его главной материальной основой.

В книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 — 1907 годов» (ноябрь—декабрь 1907 г.) В. И. Ленин, отметив, что гвоздем борьбы являются крепостнические латифундии, определил их как самое выдающееся воплощение и самую крепкую опору остатков крепостничества в России. Они эволюционировали капиталистически, путем постепенной замены отработок вольнонаемным трудом, но эта эволюция была крайне медленной". В России развитие аграрного капитализма шло, имея во главе помещичьи латифундии, лишь постепенно становившиеся все более буржуазными, лишь постепенно заменявшие крепостнические приемы эксплуатации капиталистическими. Капиталистическая перестройка помещичьих латифундий происходила при искусственном поддержании феодальной монополии помещиков на лучшую часть земельного фонда Европейской России и при обеспечении латифундистам особых привилегий. Этим в немалой степени объясняется то, что она шла крайне медленно.

Развернутая характеристика крупного полукрепостнического помещичьего землевладения в царской России XX в. содержится в трудах В. И. Ленина, который, тщательно проанализировав официальную статистику землевладения 1905 г., установил, что 30 тыс. крупнейших помещиков владели 70 млн. десятин лучших земель, тогда как 10,5 млн. крестьянских дворов имели всего 75 млн. десятин. Почти $\frac{2}{3}$ латифундистов являлись потомственными дворянами-крепостниками. В среднем на каждого из латифундистов

приходилось по 2200 десятин земли, средний же размер мелкого крестьянского владения составлял 7 десятин. Следует учитывать также, что в частной собственности членов царской фамилии находилось 7 млн. десятин земли. Это были так называемые удельные земли, которыми ведало главное управление уделов. Доходы с них не включались в государственный бюджет, так как служили «к обеспечению на всегдашнее время состояния императорской фамилии», не считая колоссальных окладов, которые получал каждый из ее членов. Нигде в мире не имелось крупного частного землевладения таких чудовищных размеров.

Под влиянием развития капитализма, превращения земли в товар шел непрерывный процесс сокращения дворянского землевладения. Необходимо учитывать, что ценность земли, сохранившейся у дворянства, уже в 1912 г. была в несколько раз больше того, что стоила вся земельная площадь, которой дворяне владели в начале 60-х годов XIX в. Колоссальные суммы, вырученные «благородными» от продажи части своей земли по резко выросшим к этому времени ценам, пошли в своей значительной части на увеличение их и без того колоссальной экономической мощи и политического влияния.

Помещичье землевладение вплоть до его ликвидации на основе Декрета о земле, принятого II Всероссийским съездом Советов, оставалось гигантским. В апреле 1917 г. Ленин констатировал факт, что «гигантское землевладение крепостников-помещиков не ликвидировано». Бичуя буржуазное Временное правительство, Ленин писал, что оно «помещичьего землевладения, этой материальной основы крепостнического царизма ...не трогает». В 1912 г. землевладение и привилегии крепостников-помещиков Ленин охарактеризовал как феодализм. Это был феодально-крепостнический уклад, архаичная структура в системе российской капиталистической формации, один из укладов в многоукладной капиталистической системе России.

Это необходимо подчеркнуть, поскольку в современной литературе встречается взгляд, что аграрный строй России вплоть до 1917 г. оставался полукрепостническим и крепостнический уклад в деревне был господствующим. Данная концепция была подвергнута обстоятельному критическому разбору.

Еще в труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин доказал, что развитие аграрных отношений в стране шло капиталистически и в помещичьем хозяйстве, и в крестьянском. Этот вывод Ленин подтвердил в декабре 1909 г. в письме И. И. Скворцову-Степанову. Другое дело, что в России того времени капиталистические аграрные порядки «далеко еще не сложились», поскольку продолжалась борьба «двух путей или методов *капиталистического аграрного развития*». Благодаря мощной поддержке правительственного лагеря, преобладал прусский, т. е. помещичий, путь *буржуазной* аграрной эволюции, помещичий путь развития *капитализма* в России.

Капитализм бывает разный. В. И. Ленин четко разграничивал два вида аграрного капитализма. Первый — помещичий, полуфеодальный, пуришкевичевски - гучковский. Его характерные черты: тьма остатков всяких привилегий, наибольшая реакционность и наибольшая мучительность для народной массы. Второй — капитализм свободных фермеров, народнически-крестьянский. Его особенности: наибольшая демократичность, меньшая мучительность для массы, наименьшие остатки привилегий.

К первому, помещичьему, капитализму и относились полуфеодальные хозяйства крепостников-помещиков. В предисловии ко второму изданию «Развития капитализма в России» (июль 1907 г.) Ленин дал развернутую характеристику капиталистической эволюции таких старых помещичьих хозяйств (прусский путь). Тысячами нитей связанные с крепостным правом, они сохранялись, медленно превращаясь в чисто капиталистические

«юнкерские» хозяйства. Основой их окончательного перехода от отработочной системы к капиталистической было внутреннее преобразование крепостнического помещичьего хозяйства. При этом сохранялась главная масса помещичьего землевладения и главные устои старой «надстройки», т. е. царского самодержавия и права.

Полукрепостническое землевладение и царская монархия были неразрывно связаны. И самодержавие, как свидетельствует вся его политика при империализме, и крепостники-помещики отлично понимали это. Их идеологи: князь В. П. Мещерский, М. Е. Катков, Н. А. Павлов, К. П. Победоносцев, И. Н. Дурново и другие — «оправдывали» существование крупного дворянского землевладения ссылками на то, что оно служит опорой самодержавного престола.

Представители крепостнического дворянства критиковали царское правительство справа за якобы недостаточную заботу об упрочении помещичьего хозяйства. Типичным примером такой критики царизма справа может служить записка 27 губернских предводителей дворянства

«О нуждах дворянского землевладения», поданная Николаю II в 1896 г. Жалуясь на «оскудение» дворян-землевладельцев, на будто бы «близкое уже состояние разорения» их, записка гневно «объясняла» это тем, что правительство якобы недостаточно блюдет интересы «благородного» сословия.

Полную беспочвенность таких упреков раскрыл министр финансов С. Ю. Витте в замечаниях на записку, подготовленных им по поручению царя. Опираясь на неопровержимыми цифрами, он показал, что царизм, напротив, использует «все возможные средства», чтобы сохранить и укрепить землевладение дворянства и тем самым обеспечить сохранение последнего «экономически сильным сословием».

Один из наиболее реакционных сановников царизма В. И. Гурко открыто предупреждал, что передача помещичьей земли крестьянам приведет самодержавное государство «к полному крушению». Вплоть до 1917 г. крепостники продолжали отстаивать выдвинутое ещё в конце прошлого столетия князем В. П. Мещерским требование к правительству быть неистощимым в снисходительности и помощи дворянам-помещикам, чтобы они смогли удержать свои имения, поскольку в этом деле самодержавию выгодно даже идти дальше возможного и законного. Царизм с готовностью шел навстречу этим домогательствам наперекор потребностям развития капитализма в стране. Приведем типичный пример. Столп дворянской реакции И. П. Дурново в поданной им в апреле 1897 г. царю записке о положении и роли дворянства уверял, что потеря дворянством земли повлечет его деклассирование, исчезновение опоры самодержавия. Для предотвращения такого «бедствия» Дурново считал нужным ввести единонаследие дворянских земель и осуществить ряд других крупных мер, для выработки которых он предлагал создать Особое совещание по делам дворянского сословия. И по распоряжению Николая II было учреждено Особое совещание по делам дворянства, работавшее почти 5 лет (май 1897 г.— январь 1902 г.).

Направление всей деятельности Совещания определялось тем, что имелась налицо, как заявил на одном из заседаний Витте, «категорически высказанная государем императором воля о поддержке экономических сил дворянского сословия». Царская воля отвечала чаяниям ультраконсервативного крепостнического большинства Совещания. В представленном Николаю II журнале Совещания, содержащем изложение его программы, безоговорочно заявлялось, что дворянство, как одно из «главнейших устоев государственного здания», «необходимо сохранить от разрушения и упрочить, без чего едва

ли возможно будет сохранить само здание в том виде, в каком оно существует уже несколько веков». Но сохранить в прежнем виде дворянские латифундии в условиях их хотя и медленной, по неуклонной эволюции по прусскому пути развития капитализма было чистой утопией.

Примером, ярко характеризующим всю деятельность Совещения, а также политику самодержавия в отношении крупного дворянского землевладения, может служить обсуждение и решение вопроса о развитии помещного землевладения в Сибири. Мнение реакционнейшего большинства Совещения выразил министр внутренних дел Сипягин, предложив, чтобы через весь законопроект по этому вопросу «красной нитью проходила мысль о льготах для потомственных дворян», а «важнейшее право арендовать государственную землю в Сибири было бы предоставлено исключительно дворянам». Предложение Сипягина было принято Совещением и легло в основу закона от июня 1901 г. об отводе частным лицам казенных земель в Сибири.

Закон установил, что землевладение в Сибири будет преимущественно дворянским и очень крупным — имения до 3 тыс. десятин, а с «высочайших разрешений» и в большем размере. Крестьянину же нарезалось в Сибири только 15 десятин земли на семью, т. е. в 200 раз меньше, чем дворянину. Поскольку в XX в. уже нельзя было открыто раздавать населенные крестьянами имения и раздаривать царским приближенным тысячи десятин, закон указал обходные пути: отводимые для дворянских хозяйств земли прямо предписывалось нарезать «вперемежку с площадями, наделенными крестьянам». Крестьяне, таким образом, вынуждались идти в кабалу к соседнему помещику. Раздаривание же земель закон прикрыл сдачей в аренду на 99 лет «благородным» колоссальных имений по символическим ценам да еще предоставил им массу льгот.

Это был, как показал В. И. Ленин, крепостнический закон. Изданный в эпоху империализма, он наглядно демонстрирует классовую сущность царского законодательства и показывает, как оно обеспечивало развитие дворянского землевладения по прусскому пути. Закон также свидетельствует о том, что царизм продолжал смотреть на полукрепостнические латифундии как на свою главную материальную основу.

Вопрос о социально-экономической природе дворянских латифундий стал предметом острой полемики между большевиками и меньше пиками-ликвидаторами. Вскрывая экономические корни самодержавия, большевики подчеркивали полукрепостнический характер основной массы дворянских латифундий. Ликвидаторы же, вопреки фактам, изображали дворянское землевладение после 1905 — 1907 гг. и в связи с этим царскую монархию как уже ставшие буржуазными. Таким путем, выдавая направление развития самодержавия и его экономической основы за якобы уже наступивший финал этого процесса, ренегаты стремились внушить рабочим, что происшедшие (под пером ликвидаторов) коренные перемены в социально-экономическом типе помещичьего хозяйства делают экономически возможным обойтись без революции.

Революция 1905 — 1907 гг. показала объективную невозможность сохранения архаического аграрного строя, важными составными частями которого были эволюционировавшие по прусскому пути полукрепостнические латифундии и сословная крестьянская община, обеспечивавшая соседнего латифундиста дешевыми рабочими руками. Крестьянские восстания лучше всего убедили абсолютизм в том, что полу крепостное землевладение и землепользование не могут более служить ему надежной опорой и необходима их ломка. Но она могла быть произведена или сверху, по-помещичьи, или снизу, путем крестьянской революции, означавшей конфискацию помещичьего землевладения и

передачу всей земли крестьянам.

Испытывая смертельный страх перед перспективой победы революции, самодержавие сделало еще один шаг вперед по так называемому прусскому пути развития аграрного капитализма. Первый шаг по этому пути был сделан в 1861 г. отменой крепостного права. Новым шагом явилось столыпинское аграрное законодательство, начало которому положил указ 9 ноября 1906 г. Проведение его в жизнь означало насильственное разрушение средневековой крестьянской общины и ускоренное разорение деревни в пользу кучки кулаков, призванных стать маленькими помещиками, «серыми баронами», за счет которых царизм рассчитывал расширить свою социальную базу. При этом дворянские латифундии сохранялись.

Многосторонняя громадная помощь самодержавного государства крепостникам-помещикам хотя и тормозила процесс размывания их латифундий, но остановить его в условиях капиталистической формации была не в состоянии. Столыпинские аграрные законы лишь дали отсрочку гибнущим полукрепостническим латифундиям, подобно тому как «так называемая „крестьянская" (а на деле помещичья реформа 1861 года *дала отсрочку* барщине», сохранив ее в значительной степени в форме отработок (обработка помещичьей земли крестьянами их же инвентарем). Отсрочка состояла в том, что столыпинская аграрная реформа открывала еще один «клапан» и выпустила несколько «пар», но это был последний «клапан», который можно было в той исторической обстановке открыть, не экспроприировав всего помещичьего землевладения. От этой отсрочки гнет латифундий и противоречия в деревне, однако, не уменьшились, а увеличились. Другого же способа сохранить свою главную материальную базу при соотношении классов, сложившемся в России в эпоху монополистического капитализма, у самодержавия уже не было.

Дворянские латифундии, хотя они постепенно и размывались, продолжали оставаться материальной основой царского самодержавия до самого конца его существования. Характерно, что буржуазно-либеральный лагерь, оказавшийся у власти после Февральской революции, заключил союз с явно монархическими элементами и, стремясь к восстановлению монархии, не трогал этой ее основы.

Дворянские латифундии были главной, но не единственной материальной опорой самодержавия.

§ 4. 2. Государственный капитализм как одна из экономических опор самодержавия

Роль одной из экономических опор самодержавия при империализме играло громадное, широко разветвленное государственно-капиталистическое хозяйство, подобного которому в то время не знало ни одно государство.

Многие мелкобуржуазные лидеры отрицали этот факт, поскольку он не укладывался в их оппортунистическую концепцию, абсолютизовавшую известную технико-экономическую отсталость царской России с целью «доказать» отсутствие в стране предпосылок для победоносной социалистической революции. Заметим, что эту их концепцию на все лады перепевают ныне реакционные буржуазные идеологи. Так, Бертран Вольф (США) в своей антикоммунистической книге «Идеология у власти. Размышления о русской революции» уверяет, что накануне первой мировой войны «Россия была слишком отсталой для пролетарской революции».

Цель так называемой доктрины отсталости очевидна любыми путями, не брезгуя

игнорированием и искажением очевидных исторических фактов, опровергнуть всецело подтвержденный жизнью ленинский вывод: «Опыт доказал, что в некоторых весьма существенных вопросах пролетарской революции *всем* странам неизбежно предстоит проделать то, что проделала Россия»,— и «обосновать» свои антинаучные домыслы о том, что такие революции, как русские 1917 г., могут быть только в странах с аграрной экономикой. Тенденциозно преувеличивая отсталость России, современные фальсификаторы нередко ссылаются на Ленина, при этом в корне извращая его положения. В. И. Ленин действительно не раз писал о технико-экономической отсталости страны, бичуя за нее самодержавие, крепостников-помещиков и капиталистов, по он никогда не абсолютизировал ее. Ленин указывал, что в экономике страны сложился «самый передовой промышленный и финансовый капитализм», «новейше-капиталистический империализм», хотя его оплетала особенно густая сеть докапиталистических отношений.

В. И. Ленин высмеял мелкобуржуазных лидеров, которые «не видели» в стране государственного капитализма и приписывали большевикам желание «перемахнуть» через государственный капитализм. В июне 1917 г. Ленин писал: «Возьмите сахарный синдикат или казенные железные дороги в России или нефтяных королей и т. п. Что это такое, как не государственный капитализм? Можно ли „перемахивать“ через то, *что уже существует?*»

Ленин критиковал «полицейских народников», вроде Г. П. Сазонова, и разных кадетр-реформаторов, которые, используя цифры (обычно завышенные) роста государственного капитализма, «доказывали» всемогущество самодержавного государства и строили схемы перехода с его помощью к социализму. Сторонники обеих этих крайностей сходились в том, что, оправдывая свой реформизм, извращали действительное положение и роль государственного капитализма в России.

В историко-юридической литературе вопросы о государственном капитализме в империалистической России и его роли в экономической основе самодержавия обходятся молчанием. Мало внимания уделяют им и историки СССР. Исключение составляют работы И. Ф. Гиндина по вопросам российского государственного капитализма в домонополистический период, которые содержат ценные наблюдения и относительно его развития в эпоху империализма. Обширный фактический материал о состоянии ряда отраслей государственно-капиталистического хозяйства в России на 1 января 1914 г. приведен в фундаментальном статистическом исследовании советского ученого А. Л. Вайнштейна.

Эти данные наглядно показывают, что фундаментом государственно-капиталистического хозяйства служило колоссальное по своим размерам и стоимости имущество Российской империи, которое в нормативных актах часто именовалось казенным, поскольку находилось «в ведомстве казны». Ее право собственности на это достояние состояло «в верховном обладании государственными имуществами, в пользовании или распоряжении оными». Перечень главных объектов этого права собственности дан в Своде законов, определившем их как имущества, не принадлежащие никому в особенности, т. е. ни частным лицам, ни сословиям лиц, ни дворцовому ведомству, ни уделам. Закон отнес к государственным имуществам казенные земли, населенные и ненаселенные, пустопорожные и дикие поля, леса, морские берега, озера, судоходные реки и их берега, большие дороги, казенные здания и заводы с их движимым имуществом и т. п. Порядок управления этими объектами, а также «все права с обладанием их соединенные», регулировались нормами сводом учреждений и уставов о казенном управлении, а по нормами Свода законов гражданских.

Остановимся вкратце на главных составных частях государственно-капиталистического

хозяйства. По переписи 1905 г., государственный земельный фонд в Европейской России составлял 149,3 млн. десятин — 38 % всей ее земельной площади. В ведении казны находилось 60% общей площади лесов страны — около 350 млн. десятин. Известное количество казенных земель и лесов использовало непосредственно государство. Однако большая их часть сдавалась в аренду главным образом крестьянам и относилась к так называемым казенным оброчным статьям, находившимся в ведении министерства земледелия и государственных имуществ и его местных управлений. Доходы казны от оброчных статей быстро возрастали. Казенные земли имели еще и то очень большое значение, что в земледельческих областях Сибири и Средней Азии они представляли собой громадный земельно-колониционный фонд, а в лесных районах — базу для развития лесного хозяйства, лесоперерабатывающей промышленности и экспорта леса, приносившего казне большой доход. Абсолютистскому государству принадлежали горные предприятия и рудники в Сибири, на Алтае, Урале (откуда шли золото, серебро, платина, медь и другие металлы), а также нефтеносные земли в Азербайджане. Однако до 60-х годов XIX в. это было государственно-феодалное хозяйство, приносившее самодержавному государству феодальную ренту в различных ее формах. Экономический фундамент этого хозяйства составляла государственно-феодалная собственность на земли, леса, воды, промышленные предприятия.

На землях казны жили миллионы государственных крестьян, подвергавшихся феодальной эксплуатации. Бывшие особым сословием крепостной России, оформленным при Петре I из остатков не закрепощенного земледельческого населения, эти крестьяне составляли к концу 50-х годов XIX в. около половины всех земледельцев страны. Считаясь лично свободными, они платили государству феодальную ренту и несли в его пользу ряд повинностей, находились в подчинении царских властей, управлявших государственными крестьянами. Цари систематически раздавали своим фаворитам десятки и сотни тысяч государственных крестьян, обычно с землями, находившимися в их пользовании.

С переходом России в 1861 г. в капиталистическую формацию государственный феодализм уступает место государственному капитализму. Основной формой дохода казны от государственного хозяйства становятся капиталистическая земельная рента и прибыль. Однако не их получение было главной целью самодержавного государства, чем оно как предприниматель существенно отличалось от частных капиталистов. И при эксплуатации колоссального казенного хозяйства во главу угла царизм ставил укрепление своего и крепостников-помещиков экономического могущества и политического всевластия.

Развитие государственного капитализма шло как в форме создания и эксплуатации чисто государственных предприятий, так и в форме активного содействия путем предоставления ссуд, субсидий, больших льгот, огромных казенных заказов частным предпринимателям — помещикам и капиталистам. Это объективно содействовало развитию в России капитализма (в сельском хозяйстве — по прусскому пути), переплетению крупнейшего дворянства с крупнейшей буржуазией, способствовало сращиванию царского государственного аппарата с капиталистическими монополиями, формированию государственно-монополистического капитализма.

О масштабах государственного хозяйства и о его значении можно судить, к примеру, по тому, что уже во время мировой империалистической войны на казенных заводах лежала основная тяжесть снабжения оружием, боеприпасами и т. д. вооруженных сил царской России. Накануне мировой войны из общей суммы капиталов железных дорог страны в 7700 млн. руб. на долю казенных дорог приходилось свыше 5200 млн. руб. Да и так называемые

частные железные дороги были построены главным образом за счет государственных средств и весьма зависели от казны. Доминирующую роль самодержавного государства в железнодорожном строительстве тем ниже отметить, что железные дороги служили ведущим звеном всего промышленного развития России, способствовали созданию новых отраслей тяжелой индустрии.

Кривая доходов от казенных железных дорог, заводов и другого государственного имущества при империализме круто шла вверх. Если в 1904 г. они составляли 570 млн. руб., то в 1907 г.— 636 млн., а в 1913 г.— свыше 1 млрд. Вместе же с выручкой от казенной винной монополии эти доходы равнялись почти 2 млрд., тогда как все прямые налоги в этом году дали 273 млн. руб. В книге «Торговая Россия в 1904 году», изданной статистическим бюро департамента торговли и труда США, русское самодержавное государство характеризовалось как «самый крупный землевладелец, самый крупный капиталист, самый крупный строитель железных дорог и самый крупный предприниматель во всем мире». Свой вывод американские наблюдатели убедительно обосновывали тем, что царизм владел и управлял $\frac{2}{3}$ всей железнодорожной сети, $\frac{7}{8}$ всех телеграфов, почти $\frac{7}{8}$ всей земли и $\frac{2}{3}$ лесов страны, а также наиболее ценными рудниками, продукция которых обрабатывалась на казенных же заводах; правительство продавало все спиртные напитки и скупало весь спирт; с помощью центрального Государственного банка оно контролировало финансовое положение страны.

Располагая такой мощной экономической силой, царское самодержавие активно вмешивалось в хозяйственную сферу. Это выражалось, например, в ограничениях не только законодательными и административными, но также и экономическими мерами буржуазной «свободы» предпринимательской деятельности, когда того требовали коренные интересы царизма и класса дворян-крепостников. Исходя из этих же мотивов, абсолютизм оказывал серьезное экономическое содействие, в частности через Государственный банк, развитию ряда крупных предприятий и даже целых отраслей промышленности, в которых был заинтересован, а также транспорта, причем нередко это делалось наперекор желаниям и чаяниям отдельных влиятельных групп и слоев дворянства.

Опора на государственно-капиталистическое хозяйство в немалой степени обуславливала большую независимость и самостоятельность царской власти и ее государственного аппарата, серьезно расширяла для абсолютизма диапазон лавирования между монополистической буржуазией и помещиками-крепостниками, давала возможность расширять и без того огромный карательный аппарат самодержавия. Государственно-капиталистическое хозяйство, будучи в руках самодержавия одним из действенных средств его влияния на крупную буржуазию, служило развитию их взаимосвязи и взаимозависимости, играло роль одной из экономических предпосылок продвижения царизма по пути к буржуазной монархии.

Следует особо остановиться на вопросе о Государственном банке при империализме ввиду его исключительной важности для понимания материальной основы самодержавия. Государственный банк был главным кредитным и эмиссионным учреждением. Он осуществлял также функции крупнейшего и важнейшего в стране коммерческого банка, «банка банков». Полностью находясь в руках царизма, он оказывал решающее влияние не только на финансы, но и на крупную промышленность и торговлю, а при помощи Дворянского и Крестьянского государственных земельных банков ощутимо влиял и на сельское хозяйство. Государственный банк России отличался от центральных (главных) банков Западной Европы и США, прежде всего тем, что его основными ресурсами были средства казны. Это обусловило громадную роль самодержавного государства в российской

кредитной системе, что являлось ее главной особенностью. Ни в одной другой империалистической стране до 1917 г., за исключением, разве, Швеции, где Государственный банк осуществлял коммерческие операции, центральный (главный) банк не был полностью государственным. Ни один главный банк не находился в такой тесной связи с государственным бюджетом, как российский Государственный банк, непосредственно подчиненный министру финансов. Нигде средства центрального банка не использовались так широко и систематически в интересах государственных финансов, как в России.

В буржуазной дореволюционной литературе такой статус Государственного банка критиковался как ненормальный. Однако буржуазные критики закрывали глаза на коренную причину этой ненормальности — крепостническую классовую сущность самодержавия. А Государственный банк служил весьма действенным орудием поддержки главной материальной основы царизма — дворянских латифундий — и одним из важнейших рычагов осуществления экономической функции абсолютизма в XX в.

Буржуазные либералы сетовали на то, что Государственному банку приходилось, подчиняясь директивам министра финансов и «высочайшим повелениям», постоянно отклоняться от «правильной банковской политики» и затрачивать крупные средства на поддержку государственных бумаг, что до всеобщего кризиса капитализма не и ходило в обычную практику центральных банков других держав. Однако наиболее острую критику со стороны не только буржуазных либералов, но и идеологов дворянства вызывали часто выдававшиеся Государственным банком неуставные ссуды. Так именовались наиболее секретные операции, проводившиеся банком в нарушение его устава, по специальному в каждом случае докладу министра финансов царю и «высочайшему повелению». Эти операции, официально называвшиеся «ссудами на особых основаниях», противоречили основным требованиям устава банка: краткосрочности, благонадежного обеспечения возврата полученных денег, согласия на операцию Совета банка и др. Неуставные ссуды стали частым явлением со времени промышленного кризиса 1900 — 1903 гг. и последующей депрессии, когда Государственному банку не раз приходилось спасать от банкротства капиталистические предприятия, в которых царизм был по тем или иным причинам заинтересован.

Дворянские и буржуазные критики не пошли, однако, дальше фиксации действительно частых фактов беззаконий и бюрократического произвола в деятельности Государственного банка и направлявшего его министерства финансов. Систематическую трату самодержавным государством сотен миллионов рублей на поддержку помещичьих имений, а также ряда частных промышленных предприятий и банков либеральные авторы объясняли только фаворитизмом и произволом. Из-за своей классовой ограниченности либералы принимали видимость явлений за их сущность.

Методологическую базу для решения этого вопроса дают положения классиков марксизма-ленинизма о значительном развитии экономической функции самодержавного государства. Оно нашло свое выражение в систематическом оказании царизмом огромной финансовой и иной поддержки отечественной буржуазии в строительстве железных дорог, а также тех предприятий тяжелой промышленности и частных банков, которые признавались правительством имеющими важное государственное значение. Иначе поступать в условиях домонополистического капитализма и тем более империализма самодержавие уже не могло, его вынуждали к этому экономическая необходимость и военные планы.

В эпоху империализма масса уставных и неуставных ссуд Государственного банка, а также субсидий казначейства шла на спасение от краха зашатавшихся или гибнувших

крупных частных промышленных предприятий и банков. Громадные кредиты и инвестиции выделялись капиталистическим монополиям в целях «оживления» промышленного развития. Самодержавное государство поступало так потому, что в XX в., когда получило развитие сращивание отдельных его органов с крупным промышленным и банковским (затем с финансовым) капиталом, крушение связанных с царизмом крупных капиталистических предприятий и банков могло повлечь его собственное банкротство. Помогая в таких случаях крупному капиталу, монополиям, самодержавное государство тем самым спасало и себя.

При империализме Государственный банк оказался заинтересованным в делах многих крупнейших частных капиталистических предприятий и непосредственно. Оказывая пошатнувшимся предприятиям и банкам огромную финансовую поддержку, он зачастую принимал их фактически в свое полное заведование. Типичным примером может служить комплекс предприятий крупного капиталиста Л. С. Полякова, включавший три коммерческих и два ипотечных банка, «Товарищество резиновой мануфактуры» (позднее «Богатырь»), несколько земельных обществ, занимавшихся скупкой и продажей сельских имений и городских участков, а также значительное число предприятий транспорта и колониальных фирм в Средней Азии и Персии. Московская контора Государственного банка по прямым указаниям министра финансов и царя вложила в «концерн» Полякова на протяжении 1901 — 1917 гг. более 50 млн. руб. В правления поляковских банков, промышленных и остальных предприятий вошли представители министерства финансов, а нити управления ими сосредоточились в Особом совещании по делам Полякова при московской конторе Государственного банка, под председательством ее управляющего.

Официальные представители Государственного банка входили в состав правлений многих фирм: фабрик Паллизена, общества Невского механического и судостроительного завода, Ленского золотопромышленного товарищества, Восточного общества товарных складов и др. Эти представители не ограничивались ролью наблюдателей, а принимали активное участие в руководстве фирмами, действительно влияли на ведение их дел, одновременно совмещая в своем лице несовместимые обязанности: контролера и распорядителя.

Такие частые факты были уже не «ненормальностями», как считали либералы, а системой, одной из естественных форм развития государственного капитализма в России XX в., одним из проявлений шедшего в эпоху империализма процесса сращивания самодержавного государства с крупным промышленным и банковским капиталом, с монополиями. Именно благодаря очень широкому развитию государственного капитализма, в России раньше, чем в ряде более развитых стран капитала, появились государственно-монополистические тенденции, и стал развиваться, особенно в годы мировой войны, процесс сращивания верхушки государственного аппарата царизма и видных придворных чинов с капиталистическими монополиями. Вместе с тем все большее и большее количество земли дворян-помещиков закладывалось в частные банки, да и сама монополистическая буржуазия обзаводилась крупной земельной собственностью.

Таким образом, сохранение самодержавия в эпоху империализма экономически детерминировалось наличием крупного землевладения крепостников-помещиков и громадного государственно-капиталистического хозяйства. Однако под влиянием развития капитализма неуклонно продолжался, хотя и был далек от своего завершения, необратимый процесс размывания главной материальной основы самодержавия — полукрепостнических латифундий. Ему объективно способствовал государственный капитализм, помогая ссудами и т. п. развитию полукрепостнических помещичьих хозяйств по прусскому пути эволюции

§ 4.3. Крепостнически-дворянско-помещичий класс и его политические организации

Теоретическим фундаментом научной разработки вопроса о социально-политической основе царского самодержавия при империализме должен служить, на наш взгляд, сделанный В. И. Лениным вывод о том, что вплоть до Февральской революции 1917 г. «государственная власть в России была в руках одного старого класса, именно: крепостнически-дворянско-помещичьего, возглавляемого Николаем Романовым». Это определение не используется в литературе, а оно, как нам представляется, наиболее полно и точно характеризует класс, стоявший у кормила правления.

Ленинское определение отражает тот огромной значимости факт, что развитие капитализма раскололо прежде единый класс помещиков на крепостников и обуржуазившихся помещиков. Их поместья, приемы хозяйничанья, основные экономические и политические интересы становились при империализме все более и более различными. Это получило рельефное отражение в ленинских оценках. Весной 1917 г. В. И. Ленин писал о приходе к власти «класса капиталистических помещиков и буржуазии», подчеркивал, что государственная власть перешла «в руки нового *класса*, именно: буржуазии и обуржуазившихся помещиков». Из этих положений неоспоримо явствует, что Ленин не относил обуржуазившихся помещиков **к** крепостникам и вообще к разгромленному Февральской революцией правительственному лагерю. Неправоммерно, на наш взгляд, зачислять в состав последнего и всех без исключения лиц, принадлежавших к дворянскому сословию. Ведь оно под влиянием роста капитализма все более дифференцировалось. Непрестанно росло число дворян, преимущественно средне- и мелкопоместных, оторвавшихся от земли и разорившихся. Они пополняли собой различные слои российского общества, в частности интеллигенцию, немало представителей которой, выходцев из дворян, подвизалось, например, в кадетской партии. В то же время многие дворяне — крупные помещики, перестраивавшие свое хозяйство на капиталистический лад, вошли в партию октябристов, стоявшую на правом фланге либерально-буржуазного лагеря.

Представляется, что в свете этих социальных сдвигов нельзя опустить ни один из трех компонентов ленинского определения политически господствовавшего класса. Кроме того, при характеристике класса, правившего империей, нельзя ограничиваться замечаниями о переменах в правовом положении дворян, а необходимо также учитывать значительные изменения в составе, экономическом и политическом статусе этого сословия при империализме.

И в XX в. мощь крепостнически-дворянско-помещичьего класса определяло, как уже говорилось, унаследованное от эпохи крепостного права крупное землевладение. Однако ошибочно мнение, что в эпоху империализма «класс дворян-помещиков по-прежнему сохранял положение экономически... господствующего класса». Считать так — значит, по сути дела, отрицать тот факт, что задолго до Февраля 1917 г. *экономически* уже правила Россией буржуазия.

Класс крепостников-помещиков был самым немногочисленным, не превышавшим 130 тыс. человек, или 30 тыс. семей. Верхушка этого класса состояла всего из сотни с небольшим семейств, державших в своих руках свыше 15 млн. десятин лучшей земли. Сюда следует приплюсовать 7 млн. десятин удельных земель, принадлежавших царской семье на

основании Учреждения о императорской фамилии, а также многие десятки миллионов десятин (свыше 60 млн. десятин только в Сибири), являвшихся собственностью царской фамилии и находившихся в управлении Кабинета его императорского величества.

Дворян-латифундистов Ленин определил как крепостников, разумеется, не в юридическом, а в экономическом смысле этого слова, поскольку основа их землевладения была создана историей крепостного права, а основу их хозяйничанья в XIX в. составляла «отрабочная система, т. е. прямое переживание барщины», свою экономическую силу они черпали из крупного землевладения и связанного с ним полукрепостнического хозяйства. Таковы были основные условия преобладания крепостников-помещиков в российской деревне, а потому «в русском государстве вообще и во всей русской жизни». Руководствуясь этими положениями В. И. Ленина, мы и применяем в настоящей работе ленинское понятие «крепостники-помещики», «дворяне-крепостники», т. е. исходим из того, что «крепостниками являются владельцы латифундий в экономическом смысле этого слова...» Хотя в XIX в. заметно усилился процесс расслоения поместного дворянства, постепенного выделения из него и упрочения слоя обуржуазившихся помещиков, этот процесс все еще был медленным. Вплоть до 1917 г. среди помещиков доминировали крепостники, бывшие, как правило, потомственными дворянами.

Симптоматичную картину дает анализ правового положения дворянства. Как и во времена крепостного права, закон провозглашал, что «дворянское сословие есть первое в государстве», что только оно имеет «нарицание благородное», что все дворяне пользуются правами и преимуществами «дворянского состояния, в особенности каждому лицу принадлежащими», т. е. личными. Однако под натиском революции самодержавию пришлось издать указ от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний», который юридически перечеркнул монопольное право дворян поступать на государственную службу и фактически мало что оставил от их личных прав. Тем большее значение приобрели права и преимущества «дворянского состояния в составе дворянских обществ», т. е. корпоративные права. Это были вполне реальные привилегии, обеспечивавшие «благородным» возможность эффективно влиять на деятельность местных органов государственного управления. Однако закон предоставлял их далеко не всем даже среди потомственных дворян.

Надо иметь в виду, что законодательство резко разделяло дворянство по правовому положению на личное и потомственное. Последнее обладало несравненно большими привилегиями. Потомственное дворянство имели те, «кои от предков благородных рождены». Кроме того, оно приобреталось царским пожалованием («по собственному усмотрению самодержавной власти»), а также с получением определенных чинов и орденов.

Все это приводит к выводу, что руководящее и направляющее ядро крепостнически-дворянски-помещичьего класса составляли те потомственные дворяне, которые являлись, как правило, и крупными крепостниками-помещиками. Самодержавие всемерно пеклось об укреплении этой своей неширокой социально-политической основы.

По мере усложнения национального состава империи в связи с территориальными приобретениями царский абсолютизм, беспощадно расправляясь с национально-освободительными движениями угнетенных народов и проводя политику насильственной русификации, стремился расширить свою социально-политическую базу за счет феодальных «верхов» нерусских народностей. Всей своей силой царизм поддерживал эти «верхи» против трудящихся масс «их» народностей, защищал эксплуататорские устремления местных

феодалов, «жаловал» им земли и крестьян и постепенно объединял их с русским дворянством, предоставляя им громадные права и привилегии последнего.

Так, еще со времен Московского царства потомкам казанских феодалов — татарским князьям и мурзам при условии признания ими власти русского царя не только оставляли находившиеся в их владении земли, но и жаловали новые. Принявшим же православие давали, как и русским дворянам, права на эксплуатацию как нерусских, так и русских крестьян. Вот типичный пример. Князь Яков Енгальчев, крестившийся в 1674 г., стал стольником, а его сыновья — поручиками и капитанами. Всяческую поддержку получала от царизма феодальная верхушка башкирского общества.

В 1723 г., всего через 15 лет после присоединения к Российской империи Финляндии, финские рыцари были включены в состав русского дворянства. Петр I подтвердил также привилегии рыцарства Эстляндии и Лифляндии, что положило начало оформлению прибалтийско-немецкого дворянства, которое стало называться остзейским. Общеимперские дворянские права царизм предоставил после объединения правобережной Украины и Белоруссии также польским помещикам, желая иметь их своей опорой. Но позднее, столкнувшись с оппозиционными элементами среди польских дворян, самодержавие осуществило «разбор шляхетского сословия», в результате которого много мелких шляхтичей, не сумевших доказать своих прав на дворянское звание, были лишены его. А польским магнатам царизм продолжал покровительствовать.

Крупной акцией абсолютизма по расширению его социально политической основы явилось распространение на феодалов Прибалтики, Украины, Белоруссии и Дона действия свода дворянских привилегий — Жалованной грамоты дворянству 1875 г.³⁵, что превращало дворянство в единое всероссийское сословие. Резко отделяя дворянство от остальных свободных сословий, этот законодательный акт Екатерины II одновременно подчеркивал и дифференциацию внутри «благородного» сословия в зависимости от имущественного ценза. Например, дворянин, имевший менее 100 руб. дохода с деревень, лишался пассивного избирательного права в дворянском собрании, а тот, кто вообще не имел деревни, лишался и права избирать.

Процесс объединения с русским дворянством феодалов национальных окраин продолжался и после Жалованной грамоты. Так, «Положение о Бессарабской области» (1818 г.) предоставило права потомственных дворян молдавским боярам. Указ от 24 марта 1827 г. полностью приравнял к русскому дворянству грузинских дворян.

Уже к 1859 г. в княжеском и дворянском званиях было утверждено около 30 тыс. грузинских помещиков.

Нормы, содержащиеся в актах о приравнивании феодалов национальных окраин к российским дворянам, были закреплены и развиты в Своде законов, который, например, установил, что старшим султанам сибирских киргизов, прослужившим в этом звании по выборам три трехлетия, предоставлялось право просить потомственного дворянства. Тщательно регламентировалось, кто причисляется к потомственному дворянству в казачьих войсках: Донском, Уральском, Кубанском, Терском, Сибирском и др.

Потомственными дворянами признавались лица, имевшие один «из прежних малороссийских чинов», точно перечисленных в законе, пожалованных во время существования «в Малороссии гетманского правления». Устанавливалось, какие конкретно прежние звания и должности, существовавшие в Королевстве польском и Великом княжестве Литовском, служат «доказательством дворянства». Перечислялись акты, какими можно было подтвердить происхождение от лиц, носивших эти звания. В доказательство

«дворянства малороссиян» принимался ряд названных в законе документов, а сверх того требовалось свидетельство предводителя дворянства, удостоверяющее, что «проситель поведения хорошего и ведет жизнь, приличную благородному званию». В Закавказье разрешалось принимать прошения об утверждении в дворянстве не только от «природных тамошних князей и дворян», но и от выходцев из Персии и Турции, имеющих свидетельства на «знатность своего происхождения».

Насколько эффективной оказалась разносторонняя деятельность самодержавия по превращению феодалов национальных окраин в свою социальную опору, можно судить по следующим, например, типичным фактам. Грузинские дворяне, узнав о революциях 1848 г. в Западной Европе, немедленно заверили Николая I в своей «искренней преданности» и выразили готовность доказать ее с оружием в руках в борьбе с «беспорядками» даже «за пределами государства». К феодалам (особенно крупным) многих угнетенных самодержавием народностей может быть отнесен отзыв одного из самых выдающихся деятелей дворянского периода освободительного движения А. И. Герцена о прибалтийских (остзейских) баронах, ставших надежными вассалами царского деспотизма. Последний, свидетельствует Герцен, никогда не имел «более преданных слуг, чем лифляндские, эстляндские и курляндские дворяне».

Но развитие капитализма, особенно на его монополистической стадии, неумолимо разлагало все дворянское сословие, подрывая его экономические корни — полукрепостнические латифундии. Эволюция крепостнически-дворянско-помещичьего класса в эпоху империализма подтверждает общую закономерность развития эксплуататорских государств, согласно которой по мере возрастания неустойчивости данной общественной системы и обострении классовой борьбы государственная власть сосредоточивается в руках все уменьшающейся группы лиц.

"Крепостники-помещики представляли собой, как отметил Ленин, наилучшую в России *классовую* организацию. Дело в том, что они были организованы не только «по-соседски», не только в сословные союзы, по также организованы как государственная сила.

Крепостники-помещики не раз в истории позволяли себе фрондировать против абсолютизма. Но так было до революции 1905 — 1907 гг. Пока этот класс не верил в возможность массового движения против царской монархии и феодалов, дворяне-крепостники «полагались всецело на то, что для удержания черни достаточен кнут», т. е. прежде всего на царский карательный аппарат: армию, полицию, жандармерию, охранку, суды, а также, разумеется, на органы управления и орудия идеологического подавления трудящихся масс. Однако революционные события 1905 г., особенно Всероссийская октябрьская политическая стачка и вооруженные восстания в декабре 1905 г., явившиеся немеркнущим примером мужества и героизма рабочего класса, показали, что одним старым «кнутом» революцию не одолеть. Если до этого дворяне-крепостники не ощущали серьезной надобности в самостоятельной классовой организации, то 1905 год сделал для них очевидной необходимость ее создания.

Сплачиваясь для борьбы с революцией, крепостники-помещики впервые в истории создали свой общероссийский сословный орган — съезды уполномоченных дворянских обществ, игравшие роль «военного совета», призванного укрепить самодержавное государство. На первом же таком съезде, открывшемся в Петербурге 21 мая 1906 г., был образован Постоянный совет объединенных дворянских обществ. Он быстро показал всей своей открыто про абсолютистской деятельностью, что представляет собой «совет объединенных крепостников». Состоял Совет из крупнейших землевладельцев, в том числе

представителей дворцовой камарилы.

Решения съездов уполномоченных объединенных дворянских обществ (за 1906 — 1916 гг. состоялось 12 съездов), их устав, вся деятельность Совета объединенного дворянства были направлены на восстановление неограниченного царского абсолютизма, на сохранение власти, земли, привилегий и доходов дворян-крепостников. Правда, и с правительством, и с самим царем у объединенных дворян на деле имелись некоторые расхождения. Например, самодержавие так и не удовлетворило чаяние крепостников о замене Думы с законодательными функциями законосовещательной Думой по образцу «покойной» булыгинской. Но главное, конечно, не в этих частных расхождениях. Создание и деятельность Совета объединенного дворянства свидетельствовали о том, что крепостнически-дворянски-помещичий класс в борьбе против народной революции за свои привилегии и сохранение самодержавия сплотился и окончательно «сознал себя» в революции.

Увидев уже в первый год революции, что царизм в действительности вовсе не так могуч, как им казалось, дворяне-крепостники пришли к выводу о жизненной необходимости теснее сплотиться вокруг монарха как своего главы и укрепить массовую базу самодержавия. Они начали создавать свои политические организации с целью борьбы за неограниченный абсолютизм, за земли, привилегии и доходы поместного дворянства. В обеих столицах, а также во многих крупных городах в 1905 — 1906 гг. быстро возникают под разными наименованиями и множатся контрреволюционные организации под девизом времен крепостного права: «православие, самодержавие, народность». Народ их метко назвал «черной сотней».

Литература о черносотенцах очень невелика. Большой фактический материал разбросан в газетах всех направлений за 1904 — 1917 гг., в мемуарах и дневниках С. Ю. Витте, Б. Никольского и других, в статье меньшевика В. Левицкого, а также в сборнике документов о Союзе русского народа. В некоторых советских публикациях говорится в том или ином аспекте о черносотенных организациях. Монографических же исследований на эту тему нет.

Между тем черносотенные партии, к которым были очень близки придворные круги, правительство и сам царь, составили органическую часть социально-политической основы самодержавия. Такой вывод позволяют сделать многочисленные характеристики эволюции и сущности черносотенного движения, а также важные факты, содержащиеся во многих трудах В. И. Ленина. Об этом же свидетельствует упомянутый выше фактический материал и документы.

Подлинную суть черносотенного движения В. И. Ленин вскрыл уже в предисловии к брошюре «Докладная записка директора департамента полиции Лопухина».

Глава российской полиции констатировал полное банкротство полицейского порядка. Хотя «временное» Положение об усиленной охране, превратившееся с 1881 г. в один из самых устойчивых основных законов Российской империи, предоставило полиции любые права и полномочия, чтобы «держат в руках обывателей», полиция не справилась с возложенными на нее задачами, да и не могла справиться. Меры усиленной охраны оказались совершенно нелепыми и бессмысленными, когда их пришлось применять тысячами к рабочим за стачки, имевшие, как вынужден был признать Лопухин, «мирный характер и исключительно экономические побуждения». Полицейские меры, годившиеся против отдельных лиц и кружков, оказались совершенно бессильными против классов и действительно народного революционного движения.

Мораль секретной записки руководителя департамента полиции такова: чтобы

успешно бороться с народной революцией, надо опираться не только на полицию, но и на классы, на народ. Это поняло и самодержавие, убедившись в ослаблении пружин полицейских механизмов и недостаточности одних военных сил. Из этой посылки царизм сделал практические выводы о необходимости организации «черных сотен» из наименее развитых слоев городской и сельской мелкой буржуазии. Самодержавие таким путем попыталось поставить на свою защиту все реакционные элементы, имевшиеся в самом населении, стремилось превратить борьбу полиции с запрещенными кружками в борьбу одной части народа против другой его части.

24 февраля 1905 г. монархо-националистическая газета «Московские ведомости», ставшая затем главным органом черносотенцев, опубликовала воззвание «За Россию!», многозначительно подписанное — «Борец». Оно призывало: «Теперь пришло время. Поднимайтесь! Сам государь зовет Вас... против крамолы, против изменников и безумцев... сходитесь, узнавайте друг друга и сплывайтесь во имя церкви православной, царя самодержавного и народа русского...». Воззвание послужило своего рода сигналом к созданию в Москве, Киеве, Одессе, Кишиневе, Харькове, Тифлисе, Курске всевозможных кружков, лиг, союзов и других черносотенных организаций, в том числе и церковных братств и обществ хоругвеносцев.

Первым плодом их черной деятельности, зачастую направлявшейся полицией или охранкой, явились еврейские погромы весной и летом 1905 г. в ряде городов России, армянский погром в Баку и т. п. Другим результатом начавшегося черносотенного движения явилось множество почти одновременно вынесенных и похожих по содержанию приговоров и адресов сельских сходов. В них содержалась клевета на рабочих-забастовщиков вплоть до обвинения их в подкупе японцами, требования к властям беспощадно покарать каждого, кто посягает на самодержавие и православие. «Документы» были написаны явно но крестьянами, а священниками и помещиками.

Черносотенное движение, всегда получавшее самую полную и часто открытую поддержку царизма, прошло в своей эволюции несколько этапов. Весной 1905 г. это была прежде всего кучка полицейских бандитов, увлекавших за собой небольшую часть «совсем темного, одураченного, иногда прямо подпаиваемого простонародья». В 1906 г. во главе черных партий стал Совет объединенного дворянства. Черносотенцы превратились в классовую организацию тех, кому пришлось защищать от революции не на живот, а на смерть блага, которым непосредственно угрожала народная революция: крупнейшее помещичье землевладение, унаследованное от крепостной эпохи, привилегии дворянского сословия, возможность вершить государственные дела, пользуясь личными связями с придворной камарильей, и т. д. Их газета после третьеиюньского государственного переворота 1907 г. самодовольно писала: «Во главе многомиллионной черной сотни стоит русский самодержавный неограниченный царь». Однако газета выдавала желаемое за действительное. Даже в период апогея своего развития черносотенные организации по всей Российской империи насчитывали не более 10 — 12 тыс. постоянных, организованных членов, хотя число этих организаций, по сведениям, собранным на основе правых газет, доходило до 200. С конца 1907 г. черносотенные союзы, лиги, палаты стали исчезать так же быстро, как в свое время возникли.

Характеристику состава черных партий В. И. Ленин дал в статье «Третья Государственная дума и социал-демократия» (ноябрь 1907 г.). Руководящая часть черносотенцев — это помещики-крепостники, для которых сохранение самодержавия было единственным спасением, ибо только оно своей полицией и войском давало им возможность

держат в рабстве у себя крестьянство, страдавшее от безземелья, связанное отработками, неоплатными долгами и недоимками. Но к черносотенцам примыкала и «некоторая часть темных, несознательных рабочих, крестьян, городской бедноты».

Развивая свои выводы, Ленин в статье «О черносотенстве» (1913 г.) вскрыл в этом движении одну чрезвычайно важную черту, на которую обращено недостаточно внимания. Это темный, мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий. Дело в том, что каждая политическая партия, даже крайне правая, должна была искать той или иной связи с народом. Крайне правые партии были партиями крепостников-помещиков, но ограничиться связями только с помещиками они не могли. Им приходилось прикрывать эти связи и выдавать себя за защитников общенародных интересов, «взывать к самым закоренелым предрассудкам самого захолустного мужика, играть па его темноте». Но такая игра небезопасна. И Ленин приводит факты, свидетельствующие о том, как прорывался «мужицкий демократизм через всю черносотенную затхлость и затасканность» и как правым приходилось выгонять вон «неудобного» мужицкого демократа. Даже крайне правый епископ Никон был удален от думских дел и выступлений за речи, выражавшие его «черносотенный демократизм». На этом примере Ленин показал, как сама жизнь разбивала черносотенные взгляды разных лиц, которые под влиянием тех или иных факторов связали себя с черносотенством.

Разные по названиям, различные по составу своих членов, черносотенные организации имели, однако, существенные общие черты. Их выявил В. И. Ленин в работе «Кого выбирать в Государственную думу?» (ноябрь 1906 г.). Здесь подчеркивается, что черносотенные парши «добиваются сохранения старого самодержавия», т. е. юридически и формально неограниченного, что они «защищают интересы помещиков-крепостников». В случае успеха их борьбы черносотенцы могли добиться лишь окончательного разорения народа, того, что «вся Россия окончательно одичает от военно-полевых судов и погромом».

Из десятков и сотен сравнительно немногочисленных черносотенных союзов, кружков и других объединений, возникших в основном в 1905 — 1906 гг., выкристаллизовались четыре центральные, наиболее значительные политические партии: Русское собрание, Русская монархическая партия, Союз русских людей и крайне правая — Союз русского народа. Остановимся вкратце на каждой из них.

Русское собрание возникло в Петербурге в октябре — ноябре 1900 г. Его членами были крупные дворяне, видимо чиновники и деятели православной церкви. Согласно уставу, утвержденному 26 января 1901 г., Русское собрание имело целью ознакомить общество со всем важным и своеобразным, что сделали русские люди в различных областях: научного и художественного творчества. Однако с осени 1904 г. «культурно-воспитательная» деятельность Собрания, проводившаяся, заметим, в сугубо консервативном и великодержавно-шовинистическом духе, уступает место чисто политической активности в защиту неограниченной царской власти. Петербургская организация Русского собрания и его отделения в Харькове, Одессе, Казани и других городах развернули ультра монархическую пропаганду в печати, стали посылать верноподданнические адреса и делегации Николаю II.

I съезд Русского собрания (Петербург, 1906 г.) утвердил его программу. Она декларировала, что манифест 17 октября 1905 г. не отменил неограниченности царского самодержавия, а потому задача Государственной думы — лишь разработка и обсуждение законодательных предположений; православная церковь должна сохранить господствующее положение, а Россия остаться единой и неделимой. Ответственность за всякую политику,

вредную православную, царскому самодержавию и русскому народу, несет правительство, но не самодержавный царь. Программа всемерно популяризировалась в многочисленных периодических изданиях Собрания: в «Известиях Русского собрания», «Сельском вестнике», «Русском деле», «Пахаре» и др. Программу Русского собрания восприняли многие черносотенные организации: Бессарабская патриотическая лига, Лига московских патриотов и т. п.

Русское собрание управлялось Советом из 18 известных реакционеров. Так, в него входили: князья М. Шаховской и Д. Голицын, епископ Серафим, руководитель студенческой контрреволюционной организации Б. Никольский.

Русская монархическая партия образовалась в Москве весной 1905 г. Ее специфической чертой был исключительно аристократический состав: титулованные дворяне (князь Д. Долгоруков, барон Розен и т. п.), высшие сановники и верхи православного клира. Не только «простонародью», но и крупной буржуазии вход в партию был закрыт. Ее лидерами стали махровый черносотенец В. Грингмут, находившийся во главе «Московских ведомостей», превратившихся в официоз партии, и протоиерей И. Восторгов. Однако настоятельная потребность в массовой базе толкнула и эту партию на тесные контакты с Союзом русского народа, а также на заигрывание с крестьянством. Примером тому может служить разрекламированный в свое время правой печатью торжественный обед для правых крестьянских депутатов I Думы, устроенный партией 10 марта 1907 г.

15 октября 1905 г. партия опубликовала свою программу. Сказав, что самодержавной власти русского монарха грозит великая опасность — ограничение этой власти путем превращения Думы в конституционный парламент, программа заявила, что Русская монархическая партия будет отстаивать самодержавную власть царя «в том неприкосновенном ее виде, в каком государь получил ее от своих царственных предков», а также будет бороться за сохранение всех сословий, в особенности духовного, дворянского и крестьянского. Признавая наличие в России «дурного бюрократизма», партия полагает, говорилось в программе, что освободить от него страну может только неограниченный монарх, могущий одним росчерком пера заменить плохого чиновника хорошим.

Союз русских людей (СРЛ) образовался в марте 1905 г. в Москве. В его руководящее ядро входили князья Гагарин, Щербатов, Мещерский, архиепископ Анастасий, консервативнейший историк Иловайский, реакционнейший публицист Шарапов и т. п. СРЛ требовал бескомпромиссной борьбы со всеми противниками абсолютизма. Даже свой махровый антисемитизм лидеры СРЛ «мотивировали» тем, что евреи будто бы являются «вечными и непримиримыми врагами самодержавия». Но, стремясь набрать как можно больше сторонников среди народных масс, СРЛ несколько модернизировал откровенно глядевшие только в прошлое программы дворянских партий. Так, он провозгласил своей задачей «содействие установлению между престолом и народом тесного и живого общения» путем созыва законосовещательного Земского собора. В соответствии со своей демагогической ставкой на «народность» СРЛ требовал введения выборности органов церковного управления и т. д. Основные положения программы и тактики СРЛ получили свое выражение в статьях и передовицах реакционной газеты «Русское дело», автором которых был идеолог Союза С. Ф. Шарапов.

Для практической деятельности СРЛ характерна его Активная борьба против забастовочного движения. Например, в связи с забастовкой железнодорожников Союз опубликовал воззвание, предлагавшее «русским людям» создавать повсюду местные, приходские комитеты порядка, припишите содействовать «восстановлению нарушенного смуту

общественного порядка», а также объявил запись всех желающих вступить в дружины порядка, имеющие целью «личную и непосредственную борьбу за смуту». Так было положено начало созданию вооруженных черносотенных банд. На всероссийский съезд Союза русских людей в Москве (6 — 12 апреля 1906 г.) собрались представители 51 контрреволюционной организации, в том числе от 12 организаций с центром в Москве, от пяти организаций, созданных в Петербурге, от трех, орудовавших в Киеве, и др. Съезд образовал Всенародный русский союз, возглавляемый Советом.

Еще более «представительным» был III всероссийский съезд Союза русских людей, происходивший в октябре 1906 г. в Киеве, на который прибыли 450 делегатов уже от 72 монархических организаций. Признав постоянные русские съезды монархических организаций формой их объединения, киевский съезд учредил исполнительный орган, действующий в промежутке между съездами,— Главную управу объединенного русского народа из трех лиц: А. И. Дубровина от Главного совета Союза русского народа, И. Восторгова от Русской монархической партии и Совета Всенародного русского союза и князя М. Л. Шаховского — от Совета Русского собрания. Тон на съезде задавали представители Союза русского народа.

Союз русского народа был создан вслед за манифестом 17 октября 1905 г. в результате слияния нескольких боевых контрреволюционных организаций в Петербурге. Больше, чем другие правые партии, Союз делал ставку на «черносотенный демократизм» и потому включал в свой состав наряду с реакционными помещиками — крупными землевладельцами, купцами и духовенством также чинов полиции, городских мещан, кулаков,

Деклассированные элементы и уголовников. Лидерами Союза были А. И. Дубровин, В. А. Бобринский, В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков 2-й, П. А. Крушеван и др.

Сразу же заняв место на крайне правом фланге контрреволюционных партий, Союз, однако, всегда заявлял, будто он представляет собой надклассовую и демократическую организацию. В его уставе провозглашалось, что Союз является прочным объединением русских людей всех сословий и состояний. Всеми его делами управлял Главный совет союза, находившийся в Петербурге. Совет организовывал провинциальные отделы по губерниям, городам, селам, деревням и т. п. Газета Союза — погромное, издававшееся А. И. Дубровиным «Русское знамя».

Устав определял и программные цели Союза. Главная из них — незыблемое сохранение «православия, русского неограниченного самодержавия и народности». Ища популярности в народных массах, Союз критиковал «современный буржуазный строй» за то, что тот заслонил от народа «светлую личность русского царя» и присвоил себе часть прав, составлявших исконную принадлежность русской самодержавной власти, вследствие чего привел Россию «к тяжелым бедствиям и потому подлежит коренному изменению». В уставе подчеркивалось, что изменение государственного строя не должно совершаться путем проведения в жизнь ограничительных начал в форме каких бы то ни было конституционных или учредительных собраний. Государственная дума призвана быть органом, чуждым всяких ограничений верховной царской власти, обязательно «национально-русской». Назначение Думы — только «помогать законодателю», т. е. неограниченному монарху, путем его правдивого осведомления о действительных нуждах народа и государства. Таким образом, перед лицом всеобщего требования народного представительства Союз также выступал будто бы в роли его сторонника, но отводил Думе роль только главной помощницы самодержцу в его трудах по государственному строительству.

Среди основателей Союза были видные лидеры Совета объединенного дворянства, например В. М. Пуришкевич — бессарабский помещик, работавший в 1904—1906 гг. чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел; Н. Е. Марков («Марков 2-й») — крупный курский помещик, лидер крайне правых в III и IV Государственных думах.

О направлении практической деятельности Союза дает представление программное заявление от редакции «Русского знамени». Там содержались также контрреволюционные призывы: «8-часовой рабочий день теперь нельзя внести», «Долой Совет рабочих депутатов», «Долой ораторов-смутьянов, появляющихся на заводах для нашей гибели», и др. Союз был организатором многих погромов, террористических актов, разгонов рабочих демонстраций и срыва стачек. Полиция щедро субсидировала организации и лидеров Союза. Николай II уделял этой черносотенной организации особенно большое внимание. После поражения революции 1905—1907 гг. Союз распался на несколько организаций.

V (Лондонский) съезд РСДРП (1907 г.), отметив, что черносотенные партии все более решительно и определенно выступают как «классовая организация крепостников-помещиков», указал на обязанность социал-демократии «разоблачать теснейшую связь этих партий с царизмом и с интересами крупного крепостнического землевладения».

К партиям правительственного лагеря относились также различные *правонационалистические организации*. Они возникли в годы первой русской революции и столыпинской реакции под шовинистическим лозунгом: «Русское государство — это государство русских», освящавшим средневековую травлю «иностранцев», и особенно евреев. Под этим черносотенным девизом, столь угодным царскому самодержавию с его политикой «разделяй и властвуй», выступали различные националистические общества, союзы, клубы и их печатные органы обычно самого низкого пошиба. Наибольшую известность среди них получило своей разнузданной травлей всех нерусских народов учрежденное в марте 1908 г. в Петербурге Русское окраинное общество.

Как и в черносотенных партиях, руководящую роль в националистических организациях играли крепостники-помещики, а рядовой состав вербовался из представителей всех слоев населения — вплоть до подонков общества. На разные лады проповедуя зоологический шовинизм, твердя, что все беды России от «иностранцев», требуя русификации национальных окраин, самыми грязными средствами разжигая национальную вражду, эти общества, клубы и т. п. выполняли социальный заказ своих боссов — выкорчевать из сознания народных масс идеи демократии и социализма, вытеснить лозунг «Долой царское самодержавие!», ставший в годы революции знаменем народных масс, и заменить его крепостническим девизом «Самодержавие, православие, народность».

В реакционнейшей III Думе рядом с крайне правыми возникла фракция националистов, которая составляла кости к образовавшейся в начале 1910 г. партии Всероссийский национальный союз во главе с крупным помещиком П. П. Балашовым. Крайне правые, националисты и октябристы — «вот та черная рать», вместе с которой самодержавие повело поход против свободы и самостоятельности Финляндии. Та же «черная рать» протаскивала в III Думе антипольские (известный законопроект Столыпина о введении земства в шести губерниях Западного края), антиеврейские (например, запрет евреям быть мировыми судьями) и другие открыто шовинистические законы.

В одной из программных работ большевистской партии — статье «О праве наций на самоопределение» (февраль — май 1914 г.) В. И. Ленин подчеркнул, что недопустимо забывать о черносотенном национализме великорусов, который «страшнее всего сейчас». Ленин пояснил, что этот национализм менее буржуазный, но более феодальный. Линия

великодержавных шовинистов, получившая выражение в политике царизма и «феодалных помещиков типа объединенного дворянства», состояла в безусловном отрицании равноправия наций и тем более их права на самоопределение. «Даже украинцы объявлены „инородцами", — писал в начале 1914 г. В. И. Ленин, — даже их родной язык преследуется».

Националистически-пуришкевической была и IV Государственная дума. Рабочая социал-демократическая фракция этой Думы, ведшая упорную борьбу против реакционного думского большинства и самодержавия, постановила внести на рассмотрение Думы законопроект о национальном равноправии. Этот документ, написанный В. И. Лениным и официально называвшийся «Проект закона об отмене всех ограничений прав евреев и всех вообще ограничений, связанных с происхождением или принадлежностью к какой бы то ни было национальности», был напечатан в большевистской газете «Путь Правды» 28 марта 1914 г.

Публикуя его, Ленин пояснял, что большевики, понятно, не ждут от черной Думы отмены ограничений против евреев и других «инородцев», но пролетариат обязан выступить. «И особенно громко против национального угнетения должен прозвучать голос *русского рабочего*». Так и было на деле. Голос русского пролетариата звучал особенно громко и в борьбе с великодержавным шовинизмом. Вождь пролетариата России, говоря о законопроекте, показал, что все расчеты черносотенцев построены на противопоставлении интересов различных наций, на отравлении сознания темных и забитых масс. Из любой черносотенной газетки видно, что «преследование „инородцев", разжигание взаимного недоверия между русским крестьянином, русским мещанином, русским ремесленником и крестьянином, мещанином, ремесленником еврейским, финским, польским, грузинским, украинским — вот хлеб, которым питается вся черносотенная банда». Ленин пояснял, что преследование «инородцев» — это палка о двух концах, одним из которых она бьет «инородца», а другим — русский народ.

Черносотенцы, «националисты», другие правые партии были лишь особыми фракциями правительственного лагеря, поделившими друг с другом «труд» травли демократов, «инородцев», либералов и т. д. Одни поглубже, другие более тонко делали, по сути, одно и то же. Такое разделение функций вполне устраивало самодержавие. Ему было выгодно, чтобы крайне правые, снискавшие скандальную известность погромами, убийствами депутатов Думы и другими преступлениями, находились немного в стороне, как якобы «критикующие» правительство справа.

Крепостнически-дворянски-помещичий класс, черносотенные партии и фактически стоявший во главе их Совет объединенного дворянства были главной составной частью социально-политической основы самодержавия в эпоху империализма. Другой ее составной частью, тесно связанной с первой, являлось духовенство с его организациями.

§ 4. 4. Духовенство и его политические организации

Каждый угнетающий класс нуждается для охраны своего господства в двух социальных функциях. Первая из них — это функция палача, который должен подавлять протест и возмущение угнетенных, вторая — функция попа. Развернутая характеристика второй функции содержится в статье В. И. Ленина «Крах II Интернационала» (1915 г.). Здесь мы видим ключ к решению вопроса, который рассматривается в настоящем параграфе. Ленин писал: «Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы... смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное

настроение, разрушать их революционную решимость». Ленинское положение о функции по па разоблачало главную концепцию духовных кругов, объявлявшую церковь защитницей интересов народа.

Клир православной церкви всячески пропагандировал постулат теории официальной «народности», ставший своего рода «символом веры» царизма, — «православие, самодержавие, народность». Понятие «народность» духовенство толковало как покорность, будто бы органически присущую русскому народу — «царелюбивым христианам».

Многовековое господство религиозной идеологии в обществе, а также колоссальные богатства церкви сделали духовенство политически весьма влиятельным сословием с централизованным устройством. И в эпоху империализма православная церковь сохранила огромное количество земли, множество промышленных и торговых предприятий. Понятно, что российские самодержцы, и не в последнюю очередь Николай II с его мистической настроенностью, цепко держались за свою прерогативу верховного главы православной церкви. Царское законодательство начиная с петровского Духовного регламента обстоятельно определяло организацию и деятельность церкви, права и обязанности православного духовенства.

Место православной церкви в самодержавном государстве XX в. зафиксировали Основные государственные законы (ред. 1906 г.), содержавшие специальную главу «О вере». Она открывалась статьей, определявшей православную церковь как первенствующую и господствующую в Российской империи. Привилегированное положение государственной религии подчеркивалось нормой, устанавливавшей, что император не может исповедовать никакую иную веру, кроме православной. Государственный характер церкви, покровительство, оказываемое ей царской властью, и полное подчинение этой власти подчеркивались тем, что император объявлялся Основными законами верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры, блюстителем правоправия и всякого благочиния в церкви. Закрепляя неразрывную связь церкви с царизмом, Основные законы устанавливали, что «повиноваться верховной самодержавной власти императора, не только за страх, но и за совесть, сам бог повелевает».

В церковном управлении царская власть действовала при помощи созданного ею еще при Петре I (1721 г.) из духовной коллегии Святейшего правительствующего синода. Будучи главным органом государственного управления по делам православной церкви, Синод назначал духовных лиц на церковные должности, вел борьбу с еретиками и раскольниками, судил духовных лиц за преступления, перечень которых устанавливался законом, ведал материальным обеспечением церквей, осуществлял духовную цензуру, заведовал церковными тюрьмами и т. п.

Наиболее важные постановления Синода представлялись на утверждение царю. Он назначал личный состав Синода — 12 «правительственных особ» из числа наиболее монархически настроенных лиц, принадлежавших к Высшему духовенству (с 1905 г. — из оголтелых черносотенцев). Они приносили императору особую присягу, и которой подчеркивалось, что верховная власть по делам церкви у «всероссийского монарха, государя нашего». Но главе Синода стоял обер-прокурор, также назначавшийся царем, но из светских лиц. Статус обер-прокурора, которого Петр I определил как «око наше и стряпчий о делах государственных», установила инструкция от 13 июня 1772 г. Обер-прокурор осуществлял свои функции при помощи сети церковных фискалов (инквизиторов). Его роль возрастала на протяжении всего XIX в.⁹⁰ И эпоху империализма обер-прокурор, подчинявшийся непосредственно царю, фактически стал единоличным и полновластным руководителем всей

разнообразной деятельности Синода. Синод же превратился в своего рода большое министерство по делам православной церкви, с многочисленным и широко разветвленным бюрократическим аппаратом в центре и на местах. Следовательно, вся полнота Манти «в управлении церковном» находилась в руках цари.

Местными органами церковного управления с 1774 г. стали духовные консистории. Они возглавляли епархии (церковно-административные округа), границы которых определялись государственными органами. Консистория представляла собой коллегиальный церковно-административный и церковно-судебный орган при епархиальном архиерее (митрополите, архиепископе или епископе). Она ведала всеми делами епархии, судила церковников, а по религиозным преступлениям и по вопросам расторжения браков рассматривала также дела светских лиц. Во главе консистории стоял секретарь, подчинявшийся непосредственно обер-прокурору Синода и сам являвшийся как бы обер-прокурором в масштабе епархии.

Взятничество, волокита, крючкотворство и вымогательство, бывшие стилем деятельности секретаря и других должностных духовных лиц консисторий, снискали им печальную известность «мест нечестия, срама и позора». К началу XX в. в России насчитывалось 64 епархии, во главе которых стояли 3 митрополита, 16 архиепископов, 45 епископов. В подчинении у них находилось 36 тыс. церковных приходов. Взаимоотношения между «князьями церкви» и массой духовенства верно охарактеризовал знаток церковных порядков Н. Н. Фиолетов: «Неограниченная и безответственная власть епископов в пределах епархии, рабская зависимость подчиненного белого духовенства...»

Законы о состояниях закрепили возникшее на Руси после принятия христианства разделение православного духовенства на черное (монашеское) и белое (приходское). Духовенство освобождалось от всех личных податей и было единственным сословием, не несшим воинской повинности. Лица духовного состояния, за исключением монашеских, принадлежавшие к потомственному дворянству, пользовались всеми его правами. Обладало духовенство также рядом почетных прав и отличий. Сословием в собственном смысле слова могло считаться только белое духовенство, поскольку черное из-за обета безбрачия не являлось наследственным. Но для обеих частей духовенства были характерны привилегии, закрепленные в законе, безбедное существование за счет поборов с населения и систематических больших государственных субсидий, кастовый дух и связанная с этим изолированность от других сословий, а также единая социальная функция.

Еще дореволюционная прогрессивная литература справедливо прозвала духовенство чиновниками в рясах. «Князья церкви» («правительствующие»): митрополиты, архиепископы, епископы и прочие по своим доходам вплотную примыкали к верхам чиновничества. Они сильно отличались по материальной обеспеченности и образу жизни от низшего духовенства («правительствуемых»), что не могло не порождать острых противоречий среди церковников.

Однако это были противоречия внутри одного социального слоя, который, несмотря на оппозиционность его отдельных представителей и групп, в целом верой и правдой служил абсолютизму, представлял и защищал его официальную идеологию.

Самодержавие весьма пеклось об упрочении и этой своей опоры. Оно щедро оплачивало услуги духовенства, тратило большие средства на строительство церквей, часовен, монастырей. Их количество и соответственно численность клира непрерывно и быстро росли. Армия «чиновников в рясах», «колокольных дворян» превышала 100 тыс. человек.

Построенная на основе бюрократического централизма, православная церковь была мощной и очень богатой Организацией. Средства на содержание служителей «полицейской

религии» шли из многих источников. Одним из важнейших источников были земельные угодья и «денежные вспоможения», получаемые от царизма.

Имелось немало церквей-латифундистов, которые владели «угодьями», превышавшими 1 тыс. и даже 1,5 тыс. десятин. Многие священники кроме церковных земель, получаемых ими в пользование, имели в собственности Крупные поместья. «Крепостников в рясе» народ ненавидел, как особенно жестоких эксплуататоров.

Самодержавное государство всей своей силой защищало господствующую церковь и жестоко карало ее противников. В уголовных уложениях преступления против веры стояли впереди даже преступлений государственных. Например, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (изд. 1885 г.), действовавшем до Октябрьской революции, после первого раздела, который содержал нормы общей части уголовного права, непосредственно следовал раздел «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений». По такому же принципу построено Уголовное уложение 1903 г., введенное в действие лишь частично. В нем после первой главы «О преступных действиях и наказаниях вообще» идет глава «О нарушении ограждающих веру постановлений» (ст. 73 — 98). Оба уложения устанавливают за преступления против церкви тяжкие наказания. Так, за богохуление виновный подвергался лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на срок от 12 до 15 лет", за порицание христианской веры или православной церкви — лишению всех прав состояния и каторжным работам на 6 — 8 лет.

Церковь не оставалась в долгу. Выполняя свою функцию охраны и прославления царского абсолютизма, духовенство использовало широкий набор разнообразных средств: проповеди с церковного амвона, моления за императора и царскую фамилию, церковные школы, преподавание закона божьего во всех школах, открытие мощей и другие «чудеса», клерикальную литературу, религиозные общества. Немаловажное значение имели членство и нередко руководящая роль духовных лиц в черносотенных организациях, а также систематическое выполнение «слугами божьими» полицейских и даже чисто жандармских обязанностей. Синод требовал как можно чаще устраивать торжественные моления за царствующий дом.

Под давлением «князей церкви», резко усилившимся при известном реакционере обер-прокуроре Синода К. П. Победоносцеве (1880—1905 гг.), прозванном Русским Торквемадой, духовенство получило преобладающее влияние в начальной школе и неограниченные полномочия в церковных учебных заведениях. Последними руководили священники, и большая часть учебных часов там тратилась на преподавание закона божьего в соответствии с Положением о церковноприходских школах 1884 г. Такой порядок полностью отвечал интересам самодержавного государства. Поэтому правительство систематически увеличивало ассигнования на церковноприходские школы за счет сокращения расходов на светскую начальную школу.

В 1907 г. 25 тыс. церковноприходских школ получили от казны 10 млн. руб., тогда как 44 тыс. светских начальных школ — всего 9 млн. руб.¹⁰¹

Обязательным учебным руководством во всех начальных и средних школах служил Катехизис, составленный еще в 1893 г. крайним реакционером московским митрополитом Филаретом, защищавшим крепостное право ссылками на священное писание. Политическая направленность Катехизиса видна, например, из того, что, толкуя пятую библейскую заповедь «почитай отца и мать свою», ОН причисляет к родителям и все «предержащие власти». Катехизис сделал преподавание закона божьего орудием политического воспитания миллионов детей и юношей в монархическом духе. Демократические силы и шедшие в их

авангарде большевики разоблачали лженаучную постановку обучения, направленную на воспитание учеников в духе преклонения перед царем-самодержцем.

Защиту царского самодержавия и борьбу с «революционной заразой» ставили своей целью многочисленные церковные политические организации. Например, Общество хоругвеносцев, члены которого носили утвержденный Синодом отличительный знак с изображением церковной хоругви, составляли вооруженные контрреволюционные банды. Эта «живая христова рать» содействовала полиции в разгоне народных демонстраций, активно участвовала в погромах, крестных ходах, а также доносила жандармерии на «политически неблагонадежных». Делегация хоругвеносцев была торжественно принята Николаем II.

Учрежденное в Петербурге по инициативе и под покровительством Синода Содружество христианской молодежи вело клерикально-черносотенную и монархическую пропаганду среди студенчества и учащихся средних школ. В годы столыпинской реакции церковь создала сотни религиозных проабсолютистских братств, насчитывавших несколько миллионов членов: Братство святителей московских, Братство животворящего креста господня, Братство святого Михаила, князя Черниговского и т. п. Почетным «братчиком» был Николай II.

«Колокольные дворяне» помогали царизму в «делании выборов» в Государственную думу. Синод обязал епархиальных архиереев внушать своим подчиненным — выборщикам, чтобы те поддерживали угодных правительству кандидатов. В. И. Ленин в статье «Духовенство на выборах и выборы с духовенством» (октябрь 1912 г.) писал, что «попам „внушено“ всем явиться». По указанию Синода священники в своих проповедях требовали, чтобы верующие голосовали не только против смертельно ненавистных царизму и клерикалам большевиков, но даже против октябристов, которых духовенство относилось к левым и с амвонов клеймило как «октябрей-хриstopродавцев». Священнослужители грозили небесными карами тем, кто не голосует за сторонников самодержавия.

Церковь весьма содействовала тому, что в IV Думу попало около 150 правых, в том числе 45 священников и 2 епископа. В 46 губерниях Европейской России на съездах мелких землевладельцев и настоятелей церквей было выбрано 7900 уполномоченных, из них священников 0516, т. е. 82%. Так случилось потому, что мелкие землевладельцы очень редко ездили на выборы, не будучи в них особенно заинтересованными, а зачастую и не имея средств, да и желания преодолевать массу полицейских рогаток. Священников же начальство обязало участвовать в выборах. Показательно, что духовенство не выдвигало своих кандидатов в тех избирательных округах, где имелаась уверенность в победе правых, например в Курской губернии. Там же, где была возможность победы левых сил, чиновники в рясах проявляли максимальную активность.

В десятилетия, предшествовавшие первой русской революции, церковь более чем когда-либо прежде становится на деле также помощником тайной полиции. Понимание этой неофициальной функции клерикалов широко распространилось в народе после 9 января 1905 г., когда агент охраны священник Гапон, тесно связанный с петербургским митрополитом Антонием Вадковским, подвел многие тысячи рабочих под пули и шашки царских опричников. Особенно прославились своей шпионской деятельностью миссионеры, снискавшие даже в духовной среде прозвище «служителей охраны».

В конце 1905 г. Победоносцев, недовольный конституционным манифестом 17 октября, вырванным революцией у Николая II, обратился к царю с письмом. Напомнив, что российский император «еще и папа Восточной церкви», он заклинал царя хранить самодержавную власть, ибо в случае отказа от нее «церковь окажется без главы, потеряет

свой авторитет, религия ослабнет». Лидер мракобесов пугал монарха: «Уклонение от самодержавия — истинный грех против закона божьего, преступление против предначертаний свыше. Обязанность царя оставить своим потомкам божественное наследство, но уменьшенное влиянием нечестивых тенденций».

Духовенство в 1905—1907 гг. открыто выступило в роли органической и важной части российской контрреволюции, ратовавшей за неограниченное самодержавие. В. И. Ленин в статье, опубликованной в ноябре 1905 г., и числе тех, на кого действительно опиралась царская власть, назвал и «одичалых попов». В связи с отлучением Синодом Л. Н. Толстого от церкви Ленин писал в 1910 г. о гнусной мерзости, учиненной чиновниками в рисах, жандармами во Христе, темными инквизиторами.

Духовенство и его организации оставались важной частью социально-политической основы самодержавия вплоть до последних дней его существования. Специально созданные «духовные отряды» активно действовали в армии во время мировой войны.

Но уже после 9 января 1905 г. стала систематически снижаться посещаемость церквей и церковноприходских школ, во всех слоях народа заметно росло недовольство проабсолютистской деятельностью церкви. «Веры не слышно (даже) у правящих людей, и увы! — мало слышно ее и у архиереев и у тех, кои вопят ныне о свободе», — жаловался Победоносцев.

Крупный помещик правый октябрист М. С. Сухотин в июле 1906 г. сетовал: «Куда девалось это православие, пропитывавшее будто всю жизнь русского человека?»; «революционеры сделали то, что из семи православных русских мужиков шесть обратились в нигилистов».

Вследствие углублявшегося процесса «отпадения от церкви» духовенство все хуже выполняло свою охранительную функцию. Прогрессировавшее ослабление его влияния на народные массы очень беспокоило царизм. Отсюда различные проекты церковных реформ и создание для их разработки специальных учреждений. Например, в 1905 г. было образовано Особое совещание по перестройке церковного управления во главе с председателем Совета министров Витте. Последний выработал ряд предложений: восстановить патриаршество, ликвидированное Петром I, расширить права церковного прихода, реорганизовать Синод и осуществить ряд других мер, которые, увеличив самостоятельность церкви по отношению к государству, способствовали бы повышению ее авторитета в глазах верующих. Проект Витте вызвал острые разногласия среди церковных иерархов. Противники малейшего ограничения царской власти встретили его в штыки, а так называемое «прогрессистское» духовенство заявило, что будет молиться за Витте. Первые взяли верх, и из предложений Витте мало что было реализовано.

Не имели сколько-нибудь значительного успеха и проекты реформ управления церковью, выдвигавшиеся в годы столыпинской реакции и нового революционного подъема. Дальнейшему падению влияния духовенства в народе немало способствовала распутинщина, поскольку «целый сонм иерархов в погоне за карьерой сознательно связал себя с „распутинством».

Тесная связь православного духовенства с самодержавием, их взаимная поддержка не ослабевали до последнего дня царизма. Характерно, что даже после свержения монархии около месяца продолжалось поминание царя на церковных службах.

В большей или меньшей степени опорой царизма служил также клир всех наций и народностей империи. Духовенство каждой религии выполняло ту же социальную функцию, что и православное, и, подобно ему, нуждалось в поддержке со стороны царизма.

Самодержавие, проводя великодержавную политику религиозных гонений и травли «иноверцев», чтобы таким путем отвлечь трудящиеся массы от классовой борьбы, в то же время осуществляло действенные меры, призванные обеспечить ему поддержку служителей всех культов. С этой целью царизм издавал постановления о веротерпимости (смотря, однако, сквозь пальцы на их систематические нарушения), о привилегиях духовенству разных вероисповеданий, ставил в зависимость от себя назначение их руководства и т. п. Приведем несколько типичных примеров.

В Своде законов не православному духовенству посвящены специальные главы в т. IX и уставы иностранных исповеданий в т. XI. Введение к Своду этих уставов открывается статьей, которая, провозгласив, что первенствующая и господствующая вера в Российском государстве есть православная, далее говорит, что и все, не принадлежащие к ней, пользуются «свободным отправлением своей веры и богослужения». Аналогичную норму содержали и Основные государственные законы 1906 г. (ст. 66).

Но практика царских органов управления, полиции, судов обычно руководствовалась иными установками, исходившими не из признания, а из отрицания веротерпимости. Правительство и царь делали вид, что не замечают этого. Однако в годы революционной ситуации и первой революции в России царизм, стремясь укрепить свою ослабленную социально-политическую основу, был вынужден издавать законы об устранении юридических и фактических ограничений свободы вероисповедания.

Так, в пункте 6 именного высочайшего указа от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» Николай II признал необходимым «подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям», и независимо от этого принять «ныне же» «меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного стеснения». Нетрудно понять, как серьезны были эти стеснения, если о них пришлось говорить в столь важном царском указе.

И февраля 1905 г. последовало высочайше утвержденное положение Комитета министров о порядке выполнения п. 6 указа. Оно обязывало министра внутренних дел без замедления отменить все, за исключением предусмотренных в ст. 2 указа, административные распоряжения, стесняющие свободу исповедания веры и не основанные прямо на законе. Министру также поручалось не допускать впредь применения «к делам религиозного свойства» положений: 1) о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и 2) о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей. Всем начальникам ведомств и, в частности, обер-прокурору Синода предписывалось немедленно «войти с докладом» к императору о помиловании тех лиц, которые по его особым повелениям, испрошенным надлежащими ведомствами, были подвергнуты без суда высылке и лишению свободы «за религиозные заблуждения и вытекающие из оных поступки». Таким образом, и этот указ косвенно свидетельствует о распространенности гонений по религиозным мотивам, что было угодно, подчеркнем, господствующей церкви и укрепляло ее связь с самодержавием, но, естественно, мешало его стремлению укрепить свою социально-политическую опору при помощи духовенства иных религий.

15 апреля 1905 г. последовал новый, причем пространный указ Николая II, прямо называвшийся «Об укреплении начал веротерпимости». Он, в частности, присвоил духовным лицам, избираемым общинами старообрядцев (до этого указа они презрительно именовались раскольниками) и сектантов, наименование «настоятелей и наставников».

Устанавливалось также, что по утверждении их в должностях надлежащей правительственной властью они получают значительные привилегии (освобождение от призыва на действительную военную службу и др.). Так, в обстановке революции самодержавие начало привлекать на свою сторону старообрядческое и сектантское духовенство. В отношении служителей культа других религий оно еще раньше и небезуспешно применяло такую тактику.

Представление об этом дает изучение уставов иностранных исповеданий. Во введении к Своду этих уставов указывалось, что духовные дела христиан иностранных исповеданий и иноверцев «ведутся их особыми духовными управлениями», которые «к тому предназначены» самим царем. Указав, что эти управления, исполняя возложенные на них обязанности, «поступают по правилам и уставам своей веры», закон далее подчеркивал, что вместе с тем они соблюдают государственные узаконения и по долгу присяги «охраняют все священные права и преимущества» царя и законы государства.

Руководящая часть клира всех религий утверждалась, как правило, самим императором. Им назначались высшие духовные чины римско-католического исповедания: архиепископ — митрополит, епископы епархиальные и другие (по предварительному соглашению с римским папой). Все они приносили присягу на верность самодержцу всероссийскому. Царь назначал президента и вице-президента евангелическо-лютеранской генеральной консистории, патриарха-католика и членов Синода армяно-грегорианской церкви, таврического муфтия и кадий-эскера, принадлежавших к высшему магометанскому духовенству, ламу — высшее духовное лицо у калмыков.

Министр внутренних дел назначал председателя и членов раввинской комиссии, состоявшей при министерстве внутренних дел по департаменту духовных дел иностранных исповеданий. Кандидаты, из состава которых производилось это назначение, выбирались еврейскими обществами тех губерний, где евреи имели право жительства. Характерно, что участвовать в выборах закон разрешал только купцам.

Сенат по представлению министра внутренних дел утверждал высшее духовное лицо караимов — гахама. Другие духовные лица караимов утверждались в своих должностях губернским начальством. Ему закон предписывал утверждать «лишь людей, известных доброю нравственностью и преданностью начальству».

Это требование — быть преданным царским властям и прежде всего царю — было первым и безусловным для утверждения в должности любого духовного лица любой религии. Преданность царизму, доказанная на деле, награждалась. Закон устанавливал, например, что караимы, занимавшие 12 лет должность гахамов, приобретают потомственное почетное гражданство, а должности пониже (газанов и шамашей) — личное почетное гражданство. Так разными методами самодержавие расширяло свою социально-политическую основу за счет духовенства всех вероисповеданий.

По мере подъема первой революции в России самодержавие предпринимало дальнейшие меры по привлечению на свою сторону нерусского духовенства. Так, если по избирательному закону от 6 августа 1905 г. на предварительном съезде по выбору уполномоченных от владельцев недвижимых имуществ и от священнослужителей могли участвовать настоятели только православных церквей, то по указу от 11 декабря 1905 г. это право получили также настоятели церквей и молитвенных домов всех исповеданий, если церковь, либо ее причт, либо молитвенный дом владели в уезде землей. Это право было сохранено за духовенством всех вероисповеданий и Положением о выборах от 3 июня 1907 г.,

сведшим почти на нет избирательные права трудящихся.¹

§ 4. 5. Либеральный лагерь

Однако, как справедливо констатируют современные исследователи, проблема взаимоотношений либерального лагеря с царским самодержавием, особенно на протяжении всей эпохи империализма, все еще относится к числу малоизученных. В настоящей работе делается попытка как можно полнее использовать положения и выводы о российском либеральном лагере при империализме, содержащиеся в трудах В. И. Ленина, давшего впервые в литературе научное освещение всех основных вопросов этой многогранной темы. При этом автор, конечно, опирается на работы советских исследователей проблемы, особенно названных выше.

Развернутую характеристику либерального лагеря В. И. Ленин дал в работе «Картина временного революционного правительства» (июнь 1905 г.), содержащей анализ главных общественных сил, боровшихся тогда на политической арене России. Если правительственный лагерь стоял за неограниченное самодержавие, то пределом чаяний либералов было превращение царизма в конституционную монархию западноевропейского образца. В работе, написанной в 1912 г., Ленин подчеркнул, что либералы являются противниками и правительства, и революции.

Определяющей чертой либерального лагеря была его последовательно реформистская тактика, отказ и думать о свержении самодержавия революционным путем, стремление сохранить при преобразовании самодержавного государства и монархию, и помещичье землевладение. Либералы боялись народа больше, чем самодержавного царизма, а потому пододвигались к власти путем соглашательства с ним.

Выясняя различия между правительственным и либеральным лагерями, надо особо остановиться на классовом характере каждого из них, поскольку классовое деление было «самым глубоким основанием политической группировки», определявшим, в конечном счете, эту группировку. По своей классовой природе либеральный лагерь существенно отличался от правительственного. Если костяк последнего составляли бюрократически-военно-придворные элементы, опиравшиеся на крепостнически-дворянски-помещичий класс, то либеральный лагерь был буржуазным. Его составляла, по Ленину, более или менее крупная, умеренно-либеральная буржуазия (либеральные помещики, крупные финансовые тузы, купцы, фабриканты и т. п.). Подчеркнем, что к этому лагерю относились землевладельческая буржуазия — обуржуазившиеся помещики, а также богатая буржуазная интеллигенция: адвокаты, профессора, журналисты и т. д.

Крестьянская буржуазия в состав либерального лагеря не входила. Между нею и либералами имелись существенные противоречия. Либералы, например, стремились сохранить помещичье землевладение, а богатые Крестьяне ненавидели помещиков, притеснявших их, жаждали ликвидировать полукрепостническую кабалу и отобрать все земли у помещиков.

Нельзя сказать, что были либеральными и все без исключения слои торгово-промышленной и землевладельческой буржуазии. Ведь как препоны, чинимые самодержавием развитию капитализма, так и даваемые царизмом те ли иные поблажки, привилегии, субсидии и т. п. в различной степени затрагивали интересы отдельных слоев буржуазии.

¹ См.: Давидович, указ. соч.

Отсюда и их различное отношение к самодержавию, разная степень оппозиционности и даже видимое или действительное ее отсутствие. В январе 1905 г. Ленин указал, что самодержавие может иметь «настоящий мир» только с кучкой особо привилегированных тузов из землевладельческой и торгово-промышленной буржуазии, но не со всем этим классом.

В написанной летом 1917 г. статье «Классовый сдвиг» Ленин, характеризуя соотношение классов в 1904—1916 гг., четко отграничил от либеральной буржуазии магнатов финансового капитала, поддерживавших правительственный лагерь. Они не входили ни в состав этого лагеря, будучи лишь его союзниками, ни в либеральный лагерь. Путем соглашений и закулисных сделок с царизмом и его государственным аппаратом магнаты финансового капитала получали неслыханные в Европе прибыли. В их пользу царизм заключал грабительские договоры внешней политики и т. п. «Горой за правительство» стояли и старозаветные купцы.

Таким образом, в состав российского либерального лагеря при империализме Ленин включал те слои средней, крупной и монополистической буржуазии, а также буржуазной интеллигенции, которые так или иначе стояли за ограничение царского самодержавия, но только мирным, реформистским путем.

Поскольку классовой базой либерального лагеря была буржуазия, в связи, с чем можно называть его либерально-буржуазным лагерем, необходимо остановиться на определяющих чертах этого класса в эпоху империализма, что позволит не только получить более полное представление о либеральном лагере, но и глубже и всестороннее разобраться в проблемах сущности и эволюции самодержавия.

В современной буржуазной литературе распространена тенденция сильно преувеличивать экономическую слабость и преуменьшать организованность российской буржуазии. Так, швейцарский реформистский историк Валентин Гиттерман в третьем томе своей «Истории России» явно недооценивает хозяйственную мощь российского крупного капитала и его влияние на экономическую политику самодержавия. Сходную позицию занимает и Теодор фон Лауэ, утверждающий о якобы малой предприимчивости и несамостоятельности поведения «русских бизнесменов», которых, по его словам, вел царский министр Витте «по чуждому им пути».

В основе таких рассуждений лежат концепции, абсолютизирующие относительную технико-экономическую отсталость царской России XX в., противопоставляющие её Западной Европе. Неосновательность этих взглядов была вскрыта еще Лениным и на большом фактическом материале показана в трудах советских авторов: Упомянутые буржуазные и реформистские концепции игнорируют тот определяющий факт, что уже в начале эпохи империализма российская монополистическая буржуазия хозяйничала в промышленности, торговле, финансах, на транспорте, особенно упрочив там свои командные позиции в годы мировой войны. Задолго до Февраля 1917 г. она в экономическом отношении была самым могущественным классом и экономически правила царской Россией.

Крупная буржуазия в России имела ряд существенных специфических черт, но отнюдь не те, что ей приписывают Гиттерман, Лауэ и их единомышленники. Так, её важной особенностью было тесное переплетение с крупнейшим дворянством. Множество экономических нитей связывало крупную монополистическую буржуазию с дворянским полуфеодальным землевладением и царской бюрократией. Самодержавие стремилось упрочить эту низь, чтобы за счет верхов буржуазии расширить свою сужавшуюся социальную базу. В условиях эпохи империализма, когда капиталистические

производственные отношения господствовали в экономическом строе России, тесное сотрудничество с буржуазией стало жизненно необходимым царизму. Без такого сотрудничества самодержавие уже не могло сохраниться. Царизм гарантировал буржуазии получение прибыли, в 2—3 раза большей, чем в Западной Европе. Эта «русская» сверхприбыль обуславливалась в XX в. самыми грубыми, но удобными и доходными формами эксплуатации. Неслыханно обогащали крупную буржуазию государственные заказы, покровительственный таможенный тариф, угодная капиталу налоговая политика, колоссальные финансовые субсидии казны и т. п.

В эпоху империализма самодержавие значительно больше, чем прежде, считалось в своей внешней политике с интересами буржуазии, особенно крупной и монополистической. Влияние буржуазии сыграло большую роль в том, что царизм стал проводить политику сближения с Англией и Францией против Германии и Австро-Венгрии.

Многосторонняя зависимость крупной буржуазии от самодержавного государства служила экономической предпосылкой ее контрреволюционности. Однако наиболее сильно толкало буржуазию к союзу с правительственным лагерем против революции то, что российский пролетариат уже в 1905—1907 гг. показал себя самостоятельным классом, могущим не только постоять за себя, но и руководить всем революционно-демократическим лагерем вопреки буржуазному либерализму, разоблачая его предательство. Таковы коренные причины того, казалось бы, неестественного положения, что буржуазия страны, где еще не победила буржуазная революция, боялась революции больше, чем самодержавного царизма, конфискации земли помещиков больше, чем сохранения политической власти дворян-крепостников.

Отсюда происходила и удивительная с точки зрения громадной *экономической* силы крупного капитала, обуславливавшей непрерывный рост материальной зависимости самодержавия от «буржуазии всея Руси», слабость буржуазии в политической области, «ее паразитическое, чудовищное, почти невероятное политическое бессилие», что определяло всю деятельность либерального лагеря.

Примечательно, что некоторые лидеры либералов, слегка порицая для проформы «жестокость и уродливость форм черносотенного движения», в то же время в своем кругу не скупилась на комплименты в его адрес. Дело и в том, что либералы видели в черносотенном движении, исполосовавшем элементы народной темноты, массовую базу для борьбы с народной революцией. Так, А. И. Гучков в ноябре 1906 г. писал: «Если наступит когда-нибудь день жизненной опасности для нашего отечества, оттуда, из этих черных сотен, встанут люди, которые с радостью отдадут свою жизнь за это отечество...» Специфическая черта российской буржуазии состояла в её особенно большой неоднородности, обусловленной Крайней неравномерностью развития капитализма, как по отраслям хозяйства, так и по экономическим районам страны. Крупная буржуазия была расколота на множество различных группировок, связанных с отдельными отраслями народного хозяйства, с определенными экономическими центрами, а также с национальностью ее представителей. В составе крупной буржуазии имелось пять основных группировок: московская, петербургская, южная, уральская, юго-западная.

Наибольшее значение в политической жизни имели первые две группировки. Доминирующая роль принадлежала московской буржуазии, как крупнейшей группировке отечественного промышленного капитала. Имея главным источником своей мощи текстильную промышленность, она опиралась на широкий внутрироссийский рынок и на собственные средства, а потому значительно меньше, чем другие, зависела от казны и

субсидий самодержавного государства. Отсюда ее значительная политическая активность и оппозиционность к абсолютизму. Типичными представителями московской группировки были крупнейшие текстильные фабриканты и банкиры: Рябушинские, задававшие тон в Московском биржевом комитете, Коновалов и др.

Руководящее ядро петербургской монополистической буржуазии составляли магнаты тяжелой промышленности и виднейшие представители складывавшейся финансовой олигархии, стоявшие в силу ряда исторических условий особенно близко к царскому государственному аппарату, например А. И. Вышнеградский, А. И. Путилов, И. И. Стахеев и др. К ним более всего применима данная в 1913 г. Лениным оценка сатрапов российской промышленности как кучки «монополистов», защищенных государственной помощью и тысячами проделок и сделок с теми именно черносотенными помещиками, которые своим средневековым землевладением (миллионов 70 десятин лучшей земли) и своим гнетом осуждают $\frac{5}{6}$ населения на нищету, а всю страну на застой и гниение.

Сатрапы объединялись в организации, которые никак нельзя отнести к либеральному лагерю, например советы съездов предпринимателей, общества заводчиков и фабрикантов, совещательные конторы и др. Одной из наиболее влиятельных организаций такого рода был Совет съездов представителей промышленности и торговли, фактически объединивший многих магнатов промышленности и финансового капитала, воротил отечественной крупной промышленности. Эти организации вошли в литературу под названием «представительных». И сами они нередко так именовали себя, подчеркивая, что представляют интересы промышленности и торговли перед правительством.

Большой фактический материал о деятельности этих организаций был собран в анкете об «общественных» организациях торгово-промышленного класса в России (1910 г.). Обобщая этот материал, один из членов анкетной комиссии меньшевик-ликвидатор А. О. Гушка (Ерманский) сделал вывод о необходимости отказаться от господствующего «традиционного предрассудка», т. е. взгляда большевиков, будто торгово-промышленный класс России политически поработен и занимает положение приниженного класса, смеющего только вымаливать подачки «начальства».

Однако материалы анкеты, напротив, по сути дела, подтверждают такой взгляд. Отличительная черта всех (ТИХ «представительных» организаций, подчеркиваемая ими самими, — аполитичность, выражавшаяся в отсутствии оппозиционности по отношению к государственному строю, и полном отказе выступать «за конституцию». Эти Организации не поднимались и не хотели подниматься до обсуждения политических вопросов. Орган Совета съездов представителей промышленности и торговли журнал «Промышленность и торговля» в 1908 г. категорически заявил: «Из новой организации совершенно устранен политический момент. Наши съезды — исключительно профессиональная организация, живущая в пределах законов, действующих в каждый данный момент. Вот почему ни до сих пор, ни впредь на страницах нашего журнала вопросы общей политики не находили и не будут находить себе места. Наш удел — вопросы хлеба насущного, вопросы скорейшего подъема производительных сил России, а не бесконечные политические споры».

Уже самый перечень вопросов, которые рассматривались «представительными» организациями, показывает не широту, как уверяет Гушка, а, наоборот, узость их компетенции и интересов. Они обсуждали вопросы: о подходящем налоге, об изменении ставок таможенного тарифа, о железнодорожном тарифе, страховании рабочих, о законодательстве относительно акционерных компаний и т. п. По обсуждавшимся вопросам они, если находили нужным, обращались с ходатайствами к соответствующим министрам

или к правительству. Большинство ходатайство полностью или частично удовлетворялись. Верх смелости «представительных» организаций — это ходатайства о «допущении» представителей промышленности и торговли в те или иные государственные учреждения.

Даже такая влиятельнейшая и полномочная организация крупнейшего капитала, как Совет съездов, не смела, сходить с «государственной почвы», созданной помещиками-крепостниками. Причем и на этой почве она только «ходатайствовала», да и то об интересах не всего класса буржуазии, а лишь своего слоя, своей группы. Таким образом, анкета была объективно еще одним подтверждением того выдвинутого большевиками положения, что и при империализме крупная российская буржуазия оставалась политически поработанной крепостниками-помещиками и царским абсолютизмом. Закономерно поэтому, что противоречие между политическим всевластием последних и неуклонным ростом хозяйственной мощи монополистической буржуазии, *правившей* страной экономически, все более и более углублялось, отчего сумма политических противоречий в стране увеличивалась. Это не могло не ослаблять позиции самодержавия.

Совет съездов и другие подобные объединения крупной и крупнейшей буржуазии были деловыми организациями монополистического капитала и не входили в либеральный лагерь. Но он и без них был, как уже говорилось, довольно мозаичным. Что же сплачивало входившие в его состав разнородные организации в особый политический лагерь? Цементом, правда не отличавшимся большой прочностью, служили интересы развития капитализма, необходимо порождавшие либеральную оппозицию самодержавному государству. Эта устаревшая политическая надстройка находилась в противоречии с потребностями развивавшегося буржуазного общества. Поэтому интересы российской буржуазии как класса все больше и больше сталкивались с царизмом. Недаром даже крупные капиталисты, особенно московские, подчас роптали, недовольные политическим всевластием крепостников-помещиков и абсолютизма.

Общее несоответствие интересов абсолютизма и буржуазии выражалось не в последнюю очередь в том, что защищавшиеся самодержавием латифундии и другие пережитки крепостничества, разоряя крестьянские массы, чрезвычайно сужали их покупательную способность, т. е. внутренний рынок, без которого промышленность не имела надежной базы для роста.

Буржуазия была недовольна архаическим правом, основу которого составляло законодательство феодальной эпохи. И в XX в. закон продолжал относить буржуазию к «среднему роду людей». Регламентация ее правового положения показывает, насколько недалеко ушла юридическая надстройка царской России накануне 1917 г. от Свода законов в редакции, утвержденной Николаем I в 1832 г. Так, Законы о состояниях, в частности статьи «О купцах», не отражали качественного различия в составе и роли российской буржуазии периода монополистического капитализма и времени Николая I.

Буржуазию глубоко возмущало сохранение элементов её сословного неравноправия с землевладельческим дворянством, невозможность получать наиболее видные и выгодные посты в государстве, при дворе, в гвардии, необходимость, как и при феодализме, выпрашивать у царских сановников государственные заказы, различные льготы, ссуды и т. п. Буржуазия роптала на судебную контрреформу, возмущалась царским правом, которое в эпоху монополистического капитализма держало своего рода пальму первенства по числу законов и правил, устанавливавших беспримерную полицейскую опеку правительства. Буржуазия в то же время эти законы и правила, как нигде, легко обходились и грубо нарушались администрацией и полицией, что не раз подчеркивал В. И.

Ленин. Недовольство буржуазии всеми этими пережитками Крепостничества отчетливо выразило Воззвание Всероссийского промышленного союза, принятое 11 ноября 1905 г. и обращенное «ко всем верноподданным деятелям торговли и промышленности». Оно содержало призыв объединиться для достижения «наших классовых нужд и потребностей». Затем излагалась политическая Программа Союза, содержащая требования конституционной монархии и всеобщего равенства граждан путем уничтожения всех сословных привилегий. Далее шла Объяснительная записка к программе Союза с изложением претензий крупной буржуазии. На первом месте здесь стояла жалоба на «зачастую крайнюю древность законодательства», которое содержит «ряд тормозов» для развития торговли и промышленности.

В обоснование этой претензии говорится: «Достаточно указать на действующие доселе уставы торгового судопроизводства, кредитный, торговый, консульский, на практику конкурсных и административных производств, в корне подрывающих здоровый торгово-промышленный кредит, на отсутствие торговой регистрации фирм... на часто практикуемый концессионный вместо явочного характер открытия торговых и промышленных заведений... на нетерпимое в смысле правовом положение в государстве представителей торговли и промышленности».

Резюмируя свою резко отрицательную характеристику российского права, воззвание утверждает: «Вместо твердых законодательных норм, одинаково обязательных для всех, и управляемых, и управляющих,— так называемое административное управление. Полицейский характер управления государством, т. е. опека и попечительство, выражался доселе не только в виде административного управления, но и в виде непрерывного вмешательства в жизнь и деятельность граждан, в частности в торговлю и в промышленность». Далее рассказывалось о том, какой вред приносит торговле и промышленности управление «по чиновничьему усмотрению» в таможенном деле, налоговом обложении, системе кредита и некоторых других областях.

Жалобы на несоответствие российского права насущным потребностям развития промышленности и торговли из-за его архаизма содержатся также в программном документе монополистической буржуазии периода мировой войны. Достаточно сказать, что с точки зрения царского права капиталистические монополии и в эпоху империализма были «нелегальными», а их хозяева могли быть привлечены к уголовной ответственности по закону 1845 г. о наказании торговцев или промышленников за стачку «для возвышения цены».

Самодержавие хотя и давало буржуазии возможность применять наиболее грубые формы эксплуатации трудящими, и то же время ставило массу препятствий широкому развитию производительных сил, чем нередко восстанавливало против себя даже крупную буржуазию. А «гарантируя» буржуазии охрану от революционного пролетариата, царизм превращал эту охрану в такое полицейское бесчинство, которое не могло не возмущать ту же буржуазию. Несмотря на то что отдельные частные права буржуазии при империализме расширялись и ее роль в политической жизни возрастала, на долю буржуазно-либерального лагеря приходилось не более чем 1/100 политической власти и сохранялось политическое порабощение буржуазии абсолютизмом и крепостниками-помещиками. Все это определяло неизбежность конфликтов между буржуазией и царизмом, невозможность настоящего мира между классом буржуазии в целом и самодержавием.

Таким образом, коренные интересы развития капитализма необходимо порождали определенную буржуазную оппозицию самодержавию и обуславливали выделение особого,

либерального, лагеря. Либералы не могли не говорить о необходимости для развития страны известных гражданских свобод (буржуазных) и законности (буржуазной). Лишь получив их, буржуазия могла надлежащим образом организоваться политически, без чего ее экономическое господство не было обеспеченным. Чем более упрочивались капиталистические монополии, и крепла мощь финансового капитала, тем глубже становились противоречия между буржуазией и самодержавием.

Либеральный лагерь, выражавший интересы, стремления, весь политический облик российской буржуазии, занимал промежуточное положение между правительственными и революционно-демократическими лагерями. В зависимости от изменений в соотношении сил между этими двумя антагонистическими лагерями либералы колебались то влево, то вправо, обнаруживая неспособность и нежелание решительно бороться против самодержавия, которое было жизненно необходимо либеральной буржуазии для борьбы против народной революции, для подавления революционного пролетариата.

Не будучи в силах остановить революцию, либеральный лагерь стремился взять руководство ею в свои руки с целью, как признал вождь кадетов, «канализировать ее». Либералы призывали народ «слиться воедино», чтобы добиться замены самодержавия конституционной монархией, ограничения царской власти в пользу общества (читай: буржуазии). Им помогали меньшевики, отстаивая право буржуазии на руководящую роль в освободительном движении. Меньшевики считали буржуазию основной движущей силой в борьбе против самодержавия, а пролетариату предоставляли только «оказывать революционное давление на ее волю».

В современной антикоммунистической литературе о царской России вырисовываются две точки зрения по поводу российской буржуазии начала XX в. Согласно первой из них, изложенной, в частности, в книге Теодора фон Лауэ о Витте и индустриализации России, главным противоречием, раздиравшим тогда страну, было противоречие между буржуазией и царским абсолютизмом, а не между абсолютизмом и рабоче-крестьянскими массами, как это было на самом деле. Вторая точка зрения по существу игнорирует либерально-оппозиционное движение буржуазии. Обе эти точки зрения не отвечают исторической правде.

Еще ленинская «Искра» показала ошибочность высказанного тогда в брошюре «От редакции „Рабочей библиотеки“» (1900 г.) взгляда, что российской буржуазии якобы *пока* ничего не остается желать.

Либеральный лагерь в лице своих партий, союзов, печати выступал за цензовую конституцию. Это не противоречит факту, что оппозиционности буржуазных либералов были характерны робость, непоследовательность и половинчатость, отказ даже думать о революционной борьбе за государственную власть. Либералы лавировали между царизмом и народной революцией, предавая ее во всякий серьезный момент. Подчеркивая эти характерные черты буржуазного либерализма, Ленин учил партию и рабочий класс использовать борьбу либералов с крепостниками из-за дележа власти для развития и усиления революционного натиска рабоче-крестьянских масс, направленного на свержение самодержавия.

Революция 1905—1907 гг. очень быстро раскрыла на деле контрреволюционную природу либерализма, буржуазного по своему объективному содержанию политического течения. Знаменательным событием на пути полнейшего разрыва либерализма с освободительным движением и России, с его основными задачами и традициями был сборник «Вехи», который В. И. Ленин в декабре 1909 г. назвал энциклопедией либерального

ренегатства. Составленный известными кадетскими публицистами Бердяевым, Булгаковым, Гершензоном, Кистяковским, Струве, Франком и Изгоевым, сборник явился великолепным разоблачением самими идейными вождями либерализма сущности этого политического направления как антидемократического, контрреволюционного. Все содержание сборника неопровержимо свидетельствовало о том, что произошел решительный поворот либеральной буржуазии «от защиты прав народа к защите учреждений, направленных против народа». Либералы сочувствовали демократии, пока она не приводила в движение народные массы. Когда же демократия втянула массы и они начали борьбу за свои задачи, за свои интересы, либералы отвернулись от демократического движения масс и попели войну против него. Так, «Вехи» с циничной прямоотой призывали «благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от прости народной». Приведенный призыв характеризует действительную сущность политики либералов, и в частности кадетов, в период 1905 — 1909 гг.

Однако контрреволюционность либерального лагеря была иной, чем контрреволюционность правительственного лагеря. И, перейдя в конце 1905 г. на контрреволюционные позиции, либералы продолжали оставаться в известной оппозиции к самодержавию. Делать из контрреволюционности либеральной буржуазии вывод, что ее оппозиционность, недовольство, конфликты с черносотенными помещиками не имели значения, например в процессе нарастания нового революционного подъема,— значит совершать громадную ошибку, представляющую собой, по оценке Ленина, настоящий меньшевизм наизнанку.

Опору либерального лагеря составляли земские органы местного самоуправления. Буржуазная литература обычно сильно преувеличивала их политическое значение, т. е. значение как фактора борьбы за политическую свободу. Правда, земства противопоставляли выборные учреждения бюрократии, раскрывали реакционный характер царского чиновничества, поддерживали недовольство самодержавием, хотели упрочить свое положение. Земские деятели мечтали и в различных формах ходатайствовали о том, чтобы подвести под земство «фундамент» в виде волостного земства и увенчать здание всероссийской земской организацией, но при всем этом земство не было сколько-нибудь самостоятельным фактором политической борьбы, а играло роль одного из ее вспомогательных факторов.

Нараставший в первые годы XX в. подъем революционного движения, успехи нелегальной социал-демократической печати, а также стремление расширить социальную базу либерализма вынудили либеральных деятелей искать общий язык с левыми силами, чтобы направить по мирному руслу массовое демократическое движение.

В нелегальном Союзе освобождения, образованном группой либеральных земских деятелей и буржуазной интеллигенции (январь 1904 — октябрь 1905 г.), четко наметились два крыла. Правое крыло составили типичные буржуазные либералы, будущие активные кадеты: П. Б. Струве, П. Н. Милюков, Н. Н. Львов и др. На левом крыле находились деятели либерально-народнического направления, ставшие позднее руководителями Народно социалистической партии (онесы): А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский, В. Я. Богучарский и др.

Тактика «освобожденцев» четко выражала стремление либералов заключить сделку с царем на основе сохранения монархии и создания общероссийского представит^{ельного} учреждения, в котором тон задавала бы буржуазно-помещичья верхняя палата. Характерно, что, когда началась народная революция, быстро шедшая к вооруженному восстанию против

самодержавия, «освобожденцы» стали клеймить призывы к восстанию как «безумные и преступные», выступая на словах за мирный переход власти к народу.

Самые смелые чаяния либералов рельефно выразил Проект русской конституции, подготовленный группой «освобожденцев» и изданный весной 1905 г. редакцией журнала «Освобождение». Он предусматривал сохранение царской монархии и создание двухпалатного парламента. Нижняя — «Палата народных представителей» должна была избираться всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Верхняя же — «Земская палата» подлежала избранию земскими собраниями и городскими думами на основе двухстепенных выборов. Таким образом, государственная власть «справедливо» делилась между тремя силами: 1) монархом с самодержавной бюрократией, 2) помещиками и капиталистами — безраздельными хозяевами не демократически избранной верхней палаты и 3) «народом», получившим возможность быть представленным в нижней палате. Своего главного противника — рабочий класс буржуазия от участия в верхней палате отстраняла двухстепенной системой выборов. А от выборов в нижнюю палату и от образования местных органов управления пролетариат оттеснялся установлением ценза оседлости — требованием проживать в данном уезде или городе в течение определенного срока.

Проект конституции был, затем воспроизведен в общеполитической части программы, принятой III съездом Союза освобождения, заседавшим в Москве в конце марта 1905 г., и опубликованной с комментариями П. Б. Струве. Так уже не в частном документе, каким был проект, а в официально принятой программе выявилось, о какой форме правления для России мечтал либеральный лагерь. Либералы хотели, чтобы ни одна из борющихся сторон — ни революционный пролетариат, шедший во главе трудящихся масс, ни правительственный лагерь — не одержала полной победы, чтобы они уравнивали друг друга. Такое положение дало бы либеральному лагерю возможность соединиться с царизмом и заставить народ довольствоваться формально одной «третьей», а на деле одной сотой долей государственной власти.

При анализе позиций либерального лагеря необходимо иметь в виду, что российская буржуазия только в ходе революции 1905 — 1907 гг. впервые начала складываться в единую и сознательную политическую силу. Этот процесс получил свое выражение в резко усилившемся спланировании капиталистов во всероссийские союзы, в более тесном соединении их с царским правительством для борьбы с пролетариатом, а также в росте среди буржуазии оппозиционных настроений. Если в период 1861 — 1905 гг. торгово-промышленная буржуазия казалась сравнительно довольной и менее оппозиционной, чем либеральное дворянство, то в 1905 г. она стала определенной либеральной оппозицией. Осознав себя экономически самым могущественным классом капиталистической страны, организовавшись в общенациональном масштабе, либеральная буржуазия устами своих политических партий, различных съездов, комитетов стала громко заявлять о неотложной необходимости политических реформ.

До Всероссийской октябрьской политической стачки 1905 г., когда по примеру героического русского пролетариата поднялись на борьбу все народы империи, либералы в ряде случаев держали сочувственный нейтралитет по отношению к революционному движению народных масс, называли революционные партии своими «друзьями слева» и даже декларировали, что «революция должна стать в России правительством». По уже тогда буржуазные группировки начали действовать против борьбы масс, поддержав, например, булыгинскую Думу именно из за вражды к революции.

Октябрьская всероссийская стачка стала переломным Моментом в движении

либералов, увидевших, что дальнейшие революционные взрывы ставят под угрозу само благосостояние буржуазии. Уже в ноябре 1905 г. начались Секретные переговоры одного из кадетских лидеров П. Струве с премьером Витте. В I и II Думах пресловутая оппозиционность кадетов вылилась в коленопреклоненную легальную «борьбу» с правительством наряду с их борьбой (без кавычек) против левых партий, в которых либералы видели главную помеху осуществлению своей контрреволюционной сделки с самодержавием.

Эволюцию буржуазно-либерального лагеря, его превращение в контрреволюционную силу, в союзника царизма против революции во многом объясняет то обстоятельство, что классовые интересы либерального лагеря требовали только реформ, т. е. перемен, которые не отнимали бы власти в государстве из рук крепостников-помещиков. И либералы в основном удовлетворились тем, что манифест 17 октября 1905 г. привлек буржуазию к участию в законодательной Государственной думе и обещал: политические свободы. Испуганный самостоятельной революционной борьбой пролетариата и крестьянства, особенно «ужасными днями», как Милюков назвал Декабрьское вооруженное восстание, либеральный лагерь провозгласил: «Довольно революции!»

Подчеркивая, однако, переход либерального лагеря после 1905 г. на контрреволюционную позицию, нельзя согласиться с мнением, что после поражения первой русской революции якобы «на деле создался единый фронт от Столыпина до ликвидаторов». Конечно, грани между либеральным и правительственным лагерями были не абсолютными и неизменными, а относительными, условными и подвижными. Но отсюда отнюдь не вытекает, что можно не считаться с фактом существования особого либерального лагеря и с наличием конфликтов между ним и правительственным лагерем. Другое дело, что эти конфликты после 1905 г., как правило, представляли собой расхождения между открытыми сторонниками самодержавия и «оппозицией его величества», а не «его величеству», как откровенно заявил лидер кадетов П. Н. Милюков, выступая летом 1909 г. в Лондоне.

После 17 октября 1905 г. существовавшее несколько десятилетий довольно широкое либерально-буржуазное движение земцев раскололось. Его различные группировки образовали ряд либеральных политических партий. Главные из них — кадеты и октябристы. Позднее возникла партия «прогрессистов», игравшая видную роль в III и IV Думах. Все либеральные партии были по своему характеру и целям буржуазными. Однако между ними существовало своеобразное «разделение труда». Октябристы открыто выступили против революции, объявили войну левым. Кадеты же, отстранившись от народа и начав секретные переговоры с премьером Витте, все чаще и чаще соглашаясь с октябристами, в то же время обманывали народ уверениями в своем «демократизме». «Прогрессисты» большей частью находились между правым и левым флангами либерального лагеря. Остановимся вкратце на основных чертах каждой из этих партий.

Конституционно-демократическая партия {кадеты} была образована на последнем съезде земских и городских деятелей в Петербурге (12 — 18 октября 1905 г.). В ее состав вошли «земцы-конституционалисты» без их правого крыла и Союз освобождения, за исключением его «левого» крыла.

Сложен вопрос о классовом характере кадетской партии. Сама она называла себя общенациональной, внеклассовой. Такой антинаучный, противоречащий правде жизни взгляд широко распространен в современной буржуазной литературе. Меншевики видели в кадетях партию городской демократии.

Социальной опорой партии был, как показал Ленин, с одной стороны, массовый

городской обыватель, а с другой — либеральный помещик, тяготевший через посредство либеральничавшего чиновника к сделке с царским самодержавием; основную же «силу» кадетов составляла «сила» буржуазной интеллигенции. Не связанная с каким-либо одним определенным классом, партия кадетов была, однако, вполне буржуазной по своему составу, характеру, программе и тактике. Она колебалась между демократической мелкой буржуазией и контрреволюционными элементами крупной буржуазии и сильно поправила после революции 1905 — 1907 гг.

Программа партии была принята ее учредительным съездом (12—18 октября 1905 г.) и несколько изменена на II съезде, состоявшемся в Петербурге в январе 1906 г. В программе провозглашалось требование равенства всех перед законом и демократических свобод: совести, вероисповедания, слова, печати, собраний и т. п. Власть в государстве, по кадетской программе, должна была делиться приблизительно на три части, о которых говорилось в программе «освобожденцев», а именно: между конституционным монархом, верхней палатой, составлявшейся из представителей органов местного самоуправления, т. е. помещиков и крупных капиталистов, и нижней палатой, избиравшейся на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Принятый учредительным съездом устав кадетской партии провозгласил основной ее целью установление конституционного строя на демократических началах и улучшение экономического положения трудящихся. В состав избранного им ЦК партии вошли «левые» деятели земско-либерального движения.

II Всероссийский съезд кадетской партии, состоявшийся через три месяца после учредительного, отразил ее поворот вправо. Он отказался от требования учредительного собрания и внес другие примечательные изменения в программу. Так, формулировка ст. 13, гласившая: «Конституционное устройство Российского государства определяется основным законом», что не исключало возможности установления республики, была дополнена указанием принципиально иного порядка: «Россия должна быть конституционной и парламентарной монархией...» Зато к названию партии съезд прибавил демагогический подзаголовок: «Партия народной свободы».

Кадеты уверяли, что их программа — программа демократов, тогда как она была программой либерально-монархической буржуазии, рассчитанной на выполнение лишь в сотрудничестве с царизмом и предусматривавшей не уничтожение средневековых привилегий, а раздел их между дворянами-помещиками и буржуазией. Двуличность, фальшь и лицемерие программы кадетов, а равно их тактики и политики порождались двойственной и колеблющейся классовой основой этой партии.

Либеральные авторы, например Н. Ф. Езерский, обманывали читателя, уверяя, что партия кадетов якобы вела бескомпромиссную борьбу с самодержавием и «не ослабила даже на минуту свою оппозицию старому режиму»¹⁹⁵. В действительности же она была партией конституционных иллюзий, а не серьезной борьбы за настоящую (не бумажную только) конституцию. V (Лондонский) съезд РСДРП (1907 г.) отметил, что идеал кадетов и других партий либерально-монархической буржуазии не выходит за пределы упорядоченного буржуазного общества, защищенного монархией, полицией, двухпалатной системой, постоянной армией и прочим от посягательств пролетариата. После поражения революции лидер кадетов Милюков заговорил в центральном печатном органе своей партии уже не о «друзьях слева», а о «врагах слева».

В октябре — декабре 1905 г., когда революция достигла своей кульминационной точки, в обеих столицах и некоторых крупных городах страны (Смоленск, Харьков и др.) возник ряд партийных группировок либеральной крупной буржуазии. Создание большого

числа таких Партий и союзов раздробляло силы крупной буржуазии, резко уменьшало ее шансы на выборах в Думу. Отсюда, естественно, стремление ее лидеров к объединению политических организаций крупного капитала.

Роль объединителя взял на себя *Союз 17 октября*. Решение о его создании было принято 10 ноября 1905 г. на совещании группы лиц, находившейся на крайне правом фланге буржуазного либерализма. Это П. А. Гейден, Д. Н. Шипов, А. И. Гучков, М. А. Стахович, князь П. С. Волконский, М. В. Родзянко, Н. И. Гучков и др. Они приняли Воззвание Союза 17 октября, ставшее программой партии. Спустя четыре дня его подписала также группа правых петербургских либералов: барон П. Л. Корф, граф В. В. Гудович, Ю. Н. Милютин, Л. Л. Столыпин и др. Воззвание призывало всех отвергающих «одинаково и застой и революционные потрясения» сплотиться, чтобы настоять на возможно скором, полном и широком осуществлении начал манифеста 17 октября и содействовать правительству, «идущему по пути спасительных реформ», в создании сильной и авторитетной власти. В своей программе октябристы отстаивали «конституцию» и свободы, а на деле поддерживали все мероприятия правительства против рабочих и крестьян.

Среди октябристов был велик удельный вес обуржуазившихся помещиков, главным образом тех, что вели большую торговлю хлебом и нуждались в покровительстве царского самодержавия, чтобы меньше платить пошлины, подешевле перевозить хлеб, подороже продавать его казне для винной монополии и т. п. В октябристской партии состояло и немало крупных фабрикантов, заводчиков, банкиров. Им также необходимо было покровительство царизма в части пошлин, цен, казенных заказов. Они нуждались в царской полиции и войске. Отсюда близость октябристов к черносотенцам в вопросе о распределении государственных доходов и расходов, в аграрном, рабочем и других вопросах. При этом у них были и расхождения. Октябристы не хотели мириться с безраздельным хозяйничанием полуфеодалов помещиков и чиновников, жаждали взять часть государственной власти в свои руки, стремились утвердить конституцию в свою пользу, обманывая народ мнимыми реформами. Лидерами октябристов были московский капиталист А. И. Гучков и крупный екатеринославский обуржуазившийся помещик М. В. Родзянко.

Союз 17 октября представлял собой классовую организацию части помещиков и в особенности более отсталых слоев буржуазии, вполне уже ставшей на сторону контрреволюции, явно поддерживавшей правительство и ставившей своей задачей осуществление цензовой и самой антидемократической конституции.

Взаимоотношения октябристов с царским правительством не раз претерпевали значительные изменения. В. И. Ленин точно фиксировал каждый такой их крутой зигзаг и обращал на него внимание большевистской партии. Так, в марте 1906 г., определив Союз 17 октября как явно контрреволюционную организацию, Ленин отметил, однако, что она еще не заключила окончательной сделки о дележе власти с самодержавной бюрократией, а потому пролетарская партия, ведя с октябристами самую беспощадную борьбу, должна использовать в своих целях их незакончившийся еще конфликт с правительством. В ноябре 1906 г. в листовке «Кого выбирать в Государственную думу?» Ленин отнес Союз 17 октября к проправительственным партиям. Затем он не раз относил октябристов к либеральной оппозиции.

На съезде октябристов в ноябре 1913 г. партия раскололась в связи с резкой критикой правительства, содержащейся в речи А. И. Гучкова. С порицанием предложенной им резолюции, осуждавшей правительство, выступило правое крыло октябристской фракции в Думе, «левое» же крыло потребовало взять резолюцию к руководству, а центр решил

принять ее к сведению. Из фракции, насчитывавшей почти 100 человек, вышли 22 «левых», 20 правых, а центр — около 60 депутатов во главе с Родзянко — заявил о верности «старому октябристскому знамени» и составил группу, назвавшую себя «земцами октябристами», подчеркнув таким образом свою сниск с либеральными помещиками. В июне 1915 г. произошло новое дробление октябристов на группы сторонником отдельных лидеров. Все это было причиной того, что в 1917 г. октябристы, делавшие все возможное, чтобы спасти царизм, быстро сошли с политической арены.

Еще раньше в политическое небытие ушли многие другие конституционно-монархические организации крупной буржуазии и капиталистических помещиков, по своему классовому характеру и программе близко примыкавшие к Союзу 17 октября. Среди такого рода недолговечных политических группировок сравнительно заметную роль играла *Партия мирного обновления*, образованная в июле 1906 г. группой бывших, стоявших на «левом» фланге октябристов (Д. Н. Шипов, П. А. Гейден, М. А. Стахович, П. П. Рябушинский и др.) и объединившимися с ними бывшими правыми кадетами (Н. Н. Львов, Б. Н. Трубецкой и др.). Довольно пространный программа «мирнообновленцев», признавая принципиальную справедливость всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, выступала, однако, против немедленного проведения его в жизнь в полном объеме из-за «совершенной неподготовленности сельского населения к политической жизни» и т. п. Такую антинародную позицию «мирнообновленцев» отчетливо выражал их печатный орган — газета «Слово». В 1912 г. они влились в партию «прогрессистов».

Прогрессивная партия оформилась на ее I съезде в Петербурге 11—13 ноября 1912 г., утвердившем программу и тактику «прогрессистов». Программа выступала за введение конституционно-монархического строя, при котором министры были бы политически ответственны перед двухпалатным народным представительством, образованным на основе недемократического избирательного права. Она требовала включения в Государственный совет представителей от крупных городов, умеренной узко цензовой конституции, буржуазных свобод и т. п. Лидеры «прогрессистов» — московские текстильные магнаты П. П. Рябушинский, А. М. Коновалов и другие — стремились к созданию своей «деловой» партии отечественного капитала. Костяк Прогрессивной партии, самой буржуазной по своему составу, составили крупные московские капиталисты. Программу «прогрессистов» проводила газета «Утро России» (выходила в 1907, 1909—1918 гг.). Она отражала позицию руководящих элементов «торгово-промышленного класса».

«Прогрессисты», не желая мириться с полным и безраздельным господством полуфеодального дворянства и царских бюрократов, выступали за «сильную власть», которая могла бы обеспечить приобретение новых рынков и заставила бы бюрократию считаться с капиталистами так же, как с крупными дворянами-помещиками. Создание Прогрессивной партии выражало значительное созревание классовых противоречий в стране, показывало, что из обще либерального лагеря начала выделяться и образовывать особую партию «настоящая» буржуазия. От октябристской партии «прогрессистов» отделяло то, что в ней был «слишком силен помещичий элемент, и то, что она до бессилия покладиста». А кадетской партией «прогрессисты» были недовольны за ее демагогические заигрывания с демократией, выражавшиеся в фальшивых разговорах о всеобщем избирательном праве, о принудительном (за выкуп) отчуждении помещичьей земли и т. п. Однако организационная сторона у «прогрессистов» оказалась очень слабой. Вся партия состояла, по сути дела, из думской фракции, а также комитетов в Москве и Петербурге. «Прогрессистам» не удалось, как признал один из их лидеров Бурышкин, «осуществить политическое объединение торгово-

промышленников».

Па программах всех российских партий не мог не сказаться тот исключительно важный исторический факт, что в связи с рабочим движением поднималось и национально-освободительное движение среди народов, угнетенных самодержавием, помещиками и капиталистами, получившее наибольшее развитие в Польше и Финляндии. По возрастающей кривой поднималось оно и в Средней Азии, где в 1916 г. произошло вооруженное восстание.

В отличие от программных документов национал-монархистов, с черносотенным цинизмом безоговорочно отрицавших самую идею равенства наций, либеральные партии позволяли себе фразы о желательности «равноправия» народов, однако с условием, чтобы все шаги в этом направлении были результатами царской милости, а не борьбы народных масс. Ведь целью либеральной буржуазии был лишь раздел с крепостниками-помещиками и царизмом власти над трудящимися массами нерусских народов.

Если в 1905 г. были известны только национал-реакционеры, то после революции народились и национал-либералы. К ним относились не только октябристы, но и кадеты.

Национал-либеральными были, судя по их программам и практической работе, также политические партии национальной буржуазии, окончательно оформившиеся в октябре — декабре 1905 г. Различавшиеся не только по незнаниям, но и по лозунгам, приемам деятельности и т. п., они на деле преследовали общую цель: захватить гегемонию в национально-освободительном движении и, запугивая самодержавие движением масс, вступить с ним в сделку на основе манифеста 17 октября 1905 г. против народной революции. Такую политику проводили, например, «народные демократы» (эндеки), бывшие главной партией польской буржуазии и помещиков. Ратуя на словах за автономию Польши, они в своем прислужничестве царизму докатились до того, что помогали самодержавию подавить выступления польского пролетариата. Финляндские буржуазные конституционалисты, угождая царизму, выдали ему на расправу в 1907 г. ряд лиц, обвинявшихся в политических преступлениях, травили Красную гвардию финских рабочих и т. п. Партия «Мусават», созданная в 1911 — 1912 гг. тюркской буржуазией, беками и ханами в Азербайджане, выступая с лозунгами объединения мусульман под знаменем ислама, в то же время обратилась к мусульманам с призывом помочь царю довести войну (с Германией и мусульманской Турцией) до победного конца, требовала от своих членов воздержания от критики действий царских чиновников и т. п.

Исходным пунктом программ, стратегии и тактики всех партий национальной буржуазии было сохранение царской монархии, ограниченной в той или иной степени органом народного представительства, защита интересов эксплуататорских классов, отстаивание привилегий «своей» нации. Это наглядно показала, в частности, деятельность в Государственной думе польского коло, объединявшего польских депутатов, мусульманской группы и других национальных фракций.

К каждой из этих партий может быть с полным основанием отнесен вывод В. И. Ленина в работе «К вопросу о национальной политике» (апрель 1914 г.) о том, что либеральная буржуазия всех наций России, и прежде всего и больше всего великорусская, боролась за привилегии своей нации (пример: польское коло против равноправия евреев в Польше), боролась за национальное обособление, за национальную исключительность и тем помогала политике царского министерства внутренних дел.

Большевики, систематически разоблачая как национал-реакционеров, так и национал-либералов, звали к единству рядов пролетариата всех наций России и разъясняли, что лишь

такое единство может дать гарантии равноправия наций, свободы народа, завоевание социализма.

Главная общая черта всех партий либерального лагеря состояла в том, что они выражали интересы и чаяния именно *либерально-монархической* буржуазии, а отнюдь не *либерально-демократической*, как уверяли меньшевики. Последние игнорировали тот определяющий факт, что основной политической теорией партий либеральной буржуазии, их «кредо» была теория соглашения с царским самодержавием. Меньшевики, никогда не упускавшие возможности подчеркнуть конфликты буржуазии с царизмом, всегда упорно затушевывали ее соглашательскую позицию по отношению к самодержавию, союз с ним против пролетариата, народа, революции. А именно эта сторона взаимоотношений буржуазии с абсолютизмом была главной, определяющей, все более и более выступавшей на первый план.

Бичуя меньшевиков за глубоко неверную оценку политики либералов, В. И. Ленин указывал, что в тех случаях, когда буржуазия выступает революционно, социал-демократия обязана ее поддерживать. Но эта поддержка должна заключаться, прежде всего, и больше всего в беспощадном разоблачении всякого ложного шага либеральной буржуазии, в показе рабочим неизбежности измен либералов.

Перед лицом развертывавшейся под гегемонией пролетариата народной революции либеральный лагерь встал на защиту царской монархии и помещичьего землевладения, только октябристы защищали их прямо, а кадеты и их единомышленники — косвенно. Либеральный лагерь и царизм с двух сторон готовили сделку между собой относительно куцей конституции, призванной юридически закрепить их союз, направленный против революционно-демократического лагеря.

ГЛАВА СТО ДЕВЯНОСТО ВОСЬМАЯ

Развитие Лениным марксизма на протяжении всех этапов дореволюционного пролетарского сознательного процесса развития России

§ 1. «Три источника и три составных части марксизма», как одна из основных работ, отмечающих единство, целостность научного понимания истории

Трудно найти хотя бы одну работу Ленина, как работу Маркса, Энгельса, в которой бы не было теоретических обобщений в области общественных и естественных наук.

В указанной работе, написанной в 1913 году, Ленин писал: «Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного отношения нельзя и ждать, ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но *вся* казенная и либеральная наука *защищает* наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала».

Но этого мало, продолжает Ленин. История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в

смысле какого-то замкнутого, застенелого учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма.

(И мы с вами, терпеливый читатель, могли убедиться в этом через все тома нашего исследования, стремящегося привести все научные знания в их естественной научной системе).

Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма.

На этих трех источниках и вместе с тем составных частях марксизма мы вкратце и остановимся, продолжает Ленин. А наш читатель может проследить, что все наше исследование разработано в соответствии с выводами Ленина.

Философия марксизма есть *материализм*. В течение всей новейшей истории Европы, и особенно в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п. Враги демократии старались поэтому всеми силами «опровергнуть», подорвать, оклеветать материализм и защищали разные формы философского идеализма, который всегда сводится, так или иначе, к защите или поддержке религии.

Маркс и Энгельс самым решительным образом отстаивали философский материализм и неоднократно разъясняли глубокую ошибочность всяких уклонений от этой основы. Наиболее ясно и подробно изложены их взгляды в сочинениях Энгельса: «Людвиг Фейербах» и «Опровержение Дюринга», которые — подобно «Коммунистическому Манифесту» — являются настольной книгой всякого сознательного рабочего.

Но Маркс не остановился на материализме XVIII века, а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений — *диалектика*, т. е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи. Новейшие открытия естествознания — радий, электроны, превращение элементов — замечательно подтвердили диалектический материализм Маркса, вопреки учениям буржуазных философов с их «новыми» возвращениями к старому и гнилому идеализму.

Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества*. Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, — из крепостничества, например, вырастает капитализм.

Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую

природу, т. е. развивающуюся материю, так *общественное познание* человека (т.е. разные взгляды и учения" философские, религиозные, политические и т. п.) отражает *экономический строй* общества./ Политические учреждения являются надстройкой над экономическим основанием. Мы видим, например, как разные политические формы современных европейских государств служат укреплению господства буржуазии над пролетариатом.

Философия Маркса есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу — в особенности.

Признав, что экономический строй является основой, на которой возвышается политическая надстройка, Маркс всего более внимания уделил изучению этого экономического строя. Главный труд Маркса — «Капитал» посвящен изучению экономического строя современного т. е. капиталистического, общества.

Классическая политическая экономия до Маркса сложилась в Англии — самой развитой капиталистической стране. Адам Смит и Давид Рикардо, исследуя экономический строй, положили начало *трудовой теории стоимости*. Маркс продолжал их дело. Он строго обосновал и последовательно развил эту теорию. Он показал, что стоимость всякого товара определяется количеством общественно-необходимого рабочего времени, идущего на производство товара. Там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл *отношение между людьми*. Обмен товаров выражает связь между отдельными производителями при посредстве рынка. *Деньги* означают, что эта связь становится все теснее, неразрывно соединяя всю хозяйственную жизнь отдельных производителей в одно целое. *Капитал* означает дальнейшее развитие этой связи: товаром становится рабочая сила человека. Наемный рабочий продает свою рабочую силу владельцу земли, фабрик, орудий труда. Одну часть рабочего дня рабочий употребляет на то, чтобы покрыть расходы на содержание свое и своей семьи (заработная плата), а другую часть дня рабочий трудится даром, создавая *прибавочную стоимость* для капиталиста, источник прибыли, источник богатства класса капиталистов.

Учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса.

Капитал, созданный трудом рабочего, давит рабочего, разоряя мелких хозяев и создавая армию безработных. В промышленности победа крупного производства видна сразу, но и в земледелии мы видим то же явление: превосходство крупного капиталистического земледелия увеличивается, растет применение машин, крестьянское хозяйство попадает в петлю денежного капитала, падает и разоряется под гнетом отсталой техники. В земледелии — иные формы падения мелкого производства, но самое падение его есть бесспорный факт.

Побивая мелкое производство, капитал ведет к увеличению производительности труда и к созданию монопольного положения союзов крупнейших капиталистов. Самое производство становится все более общественным, — сотни тысяч и миллионы рабочих связываются в планомерный хозяйственный организм, — а продукт общего труда присваивается горстью капиталистов. Растет анархия производства, кризисы, бешеная погоня за рынком, необеспеченность существования для массы населения.

Увеличивая зависимость рабочих от капитала, капиталистический строй создает великую мощь объединенного труда.

От первых зачатков товарного хозяйства, от простого обмена, Маркс проследил развитие капитализма до его высших форм, до крупного производства.

И опыт всех капиталистических стран, как старых, так и новых, показывает наглядно с каждым годом все большему и большему числу рабочих правильность этого учения Маркса.

Капитализм победил во всем мире, но эта победа есть лишь преддверие победы труда над капиталом.

Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось «свободное» капиталистическое общество, — сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Различные социалистические учения немедленно стали возникать, как отражение этого гнета и протест против него. Но первоначальный социализм был *утопическим* социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации.

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу*, которая способна стать творцом нового общества.

Между тем бурные революции, которыми сопровождалось падение феодализма, крепостничества, везде в Европе и особенно во Франции, все нагляднее вскрывали, как основу всего развития и его движущую силу, *борьбу классов*.

Ни одна победа политической свободы над классом крепостников не была завоевана без отчаянного сопротивления. Ни одна капиталистическая страна не сложилась на более или менее свободной, демократической основе, без борьбы не на жизнь, а на смерть между разными классами капиталистического общества.

Гениальность Маркса состоит в том, что он сумел раньше всех сделать отсюда и провести последовательно тот вывод, которому учит всемирная история. Этот вывод есть учение о *классовой борьбе*.

Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов. Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить сопротивление этих классов, есть *только одно* средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут — и по своему общественному положению *должны* — составить силу, способную снести старое и создать новое.

Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали доныне все угнетенные классы. Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма.

Во всем мире, от Америки до Японии и от Швеции до Южной Африки, множатся самостоятельные организации пролетариата. Он просвещается и воспитывается, ведя свою классовую борьбу, избавляется от предрассудков буржуазного общества, спланивается все теснее и учится измерять меру своих успехов, закаляет свои силы и растет неудержимо.

§ 2. Работа Ленина «Марксизм и реформизм», как оружие по разоблачению оппортунистов и ревизионистов всех направлений и борьбы с ними

В этой работе, написанной в сентябре 1913 года, когда оппортунизм захлестнул всё рабочее движение в Европе, Ленин писал: «Марксисты признают, в отличие от анархистов, борьбу за реформы, т. е. за такие улучшения в положении трудящихся, которые оставляют власть по-прежнему в руках господствующего класса. Но вместе с тем марксисты ведут самую решительную борьбу против реформистов, которые прямо или косвенно ограничивают стремления и деятельность рабочего класса реформами. Реформизм есть буржуазный обман рабочих, которые всегда останутся наемными рабами, несмотря на отдельные улучшения, — пока существует господство капитала.

Либеральная буржуазия, одной рукой давая реформы, другой рукой всегда отбирает их назад, сводит их на нет, использует их для закабаления рабочих, для разделения их на отдельные группы, для увековечения наемного рабства трудящихся. Поэтому реформизм, даже тогда, когда он вполне искренен, превращается на деле в орудие буржуазного развращения и обессиления рабочих. Опыт всех стран показывает, что, доверяясь реформистам, рабочие всегда оказывались одураченными.

Наоборот, если рабочие усвоили учение Маркса, т. е. сознали неизбежность наемного рабства, пока сохраняется господство капитала, то они не дадут себя обмануть никакими буржуазными реформами. Понимая, что при сохранении капитализма реформы не могут быть ни прочны, ни серьезны, рабочие борются за улучшения и используют улучшения для продолжения более упорной борьбы против наемного рабства. Реформисты стараются податками разделить и обмануть рабочих, отвлечь их от их классовой борьбы. Рабочие, сознавшие лживость реформизма, используют реформы для развития и расширения своей классовой борьбы.

Чем сильнее влияние реформистов на рабочих, тем бессильнее рабочие, тем зависимее они от буржуазии, тем легче буржуазии разными уловками сводить реформы на нет. Чем самостоятельнее и глубже, шире по целям рабочее движение, чем свободнее оно от узости реформизма, тем лучше удастся рабочим закреплять и использовать отдельные улучшения.

Реформисты есть во всех странах, ибо везде буржуазия старается так или иначе развратить рабочих и сделать их довольными рабами, отказывающимися от мысли об уничтожении рабства. В России реформисты, это — ликвидаторы, которые отказываются от нашего прошлого, чтобы усыпить рабочих мечтами о новой, открытой, легальной партии. Недавно, вынужденные «Северной Правдой» петербургские ликвидаторы стали защищаться от обвинения в реформизме. На их рассуждениях надо внимательно остановиться, чтобы отчетливо выяснить чрезвычайно важный вопрос.

Мы не реформисты — писали петербургские ликвидаторы — ибо мы не говорили, что реформы — все, что конечная цель — ничто; мы говорили: движение к конечной цели; мы говорили: через борьбу за реформы к полноте поставленных задач.

Посмотрим, соответствует ли эта защита истине.

Первый факт. Ликвидатор Седов, сводя заявления всех ликвидаторов, писал, что из «трех китов», выставляемых марксистами, два не подходят сейчас для агитации. Он оставлял 8-часовой рабочий день, который, теоретически, осуществим как реформа. Он устранял или отодвигал именно то, что выходит из рамок реформы. Следовательно, он впадал в самый явный оппортунизм, проводя как раз ту политику, которая выражается формулой, что

конечная цель — ничто. Это и есть реформизм, когда «конечную цель» (хотя бы по отношению к демократизму) отодвигают подальше от агитации.

Второй факт. Пресловутая августовская (прошлогодня) конференция ликвидаторов также отодвигает подальше — на особый случай — требования нереформистские, вместо того, чтобы их придвинуть поближе, в самую сердцевину агитации.

Третий факт. Отрицая и принижая «старое», отмахиваясь от него, ликвидаторы тем самым ограничиваются реформизмом. В современной обстановке связь реформизма с отречением от «старого» очевидна.

Четвертый факт. Экономическое движение рабочих вызывает гнев и нападки ликвидаторов («азарт», «махание руками» и пр. и пр.), как только оно связывается с лозунгами, выходящими за пределы реформизма.

Что же мы получаем в итоге? На словах ликвидаторы отклоняют принципиальный реформизм, на деле — проводят его по всей линии. С одной стороны, нас уверяют, что реформы для них вовсе не есть все, — а с другой стороны, всякий выход на практике марксистов за пределы реформизма вызывает или нападки или пренебрежительное отношение ликвидаторов.

При этом события во всех областях рабочего движения показывают нам, что марксисты не только не отстают, а напротив — идут явно впереди в деле практического использования реформ и борьбы за реформы. Возьмите выборы в Думу по рабочей курии — выступления депутатов в Думе и вне Думы, постановку рабочих газет, использование реформы страхования, союз металлистов как крупнейший профессиональный союз и т. д. — везде вы видите перевес марксистов-рабочих над ликвидаторами в области непосредственной, ближайшей, «будничной» работы агитации, организации, борьбы за реформы и использования их.

Марксисты неустанно ведут работу, не упуская ни единой «возможности» реформ и их использования, не порицая, а поддерживая, заботливо развивая всякий выход за пределы реформизма и в пропаганде, и в агитации, и в экономическом массовом действии, и т. д. А отошедшие от марксизма ликвидаторы своими нападками на самое существование марксистского целого, своим разрушением марксистской дисциплины, своей проповедью реформизма и либеральной рабочей политики только дезорганизуют рабочее движение.

Не надо забывать, кроме того, что в России реформизм проявляется еще в особой форме, именно в виде отождествления коренных условий политической обстановки современной России и современной Европы. С точки зрения либерала такое отождествление законно, ибо либерал верует и исповедует, что «у нас есть, слава богу, конституция». Либерал выражает интересы буржуазии, когда он защищает тот взгляд, что после 17 октября всякий выход демократии за пределы реформизма есть безумие, преступление, грех и т. п.

Но именно эти буржуазные взгляды проводятся на деле нашими ликвидаторами, которые постоянно и систематически «переносят» в Россию (на бумаге) и «открытую партию» и «борьбу за легальность» и т. п. Другими словами, они, подобно либералам, проповедуют перенесение в Россию европейской конституции *без* того своеобразного пути, который на Западе привел к созданию конституций и к их упрочению в течение поколений, иногда даже в течение веков. Ликвидаторы и либералы хотят, как говорится, вымыть шкуру, не опуская ее в воду.

В Европе реформизм означает на деле отказ от марксизма и подмену его буржуазной «социальной политикой». У нас реформизм ликвидаторов означает не только это, а кроме того еще разрушение марксистской организации и отказ от демократических задач рабочего

класса, подмену их либеральной рабочей политикой.

§ 3. Эра реформ

Подводя итоги первых лет борьбы, и определяя период будущей борьбы пролетариата, Ленин даже дал характеристику этого периода борьбы. Он одну из статей назвал «Эра реформ». «Да, мы переживаем, несомненно, эру реформ, как ни странно звучат эти слова в применении к современной России», писал Ленин. Застой во всех областях внутренней политики, кроме тех, которые связаны с борьбой против внутреннего врага, и, несмотря на это, — вернее, именно в силу этого, — постоянные, непрекращающиеся попытки реформ, покушения на реформы в области самых больных, самых боевых общественно-политических отношений. Пролетариат, пробуждающийся к сознательно-классовой жизни, выступил уже довольно давно как настоящий, как главный, как единственно непримиримый враг нашего полицейского самодержавия. А с таким врагом, как передовой общественный класс, нельзя бороться одним насилием, хотя бы и самым беспощадным, самым организованным, самым всесторонним насилием. Такой враг заставляет считаться с собой и идти на уступки, всегда неискренние, всегда половинчатые, часто совершенно лживые и кажущиеся, обыкновенно обставляемые рядом более или менее тонко прикрытых ловушек, но все-таки уступки, реформы, составляющие целую эру. Это не те реформы, конечно, которые знаменуют нисходящую линию политического развития, когда кризис миновал, буря пронеслась, и оставшиеся господами положения приступают к осуществлению своей программы или (бывает и так) к осуществлению программы, завещанной их противниками. Нет, это реформы восходящего линии, когда все более и более широкие массы привлекаются к борьбе, когда кризис еще только близится, когда каждая схватка, снимая с поля битвы сотни, порождает тысячи новых борцов, более озлобленных, более смелых, более обученных.

Такие реформы являются всегда предвестником и преддверием революции. К числу их, несомненно, принадлежат последние, частью осуществленные, частью только намеченные, мероприятия царского правительства: проект закона об обществах взаимопомощи рабочих (проект, не опубликованный правительством и известный лишь из сообщений либерально-буржуазного «Освобождения») и законы о вознаграждении рабочих, пострадавших от увечий, и о фабричных старостах. Мы намерены теперь подробнее остановиться на этом последнем законе.

Суть нового закона состоит в том, что рабочие при известных условиях могут получить право представительства в их сношениях с предпринимателями, право некоторой зачаточной организации. Обставлены эти права невероятным количеством полицейских разрешений, ограничений и стеснений. В самом деле. Прежде всего следует принять во внимание, что по новому закону право представительства рабочих обусловлено согласием и инициативой заводоуправлений и разрешением присутствий по фабричным и горнозаводским делам. Право представительства *могут* давать рабочим хозяева заводов, но они нисколько не обязываются к этому законом, причем фабричное присутствие может не допустить представительства даже при ходатайстве о нем со стороны фабриканта, может не допустить по каким угодно соображениям и хотя бы без всяких соображений. Таким образом, с самого начала представительство *рабочих* отдано целиком и безусловно, безапелляционно на усмотрение *хозяев и полиции*. Когда хозяевам и полиции сие покажется удобным и желательным, они могут устраивать (на весьма узких началах) рабочее представительство — такова суть реформы. О представительстве на казенных заводах, в скобках будь сказано, закон не говорит ни слова: на частных заводах представители рабочих *могут* оказаться в

руках полиции новыми агентами, новыми фабричными дворниками, а на казенных заводах агентов и дворников всегда достаточно! Полиция в этой области реформ не требует, — значит, реформа тут и не надобна.

Далее. Самому представительству рабочих придана безобразно искаженная форма. Рабочие разъединяются, раздробляются на *разряды*; правила о том, как именно делить рабочих на разряды, утверждаются *губернатором*, как и *все вообще правила*, относящиеся к организации представительства по новому закону. Фабриканты и полиция могут составлять и, разумеется, будут составлять разряды таким образом, чтобы всячески затруднять солидарность и соединение рабочих, чтобы вызывать и разжигать рознь не только между профессиями, между цехами, но и между рабочими разных наций, разных полов, разных возрастов, разных степеней выучки, разной высоты заработка и т. д. и т. д. Представительство рабочих может быть и бывает полезно для рабочих исключительно тем, что рабочие соединяются в одну массу, ибо единственный источник силы у забитых, угнетенных, задавленных работой наемных рабов нашей цивилизации — это их соединение, их организованность, их солидарность. Царское самодержавие хочет дать рабочим *такое* представительство и на *таких* условиях, чтобы всячески *разъединить* и этим обессилить рабочих.

Полицейски составленные разряды должны будут выбирать, на основании подробных полицейских правил, *кандидатов* в старосты, притом столько кандидатов, сколько велит выбирать полиция. Утверждать одного из кандидатов, по своему усмотрению, будет управление завода, а губернатор всегда имеет право устранить от должности старосту, «не удовлетворяющего, — как сказано в законе, — своему назначению».

Не очень же хитра вся эта полицейская механика! «Назначение» старост состоит, очевидно, в том, чтобы быть полезным полиции, быть угодным ей; закон об этом ничего не говорит, ибо о таких условиях не говорят: их *подстраивают*. Подстроить это более чем просто, раз глава местной полиции, губернатор, получает бесконтрольное право смещать неугодного старосту. Еще раз: не вернее ли было бы назвать такого фабричного старосту фабричным дворником? Полиция может назначать выборы очень большого числа кандидатов, из которых только один утверждается, например, выбирать повелено будет десять или пять кандидатов каждому разряду, скажем, во 100 или 50 человек. Нельзя ли будет иногда этот список избранных кандидатов превратить в список подлежащих особому надзору, а то даже и подлежащих заарестованию, лиц? Прежде такие списки составляли только шпионы, а теперь, *может быть*, их будут составлять иногда и сами рабочие? Опасного же или даже неудобного для полиции в списке кандидатов ничего нет, ибо утверждать будут всегда худшего или никого не утверждать, а требовать новых выборов.

В своем стремлении сделать фабричных старост удовлетворяющими полицейскому «назначению» новый закон (как и большинство русских законов) даже переусердствовал. Кандидаты должны быть не моложе 25 лет. Первоначальный законопроект предполагал предельный возраст — 21 год, высшие правительственные сферы сочли более осторожным и государственно-мудрым повысить его еще на 4 года, чтобы заранее устранить «наиболее беспокойный элемент фабричного населения», каковым, «по данным департамента полиции, являются лица в возрасте от 17 до 20 лет» (из объяснительных мотивов министерства финансов, напечатанных в «Вестнике Финансов», с сокращениями, а в «Освобождении» без сокращений). Мало того. Заводоуправление и полиция могут в каждом отдельном случае, т. е. для каждого отдельного заведения, требовать установления, во-первых, более высокого предельного возраста и, во-вторых, продолжительности службы рабочего в предприятии.

Возможно, например, что потребуют возраста не менее 40 лет и не менее 15 лет службы на заводе для того, чтобы иметь право быть выбранным в кандидаты на пост старосты! Об одном, кажется, не подумали составители закона, столь ревниво оберегавшие интересы полиции: охотно ли пойдут рабочие, при таких условиях, на этот «пост» старосты? Ведь староста почти так же отдан на произвол полиции, как какой-нибудь деревенский десятник. Ведь староста может быть превращен в простого рассыльного, передающего рабочим распоряжения и разъяснения фабричного начальства. Ведь от старосты будут требовать, несомненно, чисто шпионских услуг и отчетов о тех собраниях разрядов, которые старостами собираются и за порядком в которых старосты наблюдают. А между тем закон, предусматривающий правила об освобождении старост от работы для исполнения их обязанностей, скромно умалчивает о том, будут ли старосты получать вознаграждение и от кого. Неужели составители закона думают, что освобожденные от работы старосты не потребуют себе платы от завода за это «свободное» время? Уж не станут ли они, по воле заводчиков и губернаторов, служить в старостах ради одних только прекрасных глаз этих верных друзей рабочего народа?

Стремление превратить старост в фабричных дворников особенно видно также из пункта третьего нового закона: старосты признаются уполномоченными разрядов для заявлений только по делам, касающимся *исполнения* условий найма. Об *изменении* условий найма старосты *не имеют даже права и заговаривать!* Хороши «уполномоченные» рабочих, нечего сказать. И как нелепо это постановление даже с точки зрения самих составителей закона, которые хотели облегчить «выяснение истинных желаний и нужд рабочих» «в особенности в то время, когда уже возникли неудовольствия и волнения». В девяти случаях из десяти волнения вытекают именно из требований *изменить* условия найма, и отстранить старост от участия в этом деле — значит свести их роль почти на нет. Составители закона запутались в одном из бесчисленных противоречий самодержавия, потому что дать право рабочим уполномоченным (настоящим, а более широкие массы к ведению выборной агитации, к ведению собраний, к отстаиванию своих требований и перед собраниями, и перед старостами, к организации постоянного надзора за деятельностью старост. Самодержавие заговаривает о рабочем представительстве. Воспользуемся этим для распространения правильных идей о настоящем представительстве. Представителем рабочих может быть только свободный *рабочий союз*, охватывающий много фабрик и много городов. Фабричное представительство, представительство рабочих на каждой отдельной фабрике, не может удовлетворить рабочих даже на Западе, даже в свободных государствах. Вожди социал-демократической рабочей партии, напр., в Германии не раз восставали против фабричного представительства. И это понятно, ибо гнет капитала слишком силен, и право увольнять рабочих — это священное право капиталистического свободного договора — *всегда* будет обессиливать представительство рабочих на каждой отдельной фабрике. Только рабочий союз, соединяющий рабочих многих фабрик и многих местностей, устраняет зависимость представителей рабочих от отдельного фабриканта. Только рабочий союз обеспечивает все те средства к борьбе, какие только вообще возможны в капиталистическом обществе. А свободные рабочие союзы мыслимы только при *политической свободе*, при условии неприкосновенности личности, свободы сходов и собраний, свободы выборов депутатов в народное собрание.

Без политической свободы всякие формы рабочего представительства останутся жалким обманом, пролетариат останется по-прежнему в тюрьме, без света, воздуха и простора, необходимых ему для борьбы за свое полное освобождение. В этой тюрьме прави-

тельство прорезывает теперь крошечное отверстие вместо окна, устраивая притом это отверстие так, чтобы оно принесло больше пользы жандармам и шпионам, которые стерегут заключенного, чем самому заключенному. И такую-то реформу палачи русского народа хотят выдать за благодеяние царского правительства! Но русский рабочий класс при помощи этого отверстия вдохнет в себя новые силы к борьбе, он сравняет с землей все стены проклятой всероссийской тюрьмы и завоюет себе свободное классовое представительство в буржуазном демократическом государстве².

ГЛАВА СТО ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТАЯ

Первая русская буржуазно-демократическая революция, ее причины и начало

§ 1. Теория перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую в эпоху империализма

Мы подходим к вопросам революций эпохи империализма, к событиям революций 1905, 1917- годов, а так же последующих революций XX века. Недовольный революциями читатель, возможно, поспешит закрыть эти страницы. Но мы напоминаем, что с появления неравенства в истории человечества место эволюции занимают революции, как причины, определяющие развитие. Революции должны ликвидировать неравенство между людьми и в истории, как и во всей природе вновь продолжатся эволюции, где не будет войн, кровопролитий гражданских войн и восстаний, революций.

Здесь важно уметь отличать их от революций XVIII-XIX веков, где во главе находилась буржуазия. С середины XIX века все меняется в содержании и движущих силах революций. Буржуазия уходит от борьбы с феодализмом, ищет с ним компромиссов. В связи с этим изменяется состав и формы действий двух сторон в революции, классовый состав, лозунги. Революции приобретают буржуазно-демократический характер.

Чем вызваны эти изменения, и какую тактику в этой ситуации должен был выбирать пролетариат, показали классики научного понимания истории, теоретики рабочего класса.

§ 1. 1. Концепция буржуазно-демократической революции, разработанная Марксом и Энгельсом

Первыми отметили изменения в позиции буржуазии в эпоху империализма, ее отказ от революции, основоположники научного понимания истории.

В марте 1850 года, в «Обращении ЦК к союзу коммунистов» они писали следующее:

1) Германская буржуазия и в частности буржуазия либеральная уже в 1848-1849 годах показала свою неспособность играть действительны революционную роль и следовательно, возглавлять буржуазно-демократическую революцию для ее завершения: она предала революцию, «вступив в союз с устраненной в марте 1848 г. феодальной партией», «уступив

² «Искра» № 46, 15 августа 1903 г.

господство снова этой феодальной абсолютистской партии».

2) В той «новой революции», которая по «Обращению» неизбежно должна последовать в ответ на «феодальную контрреволюцию», роль революционных сил могут сыграть лишь городская мелкая буржуазия, крестьянство и пролетариат. При чем городская мелкая буржуазия, крестьянство и деревенский пролетариат, который пока он еще не нашел опоры в самостоятельном пролетариате городов, будут возглавляться мелкобуржуазной демократической партией, которая должна будет в новой революции сыграть ту же «предательскую роль», какую в 1848 году играли либеральные буржуа.

3) «Пролетариат городов» с его рабочей партией, являясь союзником мелкой буржуазии и крестьянства и не отказываясь от временных соглашений с мелкобуржуазными демократами в борьбе против феодальной контрреволюции, в то же время должны выступать «возможно, более организованно, возможно более солидарно и возможно более самостоятельно», чтобы не попасть на буксир не только либеральной буржуазии, как это «было в 1848 году», но и мелкобуржуазных демократов.

Пролетариат и его партия должны поставить и преследовать в предстоящей революции свои особые, самостоятельные классовые задачи. «В то время как «демократические мелкие буржуа хотят... наиболее быстро закончить революцию», стремясь лишь «к такому изменению общественных порядков, которое сделало бы для них по возможности более сносным и удобным существующее общество». Интересы и задачи пролетариата и его партии будут заключаться в том, чтобы «сделать революцию непрерывной, до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти» для социалистических преобразований и пока социалистический переворот не охватит «всех господствующих стран мира»

4) «Непрерывная революция», по пути которой пойдет пролетариат Германии, должна будет пройти через этап мелкобуржуазной демократической власти, в которой пролетариат не участвует, направляя свое «недоверие», и борьбу уже не против победоносной реакционной партии», а «против своих собственных союзников, против той партии, которая хочет использовать общую победу исключительно для себя», т.-е. против мелкобуржуазных демократов. В этой борьбе «демократы» будут «объединяться с крестьянами», стремясь «создать мелкобуржуазный крестьянский класс», рабочие же городов должны «Объединяться с сельским пролетариатом». Вместе с сельским пролетариатом, отвоевав его из влияния мелкобуржуазных демократов, они и придут через непрерывную революцию к завоеванию власти.

5) Путь пролетариату к власти будет «продолжительным путем революционного развития», но он будет «сильно ускорен» тем, что «первый акт этой революционной драмы совпадает, с прямой победой» рабочего класса Франции. Так теоретически Маркс и Энгельс, исходя из научного понимания процесса в истории, учили рабочий класс ускорить стихийную борьбу сознательными действиями.

В концепции и стратегическом плане «непрерывной революции в «Обращении» Маркса и Энгельса так же, как у Ленина 1905-1907 гг. отпадает не только руководящая, но и вообще революционная роль либеральной буржуазии в завершении буржуазно-демократической революции. Но не становится гегемоном буржуазно - демократической революции и пролетариат. Он борется рядом с городской мелкой буржуазией и крестьянством, выступая их союзником в борьбе против феодализма. Мало того, он является наиболее решительным, стойким и последовательным борцом в демократической

революции. Но он не возглавляет мелкой буржуазии и крестьянства в этой революции. Гегемоном (по отношению к деревенской, бедноте) он выступает уже в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. В соответствии с этим у Маркса - Энгельса нет ленинской «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». У них есть, как и у Ленина, «прошлое» и «будущее» буржуазно-демократической революции: «прошлое» - в уничтожении феодально-крепостнических отношений в союзе со всем крестьянством и «будущее» - борьбе за уничтожение капиталистических отношений в союзе с деревенской беднотой. Но это «прошлое» и «будущее» не связано с революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянству. Понятно, что при таких условиях не могло быть и речи о «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства». Какая может быть диктатура пролетариата и крестьянства, если пролетариат только что в революционные годы оказался подпавшим «под руководство буржуазии», если еще нет самостоятельно организованной рабочей партии, если в силу этого пролетариат еще не может выступать гегемоном, вождем остальных трудящихся масс в завершении буржуазно- демократической революции. Ему нужно еще самому освободиться от руководства буржуазии и мелкобуржуазных демократов. Ему нужно еще самому сложить свою самостоятельную рабочую партию. А это он сможет сделать только в процессе дальнейшей революционной борьбы». Сущность этих истин сводится к одной основной: «мы должны: организоваться самостоятельно, непременно, безусловно, во что бы то ни стало самостоятельно, - иначе и при грядущей победе усилившей свою организацию и могучей мелкобуржуазной партии мы тоже будем в хвосте». Только при этом условии, только в том случае, если германские рабочие «будут уяснять себе свои классовые интересы», если они займут «свою самостоятельную классовую позицию и ни на одно мгновение не дадут лицемерным фразам демократических мелких буржуа сбить себя с позиции самостоятельной организации партии пролетариата», они смогут завершение буржуазно-демократической революции превратить в «непрерывную революцию», а в ее результате власть «демократических мелких буржуа» сменить своей властью. Они не смогут еще - встать во главе всех трудящихся масс в завершении буржуазно - демократической революции, они не успеют еще для этого достаточно сложиться в самостоятельную политическую силу, прежде чем одержанная при их участии, и даже главным образом их силой, победа над феодальной контрреволюцией поставит у власти мелкую буржуазию. Но они смогут уже использовать эту победу для того, чтобы сдвинуть революцию дальше и в огне революционной борьбы против своих вчерашних союзников - мелкобуржуазных демократов - сложиться в силу, способную прийти к собственной победе при помощи социалистической революции во Франции. Такова основная мысль «Обращения».³ В России к 1905 уже будет партия, способная идти в авангарде борьбы.

§ 1. 2. Маркс, Ленин о буржуазной революции без буржуазии

В предисловии 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии» Фридрих Энгельс говорит: «Своеобразная особенность буржуазии, по сравнению со всеми остальными, господствовавшими ранее классами состоит в том, что в ее развитии имеется поворотный пункт, после которого всякое дальнейшее увеличение средств могущества и в первую

³ См.: К. Попов «Об исторических условиях перерастания буржуазно- демократической революции в пролетарскую». «Большевик», 1928, № 21-24.

очередь ее капиталов приводит лишь к тому, что она становится, все более и более неспособной к политическому господству. «За спиной крупной буржуазии стоит пролетариат». В той же, мере, в которой буржуазия развивает - свою промышленность, торговлю и средства снабжения, в той же мере она порождает пролетариат. И в определенный момент, который наступает всюду, не всегда одновременно и не обязательно на одинаковой ступени развития. она начинает замечать, что ее спутник - пролетариат - начинает перерастать ее. С этого момента она теряет способность к исключительному политическому господству, она ищет вокруг себя союзников, с которыми, смотря по обстоятельствам, она или делит свое господство, или уступает его им совершенно»⁴.

Это чрезвычайно важное в теоретическом отношении положение. Оно важно именно для понимания характера и движущих сил буржуазно-демократических революций на различных стадиях развития капитализма. В самом деле, если «поворотный пункт», о котором говорит Энгельс, наступает в такой момент, когда еще не пройден этап буржуазно-демократической революции, буржуазия уже неспособна будет, ни возглавлять этой революции, ни быть ее движущей силой. Если еще в преддверии буржуазно-демократической революции она «начнет» замечать, что её спутник - пролетариат - начинает перерастать ее, она будет заинтересована уже не столько в свержении феодального или полуфеодального режима, сколько в союзе с силами этого режима против пролетариата. При этом вовсе не обязательно, чтобы начал перерастать, или перерос ее пролетариат собственной страны. Разумеется, если произошло уже это, буржуазия будет тем решительнее сторониться от революции, тем усерднее искать союза с феодалами. Так было у нас, в России, уже во время, первой революции. И это В. И. Ленин предвидел еще в первой половине, девяностых годов, когда в книге «Что такое друзья народа», он писал, что капитал «у нас в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения». Но вот «в Германии этот поворотный пункт, - говорит Энгельс, - наступил уже в 1848 г. И испугалась тогда немецкая буржуазия... не столько немецкого, сколько, французского пролетариата. Парижская июньская бойня 1848 г. показала ей, что ее ожидает; немецкий пролетариат находился в состоянии достаточно, сильного возбуждения, чтобы доказать ей, что в Германии также имеются семена, которые могут дать такую же жатву». Поэтому германская буржуазия с такой же поспешностью бросается в объятия феодальной реакции, как русская буржуазия в первой революции. И это несмотря на то, что германский пролетариат 1848-1849 гг. далеко еще не достиг той степени организованности и сознательности, какой достиг русский пролетариат в 1905г».

Когда Ленин в 1905 г. писал, что «от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательности и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции», когда он выбрасывал лозунг «мы стоим за непрерывную революцию» (т. VI, изд. 1922, стр. 449), то для него русская буржуазно-демократическая революция имела следующие особенности:

1) Это революция, от которой буржуазия отходит уже на первых ее стадиях, в которой буржуазия не может, и не будет играть роль движущей, а тем более возглавляющей революцию силы: это-революция без революционного участия буржуазии, неустойчивость, трусость, половинчатость, анти революционность которой должна быть «парализована» другими, действительно революционными силами, - пролетариатом и крестьянством.

⁴ См.: «Библиотека марксиста», Институт Маркса и Энгельса, выпуск 3-й, стр. 17-18.

Это революция, в которой руководящая роль «парализуемой» буржуазии заменяется руководящей ролью пролетариата.

2) Это революция, оселком которой является аграрно-крестьянский вопрос; это буржуазная революция, низвергающая до конца феодально - крепостнические отношения, но революция не капиталистов, а крестьян против помещиков, крестьянская революция, в которой все крестьянство, как единая сила, выступает против помещиков и помещичьего самодержавия, под руководством пролетариата.

3) Это революция, действительная победа которой выливается в революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, имеющую свое «прошлое и свое будущее». Прошлое - в борьбе против «самодержавия, крепостничества, монархических привилегий» в союзе со всем крестьянством; будущее - в борьбе «против частной собственности, борьбе наемного рабочего с хозяином, борьбе за социализм» в союзе с деревенской беднотой при нейтрализации среднего крестьянства и мелкой буржуазии вообще. «Прошлое» в завершении задач уничтожения до конца всех остатков феодально-крепостнических отношений, «будущее» в «непрерывной революции», приводящей к уничтожению капиталистических отношений - к диктатуре пролетариата.

Коротко говоря, это - крестьянская революция, руководимая пролетариатом и перерастающая (имеющая тенденцию перерасти) в революцию социалистическую.

К этим трем чертам буржуазно-демократической революции в России («крестьянская», «руководимая пролетариатом», способная «перерасти» в пролетарскую) для Ленина периода 1905-1907 годов неизменно прибавляется и четвертая, без которой не мыслится ни и самая возможность ее перерастания в революцию социалистическую: буржуазно-демократическая революция в России совершается в такой международной обстановке, когда в Европе условия для социализма достигли «зрелости вообще». Именно поэтому полная победа демократической революции в России «дает нам возможность поднять Европу, а европейский социалистический пролетариат, сбросив с себя иго буржуазии, в свою очередь поможет нам совершить социалистический переворот».

Сравним эту ленинскую концепцию буржуазно-демократической революции в России 1905-1907 гг. с марксо-энгельсовской концепцией германской буржуазно-демократической революции, как она дана в «Обращении ЦК к союзу коммунистов Марта 1850 г.

Отличие ленинской концепции буржуазно-демократической революции в России 1905-1907 гг. тут, несомненно, но оно целиком вытекает из отличия исторических условий Германии середины XIX века и России начала XX века. В России уже было самостоятельное рабочее движение в неизмеримо более серьезных размерах, чем в Германии середины XIX века. В России уже была гораздо более организованная, росшая и крепкая самостоятельная рабочая партия, уже в лице ее большевистского крыла - противопоставлявшая себя либеральной буржуазии и отмежевывавшаяся от мелкобуржуазной демократии. В России пролетариат уже показал себя на деле, как революционная сила, идущая во главе революционного движения и увлекающая за собой крестьянство, в то время как в Германии в революционные 1848-1849 годы он оказался еще в хвосте буржуазии. Поэтому для России лозунг гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства были действительными лозунгами, вытекавшими из конкретной политической ситуации 1905 года, а для Германии 1850 года они еще не могли быть поставлены.

При этих серьезных различиях между ленинской 1905-1907 гг. и марксо-энгельсовской 1850 года концепциями «непрерывной революции», между ними имеется безусловное

сходство, безусловное родство, как в значительной части тех существенных моментов, которые определяют собой, почему с точки зрения Маркса —Энгельса германская революция середины XIX века, а с точки зрения Ленина русская революция начала XX века была способна в результате «продолжительного пути революционного развития» перерасти в революцию пролетарскую.

Обе они отрицают и руководящую и вообще революционную роль капиталистической буржуазии в завершении буржуазно-демократической революции. Обе они (но ленинская в гораздо большей мере чем марксо-энгельсовская) подчеркивают значение для этого завершения крестьянства в целом, как класса, противостоящего феодально-крепостническим отношениям в деревне. В обеих них руководящая сила буржуазно-демократической революции (у Маркса-Энгельса городская мелкая буржуазия и ее партия, партия мелкобуржуазных демократов, у Ленина - пролетариат и его партия), ведет за собой это крестьянство в целом. В обоих пролетариат является союзником мелкой буржуазии и всего крестьянства в борьбе против феодализма, но союзником со своими самостоятельными классовыми целями, со своей самостоятельной задачей превратить революцию в непрерывную для завоевания своей диктатуры в союзе с полупролетариями деревни. Наконец, в обеих них, этому завоеванию предшествует социалистическая революция на Западе⁵.

§ 1. 3. Пролетариат – гегемон буржуазной революции

Если капиталистическая буржуазия - при известных точно определенных Марксом, Энгельсом и Лениным условиях - уходит от буржуазно-демократической революции, то какой же класс может явиться вместо нее носителем буржуазного характера этой революции?

Очевидно тот класс, основой существования которого так же, как у капиталистической буржуазии, является частная собственность на средства производства, но при том такой класс, интересы которого на данной ступени развития товарного хозяйства и капиталистических отношений пришли в гораздо более непримиримое противоречие с феодально-крепостническими отношениями, чем у капиталистической буржуазии. Таким классом, прямо противостоящим классу, носителю интересов феодально-крепостнического порядка, является крестьянство. Несмотря на свое расслоение уже на ранних ступенях развития капитализма, оно, как целое как единый класс противостоит помещику и помещичьему государству.

Но быть классом, вступающим в непримиримые отношения со старым режимом, еще не значит быть способным возглавить буржуазно-демократическую революцию.

Опыт всех крестьянских движений еще до революции 1848 г., не говоря уже об опыте, накопившемся к 1905 году показал что крестьянство, способное быть крупнейшей революционной силой, в то же время для действительной реализации этой силы, для победы своей крестьянской революции над помещиком нуждается в вожде в лице другого класса. В буржуазных революциях «обычного» типа таким вождем крестьянства выступает капиталистическая буржуазия. В революциях другого необычного типа, в которых эта буржуазия более или менее быстро уходит в лагерь феодальной реакции, буржуазию в качестве вождя крестьянства опять-таки должен заменить какой-то другой класс, такой класс, который тоже противостоит феодальному строю, но в большей мере, чем крестьянство

⁵ См.: Попов К. Там же «Большевик» 1928, 21-24

способен к организованному политическому действию. Наиболее близкой к крестьянству по своим мелкобуржуазным интересам социальной группой является, городская мелкая буржуазия. И если она достаточно - сильна в данной стране, если она благодаря предательству революции со стороны капиталистической буржуазии, политически дифференцировавшись от нее, сложил свою партию - партию мелкобуржуазной демократии она пытается встать во главе крестьянства. И ей это удастся, если капиталистические отношения еще развиты слабо, если не сложился еще в самостоятельную классовую силу, не развил самостоятельного пролетарского движения рабочий класс. По мере же усиления пролетариата, по мере роста его политической сознательности и организованности, по мере роста пролетарского движения, с одной стороны, и по мере обнаружения перед крестьянскими массами шаткости, половинчатости, предательства, со стороны городской мелкой, буржуазии и мелкобуржуазных партий, в какие бы одежды они ни рядились, гегемония по отношению к крестьянству от городской мелкой буржуазии неизбежно должна переходить к пролетариату, как классу единственно способному довести буржуазно-демократическую революцию до полного уничтожения феодально-крепостнических отношений и, стало быть, до полного освобождения крестьянства от помещичьего гнета...

Положение, когда городская мелкая буржуазия и партия буржуазных демократов были сильны, а пролетариат и рабочая партия были еще слабы, было налицо, как мы видели, в Германии 1848-1850 гг. Отсюда в конвенции Маркса - Энгельса 1850 года роль гегемона по отношению к крестьянству в завершении буржуазно-демократической революции принадлежит городской мелкой буржуазии.... Иное положение, было в России 1905 г. Не, смотря на существование мелкобуржуазной партии эсеров, стремившейся от лица городской мелкой буржуазии взять под свое руководство крестьянство, русское революционное движение уже к 1905 г. с достаточной ясностью проявило тенденцию поставить крестьянство в борьбе с помещиком под руководство пролетариата. Отсюда по концепции Ленина гегемония в буржуазно - демократической революции принадлежит пролетариату.

Что обозначает эта разница с точки зрения наличия тех двух рядов общественных противоречий, и тех двух «социальных» войн, о которых говорилось выше?

Она - эта разница, обозначает, что между Германией 1850 г и Россией 1905 г. было уже значительное различие в соотношении между этими двумя рядами противоречий, в соотношении между обеими «социальными войнами». В России, 1905г. противоречия капиталистического общества и социальная война между пролетариатом и буржуазией заняли уже гораздо более видное место чем в Германии 1850 г. Удельный вес капиталистических противоречий в социальной - экономической и политической жизни России 1905 г. был больше, чем жизнь в Германии 1850 г. И это повышение их удельного веса отразилось на взаимоотношениях пролетариата, городской мелкой буржуазии и крестьянства в буржуазно - демократической революции. Оно отодвигало на задний план городскую мелкую буржуазию и выдвигало на первое место пролетариат. Оно отбрасывало от руководства буржуазно - демократической революцией не только капиталистическую буржуазию, но и городскую мелкую буржуазию, не только либеральных буржуа, но и мелкобуржуазных демократов и этим самым предавало революции отчетливый характер крестьянской революции, руководимой пролетариатом. Это становилось ясным уже с начала 1905 года, и поэтому «большевики с самого начала революции весной и летом 1905 г.», выделили «понятие крестьянской революции, как одного из видов буржуазной революции» и определил «ее победу»: «революционно - демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». (Ленин, IX, стр. 539)

Передвижка во взаимоотношениях городской мелкой буржуазии, крестьянства и пролетариата в сторону пролетарского руководства крестьянства в буржуазно - демократической революции совершается в силу большой развитости капиталистических отношений под феодально - монархической оболочкой. И это не только потому, что разгорается в широких размерах социальная война между городским пролетариатом и буржуазией, но и потому, что капиталистические отношения, тенденция капиталистического развития гораздо больше проникает в деревню, там, в самой деревне переплетаясь с отношениями феодальными. В самой деревне России 1905г. удельный вес капиталистических отношений и капиталистических тенденций развиты неизмеримо выше, чем в Германии 1850 г. Это обстоятельство имеет огромное значение, ибо оно сильнее связывало деревню с городом, крестьянство с пролетариатом, крестьянское движение с пролетарским, связь же это оно установило через растущий пролетариат и полупролетариат деревни. Пролетарий и полупролетарий деревни, уже ко второй половине 90-х годов отхватывавшие по исчислениям Ленина до 50% крестьянских дворов, постоянно переливались из деревни в город и обратно. В городе они втягивались в пролетарское движение, в городе они подверглись непосредственному его влиянию; его революционному воспитанию и его влияние это воспитание приносили в деревню на крестьянство, недаром крестьянство уже в движении 1901-1902 гг. отразило пролетарские, забастовочные методы борьбы против помещика. Этого тоже еще не доставало в Германии 1850г. для того что бы связать в ней городской пролетариат с крестьянскими массами, подчинить их его руководству в борьбе с феодально-крепостническим строем.

§ 1. 4. Крестьянство в буржуазно-демократической революции

Предварительное уничтожение до конца остатков феодально-крепостнических отношений вот по Марксу и Энгельсу условие присоединения не только мелкого крестьянства, но и пролетариев и полупролетариев деревни к «непрерывной революции» против капиталистических отношений. Нужно не превышение удельного веса капиталистических отношений над феодально-крепостническими, а исключительное господство капиталистических отношений, чтобы, оторвать сельский пролетариат и пролетариат деревни от мелкой буржуазии и присоединить его к классовой борьбе городского пролетариата против буржуазного строя, а без этого невозможна и «непрерывная революция».

Именно эту сторону вопроса о союзе пролетариата с деревенской беднотой подчеркивал В.И. Ленин и задолго до 1905 г., когда говорил о задачах пролетариата в борьбе с самодержавием, и в 1905 г., когда говорил о буржуазно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и о непрерывной революции.

Еще в 1894 году в III выпуске своей первой крупной работы «Что такое друзья народа», В. И. Ленин, констатируя, что в России нет «никаких других общественно-экономических отношений, кроме буржуазных и отживающих крепостнических», указывал, что остатки «средневековых, полукрепостнических» отношений и учреждений опутывают собой капиталистическую эксплуатацию, трудящегося за пределами фабрики и завода и мешают этому «трудящемуся народу его идеологу видеть сущность тех порядков, которые давят на трудящегося, видеть, где и как возможен выход из них»⁶ (Эти остатки, говорил В. И. - «гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост

⁶ См.: Ленин В. И. , Соч., изд. 3-е, т. 1, стр. 199, 1927г.

политической мысли во всех сословиях и классах», и поэтому «нельзя не настаивать на громадной важности для рабочих борьбы против всяких крепостнических учреждений.

И мотивируя это: «нельзя не настаивать», он писал: рабочие должны знать, что без ниспровержения этих столпов реакции им не будет никакой возможности вести успешную борьбу с буржуазией, так как при существовании их русскому сельскому пролетариату, поддержка которого - необходимое условие для победы рабочего класса, никогда не выйти забитого, загнанного люда, способного только на тупое отчаяние, а не на разумный и стойкий протест и борьбу».

Необходимость объединения сил городского пролетариата с сельским пролетариатом, как условие победы рабочего класса над буржуазией в нашей крестьянской стране,- вот что подчеркивал В. И. Ленин еще в 1894 году, мотивируя настоятельную необходимость борьбы с остатками крепостничества. А что тогда разумел В. И. Ленин под сельским пролетариатом, это мы хорошо знаем из «Развития капитализма». Этим именем, как мы уже упоминали, он называет «класс наемных рабочих с наделом» и поясняет: «Сюда входит неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельное, но типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, подельщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом». Интересы присоединения этой пролетарской и полупролетарской части деревни, сельских пролетариев и деревенской бедноты к городскому пролетариату для успешной борьбы с буржуазией, для обеспечения окончательной победы пролетариата требуют предварительного уничтожения, остатков крепостничества. Так говорил Ленин в 1894 году.

В период старой «Искры», когда еще недостаточно точные формулировки книги «Что такое друзья народа» выливаются у Ленина в его брошюре «к деревенской бедноте» в отчетливые лозунги союза пролетариата со всем крестьянством против самодержавия и помещиков для их свержения, и союза с деревенской беднотой против буржуазии- для борьбы за социализм, - Ленин в статье «рабочая партия и крестьянство» констатировал следующие явления в русской деревне:

1) На деревне лежит двойной гнет: «к помещичьему гнету, сохраненному благодаря великодушию создавших и осуществлявших реформу чиновников, прибавился еще гнет капитала. Власть денег, придавшая даже, например, французского крестьянина, освобожденного от помещичьей власти не жалкой половинчатой реформой, а могучей народной революцией, - эта власть денег всей своей тяжестью обрушилась на нашего полукрепостного мужика». Одним, из последствий этой «власти денег» явилось расслоение деревни;

2) Помещичий гнет лежит на всем крестьянстве в целом; гнет капитала обрушивается на мелкое (среднее) и мельчайшее (полупролетарское) крестьянство и сельских пролетариев.

3) Вместе с двойным гнетом в деревне налицо и двойной ряд социально-экономических и классовых противоречий: «в современной русской деревне совмещаются, - говорит Ленин двоякого рода классовые противоположности: во-первых между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом». Соотношение между этими двумя противоположностями такое: «Первая противоположность развивается и растет, вторая постепенно ослабевает. Первая вся еще в будущем, вторая- в значительной мере в прошлом». Но, в то время как первая и вытекающее из нее движение сельских, рабочих «общенационального значения»... никак не может получить ни теперь, ни в ближайшем будущем», вторая и вытекающий из нее вопрос о смятии остатков крепостничества и

вытравлении всех порядков русского государства духа сословной неправомерности и принижения десятков миллионов «простолюдинов» - этот вопрос еще сейчас имеет общенациональное значение».

Что это значит с точки зрения соотношения между двумя рядами классовых противоположностей в деревне? Это значит, что удельный вес противоположностей капиталистического порядка еще значительно ниже, чем тот же вес противоположностей порядка крепостнического. «Наш крестьянин страдает... не только и даже не столько от гнета капитала, сколько от гнёта помещиков и от остатков крепостничества», - говорит Ленин в статье «Рабочая партия и крестьянство» «Остатки старого крепостного порядка страшно еще велики в нашей деревне» - отмечает он в другой статье («Аграрная программа р. с.-д.», т. IX, стр. 275). Эти остатки экономически расслоенное капитализмом крестьянство политически противопоставляют помещику, как единый класс, и с этим классом связывают сельский пролетариат. «Наши сельские рабочие еще слишком крепко связаны с крестьянством над ним слишком еще тяготят общекрестьянские бедствия», - говорит В. И., разумея под этими бедствиями бедствия именно крепостнического порядка. Если так обстоит дело с сельскими рабочими, то тем менее может политически дифференцироваться от остального крестьянства деревенская беднота. То, что говорил Ленин в 1894 г. о роли свержения остатков крепостничества о присоединении к городскому пролетариату сельского пролетариата, разумея под ним как сельских рабочих, так и деревенскую бедноту, остается в силе и в 1901-1902 гг. Остается это в силе и в 1905 году. Для него, как и в 1894 году, сколько-нибудь прочная победа пролетариата в России мыслима только при условии присоединения к рабочему классу «массы полупролетариев, полу хозяйчиков, т.е. массы мелкобуржуазной городской и сельской бедноты». А эту бедноту пролетариат может, - в силу данного соотношения между противоречиями крепостнического и капиталистического порядка - увлечь пока, «в настоящую минуту» лишь на борьбу за свержение помещиков и помещичьего самодержавия. Масса сельской бедноты может уже своей близостью к пролетариату обеспечить ему политическую гегемонию в деревне в буржуазно - демократической революции, но она не может еще стать его опорой в деревне для социалистического переворота. Но так как под полукрепостнической оболочкой в деревне уже сложились, правда, еще не вполне развитые капиталистические противоречия, разрыв этой оболочки, полное уничтожение остатков крепостничества под ударами революционно - демократической диктатурой пролетариата и крестьянства, даст гигантский толчок росту и обострению этих противоречий в деревне, развяжет в ней классовую борьбу с против буржуазии, а эта борьба обеспечит то присоединение к пролетариату «массы полупролетариев деревни», при которой станет возможной прочная диктатура пролетариата. И, разумеется, эта возможность становится тем большей, чем выше удельный вес капиталистических противоречий еще до победы над остатками крепостничества, чем больше они еще под полукрепостнической оболочкой готовят полупролетарские и пролетарские массы деревни к борьбе против капитала.

В России 1917 г. эта возможность была неизмеримо большей, чем в России 1905г. Но и для России 1917 г. сохранило свою верность то положение, что окончательное отделение деревенской бедноты от деревенской буржуазии, окончательное присоединение ее массы к пролетариату в борьбе за социалистический переворот возможно только, после окончательного уничтожения остатков крепостничества в деревне. Только после «полного крушения монархии и помещичьего землевладения», только «через год после пролетарской революции в столицах наступила под ее влиянием и при ее помощи пролетарская революция

в деревенских захолустьях». Только «завершив буржуазно- демократическую революцию вместе со всем крестьянством, пролетариат перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев объединить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии». Это констатировалось Лениным осенью 1918 года, когда он в своей брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский», анализировал ход пролетарской революции в России.

§ 2. Империалистические вождедения Николая Второго, обусловившие первую русскую революцию

Мы рассмотрели сущность империализма, развившегося на планете с 70-х годов XIX века. Буржуазия всех развитых стран стремилась к монополии, господству в мировом хозяйстве, которое было невозможно без войн, даже мировых.

Русская буржуазия также стремилась определить свое место в мировом хозяйстве. Ее империалистические устремления не отличались от буржуазии других государств. Кое в чем Николай II даже опережал не только своих конкурентов, но и свою внутреннюю империалистическую буржуазию в лице торгового и промышленного капитал. Более детально, по свежим фактам, этот процесс исследовал М. Н. Покровский. Историки времен сталинизма и КПСС к таким темам не допускались, так как бюрократия СССР сама обладала империалистическими претензиями под видом «борьбы с капитализмом».

Для того, чтобы понять почему именно в 1905 г. вспыхнула у нас революция, нужно учесть и другую сторону, нужно выяснить силу сопротивления той массы, которая противостояла взрыву, другими словами - силу сопротивления и умелость сопротивления тех общественных классов, которые стояли поперек дороги революции, и которые ею должны были быть низвергнуты

Но для того, чтобы понять настроение и положение русской буржуазии и русского крупного землевладения в эти годы, нам необходимо, уже не ограничиваясь только общей марксистской характеристикой классовых конфликтов, немножко приглядеться к тому историческому моменту, который переживала Россия в конце XIX и начале XX веков, и который дал толчок, искру, если хотите» непосредственно вызвавшую взрыв; толчок это будет, если мы будем иметь в виду взрывчатые вещества более современного типа, которые взрываются от удара, от толчка; искра - если мы будем рассматривать старую Россию, как добрый старый порох. Так или иначе, взрывателем в данном случае послужила японская война.

Несомненно, что Николай не случайно нарвался на войну, протягивал руку к корейским богатствам, а шел на войну, желал войны, добивался войны, - это была его цель. Прежде всего характеристика Куропаткина. Вот выдержка из его дневника. Надо иметь в виду, что Куропаткин свои записи делал по свежей памяти после соответствующих разговоров. И вот в одном разговоре с Витте, когда он катался с ним в манеже (Витте очень любил верховую езду, и они вместе с Куропаткиным упражнялись в манеже), 16-го февраля 1903 года, Куропаткин сказал Витте:

«У нашего государя грандиозные в голосе планы: взять для России Манчжурию, итти к присоединению к России Кореи, мечтает под свою державу взять и Тибет, хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы».

Таковы были планы Николая в 1903 году, и то, что говорил Куропаткин, находит

себе блестящее подтверждение в других источниках. Один из них я уже называл: это - мемуары Витте. Витте рассказывает очень детально об этих планах, о том, как Николай пытался захватить Босфор уже в 1896 году, т.е. через год после вступления на престол. Была оборудована технически подготовленная военная экспедиция; это дело шло так далеко, что сосредоточивались уже войска, сосредоточивались транспортные суда, установили определенный шифр телеграмм, которые должны были стать сигналом для посадки этих войск на суда и отправки их в Константинополь, - словом, была совершенно налаженная военноморская экспедиция, совершенно налаженный десант. Это было в 1896 году. Что-то помешало этому, очевидно. Витте относит это к воле божьей. Очевидно, что «воля божья» выливалась в какие-то конкретные формы. Уже в 1896 году, когда не было никакого Безобразова, никакой реки Ялу, никакой Кореи, Николай собирался начать драку. То же самое - относительно специально японского конфликта. Теперь из таблиц Вильгельма мы знаем, что еще в сентябре 1901 года на свидании в Данциге Николай говорил Вильгельму, что Россия готовится воевать с Японией. Это было в 1901 году, т.е. за три года до начала войны, почти за три года. Что это не была случайно оброненная фраза, показывает запись Вильгельма ровно через год, в сентябре 1902 года. Николай опять ему говорил, что Россия готовится воевать с Японией, намечая дату - 1904 год. В 1903 году, при новом свидании (они виделись приблизительно каждый год), Николай сказал Вильгельму: в 1904 году войны еще не будет, так как Россия еще не готова. Николай был убежден, что момент объявления войны он держит в своих руках, что японцы будут смиренно дожидаться, пока ему угодно будет объявить войну. Японцы оказались не такими глупыми. Они объявили войну раньше, чем этого желал Николай, раньше, чем он был готов, ибо, если вы сложите боевую силу русского флота, какой она была в то время, в 1904 году, в момент объявления войны, с той эскадрой, которая погибла под Цусимой в мае 1905 года, то вы получите силу приблизительно вдвое большую, чем сила японского флота.

Таким образом, если бы Николай успел приготовиться, он имел бы, пожалуй, Умного шансов раздавить японцев, потому что против двойной силы никакой адмирал Того, вероятно, ничего сделать не сумел бы. О русской сухопутной армии и говорить нечего. Тут Россия располагала около 4-х с половиной миллионов обученных солдат и была гораздо сильнее Японии, у которой к началу войны было только 640 тысяч обученных солдат. Таким образом, все шансы были в руках Николая, и он рассчитывал не только захватить какие-то корейские рудники и т. д., - это была его личная добыча от этой войны, его «магарыч», который он собирался положить в карман, — он рассчитывал разгромить Японию и разгромив Японию, разгромив Корею, тем самым утвердить гегемонию России на Дальнем Востоке, по крайней мере, в северной половине, до течения Желтой реки, на всем этом куске, куда входят и северный Китай с Пекином, и Манчжурия, и Корея, и в самой Японии должен был господствовать русский флаг. Вот как представлял себе Николай дело. Таким образом, политика Николая была вовсе не случайным озорным авантюризмом, хотя, несомненно, элементы авантюризма в ней были, поскольку речь идет о таком «магарыче», а не только об определенной наступательной военной политике, характерной, для империализма. Николай II уже с самого начала своего царствования был последним империалистическим царем в России был именно империалистическим правителем, таким же, каким во Франции был Пуанкаре, какими в Англии были Грей и Керзон, каким в Германии был сам Вильгельм II, Бюлов и т. д. Он был совершенно вровень с этими, империалистическими акулами Западной Европы, - вровень, конечно, не по своим талантам, не по своей умелости а по своему аппетиту.

И вот, аппетиты правящих лиц, и в особенности лиц столь мало оригинальных, как Николай II, - ибо это был самый обыкновенный гвардейский поручик, какого можно себе представить, эти аппетиты ставят перед нами вопрос о почве, на которой они вырастают. Нельзя, ведь, себе представить, чтобы в России, был империалистический царь, свалившийся с неба, притом царь глупый, неоригинальный - царь, которого нельзя заподозрить в том, что он был выше своего времени, что он обогнал свое буржуазное поколение. Русская буржуазия была еще не империалистична, а царь у нее был империалистский. Этаким вождь своего времени! На вождя Николай меньше всего похож, меньше всего похож на человека, который пролагает новые пути. Из всех Романовых для этой роли он годился меньше всего. Очевидно, что была какая-то почва, очевидно, что русский империализм несколько старше, чем мы обыкновенно себе представляем, и что он не вырос, как гриб, после дождя, перед 1914 годом, когда наличности империалистской тенденции в русской политике уже никто не отрицает, - что война перед этим готовилась уже в течение четверти столетия.

До тех пор, пока мы понимали империализм и империалистскую войну по Гильфердингу, т.е. представляли себе, что империализм, есть внешняя политика финансового капитала, а признаком господства этого финансового капитала для нас были синдикаты и тресты, трестизация и синдикализация промышленности и торговли, до тех пор нам, конечно, трудно было ввести в формулу империализма императорскую Россию даже и 1914 года, не говоря о временах более ранних ибо хотя у нас были и синдикаты, и тресты, но они вовсе не играли определяющей роли, они никоим образом не были даже в 1914 году господами положения. Но они не были господами положения в то время и во Франции, не были господами и в Англии, хотя и во Франции, и в Англии они были, но под формулу Гильфердинга помещались только две страны, более или менее чистоганом: с одной стороны Соединенные Штаты, с другой стороны - Германия. Поэтому с точки зрения Гильфердинга было трудно, говорить даже об английском и французском империализме, потому что основного признака империализма по Гильфердингу, - господства финансового капитала с трестами и синдикатами - не было ни тут, ни там. Во Франции и в Англии, конечно, было господство финансового капитала, но оно принимало иные формы. В России тоже, конечно было господство финансового капитала, но опять таки войной форме. Ленин в своей книге: «Империализм, как последний этап капитализма», внес чрезвычайно существенную, плодотворную поправку к формуле Гильфердинга. Он рассматривает империализм не как специфическую внешнюю политику финансового капитала только, а как определенную тенденцию этого капитала и капитализма вообще к установлению монополий при чем отличие этих монополий от монополий более раннего периода заключается в том, что те не вытекали с необходимостью из экономической структуры капиталистического общества в данный момент, а что касается эпохи империализма, то тут уже буржуазия не может жить без монополии. Она должна установить монополию. Все страны уже не могут уместиться на мировом рынке: одни из них должны душить другие для того, чтобы иметь возможность развернуться. Так что эти новые монополии вытекают с железной необходимостью из общего положения капитализма в этот период.

Но суть дела не в синдикатах и трестах, а суть дела именно в этом стремлении к монополии, в какие бы формы оно ни выливалось. Синдикаты и тресты попадают сюда, как частный случай. Как частный случай они, - само собою, разумеется, являясь средством установления монополии на данной территории для той или иной группы предпринимателей, - этим покрываются, но самая формула шире.

С этой точки зрения, для того, чтобы оценить, вошла ли страна в империалистический

период, нужно присматриваться не к тому, имеется ли у нее в достаточном количестве тресты и синдикаты, а к двум другим признакам, которые отмечает и Гильфердинг.

Этими признаками являются: во-первых, высокие таможенные пошлины, которые делают территорию страны монопольным достоянием отечественной промышленности, все равно: синдицированной, или нет, а с другой стороны — стремление раздвинуть таможенные границы возможно дальше, стремление захватить в эти границы возможно более широкую территорию.

Вот если мы с этого конца подойдем к России конца XIX века, то увидим, что оба эти признака империализма: чрезвычайно высокие таможенные пошлины, чрезвычайно интенсивный протекционизм, с одной стороны, и стремление раздвинуть границы территории — с другой, они имеются у нас налицо в течение всей второй половины XIX века и уже, безусловно, в 90-х годах XIX века.

Прежде всего, относительно таможенных пошлин, — это тоже чрезвычайно любопытная вещь, на которую нужно обратить внимание. Классическими странами империализма в Западной Европе в довоенное время считались Германия и Соединенные Штаты. Там были наиболее высокие пошлины, и германские пошлины дали даже Гильфердингу образчик для его характеристики империализма. Но сравните пошлины в Соединенных Штатах и в Германии, с одной стороны, и в России — с другой.

Возьмем пошлину на железо с пуда (в копейках, год 1898). В соединенных Штатах железо оплачивалось при привозе в страну пошлиной от 42 до 49 копеек за пуд, в Германии от 19 до 23 копеек (это ужасная империалистическая пошлина!). А в России, в отсталой России, от 75 до 98 копеек с пуда, т. е. вдвое выше, чем американские пошлины, почти в пять раз выше германских. То же самое было и со сталью. За бумажную пряжу платили в Соединенных Штатах от 2 р. 10 к. до 6 р. 31 к. за пуд; в Германии — от 91 к. до 3 р. 64 к.; в России — от 7 р. 20 к. до 16 р. 50 к. На этот раз уже в четыре раза выше, нежели в Соединенных Штатах.

За бумажные ткани в Соединенных Штатах платили пошлины от 4 р. 63 к. за пуд до 18 р. 60 к.; в Германии — от 4 р. 55 к. до 17 р. 44 к.; в России — от 21 р. до 87 р. за пуд.

За машины платили (для Соединенных Штатов цифр нет) в Германии от 23 до 38 к. за пуд, в России — 2 р. 10 к. с пуда.

Вы видите, что русский протекционизм в сравнении с германским — это тигра в сравнении с кошкой, а сравнительно с американским — тот же тигр в сравнении с рысью, или, во всяком случае, с животным той же породы, но гораздо более мелким. Во всяком случае, по части высокой таможенной пошлины русский империализм в 1898 году побивал рекорды самых отчаянно-империалистических стран, какие только существовали на земном шаре.

Что касается расширения территории, то тут достаточно напомнить, что на вторую половину XIX века падает присоединение к России Амура, Приамурья и Уссурийского края, захват Россией Средней Азии, захват Россией Батумской и Карской областей в Закавказье и, наконец, захват Россией Болгарии, которая фактически была Задунайской губернией в 80-х годах. Если царская Россия ее по глупости потеряла, то это для характеристики аппетитов России не имеет значения. Захватить-то — захватили, а удержать-то не сумели. А если возьмем Болгарию, как ее проектирует Россия по Сан-Стефанскому миру, — весь этот огромный кусок земли от Охридского озера на западе и до Черного моря на востоке, от Дуная на севере до Эгейского моря на юге, две трети Балканского полуострова, — то мы еще лучше будем в состоянии оцепить стремления в этом

отношении России. Это стремление захватить в свое монопольное обладание Болгарию проявлялось особенно грубо. Особенно грубо проявилось оно в проекте постройки железнодорожной сети в Болгарии, что и было исходной точкой болгарского бунта и отложения Болгарии от России. Россия проектировала такую сеть болгарских железных дорог, которая связывала бы их с русской сетью, не давая им выхода па Запад, при чем эти дороги должны были строиться русскими инженерами, из русского материала и даже при помощи преимущественно русских рабочих, так что это должна была быть совершенно русская железная дорога, которая была бы в монопольном владении России и давала бы такое же монопольное обладание России самой Болгарией, А одновременно с этим в Болгарию ездила русская торговая экспедиция, русские текстильщики, которые присматривались, где и как в Болгарии можно будет предавать московский ситец. Эта последняя операция не удалась, и вообще Болгария не пошла под это железнодорожное ярмо, и России пришлось убраться из Болгарии. Но, так или иначе тенденция сказывалась и тут достаточно ясно.

Если мы при свете всего этого вспомним один маленький факт из истории оккупации Россией Манчжурии в начале XX века,— спор, который возник между русским правительством и Соединенными Штатами из-за ньючуанской таможни, где русские немедленно поставили своих чиновников и начали собирать пошлины, а американцы стояли, как всегда, на принципе открытых дверей в Манчжурию для всех товаров,— то мы на этом маленьком образчике захват Манчжурии свяжем со всей остальной картиной. Тут было то же самое стремление расширить пределы территории, защищавшейся невероятно высокими таможенными пошлинами вот к чему сводилось дело.

В этом направлении политика была, безусловно, империалистической и удовлетворяла двум основным признакам империализма: с одной стороны, были высокие таможенные пошлины, с другой стороны, было стремление раздвигать территорию этих пошлин возможно шире, образовать, возможно, более широкую территорию, которая находилась бы в монопольной эксплуатации русского торгового и промышленного капитала.

Вы видите, что империалистский царь оказался совсем не даром у России, и что Николаю II, дабы пойти по этой дороге, по которой он действительно пошел, именно и нужно было отсутствие оригинальности. Если бы он был оригинальным, он не был бы империалистом. Тогда он действительно обнаружил бы некоторое своеобразие мысленно так как он был империалист, то он был в полной гармонии не со всей Россией того времени, но с ее правящими слоями. Спрашивается в этих правящих слоях какие же тенденции должны были создаваться в этот империалистический период, в который уже вступил русский капитализм, в который уже вступила Россия?

Теперь присмотритесь к цифрам. В среднем активный баланс России в конце 80х и начале 90х годов был около 100-150 миллионов, а возьмите 99й год, высшую точку эры Витте, — наш активный баланс —7,2 млн. Наш активный баланс к концу XIX века пал почти до нуля. Для промышленности, как таковой, это было сполгоря. Она могла это вынести. Что было ей нужно? Ей нужно было индустриальное сырье, ей были нужны машины. Этого было совершенно достаточно, и так как ей был нужен дешевый хлеб, потому что дешевый хлеб означает низкую заработную плату, то, по существу дела, она, эта промышленность, была даже не слишком заинтересована в хлебном вывозе. Чем меньше хлеба вывозится за границу, тем дешевле он будет внутри страны, и тем ниже будет заработная плата. Промышленность, таким образом, не была заинтересована даже в том, чтобы был большой экспорт хлеба. Но империализм был в этом заинтересован, потому что экспорт хлеба за границу — это была золотая река, которая текла из-за границы. К 1899 г. эта золотая река стала почти иссякать.

Тут и был тот подводный камень, на который должна была налететь и, действительно, налетела политика Витте. А конъюнктура на мировом рынке складывалась так, что центр тяжести, естественно, перекачивался на сторону капитала торгового, ибо, ведь, все это угнетение торгового капитала промышленным, о котором я рассказывал, оно было возможно только на фоне тех низких хлебных цен, о которых я так много распространялся в прошлой лекции. Эти низкие хлебные цены и делали торговый капитал таким рабом капитала промышленного. Капитал торговый петушком-петушком бежал за промышленным капиталом, а промышленный капитал гордо ходил гоголем и гордо поглядывал вокруг, потому что дешевый хлеб означал дешевые рабочие руки и низкую заработную плату, то есть «процветание промышленности, а торговый капитал был посажен на голодный рацион. Но, как я уже указал выше, хлебные цены начинают расти во вторую половину 90-х годов; если мы возьмем цены четырехлетия— 1893—97 гг. за 100, то цены шестилетия 1898—1904 годов будут 122, а цены 1905—12 годов—165; вместе с этим начинает расти и наш торговый баланс: в 1900 году— 116,3 млн. р., в 1901 г.—196,9, в 1902 г.—226,3, в 1903 г.— 347,1, в 1904 г.—374, в 1905 г.—458,6. И по мере того, как растет наш торговый баланс, растет материальная база нашего империализма, растет экономическое значение торгового капитала, который является героем русского хлебного рынка, и который привлек в Россию всю эту массу золота. Таким образом, естественным путем, в силу изменения экономической конъюнктуры, облегчена была победа торгового капитала над капиталом промышленным, своего рода реванш торгового капитализма.

И уход Витте от власти в августе 1903 года был, в конечном счете, той переменной министерства в русской форме, которая совершенно неизбежно вытекала из изменения экономической конъюнктуры, — из изменения относительного удельного веса внутри массы русских капиталистов. Центр тяжести от промышленного капитала перешел опять к капиталу торговому. Это и выразилось в том, что интересы восточной политики, интересы внешней политики направились по тому пути, по которому нужно было и выгодно было идти для русского торгового капитала. Политика оставалась империалистской, она по прежнему стремилась к русской монополии, к расширению русских таможенных границ. Но, как было с Англией перед войной, когда непосредственными причинами войны были для Англии удачная конкуренция германского торгового флота с английским, и Багдадская железная дорога, значит, интересы торгового и колониального английского капитала, так это было и с Россией в 1903—4 гг. Направление русского империализма определялось именно интересами русского торгового капитала, в первую голову. Тут в основу угла приходится положить значение Сибири, как колонии, и постройку, в связи с этим, Сибирской железной дороги. Характерно, что Сибирь, как колония, начинает интересоваться русское правительство и русский капитализм как раз в период наиболее низкого стояния хлебных цен, когда России было чрезвычайно важно, во что бы то ни стало увеличить количество сырья, которое она выбрасывала на хлебный рынок, потому что это сырье стоило все дешевле, и нужно было найти новые районы добычи этого сырья: именно, тот самый Вышнеградский, который произнес знаменитую фразу: «сами не доедим, а вывезем!», — он является инициатором Сибирской железной дороги. Она дала громадный толчок к развитию промышленного капитализма, поскольку она создала условия для колоссального развития; русского металлургического производства, вызванного той же самой постройкой железной дороги. Но она сама была делом капитализма торгового. В первое время торговый капитализм тут; добивался, так сказать, минимума. У него аппетиты в этой области не разгорались, но, по мере того, как цены на сельскохозяйственное сырье стали повышаться, как создавалась новая

конъюнктура хлебных цен,— по мере этого русский торговый капитал, оживая, начинает все более и более активно действовать в этой области. Тут чрезвычайно, любопытно опять-таки дать маленькое хронологическое сопоставление. Перелом хлебных цен приходится на промежуток с 1894 до: 1897 г. Если мы возьмем хлебные цены на рожь, то они будут такие: 1894 г. 41 коп. за пуд, 1895 г.—44 коп., 1896 г.—45 коп., 1897 г.—61 коп. (резкий прыжок : кверху). Пшеница- 1894 г.—51 коп. за пуд, 1895 г.—57 коп., 1896 г.—72 коп. (скачок несколько раньше), 1897 г.—93 коп. за пуд. И как раз на этот период, 1894—1897 гг., падает московская конвенция с Китаем 1896 г., которая открывает русским железным дорогам выход к незамерзающим гаваням Южной Манчжурии. Как раз именно в мае 1896 г., во время коронации Николая II, с Ли-Хун-Чангом за очень крупную взятку, в размере приблизительно полмиллиона рублей, была заключена эта знаменитая конвенция, которая одновременно удовлетворила промышленников, открывая перспективы постройки новой железнодорожной сети, и в то же время русский торговый капитал, ибо она открывала русскому сырью, сибирскому, выход к незамерзающему морю. Вам покажется это наглядной несообразностью. Казалось бы, раз имеется Сибирская железная дорога, проще гораздо сырье возить прямым путем по железной дороге на Запад, нежели кругом всей Азии и всей Европы кружить его на пароходе. Но тут надо иметь в виду, что пароходные фрахты в то время, хотя, в меньшей пропорции, были в 25 раз ниже железнодорожных. За ту цену, за которую по железной дороге можно провезти тысячу верст 1 пуд, на пароходе можно было провезти 25 пудов, и вы догадываетесь, что если бы даже на пароходе везти сырье приходилось в 5 раз более длинным путем, чем по железной дороге, то все-таки получалась бы огромнейшая выгода. Чрезвычайно характерно это совпадение момента перелома конъюнктуры на мировом рынке и момента русского стремления к незамерзающим гаваням на Дальнем Востоке.

Вот таким образом, где была смычка интересов торгового капитала и интересов русского империализма. Поскольку нужно было укрепиться в Манчжурии, нужно было и ее, конечно, ввести в границы русского таможенного покровительства. В перспективе было столкновение с Японией. И характерно, что даже детали этого столкновения рисуются из общей картины. Чем занималась та компания на реке Ялу, которая послужила ближайшим поводом к разрыву с Японией? Она занималась там рубкой и вывозом леса. Куда она вывозила этот лес? В Сибирь? Нет, там и своего леса достаточно. Она вывозила его в Западную Европу. Таким образом, вывоз этого сырья, очень эпизодический, в очень узкой области, связан со всей этой картиной. Вот в какой обстановке Россия подходила к японской войне. Во внешней политике дело сводилось к тому, чтобы захватить Манчжурию, Корею, целый ряд незамерзающих гаваней на Дальнем Востоке, открыть их для русского экспорта и, значит, для русского экспортного и русского торгового капитала найти чрезвычайно выгодную дорогу, единственный, кстати сказать, в коммерческом смысле выход из Восточной Сибири, восточнее Енисея, потому что вывоз по железной дороге стоил бы слишком дорого. Тут нужно было где-то иметь гавани на Востоке, через которые все это могло провозиться.

Таким образом, русско-японская война, будучи авантюрой, по типу ведения, будучи предприятием озорным, плохо рассчитанным и плохо слаженным, — как и вообще русский империализм. С железной необходимостью наталкивал русский империализм на дальневосточную войну, на войну, с Японией, которая являлась нашим соперником, которая стояла

на дороге этой эксплуатации Сибири Россией⁷.

Эти факты нас более основательно подведут под причины первой русской революции.

§ 3. Накануне революции

Первое десятилетие революционной деятельности марксистской партии на основе научной теории привело к осуществлению в стране в 1905 году революции во многом предопределившей революцию 1917 года.

Что нового в форме классовой борьбы рабочих с буржуазией внесла первая революция эпохи империализма? Казалось бы, и о ней написано предостаточно исследований. Однако не все так просто и однозначно и в этом событии. Период после 30-х годов, запреты марксистской литературы привели к тому, что и эта революция дошла до настоящего времени в искаженном виде. Мелкобуржуазная власть КПСС всячески умалчивали силу рабочего класса, его огромные революционные возможности, героизм, а также скрывала мелкобуржуазную сущность действий меньшевиков.

Поэтому мы воспроизводим ход событий 1905 года на основании запрещенной монографии К. И. Розенблюма, где содержится множество неизвестных современному читателю фактов и выводов научного содержания.

Во второй половине XIX века быстрым темпом шло нарастание классовых противоречий внутри страны, с огромной силой приближающих революцию.

Непосредственными предпосылками, которые углубили нарастающие классовые противоречия и привели к революции 1905 года, были:

1) Промышленный кризис 1899-1903 годов, ухудшивший положение рабочего класса и усиливший рабочее движение в стране;

2) Крестьянское малоземелье, поднявшее на борьбу массы крестьянства, положение которого особенно ухудшилось в связи с повышением арендных цен;

3) Неудачная русско-японская война, вскрывшая всю гнилость царского строя и поставившая вопрос о необходимости борьбы со своими угнетателями.

Кризис в промышленности привел к ухудшению и без того тяжелого положения рабочих. Росла безработица. Все это непосредственно толкало рабочих на революционную борьбу. В первых рядах шли металлисты.

Средней заработок текстильщиков в это время равнялся 170 рублей в год, а более высококвалифицированных металлистов — 341 рубль в год, т.е. текстищик, получал 14 рублей 15 копеек в месяц, а металлист 28 рублей 43 копейки. Рабочий день тянулся в среднем у текстильщиков в течение 12-14 часов, а у металлистов — 10-12 часов. Во многих предприятиях велись ночные работы. Работали и по воскресеньям.

Рабочие все более и более вступали в открытую борьбу с капиталистами и с самодержавием, которые в тесном содружестве эксплуатировали рабочих. С 1900 года рабочие уже не ограничивались только стачкой, а выходили на улицы. Первой и наиболее характерной была первомайская демонстрация в Харькове в 1900 году, в которой насчитывалось 5 тысяч участников и были выброшены красные знамена.

В 1901 году первомайские демонстрации были в Петербурге, Тифлисе, Харькове, Симферополе. В 1902 году произошли майские демонстрации в Баку, Харькове, Сормове, Саратове, в Тифлисе, Ростове, Екатеринославе, в Нижнем Новгороде, в Польше, в Западном крае.

В 1903 году возникли забастовки и демонстрации в Томске, Смоленске, Тифлисе, Сормове, Феодосии, Туле, Костроме и других городах. И как бы в завершение этого периода революционной борьбы вспыхнула всеобщая стачка на юге России, охватившая Баку, Тифлис, Батуми, Одессу, Елисаветград, Екатеринослав с общим количеством участников более 200 тысяч человек.

⁷ См.: Покровский М. Н. Очерки русского революционного движения в России XIX- XX вв. М., 1924, с. 115-132

К. Каутский в 1902 году в газете «Искра» № 18 в статье «Славяне и революция» писал следующее:

«В настоящее время (в противоположность 1848 г.) можно думать, что не только славяне вступили в ряды революционных народов, но что и центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается с запада на восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 году Германия вступила в ряды революционной нации... Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию... Россия, воспринявшая столько революционной инициативы, теперь окажется, быть может, самым могучим средством для того, чтобы вытравить тот дух дряхлого филистерства и трезвого политиканства, который начинает распространяться в наших рядах и заставит снова вспыхнуть ярким пламенем жажду борьбы и страстно развивать цели, соответствующие нашим великим идеалам. Россия давно уже перестала быть для Западной Европы оплотом реакции и абсолютизма. Дело обстоит теперь, пожалуй, как раз наоборот. Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма в России. С царем русские революционеры, быть может, давно справились бы, если бы им не приходилось одновременно вести борьбу и против его союзника — европейского капитала. Будем надеяться, что на этот раз им удастся справиться с обоими врагами, и что новый «священный союз» рухнет скорее, нежели его предшественник».

Классовая борьба рабочих все обострялась и была прологом первой революции в России. Настроение рабочих повышалось день ото дня.

Попытка Зубатова направить рабочее движение в легальные рамки и поставить его под контроль правительства не имела успеха.

Монопольное владение помещиков землею было основной причиной, толкавшей крестьянство на революционную борьбу. У 10 млн. крестьянских дворов было 73 млн. десятин земли. У 20 тысяч помещиков — 62 млн. десятин. Такова была причина развертывавшейся крестьянской борьбы за землю. А если к этому прибавить огромные налоги, которые выколачивало самодержавие из крестьянства, высокие арендные цены на землю и выкупные платежи, не говоря уже о несправедливости и унижении крестьянства, то будет совершенно понятным, почему крестьянство шло к революции.

В 1899 году крестьянин платил в среднем с десятины земли сборов по 1 рублю 20 копеек, в то время как помещики платили только по 20 копеек. В Орловской губернии, например, крестьянин, получая с десятины земли дохода 7 рублей 28 копеек, платил разных видов налога в сумме 6 рублей 33 копейки. А мало ли было и таких мест, где на все расходы у крестьянина оставались лишь копейки, а то и совсем ничего. Только одних выкупных платежей крестьяне заплатили по 1904 год в сумме 1 млрд. 713 млн. 999 тыс. рублей.

Вот почему еще перед революцией росли случаи разгрома усадеб, поджогов, захвата помещичьих земель. Крестьянское движение перед революцией было особенно сильно в Харьковской и Полтавской губерниях.

Начавшаяся в 1904 году русско-японская война еще более усилила революционное движение рабочих и крестьян, которое начинало перекидываться и в армию. Война велась исключительно в интересах помещичье-самодержавной клики. Захватнические планы русского самодержавия выражали интересы торгового капитала в его поисках рынков сбыта на Дальнем Востоке. Погоня за новыми барышами, за захват рынков сбыта, за новые колонии — была основной причиной русско-японской войны.

Но кроме этого была и еще одна причина. В одном из разговоров с военным министром генералом Куропаткиным о возможности русско-японской войны, тогдашний Министр Внутренних Дел Плеве сказал: «Я знаю внутреннее положение России. Поверьте мне, что нам маленькая победоносная война необходима, ибо иначе нам грозит беда».

Эти слова Плеве можно понять только в том смысле, что для отвлечения рабочих и крестьян от борьбы против правительства, была нужна война.

Но в этой войне самодержавие жестоко просчиталось. Война оказалась в первых не

маленькой, а во вторых и не победоносной.

Война вскрыла всю гнилость самодержавия. Она вскрыла и усилила классовую борьбу в стране. Мобилизованные в армию запасные из рабочих и крестьян, многие из которых прошли революционную школу борьбы в стачках, забастовках и крестьянском движении, несли революционные настроения и в основную опору царского строя — армию.

Война углубила все классовые противоречия и во всей полноте поставила вопрос о неизбежности революции. Даже левые круги буржуазии выступали за ограничение власти самодержавия.

В 1904 году левые земцы и другие представители либеральной буржуазии проводили знаменитую земскую компанию. Эта компания заключалась в устройстве собраний, банкетов и т.п., на которых выносились петиции к царю с просьбами о даровании свободы. Целью этой компании было получение уступок от царского правительства.

Меньшевики поддерживали земцев в их своеобразной борьбе, призывая к тому и рабочих. Они говорили, что рабочие должны своими выступлениями помочь земцам в их борьбе против самодержавия, подготавливая их к революции.

В дни русско-японской войны большевики выступали с лозунгами борьбы против войны, с лозунгом поражения царского правительства в этой войне, за революцию.

Стачечное движение рабочих, которое в начале войны несколько снизилось, уже в середине и в конце 1904 года снова начинает расти. Усиливается брожение в Манчжурской армии, происходят революционные выступления солдат в Киеве и матросов в Севастополе.

3 ноября 1904 года по старому стилю в Севастополе матросы выступили с оружием в руках. Это была грандиозная демонстрация, устроенная отрядом моряков, заявивших резкий отказ идти на войну с резко выраженной политической мотивировкой. Казарма была разгромлена. Среди пения революционных песен раздавались возгласы «Долой войну», «Долой самодержавие». Были выкинута красные знамена. Прибывшие войска отказались стрелять в матросов, и целый город в течение нескольких дней был фактически в руках восставшего народа.

После знаменитой всеобщей стачки на юге России в 1903 году, революционное движение несколько затихло в начале 1904 года, а затем поднялось с новой силой, захватило крестьянство и армию и внесло в порядок дня революцию, начало которой следует считать с известных событий 9 января 1905 года.

Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905 — 1907 гг., в отличие от буржуазных революций на Западе, происходила в новой исторической обстановке.

В конце XIX — начале XX веков Россия вслед за другими капиталистическими странами вступила в стадию монополистического капитализма, в стадию империализма.

Характерной особенностью экономического и политического развития России являлось тесное переплетение высокоразвитого монополистического капитализма с многочисленными пережитками феодально-крепостнических отношений. Главными из таких пережитков были царское самодержавие и крупное помещичье землевладение.

В. И. Ленин писал: «...конец XIX века застает в России самое острое противоречие между потребностями всего общественного развития и крепостничеством, которое в виде помещичьих дворянских латифундий, в виде отработочной системы хозяйства является тормозом хозяйственной эволюции, источником угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины в русской жизни».

Первая русская революция была подготовлена всем ходом экономического и политического развития страны и являлась исторической необходимостью. Ей предстояло разрешить острые противоречия между самым отсталым землевладением и самым передовым промышленным и финансовым капитализмом. Это противоречие, по определению Ленина, глубже всего объясняло сущность русской революции.²

Царское самодержавие, являвшееся главнейшим пережитком феодализма в политической жизни страны, служило политической опорой реакционного класса помещиков, действовавшего в союзе с верхушкой крупного финансового капитала. В интересах эксплуататорских классов царизм давил всё живое и прогрессивное. Рабочие и крестьяне

России страдали не только от гнета капиталистов и помещиков, но также от деспотизма и полицейского произвола самодержавия. В царской России отсутствовали элементарные политические свободы, преследовалась революционная партия пролетариата, рабочая и демократическая печать была лишена права на существование, запрещались профсоюзы, собрания рабочих, а участие в стачках каралось как уголовное преступление.

Политическое бесправие народных масс придавало социальным противоречиям особую остроту и глубину.

Сильнейшие пережитки средневековья в экономике и политическом строе задерживали развитие производительных сил страны.

Коренные потребности общественного развития России, жизненные интересы ее народов выдвигали в качестве ближайших исторических задач уничтожение помещичьего землевладения и свержение царской монархии. Разрешить эти задачи могла только буржуазно-демократическая народная революция.

В новых исторических условиях борьбу за ликвидацию феодальных пережитков, за свержение царизма не могла возглавить русская буржуазия, которая своими экономическими и политическими интересами была связана с царским правительством и помещиками. Единственным передовым и последовательно революционным классом, способным возглавить борьбу широких народных масс против царского самодержавия, являлся пролетариат.

Интересы пролетариата совпадали с интересами всего многомиллионного крестьянства России, задавленного помещичьей кабалой, обреченного на голод и разорение.

Аграрный вопрос был важнейшим вопросом русской революции, составлял ее национальную особенность, ее основу. Анализируя формы землевладения в России периода 1905 года, Ленин приводил следующие статистические данные. Капиталистическое землевладение было представлено 1,5 млн. деревенских кулаков и землевладельцев, ведущих свое хозяйство на капиталистической основе. 1 млн. крестьянских дворов имел среднее хозяйство. Основную суть аграрного вопроса в России составляло то, что 30 тысяч помещиков европейской части страны владели 70 млн. десятин земли, а на долю 10,5 млн. беднейших крестьянских дворов приходилось 75 млн. десятин земли.

Примерно такое же соотношение в распределении земли между помещичьими и крестьянскими хозяйствами было характерно и для Петербургской губернии. На территории губернии в 1905 году находилось 1754 дворянских поместья, которым принадлежало 977,5 тысячи десятин земли. Почти столько же земли — 1 млн. 31 тысяча десятин — приходилось на 106,5 тысячи крестьянских дворов. Ничтожные наделы и безземелье вынуждали крестьян арендовать землю у помещиков и крупных кулаков на кабальных условиях. Подавляющая часть крестьянских хозяйств была безлошадной и однолошадной. Применение примитивных орудий производства и низкая агротехника вели к истощению почвы и систематическому снижению урожайности. Не имея возможности существовать за счет доходов от земледелия, большинство крестьянского населения губернии вынуждено было заниматься кустарными промыслами и отходничеством на предприятиях Петербурга.

Крестьянство России, страдавшее не только от безземелья и малоземелья, но и от политического гнета военно-полицейской машины царизма, являлось естественным союзником пролетариата в борьбе против самодержавия.

К началу XX века рабочий класс России вырос в значительную политическую силу. Рост и сплочение пролетариата были обусловлены развитием капиталистической промышленности. На базе капиталистических производственных отношений за 40 лет — с 1861 по 1901 год — Россия сделала огромный скачок в экономическом развитии. Добыча угля за этот период возросла почти в 43 раза, выплавка чугуна — в 9 раз, длина железнодорожной сети — более чем в 25 раз и т. д.

Особенно бурно развивалась русская промышленность в период промышленного подъема 90-х годов. Достаточно сказать, что за одно десятилетие (1890 — 1900 гг.) было проложено свыше 21 тысячи верст новых железнодорожных путей.

За те же годы количество рабочих в фабрично-заводской и горной промышленности, а также на железных дорогах России выросло почти в 2 раза — с 1 млн. 432 тысяч до 2 млн.

792 тысяч человек.

Рабочий класс рос не только количественно, но и качественно. Важнейшей особенностью русской промышленности являлась высокая степень ее концентрации. В этом отношении Россия обогнала даже такие передовые капиталистические страны, как США и Германия.

В 1903 году на крупных предприятиях европейской части России с числом рабочих свыше 100 человек работало 76,6% всех фабрично-заводских рабочих, и они давали подавляющую часть промышленной продукции.

Высокая степень концентрации производства в России способствовала объединению, организации и сплочению рабочего класса, превращению его в величайшую революционную силу и являлась одной из важнейших объективных предпосылок гегемонии пролетариата в революции.

Крупнейшим промышленным, торговым, культурным и политическим центром страны являлся Петербург. В 1903 году на предприятиях фабрично-заводской промышленности и железнодорожном транспорте столицы было занято около 200 тысяч рабочих. Из них в фабрично-заводской промышленности, подлежавшей надзору фабричной инспекции, числилось 150 620 рабочих; на предприятиях военного и морского ведомств — более 34 тысяч и на железнодорожном транспорте — более 14 тысяч.

Характерной особенностью промышленного развития Петербурга являлось то, что здесь были сосредоточены наиболее сложные и точные отрасли производства, требующие высокой квалификации рабочих: машиностроение, судостроение, военная, электротехническая, химическая, полиграфическая промышленность и другие.

Концентрация производства в петербургской промышленности была выше средней общерусской. К началу 1903 года на крупных предприятиях Петербургской губернии с количеством рабочих свыше 100 человек числилось 88,5% всех промышленных рабочих, а на крупнейших — с числом рабочих свыше 500 человек — 65%, т. е. степень концентрации производства в столице более чем на 10% превышала общий уровень концентрации производства в стране.

Наиболее крупными предприятиями Петербурга были: Путиловский завод (13 200 рабочих), Невский судостроительный и механический завод (6400 рабочих), Российско-Американская резиновая мануфактура (6000 рабочих), Невская бумагопрядильная мануфактура (1860 рабочих), Александро-Невская мануфактура Паля (1600 рабочих) и другие.

Значительная часть петербургских предприятий входила в крупнейшие капиталистические монополии России. В синдикат «Продамет» входило Общество Путиловских заводов, в синдикат «Трубопродажа» — акционерное Общество С.-Петербургского чугуно и труболитейного завода, в синдикат «Гвоздь» — Общество петербургских железопрокатных и проволочных заводов, в синдикат «Продвагон» — Путиловский и Петербургский вагоностроительный заводы, в синдикат «Треугольник» — Товарищество Российско-Американской резиновой мануфактуры, в Англо-Русский ниточный синдикат — Невская ниточная мануфактура и т. д. В Петербурге находились правления почти всех капиталистических монополий и наиболее крупных акционерных обществ страны.

Несмотря на рост крупной промышленности и создание монополистических объединений, Россия по уровню своего экономического и технического развития отставала от других крупных капиталистических государств. Хозяйственная и политическая отсталость царской России усиливала зависимость русского империализма от западных империалистических стран.

В промышленность Петербурга, как и в промышленность всей России, проникал иностранный капитал. Вот некоторые, далеко не исчерпывающие данные об этом. Английский капитал занимал доминирующее положение в Товариществе машиностроительного завода «Феникс», в Спасской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуре, в Товариществе шерстяных изделий Торнтон, Сампсониевской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуре, Новой бумагопрядильне, Никольской мануфактуре, Невской ниточной

мануфактуре. Французским капиталистам принадлежало Общество Франко-Русских заводов, Газовое общество С.-Петербурга. Бельгийские капиталисты имели в Петербурге Общество котельных заводов, компанию «Электрическое освещение С.-Петербурга», Общество С.-Петербургского городского передвижения, Международное общество спальных вагонов и скорых европейских поездов.

Таким образом, помимо гнета русского капитализма и царизма, на плечи рабочих Петербурга, как и всей России, ложился еще и гнет иностранных капиталистов.

В России, как и во всех капиталистических странах, конец XIX и начало XX веков ознаменовались интенсивным процессом образования финансовых монополий на основе сращивания и слияния банковского и промышленного капиталов. В 1905 году в России насчитывалось 39 кредитно-коммерческих банков.

Самым крупным финансовым центром страны был Петербург. Здесь обосновались 11 наиболее могущественных банков, которым принадлежало более половины всех собственных банковских капиталов России. В столице находился С.-Петербургский международный коммерческий банк, располагавший основным капиталом в 24 млн. рублей.

Петербургские банки, сосредоточив у себя огромные капиталы, вкладывали их в промышленность, транспорт, торговлю, страховые общества и т. д., приобретая таким путем широкие возможности воздействия на хозяйственную жизнь страны.

Кучка финансовых магнатов, тесно связанная с аппаратом государственной власти, оказывала огромное влияние на внутреннюю политику самодержавия. «Горстка крепостников-помещиков, возглавляемая Николаем II, — писал В. И. Ленин, — была у власти, в теснейшем союзе с магнатами финансового капитала, которым доставались неслыханные в Европе прибыли и в пользу которых заключались грабительские договоры внешней политики».

Петербургские монополии, занимая ведущее место среди монополий страны, захватили в свои руки жизненно важные отрасли народного хозяйства, устанавливали на рынке монопольные цены и беспощадной эксплуатацией рабочего класса обеспечивали себе высокие прибыли. Даже в годы кризиса и последовавшей за ним депрессии норма прибыли на ряде крупнейших предприятий оставалась высокой. Так, в течение 1901 — 1904 гг. чистая прибыль предприятий металлообрабатывающей промышленности Петербурга увеличилась почти в полтора раза, чистая прибыль наиболее крупных предприятий по обработке шерсти выросла за этот период в три раза.³ Прибыль же слабых в финансовом отношении предприятий в годы кризиса резко снизилась. Например, на бумагопрядильной фабрике акционерного Общества «Джемс Бек» прибыль с 1899 по 1901 год упала более чем в 6 раз.

§ 4 Петербургские большевики накануне 1905 года

Вступление капитализма в империалистическую стадию, значительное развитие монополий в решающих отраслях промышленности и в банковом деле, образование финансового капитала сопровождалось неизбежным ухудшением положения миллионов трудящихся. В погоне за получением максимальной капиталистической прибыли империалистическая буржуазия не знала удержа в эксплуатации рабочего класса.

Особенно невыносимым становилось положение рабочих во время экономических кризисов. За годы промышленного кризиса 1900 — 1903 гг. в России закрылось до трех тысяч предприятий, свыше 100 тысяч рабочих было выброшено на улицу. Наличие огромной армии безработных значительно снижало жизненный уровень работающих. Заводчики и фабриканты уменьшали заработную плату, удлиняли рабочий день, увеличивали штрафы. Рабочие Петербурга, как и всей России, мучительно страдали от бедствий, вызванных кризисом. Тысячи пролетариев столицы лишились работы и были обречены на нищету, скитания и голодную смерть.

Петербургский пролетариат — один из передовых отрядов рабочего класса России — оказывал упорное сопротивление наступлению капиталистов. Тем не менее, положение

рабочих Петербурга оставалось крайне тяжелым.

Заработной платы не хватало на самое необходимое: на питание, одежду, жилище, не говоря уже о других нуждах. Хуже всего оплачивался труд текстильщиков. В 1900 году ткачи фабрики Торнтон получали 6 — 8 руб. в месяц, на фабрике Максвелла мужчины зарабатывали 8 — 11 руб., женщины — 3 — 4 руб. Заработная плата металлистов была более высокой. Но и она снижалась при малейшем ухудшении промышленной конъюнктуры, уменьшении казенных заказов и т. д.

Даже на предприятиях военного ведомства, где заработная плата была несколько выше, значительная часть рабочих не имела необходимого прожиточного минимума. Например, в 1902 году более половины из 11 956 рабочих мужчин ряда военных заводов (Трубочного, Сестрорецкого, Арсенала и др.) получали от 5 до 30 руб. в месяц. На указанных предприятиях военного ведомства самая высокая заработная плата у подавляющего большинства женщин не превышала 17 руб. в месяц. Подростки в среднем получали в месяц 9 руб. 60 коп.

Но даже и эту скудную заработную плату капиталисты всячески урезывали путем штрафов, обсчетов и т. д. Рабочих штрафовали не только за брак и малейшее опоздание на работу, но и за «непочтение к администрации», нарушение тишины, чтение газет, пение в общежитии и т. д.

По далеко не полным данным фабричной инспекции, в 1904 году на рабочих Петербургской губернии было наложено свыше 343 тысяч штрафов различных размеров. На фабрике Торнтон за июль — декабрь 1905 года было оштрафовано более двух тысяч рабочих.

Рабочий день на предприятиях Петербурга начинался рано утром и кончался поздно вечером. На большинстве заводов и фабрик он продолжался 12 — 14 часов, а нередко и больше. Например, на Ижорских и других заводах, где работали в две смены, рабочий день длился 12 часов без перерыва на обед. На фабрике Штиглица рабочий день продолжался с 5 часов утра до 8 часов вечера с часовым перерывом на обед, т. е. 14 часов.

Металлисты Петербурга своей упорной стачечной борьбой добились сокращения рабочего дня до 10,5 часов, но это завоевание рабочих капиталисты сводили на нет введением так называемых «обязательных» сверхурочных работ, оплачиваемых по обычным расценкам. Особенно велики были сверхурочные работы на предприятиях металлообрабатывающей промышленности, выполнявших заказы казны. В таких случаях рабочий день со сверхурочными работами удлинялся до 14 часов.

Условия на производстве, где рабочий проводил большую часть суток, были крайне тяжелыми. Предприниматели нисколько не заботились о безопасности труда. Так, на Путиловском заводе в литейной мастерской отсутствовали вентиляторы для удаления окиси углерода и других опасных газов. На Тентелевском химическом заводе при получении кислот выделялось огромное количество вредных химических продуктов, которые проникали в рабочие помещения, так как последние ничем не были изолированы.

Ленинская газета «Искра» не раз сообщала о безобразных условиях труда на текстильных предприятиях Петербурга.

«Воздух у нас очень плохой, — сообщал в «Искре» один из рабочих-текстильщиков, — вентиляции хотя и есть, да и те поломанные — не действуют. Паровые трубы проведены под полом; пол грязный, дырявый, в щели набилась грязь, и сверху пола на вершок грязи; когда пустят пар по трубам, грязь, которая на полу и по щелям набилась, начнет испаряться; в это время пол становится горячим, воздух вонючим, хоть беги вон от станков, да бежать некуда».

Из-за антисанитарных условий труда на предприятиях Петербурга, особенно на текстильных фабриках, росла заболеваемость рабочих. Медицинскую помощь рабочий мог получить только на самых крупных предприятиях. Но и здесь она была организована очень плохо. Даже администрация таких промышленных гигантов, как Путиловский завод, Адмиралтейские Ижорские заводы, вынуждена была признать, что медицинская помощь здесь «не может быть признана удовлетворительной и соответствующей действительным потребностям заводского населения».

Вследствие отсутствия необходимой охраны труда часто происходили несчастные случаи на производстве. В 1905 году в Петербургской губернии только на предприятиях, подведомственных фабричной инспекции, было зарегистрировано 10 367 несчастных случаев.

Чрезвычайно тяжелыми были и жилищные условия петербургских рабочих. Высокая квартирная плата вынуждала многих рабочих ютиться в сырых и темных помещениях, в подвалах, снимать углы комнат или одну койку на двоих. Ни о каких санитарно-гигиенических нормах тогда не было и речи. Скученность, духота, сырость, мрак и зловоние — такова была типичная обстановка, в которой рабочий проводил оставшиеся у него после работы часы для сна и отдыха.

Корреспонденции из Петербурга, систематически печатавшиеся в «Искре», сообщали о тяжелом экономическом положении и политическом бесправии рабочих в годы кризиса. Рабочие корреспонденты писали о растущей безработице, страшной нищете десятков тысяч тружеников, продолжающемся снижении заработной платы, издевательствах мастеров и администрации. Имеете с тем «Искра» часто рассказывала о стачках и волнениях на заводах и фабриках столицы, о глубоком возмущении рабочих, о всё сильнее нараставшем протесте против гнета капиталистов и произвола царских властей.

Тяжелое положение рабочих, дальнейшее наступление капиталистов на жизненный уровень трудящихся, деспотизм царских властей, политическое бесправие народных масс были решающими факторами созревания революционного кризиса в стране, включая Петербург.

В начале XX века в обстановке нарастающего революционного кризиса рабочее движение в России поднималось на новую ступень. От экономических стачек рабочие, руководимые революционными социал-демократами, переходили к политическим стачкам и демонстрациям с требованиями демократических свобод, восьмичасового рабочего дня, уничтожения самодержавия. Путь развития революционного рабочего движения в эти годы отмечен рядом знаменательных вех. В 1900 году состоялась грандиозная мавка в Харькове; затем в 1901 году всю Россию облетела весть о героической Обуховской обороне в Петербурге; крупные забастовки и политические демонстрации рабочих происходили в 1902 году в Батуме и Ростове-на-Дону; массовые политические стачки вспыхнули летом 1903 года на юге России — в Закавказье (Баку, Тифлисе, Батуме) и крупнейших городах Украины (Одессе, Киеве, Екатеринославе); наконец, важнейшим событием в рабочем движении накануне первой русской революции была огромная, хорошо организованная стачка бакинских рабочих в декабре 1904 года, проходившая под руководством Бакинского комитета РСДРП. В 1902 году происходили массовые выступления крестьян против помещиков в Полтавской и Харьковской губерниях, в Поволжье.

Русско-японская война, начавшаяся в феврале 1904 года, потребовала от народа новых тяжелых жертв. В войне была кровно заинтересована кучка крупных помещиков и капиталистов, царских чиновников и генералов. Народные массы не хотели этой войны и сознавали

ее вред для страны, однако им пришлось кровью расплачиваться за преступления самодержавия. В ходе войны особенно ярко обнаружилась экономическая, культурная и политическая отсталость России. Войска снабжались плохо. Не хватало винтовок, снарядов. Солдаты на фронте голодали. Кругом процветали спекуляция и воровство. Плохо вооруженная и недостаточно обученная, руководимая бездарными и продажными генералами, русская армия терпела одно поражение за другим.

Русско-японская война отчетливо показала гнилость военной организации и всего государственного строя царской России. Война вызвала глубокое недовольство и возмущение масс и ускорила их выступление на борьбу против существующего строя, приблизила начало революции в России.

Зачинателями первой русской революции явились рабочие Петербурга. И это не случайно. В Петербурге был наиболее туго завязан узел всех социальных противоречий России и здесь же сложились благоприятные условия для того, чтобы могучим революционным ударом по царизму и капитализму разрубить этот узел. В Петербурге вырос и действовал один из сильнейших и сознательных отрядов русского рабочего класса, среди двухсоттысячной армии фабрично-заводских и железнодорожных рабочих Петербурга наиболее многочисленной группой были металлисты. Они составляли примерно 43% всех рабочих.

Ленин считал металлистов авангардом рабочего класса, «наиболее сознательными, наиболее культурными пролетариями», а отношение между металлистами и текстильщиками охарактеризовал как «отношение передового слоя к широкой массе».

Воспитанию боевых революционных качеств петербургского пролетариата, его сплочению способствовало то, что здесь значительная часть рабочих была занята на крупных предприятиях. Высокая степень концентрации производства в петербургском промышленном районе облегчала дело организации рабочего класса и понимание им своих классовых интересов и задач борьбы против капитализма.

Ленин еще на заре первой русской революции, обучая революционеров России искусству организаторской и воспитательной работы в массах, советовал не дробить силы, а сосредоточить свою деятельность среди промышленного пролетариата. В знаменитом «Письме к товарищу о наших организационных задачах» (1902 год) В. И. Ленин подчеркивал: «...вся главная сила движения — в организованности рабочих на крупных заводах, ибо крупные заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть всего рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью».

Пролетариат столицы по сравнению с рабочими других промышленных районов России был однороднее по своему составу и менее подвержен мелкобуржуазным влияниям. Подавляющее большинство рабочих Петербурга порвало всякую связь с деревней. Уже в конце 90-х годов XIX века 89% рабочих петербургского промышленного округа составляли кадровые, потомственные пролетарии. Такого высокого процента постоянных рабочих не имел ни один промышленный район России.

Постоянных рабочих, порвавших с землей всякие связи, больше всего было среди металлистов. На таких крупных металлообрабатывающих предприятиях Петербурга, как Путиловский, Обуховский, Балтийский, Невский судостроительный, Сестрорецкий оружейный и другие заводы, а также на крупнейших текстильных фабриках — Торнтон, Невской бумагопрядильной мануфактуре и др. — было много рабочих, проработавших на одном производстве по 25 — 30 лет.

На росте политической сознательности и революционной активности рабочих Петербурга положительно сказывался сравнительно высокий уровень их грамотности.

Эти исторически сложившиеся благоприятные условия имели огромное значение для развития революционного рабочего движения в Петербурге. Однако объективные факторы могли оказать свое действие и быть в полной мере использованы лишь при наличии у пролетариата революционной марксистской партии. К началу XX века рабочие Петербурга уже накопили славные традиции и опыт классовой борьбы против царизма и буржуазии.

Огромную роль в политическом воспитании и организации петербургского пролетариата сыграл созданный в 1895 году В. И. Лениным «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который впервые в России стал осуществлять соединение социализма с рабочим движением. Союз вел массовую агитацию среди рабочих и руководил стачками. В ленинском «Союзе борьбы» получили революционное воспитание и боевую закалку многие петербургские рабочие, ставшие потом профессиональными революционерами: И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов, М. И. Калинин и другие.

Организатор и вожь нашей партии В. И. Ленин, учитывая важную роль петербургского пролетариата в общероссийском движении, всемерно стремился укрепить петербургскую социал-демократическую организацию. «...Питер — такая „местность“, — писал в 1902 году В. И. Ленин, — которая имеет и непосредственно общерусское значение...»

Летом 1902 года при помощи В. И. Ленина был создан Петербургский комитет РСДРП. Он твердо стоял на позициях ленинской «Искры».

Исключительное значение для успеха революционной борьбы петербургских рабочих, как и всего российского пролетариата, имело создание Российской социал-демократической рабочей партии в 1903 году на II съезде. Революционная марксистская партия, основанная на программных, организационных и тактических принципах, разработанных ленинской «Искрой», направляла рабочее движение на борьбу против царизма и капитализма.

Накануне 1905 года преобладающую роль в Петербургском комитете РСДРП играли революционные социал-демократы. Руководящее ядро в комитете составляли профессиональные революционеры-большевики С. И. Гусев, Р. С. Землячка, Е. Д. Стасова.

Петербургский комитет РСДРП принимал активное участие в борьбе против оппортунизма меньшевиков, дезорганизаторская и раскольническая деятельность которых вела к ослаблению РСДРП, превращению ее в соглашательскую реформистскую партию типа партий II Интернационала.

Петербургский комитет РСДРП последовательно поддерживал В. И. Ленина, возглавившего борьбу против оппортунизма меньшевиков и призывавшего все большевистские комитеты РСДРП к сплочению вокруг большевистского Заграничного центра для отпора меньшевикам. В качестве важнейшей задачи Ленин выдвигал созыв очередного III съезда партии.

23 июня 1904 года Петербургский комитет РСДРП принял резолюцию, резко осуждавшую антипартийное поведение меньшевиков. Резолюция выражала полную солидарность с ленинскими установками по организационным вопросам, изложенным В книге «Шаг вперед, два шага назад», и содержала требование скорейшего созыва III съезда партии.

Разоблачая меньшевиков как противников созыва III съезда партии, В. И. Ленин приводил в пример заявление Петербургского комитета и называл его «пощечиной,

заслуженной теми, кто из-за угла бросал обвинения, не имея и тени фактов...»

Петербургский комитет РСДРП решительно осудил «июльскую декларацию», в которой члены Центрального Комитета примиренцы Красин, Носков и Гальперин, защищая оппортунизм меньшевиков, выступили от имени ЦК против созыва III съезда. «Петербургский комитет подтверждает свою резолюцию за съезд, единогласно принятую им на заседании от 23 июня 1904 г.», — говорилось в резолюции Петербургского комитета РСДРП.

Петербургский комитет приветствовал совещание 22-х большевиков, состоявшееся в августе 1904 года в Швейцарии, и присоединился к написанному В. И. Лениным и принятому на этом совещании обращению «К партии», которое стало программой борьбы за созыв III съезда.

Руководящее положение занимал Петербургский комитет в подготовке и работе конференции шести комитетов РСДРП — Петербургского, Московского, Северного, Тверского, Нижегородского и Рижского, состоявшейся в декабре 1904 года в Колпине под Петербургом. Много труда и энергии вложили в подготовку конференции Р. С. Землячка и П. И. Кулябко, входившие тогда в Петербургский комитет РСДРП.² Комитет единодушно поддержал все постановления конференции, сыгравшей, наряду с двумя другими областными конференциями (Кавказской и Южной), большую роль в сплочении местных комитетов РСДРП вокруг В. И. Ленина, в борьбе за III съезд партии.

В состав избранного на трех областных конференциях организационного большевистского центра по созыву III съезда партии — Бюро комитетов большинства — вошли В. И. Ленин, М. М. Литвинов, С. И. Гусев, Р. С. Землячка и другие.

Большевистскую газету «Вперед» — продолжательницу революционного дела ленинской «Искры» — Петербургский комитет РСДРП признал своим руководящим органом.

Накануне первой русской революции петербургские большевики вели непримиримую борьбу с меньшевиками в самой столице. Осенью 1904 года меньшевики начали призывать питерских рабочих к поддержке плана земской кампании, выдвинутого новой «Искрой». Считая, что руководящей силой в революции будет не пролетариат, а буржуазия, меньшевики призывали рабочих к самым умеренным действиям во имя мира с либеральной буржуазией. Они объявляли массовые политические выступления пролетариата, вроде грандиозной ростовской демонстрации и политических стачек на юге России в 1903 году, «демонстрациями низшего типа». «Высшим типом демонстрации», по мнению меньшевиков, должны были стать совместные выступления рабочих и либеральной буржуазии на банкетах в пользу демократических свобод, составление общих петиций и заявлений и распространение их в земских собраниях.

Против этой оппортунистической тактики большевики столицы выдвинули тактику революционную. По их предложению, Петербургский комитет РСДРП на заседании 18 ноября 1904 года вынес решение провести 28 ноября политическую демонстрацию рабочих. Большевики начали к ней усиленно готовиться: отпечатали листовки, разъяснили цели и значение демонстрации на ряде рабочих собраний и совещаний.

В листовке ПК, призывавшей выйти на демонстрацию, говорилось: «Довольно, терпеть уже нельзя. Дружной семьей, как один человек, мы должны встать, должны гордо и смело выйти и громко заявить, что мы хотим для управления страной созыва представителей от всего народа, мы хотим прекращения войны». Листовка заканчивалась боевым кличем: «Долой войну, долой самодержавие!»

В разгар всей этой подготовки меньшевистская часть Петербургского комитета РСДРП

без ведома большевиков приняла решение демонстрацию не проводить, отпечатанные листовки не распространять, а уничтожить. Было сожжено свыше 12 000 заготовленных листовок.

Большевики на следующем же заседании Петербургского комитета заявили решительный протест и добились вторичного решения о проведении демонстрации 28 ноября. Спешно отпечатали и направили в районы некоторое количество листовок взамен сожженных, но распространить их на предприятиях уже не удалось. Рабочие остались в неведении о происшедшем.

Меньшевистские дезорганизаторы добились своего — сорвали демонстрацию. В назначенный день на улицы вышло мало рабочих, преобладали студенты.

Недовольные срывом демонстрации рабочие не знали, что виновниками являются меньшевики. Последние пытались направить недовольство рабочих против большевистской части Петербургского комитета. Оппортунисты усилили свою раскольническую деятельность, стремились оторвать районные комитеты от Петербургского комитета, подбивали рабочих выразить ему недоверие как неспособному.

В своих фракционных интересах меньшевики использовали огромные трудности, которые испытывал тогда Петербургский комитет. Непрерывные полицейские преследования и многочисленные аресты руководящих работников в 1904 году привели к потере связей Петербургского комитета со многими социал-демократическими организациями города. К осени 1904 года у комитета сохранились связи лишь в трех районах: Городском, Василеостровском и Выборгском. В декабре 1904 года полиция обнаружила и захватила ряд подпольных типографий. Большевики лишились значительной части своей печатной техники. то тяжело отражалось на работе ПК.

Представители меньшевиков в районах умышленно не устанавливали связи с комитетом, разваливали партийную работу. Член Петербургского комитета сообщал в редакцию «Вперед», что в одном из районов, где последнее время «работал» представитель меньшевиков, вместо прежних 15 — 20 кружков осталось лишь 4 — 5, что недовольство рабочих в связи с развалом работы в районе меньшевики искусственно направляли против ПК.

Меньшевики добились того, что к концу 1904 года несколько районов обвинили Петербургский комитет РСДРП в неспособности, выразили ему недоверие и обратились в ЦК с предложением упорядочить местную работу.

Ленин, получив из Петербурга сообщение о срыве демонстрации меньшевиками, постарался широко осведомить об этом факте партийных работников России. «О питерском позоре (срыв демонстрации меньшинством) печатаем в № 1 «Вперед», — писал В. И. Ленин из Женевы Р. С. Землячке - в декабре 1904 года.

Первый номер газеты «Вперед» вышел со статьей В. И. Ленина, озаглавленной «Пора кончить». Ленин писал, что поведение петербургских меньшевиков имеет не только местное значение, что оно является подтверждением меньшевистского плана дискредитации большевистских комитетов, проводившегося под руководством меньшевистского ЦК. «Дезорганизаторская выходка петербургских меньшевиков не случайность, — подчеркивал Ленин, — а обдуманый шаг к расколу комитета, шаг, произведенный при помощи кооптированных в ЦК «меньшевиков».

Ленин выдвинул в качестве очередной организационной задачи полный и бесповоротный разрыв с меньшевиками. «Мы должны, — писал он, — в отличие от „меньшевиков“, которые действуют тайком, прячась от партии, заявить открыто и подтвердить на деле, что партия порывает с этими господами все и всякие отношения».

Руководствуясь ленинскими указаниями, Петербургский комитет считал необходимым порвать с меньшевистским ЦК и добиться отстранения меньшевиков от руководства партийными организациями.

Поддерживая и проводя в жизнь решения конференции комитетов Северного района, Петербургский комитет выразил недоверие меньшевистскому ЦК.

В конце декабря 1904 года меньшевистский ЦК обратился к Петербургскому комитету с рядом вопросов: 1) выражает ли Петербургский комитет центральным учреждениям недоверие как политическим вождям; 2) отказывает ли Петербургский комитет центральным учреждениям в праве на руководство; 3) как будет относиться Петербургский комитет к центральным учреждениям в деле объединения и руководства работой всех партийных организаций; 4) сохраняет ли Петербургский комитет формальные сношения с центральными учреждениями и в чем Конкретно они будут проявляться; 5) как отнесся Петербургский Комитет к решениям ЦК в деле урегулирования местной работы.

В своем ответе от 20 декабря 1904 года Петербургский Комитет заявил, что он присоединился ко всем резолюциям Конференции комитетов Северного района и тем самым выразил свое недоверие меньшевистским центральным учреждениям как руководящим органам партии. Далее Петербургский комитет выразил несогласие с меньшевистским планом земской кампании и сообщил, что будет держаться «такого же взгляда на план, предлагаемый Центральными Учреждениями», какого придерживалась и конференция комитетов Северного района, И тон. Ленин». По вопросу о местной работе Петербургский Комитет ответил, что «не считает для себя обязательными решения ЦК по этому вопросу».

Таким образом, Петербургский комитет последовательно проводил ленинскую линию в деле революционного воспитания петербургских рабочих и, следуя указаниям Ленина, официально разорвал всякие организационные связи с меньшевистскими центральными учреждениями.

Меньшевистский ЦК не отказался от раскольнической деятельности. В начале декабря 1904 года он создал в Петербурге особую группу, назвав ее «Петербургская группа при ЦК».

Так накануне 1905 года петербургская организация РСДРП в результате оппортунизма и подрывных действий меньшевиков оказалась расколотой на две части.

Ленин предвидел, что меньшевики не ограничатся расколом петербургской партийной организации, а поведут дело ни раскол и других организаций РСДРП. Вождь партии предостерегал партийные комитеты России, призывал их к бдительности и рекомендовал комитетам не делать никаких уступок меньшевикам, а смело идти на разрыв с ними.

Н. К. Крупская 20 января 1905 года писала Сибирскому комитету РСДРП: «До вас дошли, вероятно, слухи о том, что меньшевики в Питере сорвали демонстрацию, чтобы только

подорвать авторитет комитета, и затем подняли агитацию, не стесняясь никакими средствами против комитета, им удалось отколоть несколько районов, и теперь ЦК утвердил в Питере организацию, меньшевистскую, ей дает литературу, листки и прочее. Теперь меньшевики двинулись в Одессу и Екатеринослав с целью устроить там раскол...»

В другом письме Н. К. Крупская вновь сообщала о не прекращавшейся раскольнической деятельности меньшевистского ЦК: «Расколов организации в Питере и Одессе, меньшевики нацелились теперь на Нижний и Москву».

Ленин и Н. К. Крупская вели большую переписку с большевистскими партийными организациями и, в частности, с петербургской. Содержание этой переписки показывает, как заботливо В. И. Ленин выращивал руководителей петербургской большевистской

организации, предостерегал их от опасностей, давал указания по всем важнейшим вопросам партийной работы и революционной борьбы петербургского пролетариата. В. И. Ленин со всей решительностью предупреждал руководителей петербургской организации большевиков против малейшего примирения с меньшевиками, рекомендовал незамедлительно идти в районы, попавшие под влияние меньшевиков, разъяснять рабочим положение дел, усиливать агитационную и пропагандистскую работу в массах.

Петербургские большевики, следуя указаниям Ленина, смело, и последовательно боролись за массы, неустанно разоблачали оппортунизм меньшевиков, вели разъяснительную работу в кружках, устраивали дискуссионные собрания, на которых знакомили рабочих с причинами раскола. Меньшевики боялись дискуссионных собраний и уклонялись от них. Учитывая это, Петербургский комитет РСДРП в одном из своих решений (от 29 декабря 1904 года) настаивал на скорейшем проведении собрания районных организаторов с представителями от ЦК и ПК.

Особенно большую разъяснительную работу большевики проводили в районах, высказавших недоверие Петербургскому комитету.

Чтобы поддержать авторитет петербургских меньшевиков, ЦК под предлогом устранения раскола предложил образовать единый Петербургский комитет, введя в него равное число представителей комитета и меньшевистской группы. Таким путем оппортунисты рассчитывали пробраться к руководству ПК. Петербургский комитет РСДРП отклонил это предложение как совершенно неприемлемое и вредное.

Накануне первой русской революции важнейшим средством общения Петербургского комитета с массами являлись листовки. Они играли громадную роль в политическом воспитании и сплочении рабочих.

В условиях подполья выпускать и распространять листовки было трудно и опасно. Этим делом занимались лучшие работники Петербургского комитета. Еженедельно удавалось отпечатывать 2 — 3 листовки тиражом 6000 — 10 000 экземпляров, не считая «местных» листовок (обращенных к рабочим одного завода). По тем временам тираж листовок был значительным, что свидетельствовал о большом размахе агитационной работы большевиков в Петербурге.

В своих листовках большевики откликались на важнейшие события общественной жизни и давали им политическую оценку. Широко пропагандировались общеполитические требования программы-минимум РСДРП: низвержение царского самодержавия; установление демократической республики; введение восьмичасового рабочего дня; уничтожение в деревне всех остатков крепостничества; осуществление всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании; обеспечение неприкосновенности личности и жилища, неограниченной свободы совести, слова, собраний, стачек и союзов; уничтожение сословий и полное равноправие всех граждан независимо от пола, религии, расы и национальности; право на самоопределение за всеми нациями и другие демократические требования.

Листовки петербургских большевиков являлись могучим средством воспитания в массах ненависти к злейшим врагам народа: царскому самодержавию, помещикам и капиталистам. Большевики смело и решительно разоблачали все и всякие попытки царизма заигрывать с народом, призывали не верить царскому правительству, а решительно бороться против него, готовиться к всенародному восстанию против самодержавия. Листовки раскрывали контрреволюционную сущность политики либеральной буржуазии, ее соглашательство и маклерство, показывали, что она вовсе не заинтересована в свержении монархии и установлении демократической республики.

В листовках в доступной форме освещались великие ленинские идеи гегемонии пролетариата, союза рабочего класса и крестьянства, разъяснялась необходимость устранения либеральной буржуазии от руководства революционным движением. Большевики воспитывали у петербургских рабочих чувство классовой пролетарской солидарности, понимание общности их интересов с интересами всего рабочего класса России, развивали и укрепляли славную традицию пролетарского интернационализма и дружбы народов.

Много внимания уделяли большевики разъяснению антинародного характера и целей русско-японской войны. Большевики были сторонниками поражения царского правительства в этой грабительской войне. Они считали, что от военного поражения царизма русский народ только выиграет, так как оно неизбежно вызовет колоссальное ослабление монархии, усилит революционный подъем в стране, приведет к краху самодержавия. Капитуляцию Порт-Артура Ленин расценил как «пролог капитуляции царизма».

Позиция большевиков, их отношение к русско-японской войне отвечали коренным интересам народа, искавшего выход из ненавистной войны. Прямо противоположную, антинародную позицию оборончества занимали меньшевики, что на деле означало защиту царского правительства в войне, отказ от решительной борьбы против самодержавия.

Петербургский комитет развернул усиленную антивоенную пропаганду. В его листовках: «Вопрос о войне должен решать сам народ», «Падение Порт-Артура», «О войне», «Для чего должен умирать русский солдат», «Война началась», «К новобранцам», «К солдатам», «Ко всем рабочим» (по поводу увольнения рабочих Балтийского завода, отказавшихся ехать на Дальний Восток) и других — гневно бичевалось царское самодержавие, разжигавшее преступную войну, раскрывались цели войны и все ужасы, которые несет она народу. Листовки призывали солдат переходить на сторону народа.

Царское правительство тщательно скрывало от народа действительное положение на фронте. Большевики говорили в своих листовках правду о громадных потерях, которые несла русская армия.

Многие листовки петербургских большевиков заканчивались настойчивым призывом: «Долой войну! Долой самодержавие!». В антивоенной листовке «Падение Порт-Артура» большевики, заклеив позором прогнивший самодержавный строй, указывали, что поражение царизма в кровавой войне не есть поражение народных масс, сражающихся на фронте.

«Позор не русскому народу, храбро гибнущему под японским огнем, — говорилось в листовке, — а царскому правительству. Оно показало всему народу, всему миру, что оно состоит из лжецов, воров, трусов и паразитов». Листовка заканчивалась словами: «Да пусть Порт-Артур будет могилой русскому самодержавию!».

Большое место отводили большевики пропаганде идеи массовой политической стачки как специфически пролетарского средства борьбы против капитализма и монархии.

Получив известие об успешной стачке бакинских рабочих в декабре 1904 года, Петербургский комитет РСДРП немедленно обратился к пролетариату столицы с листовкой «Ко всем! Всеобщая стачка в Баку». Большевики ознакомили петербургских рабочих с героической борьбой бакинского пролетариата и с достигнутым им благодаря стачке успехом (первый в России коллективный договор между рабочими и хозяевами). Листовка призывала готовиться к такой же стачке в Петербурге. Она заканчивалась словами: «Собирайтесь же теснее, товарищи, под знамена социал-демократии, и пусть смелое выступление бакинских рабочих найдет себе горячий отклик в сердцах их петербургских со-

братьев, удесятим же свою энергию в нашей повседневной революционной работе, будем всюду и везде выяснять смысл происходящих на юге событий, будем собирать деньги на поддержку стачечников, будем готовить почву для такой же грандиозной стачки здесь, в Петербурге.

Важнейшим средством политического просвещения были партийные кружки, являвшиеся формой организации передовых социал-демократических рабочих. Большевики придавали кружкам большое значение и создавали их в первую очередь на крупных фабриках и заводах. Так как кружки были нелегальными, то по конспиративным соображениям приходилось ограничивать их состав, включать в каждый кружок не более 6 — 7 рабочих. Свои кружки создавали и меньшевики. На крупнейших заводах — Путиловском, Обуховском и других — преобладали большевистские кружки. Так, на Путиловском заводе в конце 1904 года насчитывалось 7 большевистских кружков, объединявших свыше 50 рабочих, и только один меньшевистский, в который входило не больше 15 рабочих.

В кружках велась революционная агитация и пропаганда марксизма. Значительное место отводилось антивоенной агитации. Петербургский комитет подготовил 60 пропагандистов и 15 агитаторов для выступлений в кружках, а также на рабочих митингах и собраниях с разъяснением империалистического характера русско-японской войны и отношения к ней большевиков.

Члены подпольных кружков распространяли среди рабочих листовки Петербургского комитета и брошюры. Известны имена активных членов большевистских кружков; на Путиловском заводе — Н. Полетаев, В. Буянов; на Обуховском заводе — Е. Онуфриев, на Трубочном заводе — И. Голубев; на фабрике «Лаферм» — В. Борода.

Развертывать работу в массах петербургским большевикам, как и всей партии в целом, приходилось в труднейших условиях. Полицейские преследования и аресты вырывали из рядов большевистской организации лучших революционеров-профессионалов. Например, только в одном Городском районе столицы с сентября 1904 года по март 1905 года один за другим были арестованы шесть ответственных организаторов района. Организация испытывала недостаток опытных партийных кадров.

В чрезвычайно трудных условиях подполья петербургская большевистская организация, как и вся РСДРП, не могла быть многочисленной. До раскола (в декабре 1904 года) партийная организация столицы насчитывала всего 600 — 700 организованных в кружки рабочих. Затем организация разделилась примерно пополам: у большевиков — около 300 человек и столько же у меньшевиков. В конце 1904 года в таком крупном рабочем районе, как Невский, существовало лишь 10 большевистских кружков, в Выборгском районе их было 4 — 5 и они объединяли около 40 организованных рабочих, в Городском районе — лишь 3 — 4 кружка, а в Петербургском районе — 1 — 2 кружка, насчитывавших около 15 рабочих.

Однако, несмотря на малочисленность, петербургские большевики накануне 1905 года сумели развернуть большую работу по политическому воспитанию и организации рабочего класса. Они вели непримиримую и последовательную борьбу против меньшевиков, разоблачали их как противников революционной борьбы пролетариата. Это способствовало расширению связей большевиков с массами и постепенному переходу рабочих, временно попавших под меньшевистское влияние, на сторону революционной социал-демократии.

Итак, накануне первой русской революции Петербург являлся крупнейшим революционным центром России. Здесь имелись объективные и субъективные условия, благоприятствовавшие развитию массовой революционной борьбы пролетариата.

В Петербурге была налицо высокая концентрация промышленности и пролетариата,

сосредоточена значительная масса постоянных кадров фабрично-заводских рабочих, порвавших всякие связи с землей, огромная армия металлистов, являвшихся передовым отрядом рабочего класса. Всё это при наличии в столице крепкой большевистской партийной организации, которой оказывал большую помощь и повседневное внимание великий основатель и вождь Коммунистической партии В. И. Ленин, обеспечило петербургским рабочим ведущую роль в революционной борьбе российского пролетариата против царизма и капитализма.

Петербургский комитет РСДРП решительно отразил все попытки меньшевиков оторвать партийную организацию столицы от большевистского Заграничного центра, возглавляемого В. И. Лениным. Меньшевикам не удалось повернуть Петербургский комитет РСДРП против Ленина. Большевики Петербурга твердо стояли на позициях революционного марксизма и проводили большую агитационную и организаторскую работу в массах.

Тем не менее раскол петербургской социал-демократической организации на две части, отсутствие необходимого единства в ее рядах, как и в рядах всей РСДРП, тяжело отражались на борьбе рабочего класса, мешали установлению революционного единства в рабочем движении.

§ 5. 9 (22) января 1905 года — начало революции в России. Деятельность петербургских большевиков в дни январских событий

Стремительно назревавший в стране революционный кризис вызвал серьезную тревогу царского правительства. Возглавляемая царем правящая клика помещиков и магнатов финансового капитала рассчитывала в ходе русско-японской войны упрочить политическое положение самодержавия и предотвратить революцию. Но вышло наоборот. Русско-японская война не только не укрепила царское самодержавие, но еще более расшатала его устои и подорвала доверие к царизму как внутри страны, так и за границей.

Реакционные круги применяли разнообразные средства борьбы с надвигавшейся революцией. Усиливая репрессии против революционных организаций пролетариата, царское правительство одновременно стремилось отравить сознание рабочего класса, подчинить его своему влиянию. В крупнейших промышленных центрах страны насаждались организации «полицейского социализма», называвшиеся зубатовскими (по фамилии их основателя, жандармского полковника Зубатова). Зубатовские организации делали ставку на затемнение сознания отсталых рабочих, на их развращение монархической пропагандой. Деятельность зубатовцев в известной мере облегчалась тем, что многие пролетарии в начале девятисотых годов еще не доросли до понимания необходимости борьбы с самодержавием как злейшим врагом трудящихся и продолжали верить в царя.

Царская охранка уделяла особое внимание созданию организаций «полицейского социализма» в Петербурге. Здесь неуклонно возрастало влияние революционной социал-демократии, сильнее проявлялась тяга рабочих к организованным формам борьбы против гнета капиталистов и царизма. В сплочении пролетариата столицы, в росте его революционного сознания и организованности царское правительство видело наибольшую опасность для власти помещиков и капиталистов.

На решительные действия угнетённые массы в истории человечества поднимаются только от безысходности своего положения. Не исключением в этом были и действия рабочих в России.

В декабре 1904 года на почве безработицы вспыхнула грандиозная всеобщая стачка в

Баку. В течение нескольких недель в разгар всеобщей стачки хозяином положения был рабочий класс. Еще не во все концы России докатились смутные сведения о всеобщей стачке в Баку, как в январе 1905 года вспыхнула массовая стачка в Петербурге.

Стачка началась 3 января 1905 года на Путиловском заводе. Поводом к ней было увольнение четырех рабочих, принадлежавших к легальной организации «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», во главе, которой стоял поп Гапон, и оно находилось под непосредственным влиянием полиции в соответствии с зубатовщиной. Через чайные, которые были открыты на средства полиции, эта организация сумела захватить в свои руки тысячи петербургских рабочих.

Когда было уволено четверо путиловских рабочих по своим выступлениям неугодных администрации, все рабочие при участии самого «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» сперва обратилось к администрации с просьбой вернуть рабочих. Администрация отказалась это сделать. Тогда все двенадцать с половиной тысяч путиловских рабочих объявили забастовку о требовании возврата уволенных рабочих, улучшения материального положения и введения 8-часового рабочего дня.

К путиловским рабочим в течение двух дней примкнуло большинство рабочих петербургских фабрик и заводов и общее количество забастовщиков достигло огромной цифры в 140 тысяч человек.

Но рабочие не ограничились только стачкой, движение быстро перекинулось через голову лидеров «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», и превратилось в событие огромной политической важности, положив начало первой русской революции.

Рабочие требовали борьбы с фабрикантами, но большинство из них, вышедшее из крестьянской сферы, еще верило в «батюшку-царя», который мог бы «заступиться» за них против произвола фабричной администрации. Эту слепую веру в царя и хотели использовать главные руководители, возглавлявшие «Собрание русских фабрично-заводских рабочих», пытаясь направить движение рабочих на путь мирной борьбы. Под идейным руководством Гапона, но при несомненном влиянии социал-демократии, с которой Гапону приходилось считаться в некоторых районах, была выработана петиция, в которой излагались нужды и просьбы, рабочих к царю.

Но ничто не могло приостановить развитие революционного рабочего движения.

Боевой революционной пропаганде социал-демократов правящие круги не могли противопоставить ничего другого, кроме жалкого проекта жандармского полковника. При этом агентам охраны приходилось тщательно скрывать от рабочих цели своей организации и маскироваться лозунгами, которые могли привлечь доверчивых людей.

В феврале 1904 года при помощи тайного агента царской охраны священника пересыльной тюрьмы Гапона было учреждено так называемое «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга». О направлении деятельности этой организации Гапон лично поставил в известность директора департамента полиции. В докладной записке он указывал, что из общества будут вылетать «здоровые и самоотверженные птенцы на разумную защиту своего царя...» В день официального открытия «Собрания» Гапон обратился к царю с выражением своих верноподданнических чувств.

Гапоновская организация в Петербурге отличалась от ранее возникших зубатовских только тем, что ее полицейская сущность была более замаскирована. Гапоновцы прикрывались показным рабочелюбием, громко заявляли, что заботятся о нуждах рабочих. В первом параграфе устава «Собрания» говорилось, что оно учреждается для трезвого и разумного препровождения свободного от работы времени, укрепления среди рабочих

русского национального самосознания, развития разумных взглядов на права и обязанности рабочих, проявления ими самостоятельности в деле законного улучшения условий труда. Согласно уставу общества, каждый действительный член «Собрания» имел право: а) бесплатно пользоваться библиотекой, б) подавать голос на общих собраниях, в) заявлять Правлению обо всем, что признает полезным для достижения цели «Собрания», г) в трудные минуты жизни, через полгода со дня утверждения сего устава и после шести ежемесячных и одного единовременного установленных членских взносов, — требовать себе пособия».

Это была самая отъявленная демагогия и наглый обман рабочих. Устав не обеспечивал никакой поддержки рабочему, уволенному предпринимателем за участие в стачке, за революционную деятельность, за неподчинение произволу администрации. Такой рабочий не получал пособия во время безработицы и его взносы пропадали. Только «смирные» и «послушные» рабочие, состоявшие членами общества, могли рассчитывать на помощь «Собрания».

Истинную сущность гапоновской организации выдавали и другие пункты устава. Так, члены правления, казначей, председатель и другие должностные лица «Собрания» обязательно утверждались градоначальником, который мог в любое время закрыть общество, если его деятельность будет неугодной полиции, мог посылать чинов полиции на собрания, а также запрещать обсуждение нежелательных вопросов. В примечаниях к уставу было оговорено, что «лекции рабочим, особенно по рабочему вопросу, происходят обязательно в присутствии представителя от полиции». «Собрание», как указывалось в уставе, было создано с целью «отвлечения рабочих от влияния преступной пропаганды».

Большевистская газета «Вперед», анализируя устав гапоновской организации, делала вывод: «Когда посмотришь, как по уставу должно вестись дело, то можно подумать, что это не общество рабочих, а общество служащих в канцелярии градоначальника».

К осени 1904 года деятельность гапоновцев в Петербурге достигла значительных размеров. В разных районах было организовано 11 отделений «Собрания». Довольно многочисленная гапоновская организация действовала на Путиловском заводе. В отделениях гапоновского общества устраивались чтения монархической и религиозной литературы; лекторы, отобранные охранкой, выступали перед рабочими с лекциями на темы, ею же одобренные.

Однако попытки царских властей изолировать часть петербургских рабочих — членов гапоновского общества, оторвать их от участия в революционной борьбе всего пролетариата были с самого начала обречены на провал.

Обострение политического положения в стране стихийно вело к росту революционных настроений даже среди рабочих, посещавших гапоновские собрания.

Большевики Петербурга развернули большую работу по разоблачению контрреволюционной сущности гапоновщины. Их тактика состояла в том, чтобы, борясь против гапоновцев, одновременно использовать районные отделения общества как легальные «зацепки» для упрочения партийных связей с массами, для политического просвещения рабочих. Направленные Петербургским комитетом РСДРП агитаторы-большевики приходили на собрания членов гапоновского общества, разъясняли рабочим предательский характер этой полицейской организации, вели агитацию за экономические и политические требования, изложенные в программе-минимум РСДРП.

Ленин неоднократно указывал, что Петербургский комитет РСДРП избрал по отношению к гапоновщине правильную тактику и приводил ее как пример революционной тактики.

В статье «Две тактики», напечатанной в № 6 газеты «Вперед», Ленин писал: «Мы говорили в № 4 о верной тактике петербургских комитетчиков, направивших все усилия с самого начала на поддержку и развитие революционных элементов стихии при сдержанном, недоверчивом отношении к темному, зубатовскому тылу этой стихии».

Несмотря на все свои усилия, гапоновцы не могли помочь властям сдержать натиск революционной бури. Тяжелое положение рабочих, усиленное бедствиями войны, с каждым днем неизбежно приближало революцию.

Ускорила революционное выступление петербургского пролетариата стачка, вспыхнувшая на крупнейшем заводе Петербурга — Путиловском.

Стачка началась неожиданно, без какой-либо подготовки. В декабре 1904 года мастер Тетявкин беспричинно уволил четырех рабочих. Этот случай вызвал сильное возмущение среди путиловцев. Уволенные обратились за помощью в гапоновское «Собрание», членами которого они состояли. Гапоновским заправилам, боявшимся потерять влияние на рабочих, пришлось выступить в защиту уволенных. Они старались уладить конфликт мирным путем. Гапоновцы вели переговоры с директором завода, фабричным инспектором и своим покровителем—петербургским градоначальником Фуллоном. Ходатайства гапоновцев не увенчались успехом.

2 января 1905 года состоялось собрание Нарвского отделения гапоновской организации. На нем присутствовало около 600 рабочих Путиловского, Невского судостроительного и других заводов Петербурга. Среди участников собрания были большевики В. А. Шелгунов, Н. Г. Полетаев и другие. С яркой и проникновенной речью выступил В. А. Шелгунов—в прошлом активный член ленинского «Союза борьбы», много лет проработавший на заводах Петербурга, хорошо знавший нужды и думы рабочих. Он рассказал о тяжелом экономическом и политическом положении рабочих, об издевательствах мастеров, штрафах и неправильных расценках, указал на неразрывную связь борьбы рабочих Путиловского завода с борьбой рабочего класса России.

Выступление В. А. Шелгунова произвело огромное впечатление на присутствовавших. Выступали и другие ораторы. Рабочие слушали их охотно, но просили в речах не задевать царя. Наивная вера в царя владела еще умами значительной части собравшихся.

К концу собрания большинство склонилось к выводу, что нужно объявить забастовку. Чувство пролетарской солидарности с уволенными товарищами взяло верх над полицейскими уловками. Руководители гапоновской организации вынуждены были уступить требованиям рабочих.

Утром 3 января 1905 года путиловцы, не приступая к работе, собрались у заводской конторы. Они вызвали директора и потребовали от него уволить ненавистного мастера Тетявкина и принять обратно незаконно рассчитанных рабочих. Директор в грубой форме отверг предъявленные требования. Это усилило возмущение путиловцев.

В тот же день завод остановился. Стачка началась дружно и сразу приняла организованный характер. Забастовщики выделили во всех цехах дежурных для охраны машин, поручили группе своих делегатов отправиться на другие заводы и просить рабочих этих предприятий поддержать бастующих путиловцев.

4 января с утра многочисленные группы забастовавших рабочих стекались в помещение Нарвского отделения гапоновской организации. До вечера не прекращались бурные собрания, в ходе обсуждения всё более рос список требований к администрации.

Путиловцы выработали следующие требования: установление 8-часового рабочего дня; отмена сверхурочных работ; повышение заработной платы чернорабочим и женщинам;

организация бесплатной медицинской помощи; учреждение постоянной, избираемой рабочими, комиссии для установления расценок на новые изделия, решения вопросов о найме и увольнении, рассмотрения различных претензий рабочих; свобода забастовки и оплата за дни забастовки; личная неприкосновенность и безопасность выборных от рабочих.

Свои требования рабочие дважды передали дирекции завода — в первый и на второй день забастовки — и дважды получили отказ. Несмотря на это, невозможно переоценить значение революционной инициативы рабочих крупнейшего завода столицы.

Дело в том, что выдвинутые путиловцами требования хотя и касались улучшения условий труда на одном предприятии, но в то же время они выражали интересы рабочего класса всей России. В эти требования вошло значительное число пунктов программы-минимум РСДРП. Естественно, что требования путиловцев были поддержаны рабочими других предприятий города и сыграли большую организующую роль в развитии стачечного движения не только в Петербурге, но и в других промышленных центрах.

Большевики рассматривали путиловскую стачку как событие, имевшее большое значение для борьбы всего российского пролетариата. В статье «Петербургская стачка», напечатанной в № 3 газеты «Вперед», Ленин писал: «Стачка, начавшаяся 3 января на Путиловском заводе, разыгрывается в одно из наиболее величественных проявлений рабочего движения».

Большевики стремились превратить стачку путиловцев в массовую политическую стачку, способную поднять на борьбу не только рабочих Петербурга, но и пролетариат всей России. Они развернули усиленную агитацию среди рабочих и принимали непосредственное участие в организации стачек на других предприятиях Петербурга.

Избранные путиловскими рабочими делегаты, в числе которых были большевики Н. Полетаев, В. Буянов, В. Орлов и другие, направились на крупнейшие заводы и фабрики столицы. Они рассказывали о начавшейся на Путиловском заводе стачке, подробно разъясняли требования путиловцев и, оставляя копии этих требований в качестве образца, горячо и настойчиво призывали поддержать бастовавших.

4 января после прихода путиловской делегации забастовало более 2 тысяч рабочих Франко-Русского завода. По примеру путиловцев, здесь выбрали депутатов для передачи администрации требований, подобных выработанным путиловцами.

5 января к стачке присоединилось свыше 6 тысяч рабочих Невского судостроительного завода, на котором накануне также побывали делегаты от рабочих Путиловского завода. В этот день забастовали и рабочие Обуховского завода.

Вслед за металлистами крупнейших предприятий столицы к стачке стали примыкать текстильщики. 5 января начались забастовки на Невской бумагопрядильной, Невской ниточной и Екатерингофской бумагопрядильной мануфактурах.

На Невской бумагопрядильной мануфактуре рабочие вызвали к себе участкового инспектора и напомнили ему, что «он совместно со старшим фабричным инспектором обманул их в 1903 г., заявив, будто бы закон о сокращении рабочего времени уже тогда вырабатывался; вот прошли 2 года, а толку нет, и потому они не успокоятся, пока не исполнят их требований, которые у них общие с путиловскими».

Так стачка с исключительной быстротой перебросилась с Путиловского завода на другие предприятия Петербурга.

Меньшевики всячески старались сузить размеры начавшейся в городе стачки и сдержать ее дальнейшее развитие. Поэтому в своих листовках они делали упор на частные, экономические требования рабочих.

Большевики, напротив, стремились расширить стачку и придать ей ярко выраженный

политический характер. С этой целью они выдвигали в своих листовках широкие экономические и политические требования программы-минимум РСДРП.

Выпуск большевистских листовок и их распространение среди рабочих являлись важной частью агитационной работы петербургских большевиков. В эти дни техническая группа ПК РСДРП проявила кипучую энергию. В конце декабря 1904 года, незадолго до путиловской стачки, Петербургский комитет в результате провала лишился большей части печатной техники. Теперь вместо нее срочно пустили в ход несколько печатных станков.

5 января Петербургский комитет РСДРП выпустил листовку «Ко всем рабочим Путиловского завода», в которой призывал их расширить стачку, сделать ее всеобщей, упорно и дружно бороться против царского самодержавия. В листовке экономические требования связывались с политическими. «Пора, пора уже сбросить нам с себя непосильный гнет полицейского и чиновничьего произвола!— говорилось в листовке. — Нам нужна политическая свобода, нам нужна свобода стачек, союзов и собраний; нам необходимы свободные рабочие газеты. Нам необходимо народное самоуправление (демократическая республика)».

Начальник охранного отделения доносил 5 января в департамент полиции о появлении этой листовки среди рабочих Путиловского завода и отмечал, что революционная социал-демократия прилагает большие усилия, чтобы придать стачке политический характер.

В своих листовках большевики обращались как к рабочим всего Петербурга, так и к рабочим отдельных районов и заводов, выдвигая в таких случаях наряду с общими политическими и экономическими требованиями и частные, наиболее злободневные для данного предприятия.

В листовке «Ко всем рабочим Обуховского завода» большевики приводили широкие экономические требования обуховцев (18 пунктов) и вместе с тем подчеркивали огромное значение политической борьбы. Листовка напоминала о боевом выступлении рабочих Обуховского завода в мае 1901 года (Обуховская оборона) и призывала к борьбе против самодержавия.²

6 января Петербургский комитет выпустил листовку «К рабочим и работницам Шлиссельбургского района». Рассказывая о забастовке рабочих крупных заводов, большевики подчеркивали, что теперь подошла очередь рабочих и работниц Шлиссельбургского района включиться в борьбу. В листовке говорилось о братской солидарности рабочих, формулировались их экономические и политические требования.³

7 января Петербургский комитет РСДРП обратился ко всем рабочим Петербурга с призывом примкнуть к забастовке.

Издание и распространение листовок, а также устная агитация членов подпольных большевистских кружков и их непосредственное участие в выработке требований способствовали росту классового самосознания и политической активности рабочих и широких демократических слоев.

В развертывающейся стачечной борьбе путиловские рабочие занимали ведущее положение. Выработанные ими требования получили широкое распространение на крупных предприятиях Петербурга и почти без изменений предъявлялись рабочими капиталистам. Например, на крупных предприятиях морского ведомства, у железнодорожников, рабочих химической, текстильной, пищевой и других отраслей промышленности программа путиловцев была положена в основу требований. На мелких же предприятиях преобладали частные требования, касающиеся данного предприятия.

С каждым днем забастовка, начатая путиловскими рабочими, охватывала всё больше предприятий, перерастала во всеобщую массовую политическую стачку. К вечеру 7 января 1905 года в Петербурге бастовало 382 предприятия, подчиненные надзору фабричной инспекции, на которых работало 105 тысяч человек; кроме того, прекратили работу более 25 тысяч рабочих на казенных заводах военного и морского ведомств и на железных дорогах.

К 7 января бастовала вся основная армия металлистов. Из крупных заводов (с числом рабочих свыше 1 тысячи человек) прекратили работу: Путиловский, Франко-Русский, Невский судостроительный, С.-Петербургский металлический, Балтийский судостроительный, Ново-Адмиралтейский, Трубочный, Патронный, Розенкранца, Вагоностроительный, главные паровозные и вагонные мастерские Александровского завода Николаевской железной дороги, мастерские Варшавской железной дороги. Из средних металлообрабатывающих предприятий (с числом рабочих свыше 500 человек) бастовали заводы: Орудийный, Нобеля, Лесснера, Сан-Галли, Сименс-Гальске, Арсенал и другие. Таким образом, впереди бастующего петербургского пролетариата шли металлисты.

Из крупных предприятий текстильной промышленности (с числом рабочих свыше 1 тысячи человек) к 7 января бастовали: Невская бумагопрядильная, Петровская и Спасская, Невская ниточная и Сампсониевская мануфактуры, Суконная мануфактура Торнтон, Александров-Невская мануфактура Паля.

Стачка охватила также крупные предприятия других отраслей промышленности: Российско-Американскую резиновую мануфактуру, фабрику механического производства обуви, табачные фабрики «Лаферм» и «Шапшал», кожевенный завод Осипова, писчебумажные фабрики Печаткина и Варгуниных и другие.

7 января не вовлечёнными в стачку остались лишь мелкие металлообрабатывающие и текстильные предприятия и некоторая часть средних и мелких предприятий других отраслей промышленности.

Наиболее передовые и организованные рабочие крупных заводов и фабрик помогали рабочим других предприятий и мастерских включиться в стачку, снимая их с работы. 6 января на собрании рабочих предприятий Невской заставы было решено, что рабочие Обуховского и Невского судостроительного заводов 7 января сами объявят забастовку и пойдут снимать рабочих текстильных фабрик Паля и Торнтон. Трудящиеся многих мелких предприятий не решались самостоятельно начинать забастовку, так как хозяева грозили увольнением бастующих. Были случаи, когда рабочие небольших предприятий просили «снять» их с работы, чтобы помочь им таким образом включиться в стачку.

В связи с этим царская охранка и предприниматели сочинили лживую версию о том, будто бы рабочие присоединялись к забастовке не добровольно, а насильно, «под давлением извне». Это лживое утверждение фигурировало во многих донесениях охранки, в докладах и записках фабрикантов и заводчиков, раздувалось буржуазной печатью. Правящие круги хотели таким путем посеять среди рабочих неверие в свои силы, принизить и скрыть величайшее значение классовой пролетарской солидарности. Газета «Вперед» на многочисленных фактах разоблачала выдумки врагов пролетариата.

Благодаря революционной инициативе рабочих крупных предприятий, особенно металлистов, к забастовке примкнули почти все рабочие столицы. Движение перехлестнуло рамки гапоновской организации. Достигнутую на 8 января ступень движения В. И. Ленин тогда же охарактеризовал как гигантский взрыв классовой борьбы, какого не знала до сих пор Россия.

«Вся промышленная, торговая, общественная жизнь гигантского полутора миллионного

центра оказалась парализованной, — писал Ленин. — Пролетариат на деле показывал, что им и только им держится современная цивилизация, его трудом создаются богатства и роскошь, на нем покоится вся наша „культура“. Город оказался и без газет, и без освещения, и без воды. И эта всеобщая стачка носила определенно выраженный политический характер, являлась непосредственным прологом революционных событий».

В такой обстановке, когда классовые противоречия обострились до крайней степени, царское правительство решило спровоцировать рабочих на преждевременное выступление с тем, чтобы силой оружия подавить назревавшую революцию. Оно рассчитывало кровавой расправой запугать рабочих и крестьян и остановить рост революционного движения в стране.

Выполнить этот преступный план в огромной мере помог самодержавию руководитель «Собрания фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга» Гапон, предложивший в разгар стачечной борьбы в столице устроить мирное шествие рабочих для подачи царю петиции о своих нуждах. Царское правительство не вмешивалось и не запрещало подготовку к мирной демонстрации. «Русское правительство разрешило организацию демонстрации, имея целью в подходящий момент дать кровавый урок», — писала английская буржуазная газета.

Большевики сразу же увидели кровавую изнанку гапоновского плана и всеми способами старались удержать рабочих от участия в шествии к Зимнему дворцу.

Во всех отделениях гапоновской организации 7 и 8 января проходили массовые собрания, на которых обсуждалась петиция.

Петербургский комитет направил в районные отделения гапоновского «Собрания» своих лучших агитаторов. В. Шелгунов, В. Цицарин, К. Жерновецкий и многие другие большевистские ораторы по несколько раз выступали в различных районах города. Они решительно предостерегали рабочих об опасности кровавой провокации, говорили, что царь прикажет стрелять в участников шествия, доказывали, что добиться улучшения экономического положения невозможно без упорной борьбы за политические свободы, настойчиво призывали продолжать стачку.

В эти дни большевики распространяли много листовок, в которых разъясняли рабочим, что свободу петициями не добыть, что призыв Гапона к мирному шествию с петицией — опасный и ненадежный путь, что единственным верным путем к свободе является непримиримая борьба против самодержавия и капиталистов.

В листовке от 8 января, обращенной «Ко всем петербургским рабочим», говорилось: «Такой дешевой ценой, как одна петиция, хотя бы и поданная попом от имени рабочих, свободу не покупают. Свобода покупается кровью, свобода завоевывается с оружием в руках, в жестоких боях. Не просить царя и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку — только таким путем можно завоевать свободу».

В листовке «К солдатам» Петербургский комитет РСДРП призывал солдат отказываться стрелять в рабочих и переходить на их сторону.

Большевики были противниками шествия рабочих с петицией к царю, но когда стало очевидно, что предотвратить демонстрацию невозможно, решили принять в ней участие. Они считали необходимым в этот ответственный момент быть вместе с массами, помочь им на собственном опыте убедиться в правильности лозунгов большевистской партии, а в подходящий момент возглавить их выступление против самодержавия.

Накануне 9 января Петербургский комитет РСДРП всесторонне обсудил вопрос о предстоящем шествии. Было решено направить в рабочие районы отряды, состоящие из

знаменосцев, ядра, их защищающего, и агитаторов, которым поручалось выступить перед массами в момент, наиболее подходящий для призыва рабочих к борьбе с самодержавием.

В районах были проведены нелегальные партийные собрания большевиков с участием передовых рабочих. На собраниях также обсуждался вопрос о шествии к царю и вырабатывалась линия поведения, особенно в день 9 января. Так, например, нелегальное партийное собрание рабочих Василеостровского района, проходившее 6 января, постановило: участвовать в развитии забастовки; способствовать революционизированию масс товарищескими беседами, а также публичными выступлениями; распространять прокламации и брошюры; 9 января в случае столкновения с войсками призвать массы к оружию, к сооружению баррикад, обратить серьезное внимание на захват оружейных магазинов и мастерских; находиться вместе с народом, куда бы он ни двинулся.

Аналогичное решение приняли большевики Невского района на нелегальном партийном собрании, проходившем 8 января в помещении театра «Вена», а также большевики других районов.

В докладе III съезду партии петербургские большевики сообщали, что в течение 5 — 8 января вся деятельность Петербургского и районных большевистских комитетов была направлена на агитацию в отделениях гапоновского «Собрания».

Большевики наталкивались на яростное сопротивление гапоновцев. Например, в Петербургском районе председательствовавший на собрании предоставлял слово только сторонникам Гапона, поэтому никому из агитаторов от Петербургского комитета в этом районе выступить не удалось. Но на тех гапоновских собраниях, где большевикам удавалось выступать, рабочие слушали их с сочувствием.

Решительная борьба большевиков против гапоновщины, разоблачение, ими провокаторского плана Гапона и последовательное отстаивание идей классовой борьбы привели к тому, что накануне 9 января среди рабочих усилились сомнения в целесообразности шествия ко дворцу. Говоря о настроении рабочих накануне 9 января, газета «Вперед» писала: «Здесь всё перемешалось: и гапоновщина, и здоровые зёрна социал-демократического мировоззрения, зароненные в течение последнего десятилетия на эту благодатную почву».

Правильная тактика помогла большевикам использовать собрания гапоновского общества для политического просвещения масс. Огромное значение имело вовлечение самих рабочих в обсуждение петиции. Это наложило революционный отпечаток на ее содержание. Под влиянием большевиков в окончательный текст петиции были включены параграфы, заимствованные из программы-минимум РСДРП: свобода печати и слова, свобода рабочих союзов, созыв Учредительного собрания, равенство всех перед законом, отделение церкви от государства, установление 8-часового рабочего дня, передача земли крестьянам. Эти требования не имели ничего общего с идеологией гапоновского «Собрания». Включение их в петицию выражало политический протест рабочих против бесправия и жесточайшего гнета капиталистов и царизма и свидетельствовало о том, что идеи революционной социал-демократии начали доходить до самых отсталых слоев рабочего класса, сохранивших еще наивную веру в царя.

Ленин в статье «Петербургская стачка», останавливаясь на содержании петиции, указывал, что в ней получило «чрезвычайно интересное преломление в умах массы или ее малосознательных вождей программы социал-демократов... Политический протест передового угнетенного класса и его революционная энергия прорываются через все преграды и внешние — в виде полицейских запретов и внутренние — в виде неразвитости и отсталости идей

некоторых вожakov».

Политическому просвещению рабочих и делу разоблачения гапоновщины огромный вред наносили меньшевики. В то время как большевики Петербурга в чрезвычайно трудных условиях подполья и строжайшей конспирации напрягали все свои силы, чтобы сорвать шествие к дворцу, меньшевики ничего не делали для предостережения рабочих против вредности и опасности гапоновской затеи; по признанию лидера петербургских меньшевиков Сомова, они «занимались больше интервьюированием Гапона».

Тактика меньшевиков по отношению к гапоновщине вытекала из их общей оппортунистической линии отрицания руководящей роли пролетариата в революции. Меньшевики утверждали, что пролетариат якобы не созрел еще для политической борьбы. Руководящую роль в революции они охотно уступали различным непролетарским элементам. На страницах новой «Искры» меньшевики заявляли, например, что будут рады, если русская революция обогатится священником, генералом или видным чиновником в качестве вожака.

Царское правительство подготовилось к расстрелу мирной демонстрации питерских рабочих по всем правилам военного искусства. 7 января на совещании у градоначальника был выработан план совместных действий войск и полиции. Город был разделен на восемь районов, в каждый из которых назначался отряд войск под командованием генерала. Для расстрела демонстрации были вызваны подкрепления из Царского Села и других, ближайших к столице гарнизонов. Всего было мобилизовано не менее 40 тысяч солдат и казаков.

Вечером 8 января состоялось второе совещание, на котором была выработана диспозиция всех войск. Рано утром 9 января войска и полицейские наряды должны были занять свои места по диспозиции. Во главе всех военных сил, подготовленных для кровавой расправы с безоружными рабочими, стоял дядя царя — великий князь Владимир.

О подготовке правительства к расстрелу рабочих Ленин писал: «Оно приняло все военные меры. Оно убрало все гражданские власти и отдало полутора миллионную столицу в полное распоряжение жаждающим народной крови генералам с великим князем Владимиром во главе».

Военный план правительства заключался в том, чтобы не пустить колонны демонстрантов из рабочих районов на Дворцовую площадь и расстрелять их до соединения в центре города. В связи с этим солдаты, казаки и полиция были сосредоточены, прежде всего, на больших площадях и главных улицах рабочих окраин, у мостов через Неву, ведущих к Дворцовой площади. Большие военные силы были подтянуты к Зимнему дворцу. Чтобы обеспечить повиновение солдат, царские агенты внушали им, что рабочие якобы хотят разрушить Зимний дворец и убить царя. Выполнение кровавого военного плана самодержавия облегчалось тем, что оно знало, куда идут рабочие, где у них сборные пункты, какова у них цель.

Кровавую расправу пыталась предотвратить депутация писателей и ученых Петербурга во главе с Максимом Горьким. 8 января депутация направилась к министру внутренних дел Святополк-Мирскому, но тот ее не принял. Тогда депутация побывала у шефа жандармов Рыдзевского и председателя кабинета министров Витте и потребовала не выводить войска 9 января на улицу. Однако шеф жандармов и Витте категорически отказались что-либо предпринять для предупреждения расстрела рабочих. Таким образом, царское правительство сознательно и преднамеренно готовилось к чудовищной бойне на улицах и площадях столицы.

События развивались с поразительной быстротой и Гапон, оказавшийся в центре движения и сначала думавший направить его в мирное русло, теперь увидел, что дело зашло

слишком далеко. Тогда под давлением рабочих он выдвинул мысль идти к царю с петицией. Петиция явилась результатом самых разнообразных влияний. У Гапона были связи с либеральной интеллигенцией из союза «Освобождение», некоторые члены которого — Прокопович, Кускова, Богучарский — были на собрании Гапоновского «штаба» и всецело присоединились к проекту требований, выставленных Гапоном. Это заставляет думать, что основные политические требования петиции внушены были Гапону либеральной интеллигенцией. За это говорит и их «внеклассовый» характер, напр. забота о привлечении в Учредительное собрание «представителей от всех классов земли русской... пусть там будут и капиталист, и рабочий, и доктор, и учитель».

Некоторые требования петиции, например 8-часового рабочего дня, свободы стачек и т. п., носят на себе следы влияния с.- демократии. Общий верноподданнический характер петиции, обращающейся к «государю», царствующему «согласно с божескими законами», «поставленному на счастье народу» — дело рук самого Гапона. Пойти к царю, который, как отец, выслушает свой народ и удовлетворит его жалобы, значит укрепить царя — таков был смысл действий Гапона. В движение была втянута вся масса рабочих Петербурга, в значительной своей части еще не имевшая опыта революционной борьбы, не затронутая социал-демократической пропагандой, сохранившая наивную крестьянскую веру в «царя-батюшку». Поэтому рабочие ухватились за мысль идти к царю, одобряли петицию, которая читалась по районам тысячными толпами, отрицательно относились к речам с.-д. ораторов и, не думая о восстании, твердо, однако решились добиться от царя определенного ответа. Удовлетворит царь требование — хорошо, нет — стало быть, нет у нас царя; так примерно рассуждала рабочая масса.

7 и 8 января рабочий Петербург кипел, как котел, готовый взорваться каждую минуту. Правительство увидало, что его агент Гапон вышел из дозволенных ему рамок, и начало готовиться к кровавому разгрому рабочего движения. Город был разделен на боевые участки, войсками были заняты все площади и главные улицы, ведущие от окраин к Зимнему дворцу. Утром 9 января рабочие стройными колоннами от всех отделов «Собрания» направились к дворцовой площади. Гапон шел с колонной Путиловских рабочих от Нарвского отдела, впереди несли церковные хоругви, иконы и царский портрет. У Нарвских ворот колонну встретили войска и открыли стрельбу по ней. Гапон уцелел, ему удалось скрыться при помощи с.-р. Рутенберга. Так же варварски колонны безоружных рабочих были расстреляны и в др. частях города. Движение после первых же выстрелов приняло иной характер: вместо мирной толпы теперь была возмущенная масса, готовая атаковать самодержавие. Рабочие всюду стали останавливать, обезоруживать, избивать офицеров и полицию. На Васильевском острове рабочие под руководством большевиков захватили оружейную мастерскую Шаффа и типографию, в которой отпечатали прокламацию с призывом к вооруженному восстанию. В этот же день рабочие начали строить баррикады, которые только к вечеру были разобраны правительственными войсками. Выступление рабочих в Петербурге стоило огромных жертв: убитых и раненых насчитывалось до 1 тыс. человек. Но расстреливая демонстрацию, царизм тем самым уничтожал веру в царя даже в самых отсталых слоях рабочего класса и способствовал развитию классового самосознания пролетариата. «И вот именно в этом пробуждении колоссальных масс к политическому сознанию и революционной борьбе и заключается историческое значение 22 января 1905 г.» (Ленин).

Социал-демократы (и большевики, и меньшевики) проглядели начало движения и не смогли во время им овладеть. Рабочие 9 января, по выражению Ленина, «творили историю

без социал-демократии». Главная причина этого заключалась во внутренней слабости петербургской организации партии перед 9 января, вызванной дезорганизаторской работой меньшевиков. Но урок, данный царем, сразу же показал рабочим, кто был прав — Гапон, советовавший идти к царю, или с.-д. большевики, призывавшие массы к восстанию. — Петербургские события послужили толчком к всероссийскому движению: в ответ на расстрел демонстрации в Петербурге поднялись рабочие Польши, Прибалтики, Западного края, Юга, Кавказа и центра России. Молчали только отсталый Урал и Сибирь. Всюду движение поднимало на борьбу десятки тысяч рабочих; в Польше, на Юге и на Кавказе оно стоило рабочим сотен человеческих жертв, павших во время столкновения с войсками. Теперь это уже было сознательное движение, руководимое с.- демократией и главным образом большевиками: рабочий класс, обманутый в Петербурге Талоном, своим классовым чутьем нашел своего истинного вождя в лице партии и выступал под революционными лозунгами.

§ 6. 9 января 1905 года

Утром 9 января колонны рабочих направились из сборных пунктов к Зимнему дворцу. На улицы вышло свыше 140 тысяч человек. Эта огромная демонстрация носила мирный характер. Рабочие шли без оружия. По совету гапоновцев, дома были оставлены даже перочинные ножи. Многие взяли с собой детей, жен, стариков.

Тысячи рабочих, — и притом не социал-демократических, а верующих, верноподданных людей, стекаются под предводительством священника Гапона со всех частей города к центру столицы, к площади перед Зимним дворцом, чтобы передать царю свою петицию. Рабочие идут с иконами, и их тогдашний вождь Гапон письменно уверял царя, что он гарантирует ему личную безопасность и просит его выйти к народу.

Вызываются войска. Уланы и казаки бросаются на толпу с холодным оружием, стреляют в безоружных рабочих, которые па коленах умоляли казаков, чтобы их пропустили к царю. По полицейским донесениям, тогда было более тысячи убито, более двух тысяч ранено. Возмущение рабочих было неопишимо.

Вот самая общая картина 22 января 1905 года — «Кровавого Воскресенья».

Чтобы сделать вам нагляднее историческое значение этого события, мы прочтём вам несколько мест из петиции рабочих. Петиция начинается следующим образом: «Мы, рабочие, жители Петербурга, пришли к Тебе. Мы — несчастные, поруганные рабы, мы задавлены деспотизмом и произволом. Когда переполнилась чаша терпения, мы прекратили работу и просили наших хозяев дать нам лишь только то, без чего жизнь является мучением. Но все это было отвергнуто, все показалось фабрикантам незаконным. Мы здесь, многие тысячи, как и весь русский народ, не имеем никаких человеческих прав. Благодаря Твоим чиновникам, мы стали рабами».

Петиция перечисляет следующие требования: амнистия, общественные свободы, нормальная заработная плата, постепенная передача земли народу, созыв учредительного собрания на основе всеобщего и равного избирательного права и заканчивается словами: «Государь! Не откажи в помощи твоему народу! Разрушь стену между Тобой и Твоим народом! Повели и поклянись, чтобы исполнились наши просьбы, и Ты сделаешь Россию счастливой; если нет, тогда мы готовы умереть тут же. У нас только два пути: свобода и счастье или могила».

Многотысячная колонна рабочих крупнейшей рабочей окраины Петербурга —

Нарвской заставы, ядром которой были путиловцы, в 12-м часу дня медленно приближалась к Нарвским воротам. Над колонной колыхались церковные хоругви, люди несли образа, царские портреты. Шли торжественно, с пением молитв. Не дойдя шагов ста до Нарвских ворот, рабочие услышали звук сигнального рожка, за которым тотчас последовал ружейный залп. Царские войска открыли стрельбу по мирной безоружной колонне рабочих, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков. Здесь, у Нарвских ворот, началась кровавая расправа царизма с рабочими.

Площадь обгабилась народной кровью, падали убитые, корчились в предсмертных муках тяжело раненные. Спасаясь от царских пуль, люди разбегались в разные стороны, но войска продолжали стрелять и по бегущим. Казаки нагоняли спешивших укрыться людей и зверски избивали их. Со всех концов доносились стоны и проклятия по адресу царских палачей. Близлежащие больницы и покойничьи быстро заполнялись убитыми и ранеными.

Жестокая расправа над безоружными рабочими происходила в этот день и в других пунктах столицы.

На Шлиссельбургском тракте (ныне проспект Обуховской обороны) многочисленная колонна рабочих Невского района была зверски избита казаками и полицией на том месте, где ныне находится мельничный комбинат имени Кирова. Огромная толпа, спасаясь от казачьих нагаек, сломала забор, ведущий к Неве, спустилась на лед и многие окольными путями направились к Зимнему дворцу.

Две большие колонны манифестантов-рабочих Выборгской и Петербургской сторон были расстреляны у Троицкого (ныне Кировского) моста. Около 11 часов манифестанты Выборгской стороны двинулись от Сампсониевского моста (ныне моста Свободы) по Б. Дворянской улице (ныне ул. Куйбышева) к Троицкой площади (ныне пл. Революции). Навстречу им были высланы два эскадрона уланского полка. Пропустив кавалерию, манифестация продолжала двигаться к Троицкому мосту. На Троицкой площади дорогу на мост преградили три роты Павловского полка, которые оттеснили манифестацию. Демонстранты у Александровского сада соединились с колонной рабочих Петербургской стороны.

В первом часу дня по Каменноостровскому (ныне Кировскому) проспекту к Троицкому мосту подошла колонна рабочих Петербургской и Выборгской сторон. Войсками без всякого предупреждения были даны три залпа. На мостовую упали убитые и раненые. После этого на смешавшуюся толпу кинулась кавалерия с обнаженными шашками. Всадники рубили безоружных людей.

Манифестация рабочих Васильевского острова двигалась от места сбора по 4-й линии к набережной Невы. Здесь ей преградили дорогу кавалерия и пехота. Рабочие поднимали руки, показывая, что они безоружны. Несмотря на это, прозвучал сигнал к атаке, и кавалеристы с обнаженными шашками бросились на участников шествия.

Значительным массам народа всё же удалось обойти заслоны войск, выставленные на многих магистралях города, и проникнуть на Невский проспект, к площади Зимнего дворца и на прилегающие улицы. Здесь были рабочие разных предприятий города, старики и женщины с детьми. Дворцовая и Адмиралтейская площади были заполнены войсками. Лавина людей напирала и теснила войска всё настойчивее и смелее. Настроение масс становилось всё более возбужденным. В толпе раздавались насмешливые выкрики по поводу угроз военных действовать оружием. Между двумя и тремя часами дня на Дворцовой площади раздались залпы. Войска стреляли почти в упор, с дистанции 120 — 130 шагов, в направлении к Дворцовому мосту и вдоль Александровского сада к Адмиралтейской

площади. Здесь, на Дворцовой площади, куда так стремились попасть тысячи людей, наивно веривших в царскую милость, пострадавших было особенно много. Жертвами массового расстрела пали люди различных профессий и возраста. Царские пули не пощадили даже детей, которые беспечно катались на катке в Александровском саду.

На Невском проспекте и на набережной реки Мойки, а также на прилегающих к ним улицах скопилась масса народа. Около трех часов дня с Дворцовой площади на Невский была вызвана рота солдат, которая двигалась по направлению к Полицейскому (ныне Народному) мосту. Какой-то человек из толпы обратился к солдатам с речью, призывая их не стрелять в народ. К оратору бросился офицер, но тот успел скрыться. Офицер выхватил револьвер и выстрелил в толпу. Вскоре последовали залпы солдат. Люди стали подбирать убитых и раненых. Через 15 минут стрельба возобновилась. Выстроившиеся на Полицейском мосту солдаты без интервалов стреляли в толпу, находившуюся в 25 — 30 шагах от моста. Стрельба производилась вдоль обоих берегов реки Мойки. Ружейные залпы гремели также на углу Невского проспекта и улицы Гоголя, на Казанской площади, у Городской думы, вблизи Гостиного двора.

Побоище продолжалось до поздней ночи на всех площадях и улицах. На Невском проспекте и прилегающих к нему улицах долго слышались плач, крики боли и возмущения избиваемых людей.

Комиссия, избранная вскоре после «Кровавого воскресенья» (16 января) общим собранием петербургских присяжных поверенных по поводу событий 9 января, опросив многочисленных свидетелей и лиц, пострадавших от действий военных и полицейских отрядов, установила, что выстрелы производились на близком расстоянии, поэтому в подавляющем большинстве случаев раны были тяжелые и главным образом в грудь, живот и голову. Многие были ранены в спину, т. е. в то время, когда они спешили уйти, и имели по нескольку ран. Сотням раненых не оказывалось никакой помощи со стороны военных и гражданских властей, раненые и убитые подбирались родственниками, знакомыми или просто лицами из толпы и увозились на извозчиках.

Всего в этот день было убито больше одной тысячи и ранено более двух тысяч человек.

Расстрел рабочих 9 января Ленин назвал самым подлым, хладнокровным убийством беззащитных и мирных народных масс.

Очевидцем жестокой расправы царя над рабочими 9 января был великий пролетарский писатель А. М. Горький. Потрясенный всем виденным, он в тот же день написал обращение ко «Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств», в котором вынес обвинительный приговор царским министрам и самому Николаю II. Разоблачив виновников жестокой бойни, Горький призвал всех граждан «к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием». 11 января 1905 года Горький был арестован в Риге по обвинению в государственном преступлении; на следующий день он был доставлен в Петербург и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости.

События 9 января в Петербурге показали, насколько дальновидны были большевики, призывавшие рабочих не искать защиты у царя, не просить у него милости, а усиливать борьбу с самодержавием за экономические и политические преобразования в стране. Массы рабочих стали понимать, насколько правы большевики, учившие, что только с оружием в руках можно свергнуть самодержавие и установить демократическую республику, завоевать 8-часовой рабочий день и передать помещичью землю крестьянству. После 9 января произошел резкий поворот в отношении рабочих к большевистской партии, ее влияние в массах стало быстро расти.

Уже днем 9 января на улицах и площадях Петербурга стихийно возникали митинги. На них выступали большевистские агитаторы, выделенные Петербургским комитетом. Очевидец событий 9 января, сообщая о настроении масс после расстрела, писал, что «озлобление и возмущение массы достигло высшего предела», что на Невском проспекте толпа избивала своих палачей — царских жандармов и офицеров, отнимала у них оружие, срывала эполеты и погоны.

«Я видел,— писал очевидец, — как толпа до крови избила двух жандармских офицеров и двух артиллерийских прапорщиков. У одного отняли саблю и сорвали эполеты, другому удалось спастись бегством. Толпа напала на одного пехотного офицера, на одного гвардейца и тоже отняла у него саблю. Пожилой генерал был ранен бутылкой в лоб, эполеты были с него сорваны, фуражка при криках „Ура!“ отброшена».² Здесь же, на Невском проспекте, стихийно возник огромный митинг. Ораторы призывали к борьбе с самодержавием, раздавались призывы «К оружию!», которые сочувственно поддерживались массами.

В докладе Петербургского комитета III партийному съезду указывалось, что после расстрела у Зимнего дворца и на Невском проспекте извозчики развозили убитых и раненых, а толпа, следуя за жертвами расстрела, громко кричала: «Долой царя!» «Такой толпе, — сообщалось в докладе, — бросить оружие, и она пошла бы куда угодно».

Озлобленные и возмущенные рабочие отнимали у военных оружие на Среднем проспекте Васильевского острова, между 9-й и 1-й линиями, и в других пунктах города.

К концу дня 9 января большевики провели на многих крупных заводах и фабриках, а также прямо на улицах собрания и митинги с обсуждением событий дня.

Массовый митинг состоялся в помещении гапоновского «Собрания» Петербургского района, куда вернулись после избиения рабочие Петербургской стороны. На митинге выступил с политической речью агитатор-большевик. Рабочие сбросили царский портрет, развернули красное знамя и требовали оружия.

Грандиозные митинги и собрания, на которых присутствовало по несколько тысяч рабочих, состоялись также на Петергофском шоссе, Невском проспекте.

Рабочие Васильевского острова уже вечером 9 января перешли к вооруженной борьбе. На 4-й линии, Малом и Среднем проспектах, на углу 12-й линии и Малого проспекта было сооружено до 12 баррикад высотой до 2,5 — 3 аршин. Устроены они были из телеграфных столбов, досок, лестниц, мебели, саней.

Всё это было основательно переплетено проволокой. Кроме того, с угрожаемых сторон баррикады были обнесены проволочными заграждениями в несколько рядов. Над некоторыми баррикадами развевались красные флаги.

Защитники баррикад встретили прибывшие войска градом камней и кирпичей. Из подъездов, из окон и с балконов домов по войскам стреляли из револьверов. На 6-й линии, на Среднем проспекте рабочие бросали в царские войска обломки железа, камни, кирпичи и другие тяжелые предметы. На углу Малого проспекта и 12-й линии в солдат и офицеров стреляли из револьверов.

Но силы были неравные. Преодолев энергичное сопротивление рабочих, царские войска одну за другой захватили и разобрали все баррикады.

В ряде пунктов города 9 января рабочие, пытаясь добыть оружие, предприняли нападения на полицейские участки. Пристав 2-го участка Васильевской части доносил полицеймейстеру IV отделения С.-Петербурга, что «...до взятия первой баррикады толпа до 1000 человек, намереваясь проникнуть в управление участка, сломала железные ворота и парадную входную дверь на лестницу».

Рабочие захватили оружейный магазин Шаффа. Одна из участниц этого события Л. Субботина рассказывает, что группа людей, разбив стекла витрины, ворвалась в магазин и начала забирать оружие. «Видела в руках у многих клинки, шашки заржавленные, без ручек, и меня понесло волной самовооружения. Нагнулась в окно, схватила шашку, большая, больше меня. Но это было мое первое оружие, самовольно захваченное. Прижала к себе, как родное детище. Многим не досталось ничего. Смотрели с завистью на тех, кто вооружился. Один рабочий с горестью вертел в руках малюсенький штык: „Эх, и орудие тоже!“. Увидел у меня шашку: „Товарищ, барышня, отдай мне свою шашку, она, вишь, больше тебя».

День 9 января 1905 года вошел в историю революционной борьбы под названием «Кровавого воскресенья». Рабочие получили великий урок гражданской войны. В этот день была расстреляна их вера в царя. Даже самые отсталые слои рабочего класса, наивно верившие в царя, теперь поняли, что завоевать свободу можно только революционным путем.

Ленин, оценивая значение событий 9 января, писал: «...революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни».

В этом пробуждении колоссальных народных масс к политическому сознанию и к революционной борьбе состоит историческое значение 9 января 1905 года.

После 9 января бесчинства полиции, казаков и войск продолжались. По городу разъезжали конные отряды городских; вооруженные группы солдат и полицейских (часто в пьяном виде) нападали на беззащитных людей и наносили удары шашками, штыками. Вооруженные отряды останавливали конки, стаскивали «подозрительных» и наносили им раны или жестоко избивали. Например, на Большом проспекте, близ Введенской улицы, уланы, услышав, что ехавший на конке молодой рабочий громко назвал их «опричника», остановили конку и потребовали, чтобы он вышел. Рабочего зверски изрубили шашками. Заступившегося за него товарища городские избили до смерти.

Комиссия присяжных поверенных засвидетельствовала, что вооруженные отряды действовали против безоружных жителей города с таким ожесточением, какое не допускается даже при взятии неприятельского города. Так по приказу правительства его слуги воевали с народом.

Разнузданный террор царских властей не сломил воли петербургского пролетариата к борьбе с самодержавием. 10 января группа инициативных передовых петербургских рабочих захватила одну из частных типографий, отпечатала в ней и распространила более 10 тысяч экземпляров прокламаций, призывавших к вооруженному восстанию. «К оружию, товарищи, — говорилось в прокламации, — захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины. Разносите, товарищи, тюрьмы, освобождайте борцов за свободу. Расшибайте жан-дармские и полицейские управления и все казенные учреждения. Свергнем царское правительство, поставим свое.

Ленин в статье «Две тактики» оценил этот призыв как «...замечательный, смелый практический приступ к решению задачи, стоящей теперь вплотную перед нами».

Несмотря на боевое настроение передовых петербургских рабочих, призыв к вооруженному восстанию непосредственно после 9 января не мог быть осуществлен. У рабочих не доставало оружия. Им удалось добыть лишь незначительное количество револьверов и холодного оружия. На поддержку войск гарнизона не приходилось рассчитывать. Попытки привлечь солдат на сторону рабочих и воспользоваться их оружием не увенчались успехом. В большинстве своем царская армия состояла из крестьян, которые

еще не понимали, что царь действует заодно с помещиками, их злейшими врагами. Они еще верили в царя, помогали ему расправляться с безоружными рабочими.

Лишь в редких случаях солдаты отказывались стрелять в рабочих. Об одном из таких случаев сообщал С. И. Гусев в редакцию газеты «Вперед». 9 января, когда путиловские рабочие вышли на Невский проспект, на углу Б. Конюшенной офицер приказал выстроившемуся взводу моряков стрелять в демонстрацию. Моряки отказались выполнить приказ. Рабочие хотели схватить растерявшегося офицера и обезоружить его, но моряки не дали им это сделать, хотя только что не подчинились ему.

Ленин писал о рабочем движении в январе 1905 года: «Тогда мы видели впервые движение, поразившее мир единодушием и сплоченностью гигантских масс рабочих, поднявшихся во имя политических требований. Но это движение было еще крайне несознательное в революционном отношении и совершенно беспомощное в смысле вооружения и военной готовности».

Ленин приветствовал инициативу передовых петербургских рабочих, несмотря на то, что призыв к восстанию не осуществился и не мог тогда осуществиться. Громадное значение этой инициативы состояло в том, что сами рабочие поставили на повестку дня вопрос о вооруженном восстании против царизма. «Призыв: „К оружию!“, раздавшийся в одной толпе рабочих на Невском 9 января,— писал Ленин,— не может теперь пройти бесследно».

Узнав из иностранных газет о баррикадах на Васильевском острове, о захвате оружейного магазина Шаффа, Ленин написал статью «Петербург после 9-го января», в которой отметил громадное значение этой первой попытки рабочих дать вооруженный отпор самодержавию.

После 9 января Ленин выдвинул перед революционной социал-демократией в качестве ближайшей практической задачи вооружение народа и подготовку к вооруженному восстанию. «Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, — писал он, — подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений — вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры».

В связи с новыми задачами большевики еще более усилили политическую работу в массах. Важнейшую роль в развертывании революционной агитации и пропаганды играли большевистская газета «Вперед», широко распространявшаяся среди питерских рабочих, и листовки Петербургского комитета РСДРП.

После 9 января выпуск листовок значительно увеличился. Они стали выходить ежедневно в нескольких названиях. С 9 по 17 января Петербургский комитет выпустил свыше 20 различных прокламаций. Листовки печатались и районными комитетами — Выборгским и Петербургским. В них большевики рассказывали о ходе массовой политической стачки в Петербурге, о революционной борьбе, которую вели в знак солидарности с питерскими пролетариями рабочие Москвы, Закавказья, взятии неприятельского города. Так по приказу правительства его слуги воевали с народом.

Разнузданный террор царских властей не сломил воли петербургского пролетариата к борьбе с самодержавием. 10 января группа инициативных передовых петербургских рабочих захватила одну из частных типографий, отпечатала в ней и распространила более 10 тысяч экземпляров прокламаций, призывавших к вооруженному восстанию. «К оружию, товарищи», — говорилось в прокламации, — захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины. Разносите, товарищи, тюрьмы, освобождайте борцов за свободу. Расшибайте жандармские и полицейские управления и все казенные учреждения. Свергнем

царское правительство, поставим свое.

Ленин в статье «Две тактики» оценил этот призыв как «...замечательный, смелый практический приступ к решению задачи, стоящей теперь вплотную перед нами».

Несмотря на боевое настроение передовых петербургских рабочих, призыв к вооруженному восстанию непосредственно после 9 января не мог быть осуществлен. У рабочих не доставало оружия. Им удалось добыть лишь незначительное количество револьверов и холодного оружия. На поддержку войск гарнизона не приходилось рассчитывать. Попытки привлечь солдат на сторону рабочих и воспользоваться их оружием не увенчались успехом. В большинстве своем царская армия состояла из крестьян, которые еще не понимали, что царь действует заодно с помещиками, их злейшими врагами. Они еще верили в царя, помогали ему расправляться с безоружными рабочими.

В листовке «Ко всем» от 10 января большевики призывали рабочих продолжать стачку, вооружаться, строить баррикады. «Продолжайте стачку, держитесь твердо, — говорилось в листовке. — Без ваших рабочих рук угнетатели-капиталисты и правительство — слишком слабы, стачка бьет их больно, она сильное оружие... Убеждайте вступить в стачку товарищей рабочих газовых и электрических заводов, с конок, с трамваев, с железных дорог, извозчиков, служащих телеграфов, телефонов, почты». В листовке «К рабочим» формулировались основные экономические и политические требования программы - минимум РСДРП. Обращаясь «К солдатам», большевики призывали их не стрелять в своих братьев и сдавать ружья рабочим.

Чтобы придать стачке более упорный и длительный характер и вовлечь в нее как можно больше участников, Петербургский комитет РСДРП обращался к рабочим отдельных районов, заводов и фабрик, призывая их не выходить на работу, не соглашаться на посулы царя и капиталистов. В обращении «К рабочим Городского района» большевики призывали готовиться к вооруженному восстанию, отмечали значение широких экономических требований для продолжения стачки и выдвигали политические требования.

«Готовьтесь к тому, чтобы дальше бороться за свободу, собирайте для этого силы, подготавливайте вооружение, объединяйтесь. Мы, рабочие социал-демократы, делаем это по мере сил, действуйте вместе с нами», — убеждала листовка. В этой же листовке Петербургский комитет РСДРП обращался к рабочим ряда предприятий района: порта, железнодорожных мастерских и депо С.- Петербургско-Варшавской железной дороги, Российской бумагопрядильни. Кроме политических лозунгов, выдвигались и конкретные частные требования, интересовавшие рабочих этих предприятий. Выдвигая экономические требования, отражавшие нужды рабочих отдельных предприятий, большевики вовлекали в массовую политическую стачку широкие слои рабочего класса.

Петербургский комитет РСДРП, руководя массовой политической стачкой в Петербурге, и после 9 января продолжал тактику сочетания экономических и политических требований. Но после 9 января политические лозунги стали преобладать.

Большевики значительно расширили и устную агитацию. Исключительно важную роль в деятельности большевиков по политическому воспитанию широких масс пролетариата, их организации и сплочению вокруг революционной социал-демократии играли такие формы политической работы, как сходки, собрания, митинги и демонстрации. На следующий день после «Кровавого воскресенья» они продолжались по всему городу — на предприятиях, улицах и площадях.

«Сегодня Невский опять запружен толпой», — писал очевидец. В письме, посланном из России в Цюрих, сообщалось: «Шлиссельбургский тракт весь говорит, невероятно что

творится: митинги, демонстрации, я горд за него».

С 9 до 13 января 1905 года «Ведомости С.-Петербургского градоначальства» ежедневно помещали вместо передовой статьи объявление, в котором сообщалось, что ввиду прекращения работ на многих фабриках и заводах столицы С.-Петербургский градоначальник считает долгом предупредить, что никакие сборища и шествия по улицам не допускаются, что «к устранению всякого массового беспорядка будут приняты предписываемые законом решительные меры».

Несмотря на угрозы властей, рабочие продолжали собираться на митинги, собрания, сходки, которые сыграли большую роль в деле дальнейшего вовлечения питерского пролетариата в массовую политическую стачку.

После 9 января Петербургский комитет РСДРП продолжал организацию стачечных комитетов. Эти комитеты руководили стачками и собирали деньги в фонд помощи стачечникам. Собранные деньги раздавались в качестве пособий бастовавшим рабочим.

Полиция не гнушалась никакими средствами для запугивания и дискредитации стачечников. Она подсылала провокаторов, подбивала хулиганов бить стекла, грабить лавки и т. д. Переодетые полицейские распространяли слухи, будто стачечники будут арестованы, и высланы в Сибирь или отправлены в Маньчжурию в действующую армию. Царские агенты внушали рабочим мелких и средних предприятий, что крупные заводы якобы уже приступили к работе.

Большевики разоблачали грязные уловки полиции и призывали рабочих не поддаваться на провокации, проявлять классовую пролетарскую солидарность, бастовать организованно, соблюдать дисциплину, не приступать к работе, пока не закончится в городе всеобщая стачка.

Стачка протекала организованно. Хозяева ряда мелких и средних предприятий, таких, как заводы Парвизайнена, Гольдберга, Растеряева и др., согласились сократить рабочий день и повысить расценки. Однако рабочие отказались приступить к работе, заявив, что хотя и считают себя удовлетворенными, но не станут работать, пока не кончат бастовать более крупные заводы.

Одновременно с рабочими Петербурга в политической забастовке участвовали рабочие важнейших металлообрабатывающих предприятий пригородов. 10 января забастовали рабочие Сестрорецкого оружейного завода. Они составили требования, которые назвали «петицией», и предъявили их администрации. Активную стачечную борьбу вели рабочие Адмиралтейских Ижорских заводов в гор. Колпино и предприятий гор. Шлиссельбурга. ... Широкая агитация и неутомимая организаторская работа большевиков обеспечили высокий подъем стачечной борьбы петербургского пролетариата, способствовали дальнейшему росту его революционной сознательности и организованности.

Даже по явно преуменьшенным данным фабричной инспекции число бастовавших рабочих в наиболее бурные дни январской массовой политической стачки составляло: 7 января — 105 000 человек, 8 января — 111 000 человек, 10 января — 125 000 человек.

Своего кульминационного пункта стачка достигла 10 января. Фабричная инспекция вынуждена была признать, что 10 января 1905 года забастовка распространилась на 625 предприятий Петербурга, т. е. на все предприятия, подчиненные надзору фабричной инспекции.

К этому следует прибавить более 35 тысяч бастовавших рабочих предприятий военного, морского ведомства и железных дорог, не подлежавших надзору фабричной инспекции.

Стачечное движение петербургского пролетариата уже в начале революции показало величайшее значение массовой политической стачки как прекрасной школы политического воспитания рабочих масс, действенного метода их сплочения, организации и вовлечения в борьбу против угнетателей. Корреспонденции из Петербурга, регулярно помещавшиеся в газете «Вперед», и листовки петербургских большевиков говорят о росте политической зрелости и революционной активности рабочих в ходе самой стачки.

Весь ход стачечной борьбы петербургского пролетариата ярко подтверждает ленинский вывод о передовой роли металлистов в рабочем движении. Будучи инициаторами массовых стачек, металлисты проявили величайшую активность и смелость, чтобы раскатать остальных рабочих и расширить движение. За металлистами следовали текстильщики. В январе, по данным фабричной инспекции, металлисты дали 521 870 стачко-дней, текстильщики — 214 574, рабочие других производств — 205 997.

В первых рядах металлистов шли рабочие самых крупных в стране предприятий металлообрабатывающей промышленности: Путиловского, Невского судостроительного, Обуховского заводов.

Рабочие Путиловского завода первыми начали стачку и закончили ее в числе последних; работы на заводе возобновились лишь 18 января, да и то ненадолго. Проработав один час, путиловцы по инициативе рабочих механической мастерской снова прекратили работу. Все последние дни января завод полностью или частично бастовал. До 28 января происходила частичная забастовка с участием от двух до трех с половиной тысяч рабочих. 28 января, проработав один час, все рабочие снова прекратили работу, и только 5 февраля работы на заводе частично возобновились; с 8 по 11 февраля весь завод снова стоял.

С 13 января стачечное движение в Петербурге пошло на убыль, хотя рабочие многих предприятий продолжали упорно бороться. На таких крупных заводах, как Обуховский и Балтийский, работы хотя и возобновились 13 января, но велись с перерывами и при неполном составе рабочих. Начальник Балтийского завода сообщал управляющему Морским министерством о невозможности выполнения военных заказов несмотря на то, что стачка на заводе закончилась. «Работы на самом заводе,— писал он,— идут ненормально и вяло вследствие деятельности посторонней агитации, разных мелких требований и претензий, разбором которых всё время приходится заниматься.

Высокая организованность и стойкость петербургских рабочих в январской стачке в значительной мере объясняются тем, что с 9 января неизмеримо усилились руководящая роль, большевиков и их влияние на массы. Н. К. Крупская в письме от 1 февраля 1905 года отмечала энергичную работу Петербургского комитета РСДРП по руководству революционной борьбой питерских рабочих в январские дни. «Комитет, — писала она, — проявлял самую усиленную деятельность: выпускал массу листовок, посылал ораторов, организовал сбор денег и раздачу пособий стачечникам, под руководством комитета стачечники стали вооружаться, строить баррикады».

Петербургской организации оказывал огромную помощь большевистский Заграничный центр во главе с Лениным. Статьи Ленина, печатавшиеся в газете «Вперед», ленинские письма в петербургскую организацию и ее руководителям содержали ценные указания по всем важнейшим вопросам революционной борьбы петербургского пролетариата.

Расстрел петербургских рабочих вызвал гневный протест и возмущение в массах, послужил исходным пунктом мощного подъема революционного движения в стране. События 9 января 1905 года явились началом первой русской революции.

«Лозунг геройского петербургского пролетариата: „смерть или свобода!“ эхом перекачивается теперь по всей России», — писал Ленин в статье «Начало революции в России».

На собраниях общества было решено в воскресенье 9 января устроить мирное шествие к Зимнему дворцу для передачи этой петиции непосредственно царю.

Петиция состояла из трех частей: меры против нищеты и бесправия русского народа, меры, меры против гнета капитала над трудом. Копию этого документа, как и многих последующих читатель найдет в работе К.И. Розенблюм. В литературе советского периода эти документы умалчиваются или передаются частично.

Ряд документов говорит о том, что петиция была заранее известна полиции.

В ответ на это решение большевики обратились в листовке к рабочим с призывом не идти к Зимнему дворцу, не верить в подачки, а организовать стачку, переходящую в вооруженное восстание, революцию. Листовка заканчивалась лозунгами «Долой самодержавие», «Долой войну», «Да здравствует вооруженное восстание народа», «Да здравствует революция».

Но и царь готовился к приему рабочих. Сам он уехал в Царское село. В Петербург стягивались войска. По всем правилам военного искусства разрабатывался план расстрела мирной демонстрации рабочих. К утру все дороги из районов к центру были заняты рабочими.

Утром 9 января по районам стали собираться со всех сторон толпы рабочих. К 9-10 часам утра тысячные толпы народа окружили здания отделов, выстроились в ряды и ждали последних напутственных слов. Выражение лиц было серьезное. Настроение торжественно-религиозное. Говорили последние напутственные речи. В некоторых местах раздавались голоса: «Войска будут стрелять в народ, давайте запасёмтесь оружием». Но эти возгласы заглушались криками из толпы: «Разве можно к богу идти с оружием. Разве к царю можно идти с другими мыслями».

За Нарвской заставой в гуще четырехтысячной толпы Гапон вел беседы с окружающими его рабочими. Из ближайших часовен достали хоругви, кресты и иконы. Во главе колонны был портрет царя. Непосредственно перед шествием выступил с речью инженер Путиловского завода эсер Рутенберг. Он передал рабочим, что подступы к Дворцовой площади заняты войсками, которые могут стрелять в шествие и не допустить к царю.

Рутенберг спрашивал рабочих: — Хотите ли все-таки идти. — Пойдем, — отвечала толпа, — Ну, с богом!

Перекрестились. Шествие тронулось. Вся многотысячная толпа пела молитву. У Нарвских ворот неожиданно, карьером, в шествие врезался эскадрон кавалеристов с обнаженными пашками и поскакал через демонстрацию. В рядах произошло замешательство, но шествие снова сомкнулось и продолжало путь. Тогда эскадрон снова проскакал через толпу сзади. Движение не остановилось.

В шагах двухстах или трехстах от Нарвских ворот, выстроившись в боевой готовности, стала пехота.

Заиграл рожок... Раздался залп... Упали первые ряды.

Упал вместе с первым выстрелом и введенный в заблуждение полицейский пристав Желткевич, только успев крикнуть — «Как можно стрелять в крестный ход, в портрет царя!».

Пехота дала три залпа подряд. Многие были убиты на месте. Масса раненных. Солдаты

стреляли по убегавшим.

Демонстранты, оставшиеся в живых, разбежались.

Вера в царя рушилась.

Старуха, покидавшая место бойни, шептала: «Православие расстреляли».

Расстреляны были рабочие Выборгской стороны на Большой Дворянской улице и вторично расстреляны, когда шли вместе с Петербургским районом. Расстреляны рабочие Невского отдела на Шлиссельбургском шоссе. Расстреляны были и рабочие Василеостровского района.

Несмотря на расставленные всюду военные части к двум часам дня все улицы и проходы, ведущие к дворцовой площади, были заполнены народом. Наибольшее скопление народа было у Александровского сада, куда дошли сведения, что шествие у Нарвских ворот расстреляно. В толпе шел глухой ропот.

И так же, как и в других местах, и у Александровского сада произошел расстрел безоружной толпы. Сначала теснила кавалерия, затем против сада выстроилась рота Преображенского полка... Рожок... Команда... Преображенцы опустили на колено... Залп... За ним второй... Третий... Кругом убитые и раненные. Много погибло детей, игравших в саду.

Толпа была рассеяна. Самодержавие могло торжествовать.

Но вместе с расстрелами рабочих была расстреляна и вера в царя. Массы поняли, что добиться свободы они могут только своими собственными силами и с оружием в руках.

В разных местах города появились баррикады. Рабочие искали оружия.

На Васильевском острове, рассеянные войсками рабочие не разошлись по домам, а на углу 4-й линии и Среднего проспекта возводили баррикаду, устроенную из пустых бочек, телеграфных столбов и всего, что попадало под руку. На баррикаде развевался красный флаг. Путь к баррикаде для кавалерии преграждался проволочным заграждением, устроенным из телефонной проволоки.

Баррикаду брал штурмом отряд, состоявший из двух рот Финляндского и Белогорского полков кавалерии.

Баррикады на Васильевском острове были не только на 4-й линии, но и по Малому проспекту, и на 12-й линии. Рабочие вооружались, кто, чем мог. Отбирали оружие у полицейских, разоружали офицеров и солдат, разобрали оружейный магазин Шафа, где, правда, оказались лишь шашки и ятаганы. В одном месте рабочие захватили типографию и отпечатали воззвание с призывом к вооруженной борьбе. Стихийно возникшие баррикады и вооруженное сопротивление, которое оказывали рабочие войскам, к вечеру было подавлено. Но борьба продолжалась, правда в меньших размерах и 10-11 января.

Около 2000 убитых, раненных и искалеченных — таков итог кровавого воскресенья. Расстрел 9 января всколыхнул на борьбу с самодержавием огромные массы рабочих. Во многих городах повторились расстрелы, подобные 9 января. Первыми поднялись московские рабочие.

Не только Москва, но и вся Россия от одного конца до другого в течение двух месяцев — января и февраля — была охвачена борьбой рабочего класса. К февралю движение превратилось в настоящую стачечную «эпидемию».

Политическое движение рабочих шло под лозунгом революционных партий, требовали созывы Учредительного собрания и прекращения войны. В рабочую среду все глубже и глубже проникало сознание необходимости «насильственного ниспровержения государственного строя». Особенно бурный и революционный характер приняло движение в

Варшаве.

В ответ на «9 января» в Варшаве была объявлена всеобщая забастовка, которая продолжалась с 14 по 20 января. С самого начала движение носило скорее характер вооруженного выступления, чем забастовки. Особенно трагическим был день 16 января, когда была назначена демонстрация в память расстрелянных революционеров. Войска беспощадно расстреляли демонстрацию. По официальным данным было убито 64 и ранено 69 человек.

Кроме Варшавы движение прокатилось по всей Польше. Лодзь пережила такие же бурные дни. Не было ни одного, хотя бы маленького промышленного центра, где бы не было движения.

В Прибалтийском крае движение охватило Ригу, Ревель, Либаву, Митаву, Виндаву, Пернов и многие другие города.

Центром событий в Прибалтийском крае была Рига. 12 января в течение 24 часов стояли все фабрики и заводы Риги и пригородов. Бастовало около 60.000 человек. Движение носило чисто политический характер и закончилось кровавой расправой над рабочими войсками и полицией.

13 января в Риге была массовая демонстрация с красными знаменами. Рабочие, к которым примкнули и студенты, выступили с лозунгами: «Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует демократическая республика! Слава питерским товарищам!».

Одна часть демонстрации была окружена солдатами и без всякого предупреждения расстреляна. Около 80 человек было убито и 300 ранено. Под давлением солдат часть толпы бросилась на лед реки Двины. Лед проломился, и много рабочих провалилось по лед. Так расправлялось с революционным народом самодержавие.

Забастовочное движение захватило Кавказ и Финляндию.

На Кавказе забастовка была политической всеобщей и являлась также ответом на «9 января». Особенно сильным было движение в Тифлисе, Батуме, Кутаисе, Потти и других местах.

В Финляндии прошли демонстрации солидарности в Гельсингфорсе, Або, Бьенборге, Лахтине, Котке, Выборге, Таммерфорсе, Ловизе и других городах.

В Западном крае движение, хотя и не приняло такого размера, как в Польше или Прибалтийском крае, но все же подняло на борьбу и рабочих, и массу мелких еврейских ремесленников.

Движение охватило Вильно, Минск, Гомель, Ковно, Витебск, Могилев и целый ряд небольших и даже глухих местечек.

Все крупные города в стране были охвачены движением. Рабочий класс поднимался на непосредственную борьбу с самодержавием, захватывая и другие слои населения. Все говорило о развитии событий, перерастающих в революцию.

Правительство под влиянием развертывавшихся событий сделало попытку отвлечь рабочих от политической борьбы. 29 января царь «высочайше повелеть соизволил» образовать комиссию под председательством Н. В. Шидловского с целью «безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в Санкт-Петербурге и его пригородах и изысканию мер к устранению таковых в будущем».

Было объявлено о выборах в комиссию рабочих по производствам. Выборы должны были быть трехстепенные. Сперва должны были выбирать по мастерским, затем должно было созываться заводское собрание для выбора — выборщиков и, наконец, собрания по

группам производить для выбора депутатов в эту комиссию.

Выборы должны были происходить 18 февраля. Большевики предупредили рабочих, что эта Комиссия есть попытка правительства обмануть их и отвлечь от революционного пути. Они были лишь за использование выборов в эту комиссию с целью агитации среди рабочих и разоблачения политики самодержавия.

17 февраля выборщиками были предъявлены требования, выработанные социал-демократами, чтобы заслушать отказ Шидловского в этих требованиях: право для рабочих собираться на открытые собрания; право выслушать, гарантий полной личной неприкосновенности для всех участников рабочих собраний; выбора представителей прямым тайным голосованием, право рабочих освещать в печати, что делается на заседаниях комиссии; требовать распространения всех изложенных прав на рабочих всех промышленных центров.

29 февраля царь написал на докладе Н. Шидловского о закрытии комиссии «согласен». Так закончилась эта попытка правительства совлечь рабочих с арены политической борьбы.

Начиная с выборов в комиссию Шидловского, большевики завоевали твердое признание, как руководители масс рабочего класса.

В последующие месяцы происходит нарастание борьбы. Стачки переходили от одного производства к другому, пока не кончались приостановкой всей промышленности города или района. Хотя общее количество стачек весной и летом 1905 года было меньше, чем в начале 1905 года, зато стачечное движение приобретало все более и более политический характер. Оно шло под лозунгами: введение 8-часового рабочего дня, улучшение экономического, бытового, культурного и правового положения рабочих и все чаще и чаще раздавались требования: «Долой самодержавие! — Да здравствует Учредительное собрание!»

Весна 1905 года ознаменовалась большими революционными выступлениями в связи с празднованием 1 мая, хотя эти выступления и носили относительно мирный характер по сравнению с началом года.

Сентябрьские стачки в Москве стали началом великих событий — всеобщей политической забастовки, которая явилась прологом вооруженного восстания в декабрьские дни.

Но еще задолго до сентябрьской стачки не только рабочие, но и крестьяне и войска стали подниматься на борьбу с правительством. Под влиянием рабочего движения прошла сильная полоса крестьянских волнений весной 1905 года в Курской, Кутаисской, Батумской, Харьковской, Воронежской губерниях.

Осенью движение охватило 240 уездов, примерно половина всех уездов России. Оно происходило в различных формах: погромы имений и захват земли; поджоги, порубка леса.

Начинается движение в армии, о чем говорило и знаменитое восстание на броненосце «Потемкин». Всё это мы рассмотрим детально в последующих главах двух книг.

§ 7. План петербургского сражения

Странно, на первый взгляд, говорить о сражении, когда рабочие безоружные мирно шли подавать петицию. Это была бойня. Но правительство рассчитывало именно на сражение и действовало, несомненно, по вполне обдуманному плану. Оно с военной точки зрения обсуждало защиту Петербурга и Зимнего дворца. Оно приняло все военные меры. Оно убрало все гражданские власти и отдало полутора миллионную столицу в полное распоряжение жаждущим народной крови генералам с великим князем Владимиром во

главе.

Правительство нарочно довело до восстания пролетариат, вызвав баррикады избиением безоружных, чтобы подавить это восстание в море крови. Пролетариат будет учиться этим военным урокам правительства. И пролетариат научится искусству гражданской войны, раз он начал уже революцию. Революция есть война. Это — единственная законная, правомерная, справедливая, действительно великая война из всех войн, какие знает история. Эта война ведется не в корыстных интересах кучки правителей и эксплуататоров, как все и всякие войны, а в интересах массы народа против тиранов, в интересах миллионов и десятков миллионов эксплуатируемых и трудящихся против произвола и насилия.

Все сторонние наблюдатели в один голос признают теперь, что в России эта война объявлена и начата. Пролетариат поднимется снова еще большими массами.

Остатки детской веры в царя вымрут теперь так же скоро, как скоро перешли петербургские рабочие от петиции к баррикадам. Рабочие будут повсюду вооружаться. Нужды нет, что полиция удесатерит строгости по надзору за складами и магазинами оружия. Никакие строгости, никакие запреты не остановят городские массы, сознавшие, что без оружия они всегда, по любому поводу, могут быть доведены правительством до расстрела. Каждый поодиночке будет напрягать все усилия, чтобы раздобыть себе ружье или хоть револьвер, чтобы прятать оружие от полиции и быть готовым дать отпор кровожадным слугам царизма. Всякое начало трудно — говорит пословица. Рабочим было очень трудно перейти к вооруженной борьбе. Правительство теперь заставило их перейти к ней. Первый, самый трудный шаг сделан.

Характерный разговор рабочих на одной из улиц Москвы передает английский корреспондент. Группа рабочих открыто обсуждала уроки дня. «Топоры? — говорит один. — Нет, топорами ничего не сделаешь против сабли. Топором его не достанешь, а ножом еще и того меньше. Нет, нужны револьверы, по меньшей мере, револьверы, а еще лучше ружья». Такие и подобные разговоры ведутся теперь по всей России. И эти разговоры после «Владиминова дня» в Петербурге не останутся одними разговорами.

Военный план дяди царя, Владимира, распоряжавшегося бойней, сводился к тому, чтобы не пустить пригороды, рабочие пригороды, в центр города. Солдат постарались всеми силами уверить, что рабочие хотят разрушить Зимний дворец (при помощи икон, крестов и петиций!) и убить царя. Стратегическая задача сводилась к охране мостов и главных улиц, ведущих к Дворцовой площади. И главными местами «военных действий» были площади у мостов (Троицкого, Сампсониевского, Николаевского, Дворцового), улицы, ведущие от рабочих кварталов к центру (у Нарвской заставы, на Шлиссельбургском тракте, на Невском), и, наконец, Дворцовая площадь, куда все же таки, несмотря на все скопища войска, несмотря на весь отпор, проникли тысячи и тысячи рабочих. Задача военных действий, разумеется, страшно облегчалась тем, что все прекрасно знали, куда идут рабочие, знали, что существует лишь один сборный пункт и одна цель. Храбрые генералы действовали «с успехом» против неприятеля, который шел с голыми руками, заранее поведав всем и каждому, куда и зачем он идет... Это было самое подлое, хладнокровное убийство беззащитных и мирных народных масс. Теперь массы долго будут обдумывать, и переживать в воспоминаниях и рассказах все происшедшее. Единственным и неизбежным выводом этих размышлений, этого претворения «Владиминова урока» в сознании массы будет тот вывод, что на войне надо действовать по-военному. Рабочие массы, а за ними и массы деревенской бедноты, сознают себя воюющей стороной, и тогда... тогда следующие сражения в нашей гражданской войне будут проходить уже по «планам» не одних только великих князей и

царей. Призыв «К оружию!», раздавшийся в одной толпе рабочих на Невском 9-го января, не может теперь пройти бесследно.

§ 8. «Царь-батюшка» и баррикады

Ленин не оставил события 9 января 1905 года без своего внимания с самых первых минут. Он пишет статью «Царь батюшка и баррикады», оставить которую без внимания мы не можем. В ней Ленин пишет:

«Бросая общий взгляд на события кровавого воскресенья, всего более поражаешься этим сочетанием наивной патриархальной веры в царя и ожесточенной уличной борьбы с оружием в руках против царской власти. Первый день русской революции с поразительной силой поставил лицом к лицу старую и новую Россию, показал агонию исконной крестьянской веры в царя-батюшку и рождение революционного парода в лице городского пролетариата. Недаром европейские буржуазные газеты говорят, что Россия 10-го января уже не то, чем была Россия 8-го января. Недаром названная нами выше немецкая социал-демократическая газета вспоминает, как 70 лет тому назад начиналось рабочее движение в Англии, как в 1834 г. английские рабочие уличными демонстрациями протестовали против запрещения рабочих союзов, как в 1838 году около Манчестера вырабатывали они на громадных собраниях «народную хартию» и пастор Стивенс провозглашал, что «всякий свободный человек, который дышит вольным божьим воздухом и ходит по вольной божьей земле, имеет право на свой собственный очаг». И этот же самый пастор приглашал собравшихся рабочих взяться за оружие».

У нас в России во главе движения тоже оказался священник, который за один день перешел от призыва — идти с мирным ходатайством к самому царю — к призыву начинать революцию. «Товарищи, русские рабочие!», — писал священник Георгий Гапон после кровавого дня в письме, прочтенном на собрании либералов. — «У нас нет больше царя. Река крови протекла сегодня между ним и русским народом. Пора русским рабочим без него начать вести борьбу за народную свободу. Благословляю вас на сегодня. Завтра я буду среди вас. Сегодня я занят сильно работой на наше дело».

Это не священник Георгий Гапон говорит. Это говорят те тысячи и десятки тысяч, те миллионы и десятки миллионов русских рабочих и крестьян, которые до сих пор могли наивно и слепо верить в царя-батюшку, искать облегчения своего невыносимо тяжелого положения у «самого» царя-батюшки, обвинять во всех безобразиях, насилиях, произволе и грабеже *только* обманывающих царя чиновников. Долгие поколения забитой, одичалой, заброшенной в медвежьих углах мужицкой жизни укрепляли эту веру. Каждый месяц жизни новой, городской, промышленной, грамотной России подкапывал и разрушал эту веру. Последнее десятилетие рабочего движения выдвинуло тысячи передовых пролетариев социал-демократов, которые вполне сознательно порвали с этой верой. Оно воспитало десятки тысяч рабочих, у которых классовый инстинкт, окрепший в стачечной борьбе и в политической агитации, подорвал все основы такой веры. По за этими тысячами и десятками тысяч стояли сотни тысяч и миллионы трудящихся и эксплуатируемых, унижаемых и оскорбляемых, пролетариев и полупролетариев, у которых еще могла оставаться такая вера. Они не могли идти на восстание, они способны были только просить и умолять. Их чувства и настроение, их уровень знания и политического опыта выразил священник Георгий Гапон, и в этом состоит историческое значение той роли, которую сыграл в начале русской революции человек, вчера еще никому неведомый, сегодня ставший героем дня Петербурга,

а за Петербургом всей европейской печати.

Понятно теперь, почему петербургские социал-демократы, письма которых мы привели выше, относились вначале и не могли не относиться с недоверием к Гапону.

Человек, носивший рясу, веривший в бога и действовавший под высоким покровительством Зубатова и охранного отделения, не мог не внушать подозрений. Искренне или неискренне рвал он на себе рясу и проклинал свою принадлежность к подлому сословию, сословию попов, грабящих и развращающих народ, этого не мог с уверенностью сказать никто, кроме разве людей, близко знавших Гапона лично, т. е. кроме ничтожной горстки людей. Это могли решить только развертывающиеся исторические события, только факты, факты и факты. И факты решили этот вопрос в пользу Гапона.

Сможет ли социал-демократия овладеть этим стихийным движением? — с тревогой спрашивали себя наши петербургские товарищи, видя неудержимо быстрый рост всеобщей стачки, захватывающей необычайно широкие слои пролетариата, видя неотразимость влияния Гапона на такие «серые» массы, которые могли бы увлечься и провокатором. И социал-демократы не только не поддерживали; наивных иллюзий насчет возможности мирного ходатайства, они спорили с Гапоном, они прямо и решительно отстаивали все свои взгляды и всю свою тактику. И история, которую творили рабочие массы без социал-демократии, подтвердила правильность этих взглядов и этой тактики. Логика классового положения пролетариата оказалась сильнее ошибок, наивностей и иллюзий Гапона. Великий князь Владимир, действующий от имени царя и со всей властью царя, взялся своим подвигом палача показать рабочим массам то, и именно то, что социал-демократы всегда показывали, и будут показывать им печатным и устным словом.

Массы рабочих и крестьян, сохранившие еще остаток веры в царя, не могли идти на восстание, — сказали мы. После девятого января мы вправе сказать: теперь они могут идти и пойдут на восстание. «Царь-батюшка» своей кровавой расправой с безоружными рабочими сам толкнул их на баррикады и дал им первые уроки борьбы на баррикадах. Уроки «батюшки-царя» не пропадут даром.

Социал-демократии остается позаботиться о возможно более широком распространении вестей о петербургских кровавых днях, о большей сплоченности и организованности своих сил, о более энергичной пропаганде давно уже выдвинутого ею лозунга: *всенародного вооруженного восстания*.

§ 8. 1. Первые шаги

В другом месте у Ленина мы читаем: «Искрой, которая зажгла пожар, было одно из самых обычных столкновений труда с капиталом, — стачка на одном заводе. Интересно, однако, что эта стачка 12 000 путиловских рабочих, вспыхнувшая в понедельник, 3 января, была больше всего стачкой во имя пролетарской солидарности. Поводом послужило увольнение четырех рабочих. «Когда требование о возвращении их не было удовлетворено, — пишет нам один товарищ из Петербурга от 7 января, — завод стал сразу, очень дружно. Стачка носит вполне выдержанный характер; рабочие отрядили несколько человек охранять машины и прочее имущество от какой-нибудь возможной порчи со стороны менее сознательных. Затем ими была отряжена депутация на другие заводы с сообщением своих требований и предложением примкнуть». Тысячи и десятки тысяч рабочих стали примыкать к движению. Легальное, зубатовское, рабочее общество, основанное при содействии правительства в целях развращения пролетариата систематической монархической пропа-

гандой, оказало не малую услугу организации движения на его низших стадиях и росту вширь. Случилось то, на что давно уже указывали социал-демократы, говорившие зубатовцам, что революционный инстинкт рабочего класса и дух его солидарности возьмет верх над всякими мелкими полицейскими уловками. Самые отсталые рабочие втянутся в движение зубатовцами, а там уже дальше само царское правительство позаботится толкнуть рабочих дальше, сама капиталистическая эксплуатация подвинет их от мирной и насквозь лицемерной зубатовщины к революционной социал-демократии. Практика пролетарской жизни и пролетарской борьбы пересилит все «теории» и все потуги господ зубатовцев».

Так оно и вышло. Один товарищ, рабочий, член Петербургского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, следующим образом излагает свои впечатления в письме к нам от 5-го января:

«Пишу под свежим впечатлением происшедшего только что собрания за Невской заставой рабочих Семянниковского завода. Но прежде всего пару слов о настроении, которое господствует у петербургских рабочих. Как известно, в последнее время здесь начали возникать или, лучше, возрождаться «зубатовские» организации под руководством попа Гапона. Организации за очень короткое время очень размножились и усилились. Теперь уже существует 11 отделов так называемого «Собрания русских фабричных рабочих». Как и надо было ожидать, результаты этих собраний должны были быть таковыми, какими они были и на юге.

Теперь, можно с уверенностью сказать, начинается широкое стачечное движение в Петербурге. Почти ежедневно слышно о новой забастовке то на одном, то на другом заводе. Нот уже два дня, как забастовал Путиловский завод. Недели две тому назад бастовала бумагопрядильня Шау на Выборгской стороне. Стачка продолжалась дня четыре. Рабочие ничего не добились. Сегодня-завтра эта стачка снова возобновится. Везде настроение приподнятое, но нельзя сказать, чтобы в пользу социал-демократии. Большая часть рабочих стоит за Чисто экономическую борьбу и против политической. Однако надо ожидать и надеяться, что настроение это изменится и рабочие поймут, что без политической борьбы никаких экономических улучшений не добьются. Сегодня забастовал завод Невского судостроительного общества (Семянникова). Местный отдел «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» пытается выступить руководителем начинающейся стачки, но это, конечно, ему не удастся. Руководителем будет социал-демократия, несмотря на то, что она здесь страшно слаба.

Вышли листки от Петербургского комитета: два — к прядильной фабрике Шау и один — к путиловским рабочим. Сегодня было собрание рабочих Невского судостроительного завода. Собралось около 500 рабочих. Впервые выступили члены местного отдела «Собрания». Они отклонялись от политических требований и главным образом выставляли требования экономические. Из толпы раздавались голоса неодобрения. Но тут появился сотрудник «Русской Газеты» Строев, пользующийся большим уважением у петербургских рабочих. Строев предложил резолюцию, как он заявил, выработанную им и представителями социал-демократии. Резолюция эта хотя и подчеркивает противоположность классовых интересов пролетариата и буржуазии, но недостаточно. После Строева говорили товарищи-рабочие социал-демократы, которые защищали эту резолюцию в принципе, подчеркивая, однако, ее ограниченность и недостаточность. Тут началась суматоха, некоторые были недовольны речами социал-демократов и начали срывать собрание. Собрание большинством голосов высказалось против председателя, который был в числе этих срывающих, и выбрало нового председателя, социалиста. Но члены «общества» (зубатовского) не умолкли и

продолжали расстраивать собрание. Хотя громадное большинство собрания (90%) и было на стороне социалистов, но собрание в конце концов разошлось ни с чем и отложило решение до завтра. Во всяком случае, можно сказать, что социал-демократам удалось склонить настроение рабочих в свою пользу. Завтра предстоит большое собрание. — Возможно, что будет две-три тысячи человек. — Надо ожидать на днях грандиозной демонстрации, чего-либо подобного июльской на юге в 1903 году. Бастует завод Франко-русского общества — около четырех-пяти тысяч человек. Передают, что началась стачка на бумагопрядильной фабрике Штиглица — около пяти тысяч. Ожидается стачка на Обуховском заводе — пять-шесть тысяч».

Сопоставляя эти сведения социал-демократа, местного комитетчика (который, разумеется, мог точно знать лишь о событиях в небольшой части Петербурга), со сведениями заграничных, особенно английских, газет, мы должны сделать вывод, что эти последние отличаются весьма значительной точностью.

Стачка росла изо дня в день с головокружительной быстротой. Рабочие устраивали массу собраний и вырабатывали свою «хартию», свои экономические и политические требования. И те и другие, несмотря на руководство зубатовцев, сводились, в общем, к требованиям социал-демократической партийной программы вплоть до лозунга: созыв учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Стихийный рост невиданной по своим размерам стачки далеко-далеко обгонял планомерное участие в движении организованных социал-демократов. Но предоставим слово им самим.

§ 9. 9-е января и Ленин

Революционное движение в России нарастало с такой силой, что было несомненно, что страна стоит перед событиями громадной важности. В руках меньшевиков была „Искра“, через посредство которой они могли обращаться к массам. Но для большевиков было ясно, что меньшевики поведут массы не по тому пути, по которому надо, что они будут больше ориентироваться на либеральную буржуазию, чем на революционный народ, что они не сумеют надлежащим образом связать дело рабочего класса с делом освобождения всех угнетенных. У большевиков же своего органа, через который они могли бы выяснить массам, как надо действовать, не было. Вопрос был слишком важен, — на карте стояла победа революции, — и потому большевики нарушили устав и организовали свой большевистский орган „Вперед“. В редакцию его входили, кроме Ленина, Ольминский, Боровский и Луначарский. Уже во 2 номере „Вперед“ Владимиру Ильичу пришлось давать оценку такому факту, как падение Порт-Артура, а в № 4 писать о событиях 9 января. Весть о событиях 9 января долетела до Женевы на следующее утро. Мы с Владимиром Ильичем шли в библиотеку и по дороге встретили шедших к нам Луначарских. Запомнилась фигура жены Луначарского, Анны Александровны, которая не могла говорить от волнения и лишь беспомощно махала муфтой. Мы пошли туда, куда инстинктивно потянулись все большевики, до которых долетела весть о питерских событиях, — в эмигрантскую столовку Лепешинских. Хотелось быть вместе. Собравшиеся почти не говорили между собой, слишком все были взволнованы. Запели „Вы жертвою пали...“ лица были сосредоточены. Всех охватило сознание, что революция уже началась, что порваны путы веры в царя, что теперь совсем уже близко то время, когда „падет произвол и восстанет народ, великий, могучий, свободный...“

Мы зажили той своеобразной жизнью, какой жила в то время вся женевская эмиграция: от

одного выпуска местной газеты „Трибуны" до другого.

Все мысли Ильича были прикованы к России. Вскоре приехал в Женеву Гапон. Попал он сначала к эсерам, и те старались изобразить дело так, что Гапон „их" человек, да и все рабочее движение Питера также дело их рук. Они страшно рекламировали Гапона, восхваляли его. В то время Гапон, стоя в центре всеобщего внимания, и английский „Times" (газет „Время") платил ему бешеные деньги за каждую строку.

Через некоторое время после приезда Гапона в Женеву к нам пришла под вечер какая-то эсеровская дама и передала Владимиру Ильичу, что его хочет видеть Гапон. Условились о месте свидания, на нейтральной почве, в кафе. Наступил вечер Ильич не зажигал у себя в комнате огня и шагал из угла в угол.

Гапон был живым куском нарастающей в России революции человеком, тесно связанным с рабочими массами, беззаветно верившими ему, и Ильич волновался этой встречей.

Один товарищ недавно возмутился: как это Владимир Ильич имел дело с Гапоном!

Конечно, можно было просто пройти мимо Гапона, решив наперед, что от попа не будет никогда ничего доброго. Так это и сделал, например, Плеханов, принявший Гапона крайне холодно. Но в том-то и была сила Ильича, что для него революция была живой, что он умел всматриваться в ее лицо, охватывать ее во всем ее многообразии, что он зная, понимал, чего хотят массы. А знание массы дается лишь соприкосновением с ней как мог пройти Ильич мимо Гапона, близко стоявшего к массе влиявшего так на нее!

Владимир Ильич, придя со свидания с Гапоном, рассказывал о своих впечатлениях. Тогда Гапон был еще обвеван дыханием революции. Говоря о питерских рабочих, он весь загорался он кипел негодованием, возмущением против царя и его приспешников. В этом возмущении было немало наивности, но тем непосредственнее оно было. Это возмущение было созвучно с возмущением рабочих масс. „Только учиться ему надо", — говорил Владимир Ильич. — Я ему сказал: „Вы, батенька, лести не слушайте, учитесь, а то вон где очутитесь, — показал ему под стол".

8 февраля Владимир Ильич писал в № 7 «Вперед»: „Пожелаем, чтобы Георгию Гапону, так глубоко пережившему и переживавшему переход от воззрений политически бессознательного народа к воззрениям революционным, удалось доработаться до необходимой для политического деятеля ясности революционного мирозерцания".

Гапон никогда не доработался до этой ясности. Он был сыном богатого украинского крестьянина, до конца сохранив связь со своей семьей, со своим селом. Он хорошо знал нужды крестьян, язык его был прост и близок серой рабочей массе в этом его происхождении, в этой его связи с деревней, может быть, одна из тайн его успеха; но трудно было встретить человека, так насквозь проникнутого поповской психологией, как Гапон. Раньше он никогда не знал революционной среды, а по натуре своей был не революционером, а хитрым попом, шедшим на какие угодно компромиссы. Он рассказывал как-то: „Одно время нашли на меня сомнения, поколебалась во мне вера. Совсем расхворался, поехал в Крым. В то время был там старец говорили, святой жизни. Поехал я к нему, чтобы в вере укрепиться. Пришел я к старцу, у ручья народ собравшись, и старец молебен служит. В ручье ямка, будто конь Георгия Победоносца тут ступил. Ну, глупость, конечно. Но, думаю, не в этом дело. Вера у старца глубока. Подхожу после молебна к старцу благословиться. А он скидает ризу да говорит: „а мы тут лавку свечную поставили, наторговали сколько!" Вот те и вера! Еле живой я домой дошел. Был у меня приятель тогда, художник Верещагин, говорит: „брось священство!" Ну, подумал я: сейчас на селе родителей уважают, отец старшина, ото всех почет, а тогда станут все в глаза бросать: сын — расстрига! Не сложил и

сана".

В этом рассказе весь Гапон.

Учиться он не умел. Он уделял немало времени, чтобы учиться стрелять в цель и ездить верхом, но с книжками дело у него плохо ладилось. Правда, он по совету Ильича засел за чтение плехановских сочинений, но читал их как бы по обязанности. Из книг Гапон учиться не умел. Но не умел он учиться и из жизни. Поповская психология застилала ему глаза. Попадая вновь в Россию, он скатился в бездну.

В Женеве Гапон стал часто заходить к нам. Много рассказывал. Владимир Ильич внимательно слушал, стараясь в его рассказах уловить черты надвигающейся революции.

Запомнилась мне такая сценка. Однажды Гапон попросил Владимира Ильича прослушать написанное им воззвание, которое он начал с большим пафосом читать. Воззвание было переполнено проклятиями царю. „Не нужно нам царя", говорилось в воззвании, „пусть будет один хозяин у земли — бог, а вы все у него будете арендатели!" (в то время крестьянское движение еще шло как раз по линии борьбы за понижение арендной платы). Владимир Ильич расхохотался, — больно уж наивен был образ, с другой стороны, очень уж выпукло выступило то, чем Гапон был близок массе: сам крестьянин, он разжигал у рабочих, наполовину еще сохранивших связь с деревней, исконную затаенную жажду земли.

К этому времени как раз относится у Владимира Ильича перемена его программных взглядов на крестьянское движение. Раньше, в борьбе с народниками, игнорировавшими рабочее движение, не понимавшими, какую решающую роль сыграет рабочий класс в борьбе за социализм, а возлагавшими все надежды на мужика, Владимир Ильич говорил прежде всего о революционной роли рабочего класса. Ему казалось тогда, что стремление крестьян захватить всю землю — утопично, неосуществимо при развивающемся капитализме и что нужно поэтому поддерживать лишь осуществимое и при капитализме требование возвращения отрезков, т.-е. земель, служащих для крепостнически кабальной эксплуатации (отрезанных у крестьян в 1861г.). В 1902 — 1903 г.г. Владимир Ильич яро защищал и провел пункт программы партии, говорящий об отрезках. Однако, когда стало разворачиваться широкое крестьянское движение, Владимир Ильич усомнился в правильности этого пункта. В 1907 г. в статье „Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905 — 1907 г.г." Владимир Ильич писал: „такое примерное отделение (земель, служащих для крепостнически-кабальной и служащих для капиталистической эксплуатации) было совершенно ошибочно, ибо на практике движение крестьянских масс не могло направляться против особых разрядов помещичьих земель, а только против помещичьего владения вообще" (Т. IX, стр. 474). Эта мысль, отчетливо сформулированная Владимиром Ильичем в 1907 г., зародилась в нем гораздо раньше, ясно оформилась именно в начале 1905 г. В марте и апреле 1905 г. он в статьях во „Вперед" разворачивает свою оценку крестьянского движения. На третьем съезде, в мае 1905 г., Владимир Ильич уже предлагает пункт об отрезках вынести из программы в комментарий и проводит резолюцию о поддержке революционных мероприятий крестьянства, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель. Наивно сформулированный Гапоном лозунг „вся земля народу" натолкнул Владимира Ильича на целый ряд новых мыслей.

Смех Владимира Ильича смутил Гапона. „Может, не так что, — сказал он, — скажите, я поправлю". Владимир Ильич сразу стал серьезен. „Нет, — сказал он, — это не выйдет, у меня весь ход мысли другой, пишите уже своим языком, по-своему".

Вспоминается другая сцена. Дело было уже после третьего съезда, после восстания

„Потемкина". Потемкинцы были интернированы в Румынии, страшно бедствовали, Гапон в то время получал много денег, — и за свои воспоминания, и пожертвования ему всякие передавали на дело революции, — он целыми днями возился с закупкой одежды для потемкинцев. Приехал В Женеву один из самых видных участников восстания на Потемкине — матрос Матюшенко. Он сразу сошелся с Гапоном, ходили они неразлучно.

В то время приехал к нам парень из Москвы (я не помню уж его клички), молодой краснощекий приказчик из книжного склада, недавно ставший социал-демократом. Привез поручение из Москвы. Парень рассказал, как и почему он стал социал-демократом, а потом стал распространяться, почему правильна программа социал-демократической партии и излагать ее — с горячностью вновь обращенного — пункт за пунктом. Владимиру Ильичу стало скучно и он ушел в библиотеку, оставив меня поить парня чаем и выуживать из него, что можно. Парень продолжал излагать программу. В это время пришли Гапон и Матюшенко. Я было и их собралась поить чаем, да парень в это время дошел как раз до изложения „отрезков". Услышав изложение этого пункта, при чем парень стал доказывать, что дальше борьбы за отрезки идти крестьяне не должны, — Матюшенко и Гапон вскипели: „Вся земля народу!"

Не знаю, до чего бы дело дошло, если бы не пришел Ильич. Быстро разобравшись, о чем идет спор, он не стал говорить по существу, а увел Гапона и Матюшенко к себе. Я постаралась поскорее сплавить парня.

На декабрьской таммерфорсской конференции Ильич внес предложение: пункт об отрезках вовсе выбросить из программы.

9 января во весь рост поставило вопрос о вооруженном восстании. Никто этого вопроса не продвигал с такой настойчивостью и силой, как Владимир Ильич. О вооруженном восстании: толковал и Гапон.

Вскоре по приезде он выступает с проектом боевого соглашения революционных партий. В № 7 „Вперед" (от 8 февраля 1905 г.) Владимир Ильич дает оценку предложения Гапона и подробно освещает весь вопрос о боевых соглашениях.

Гапон взял на себя задачу снабдить питерских рабочих оружием. Я уже говорила выше, что в распоряжение Гапон поступали всякого рода пожертвования. Он закупал в Англии оружие. Наконец, дело было слажено. Найден был пароход „Графтон", капитан которого согласился везти оружие и сгрузить его на одном из островов недалеко от русской границы; Не имея представления, как ведутся нелегальные транспортные дела, Гапон представлял себе дело гораздо проще, чем оно был в действительности. Чтобы организовать дело, он взял у на нелегальный паспорт и связи и отправился в Питер. Владимир Ильич видел во всем предприятии переход от слов к делу Оружие нужно рабочим во что бы то ни стало. Из всего предприятия, однако, ничего не вышло. „Графтон" сел на мель, вообще подъехать к намеченному острову оказалось невозможным. Но и в Питере Гапон ничего не смог сделать. Ему пришлось скрываться в убогих квартирах рабочих. Пришлось жить под чужим именем, все сношения были страшно затруднены, адреса эсеров, где надо было условиться о приеме транспорта, оказались мифическими. Только большевики послали на остров свои людей. На Гапона все это произвело ошеломляющее впечатление. Жить нелегально, впроголодь, никому не показываясь совсем не то, что выступать, ничем не рискуя, на тысячных собраниях. Налаживать конспиративную доставку оружия могли лишь люди совершенно иного революционного закала, чем Гапон, готовые идти на всякую безвестную жертву...

Приехал Гапон совершенно растерянный, совершенно выбитый из колеи...

К этому времени Владимир Ильич уже перестал интересоваться Гапоном: движение в России ушло далеко вперед. 9 января, Гапон — все это стало уже пережитым прошлым, революция вступила в свой дальнейший этап, в котором Гапону не было уже места⁸.

§ 10. Влияние событий 9-го января на подъем рабочего движения в России

С первых же дней революции движение приняло небывалый размах. Вся страна была охвачена волной стачек в знак протеста против зверской расправы царизма над петербургскими рабочими.

На следующий же день после «Кровавого воскресенья» началась всеобщая политическая стачка солидарности московских рабочих. Первыми выступили рабочие машиностроительных заводов Вейхельта и Бромлея, за ними — свыше тысячи рабочих типографии Сытина. Большевики Москвы развернули широкую агитацию среди рабочих. Пламенные листовки Московского комитета РСДРП призывали поддержать выступление петербургского пролетариата всеобщей стачкой в Москве.

«Товарищи! Петербургские рабочие выпрямили спины. Мы должны их поддержать. Мы покажем всей России, всему миру, что русский рабочий вырос, что он готов отстаивать свои права, что ему надоело сносить удары и что он сам готов отвечать на них», — говорилось в листовке московских большевиков.

12 января Московский комитет выпустил листовку к солдатам, в которой разъяснял общность интересов и задач рабочих и солдат в борьбе против царизма. «Солдаты! Нас с вами родила одна родина. Вы, как и мы, вышли из трудящегося народа,— напоминала листовка. — Когда вас не забрали еще в войска, вы работали за ткацким станком, стояли за придавком, ходили за плугом! Вам знакомы песни нищеты; вы знаете, что значит, всю жизнь работать и всю жизнь голодать... и неужели теперь, когда вам прикажут: „Стреляйте в рабочих“, вы сотнями будете убивать нас...».

Московская стачка с каждым днем разрасталась. 14 января забастовало около 6 тысяч рабочих крупнейшей текстильной фабрики товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры. Сюда «для поддержания порядка» были вызваны эскадрон жандармов и сотня казаков. К забастовке текстильщиков присоединились рабочие мастерских Московско-Брестской, Казанской и Нижегородской железных дорог. Накануне большевики распространяли листовки среди рабочих-железнодорожников. Начальник отделения Московского жандармского полицейского управления доносил, что близ Московских железнодорожных мастерских Московско-Казанской ж. д. найдено несколько воззваний к рабочим с призывом к забастовке.

По городу для устрашения населения разъезжали кавалерийские части, на некоторые фабрики были вызваны войска. Фабриканты и заводчики переполошились. Они собрались на бирже, чтобы обсудить создавшееся положение.

«Но беда в том, — сообщала газета «Вперед» в статье «Раскаты первого грома», — что со стороны рабочих не заявлялось первое время никаких требований. Забастовки начались единственно из сочувствия к петербургским рабочим, для поддержки петербургского движения».

⁸ См.: „Правда“ от 21 янв. 1925 г.

Только в среду 12 января московские рабочие начали предъявлять требования. Среди них было много пунктов, имевшихся в требованиях рабочих Путиловского завода: 8-часовой рабочий день, отмена штрафов, увеличение заработной платы, неприкосновенность личности рабочих депутатов, отмена сверхурочных работ и другие.

С 10 по 17 января в Москве и Московской губернии бастовало свыше 70 тысяч рабочих.

Из Москвы движение перекинулось на весь Центральный промышленный район. В промышленных центрах Владимирской губернии, на текстильных фабриках Морозовых в Орехово-Зуеве, в Кохме, в Иваново-Вознесенске происходили волнения рабочих. Сюда были высланы войска. Начавшаяся 14 февраля стачка ткачей фабрики Викулы Морозова отличалась особым упорством. Рабочие выдвинули политические требования. Во время стачки произошло вооруженное столкновение рабочих фабрики Морозова с войсками. Казаков и драгун, прибывших на усмирение забастовщиков, рабочие встретили камнями, кусками кирпичей, стреляли в них из револьверов через окна чердаков.

В Туле на призыв Тульского комитета РСДРП объявить всеобщую политическую стачку первыми откликнулись металлисты. 11 января забастовали рабочие сталелитейного завода «Тульские мастерские», 22 января прекратили работу 4 тысячи рабочих Тульского патронного завода. В связи со стачками и волнениями рабочих на заводах и фабриках Тулы местные власти вызвали войска.

Политические стачки протеста вспыхнули и в других крупных городах Центрального промышленного района: Смоленске, Нижнем Новгороде, Твери, Ярославле, Тамбове, Саратове, Самаре.

Всё более расширяясь, стачечное движение охватило Урал, крупнейшие центры Сибири — Красноярск, Иркутск, Томск, дошло до далеких окраин России.

Во многих местах политические стачки протеста сопровождались демонстрациями и столкновениями с царскими войсками. Движение повсюду проходило под руководством революционных социал-демократов.

18 января 1905 года Томский комитет РСДРП во главе с С. М. Кировым организовал вооруженную демонстрацию в знак протеста против расстрела рабочих в Петербурге. В демонстрации рабочих Томска участвовали служащие управления Сибирской железной дороги.

События 9 января 1905 года в Петербурге явились началом массового революционного движения в национальных районах страны—на Украине, в Белоруссии, Закавказье, Польше, Прибалтике и др., направленного против помещичьего, капиталистического, национального гнета и полицейского деспотизма самодержавия. В своей революционной борьбе трудящиеся массы всех национальностей России брали пример с русского пролетариата. Они широко использовали испытанное пролетарское оружие борьбы — массовую политическую стачку.

Одним из первых на события в Петербурге откликнулся пролетариат Украины. Уже 12 января в Одессе, Екатеринославе и Харькове, а несколько позднее — в Киеве, Николаеве, Донбассе и других местах появились листовки с призывом к политической забастовке. В Киеве 12 января забастовали рабочие Южнорусского машиностроительного завода и машиностроительного завода акционерного общества Гретера и Криванека. В последующие дни к забастовавшим рабочим-металлистам присоединились рабочие других производств. Забастовки состоялись в Харькове и во многих городах Донбасса: в Юзовке, Енакиеве, на Макеевских, Веровских и Софиевских рудниках.

17 января забастовало большинство рабочих Екатеринослава: металлисты, рабочие типографий, табачной фабрики и др. Рабочие социал-демократы Днепровского завода

обратились к петербургским рабочим с адресом, в котором писали: «...В разных местностях России уже видны первые аванпосты великой рабочей армии, уже чувствуется приближение народного отмщения за бедствия России, уже слышится отдаленный гром всероссийской революции. И этим передовым отрядом великого движения являетесь вы — рабочие петербургских заводов».

В Белоруссии массовые политические стачки в знак протеста против зверств царизма охватили не только крупные промышленные центры — Минск, Гомель, Гродно, Могилев, но и отдаленные мелкие промышленные местечки: Сморгонь, Крынки и др. И везде движение носило ярко выраженный политический характер.

В Минске политическая стачка началась 13 января. Но она не стала всеобщей, так как местная большевистская группа РСДРП допустила серьезную ошибку — не призвала к участию в ней рабочих крупных предприятий города. В стачке участвовали все мастерские, ремесленные заведения и мелкие промышленные предприятия, к которым 16 января присоединились служащие конно-железных дорог. Тем не менее, политическая стачка в Минске сыграла известную роль в раскачивании масс. Она разбудила и вовлекла в движение малоподвижные и менее сознательные слои рабочих мелких предприятий.

В Гомеле всеобщая политическая стачка, проходившая под руководством Полесского комитета РСДРП, приняла с самого начала широкий размах; в первый же день — 16 января — она охватила всех рабочих, за исключением железнодорожников. К рабочим присоединились фармацевты и учителя, служащие контор и банков, домашняя прислуга. Кровавая расправа полиции со стачечниками еще более усилила движение, забастовка продолжалась целую неделю.

В поддержку своих русских братьев выступили рабочие Гродно. Всеобщая политическая стачка здесь началась 17 января. На улицах происходили манифестации. Против бастующих были направлены войска. Гродненские власти доносили в департамент полиции, что «забастовки на гродненских фабриках, равно как и в других местностях губернии, вызваны... вовсе не какими-либо определенными нуждами фабричного населения или недовольством их известными условиями своего быта, но носят чисто социально-политический характер».

Особенно активно прошли январские выступления в промышленных местечках Гродненского уезда.

В местечке Крынки во время всеобщей забастовки, начавшейся 17 января, была проведена многочисленная демонстрация. Забастовщики разгромили местные казенные учреждения, захватили почту и телеграф, изгнали местную полицию и администрацию, и фактически сами стали хозяевами местечка. Прибывшие 18 и 19 января царские войска жестоко расправились с забастовщиками.

Бурно протекала также стачка в местечке Сморгонь под руководством местной группы РСДРП. В первый же день всеобщей стачки — 13 января — состоялись массовый митинг и трехтысячная демонстрация под красными флагами.

В Закавказье революционное движение не затихало после успешно проведенной бакинской стачки в декабре 1904 года. На следующий день после «Кровавого воскресенья» министр внутренних дел Святополк-Мирский счел необходимым телеграфировать главнокомандующему на Кавказе, чтобы тот принял в случае надобности «решительные меры к предупреждению беспорядков».

Как только весть о кровавой расправе царя с петербургскими рабочими дошла до Кавказа, по призыву Кавказского комитета РСДРП начались стачки протеста в Баку, Батуме,

Тифлисе и других городах. Стачки сопровождались демонстрациями, митингами и вооруженными столкновениями рабочих с полицией. Бакинский, Тифлисский и Батумский комитеты выпускали в большом количестве листовки и воззвания, которые призывали поддержать бастующих петербургских товарищей.

Высокого подъема достигла революционная волна в Прибалтике. Министр финансов Коковцев в докладе царю 16 января сообщил: «В Ревеле, Риге, Либаве и Митаве произошли забастовки, отличавшиеся упорным и резким характером, причем в первых двух городах дело дошло даже до вооруженного столкновения рабочих с войсками».

Особенно бурными были политические стачки и демонстрации в крупнейших промышленных центрах Польши — Варшаве и Лодзи. В Варшаве стачка закончилась столкновением рабочих с полицией и войсками. Число стачечников в Варшавском и Лодзинском районах превысило 100 тысяч человек. Как доносил царю Коковцев, «...никаких признаков ослабления стачки и успокоения рабочего населения в этих районах пока не замечается». Царский министр расценивал события в Польше как особо опасные для империи.

Английская буржуазная газета «Таймс» с тревогой отмечала, что волнения в Польше в знак солидарности с Петербургом и Москвой «...могут получить не только русское, а и более широкое значение».

Всего в январе 1905 года в России бастовало 444 тысячи рабочих, что превышало число бастовавших за всё предшествующее десятилетие. В течение только первой четверти 1905 года (январь — март) в стране бастовало 810 тысяч промышленных рабочих, т. е. в два раза больше, чем за 10 предшествующих лет.

Приведенные цифры говорят о небывалом, грандиозном размахе стачечного движения, которым ознаменовалось начало революции. Они свидетельствовали о наступлении поворотного пункта в истории России.

Ведущее место в революционной борьбе российского пролетариата занимали металлисты Петербурга, Москвы, Риги, Лодзи, Варшавы, Баку и других промышленных центров страны. В. И. Ленин в работе «О статистике стачек в России», рассматривая помесечные данные стачечной борьбы, отмечал: «Из всех месяцев 1905 года у металлистов максимум стачечников приходится не на октябрь, как во всех остальных группах производств, а на январь. Авангард с максимальной энергией начал движение, „раскачивая“ остальную массу. За один январь месяц 1905 г. у металлистов бастовало 155 тысяч человек, т. е. две трети всего числа металлистов (252 тыс.); за один месяц число стачечников значительно больше, чем за десять лет перед этим (155 против 117)».

Революционные события в России привлекли к себе внимание трудящихся всего мира. В то время как царизм, связанный экономическими и политическими интересами с мировым империализмом, получал поддержку у крупной торгово-промышленной буржуазии и банкиров Запада, пролетариат России, поднявшийся на борьбу против самодержавия, встретил горячее сочувствие и солидарность рабочих, крестьян и демократических слоев населения во всех странах. С первых же дней русская революция приобрела огромное международное значение, а героический российский пролетариат стал авангардом революционного пролетариата всего мира. «На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира,— писал В. И. Ленин. — Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара».

При получении первых известий о «Кровавом воскресенье» во всех европейских столицах и крупных городах развернулось широкое народное движение сочувствия русской революции и протеста против кровавых злодеяний царизма. Во главе этого движения. Шел пролетариат.

Рабочий класс, прогрессивные общественные деятели, демократическая интеллигенция, учащаяся молодежь в самых разнообразных формах выражали свое горячее сочувствие революционному пролетариату России, свою солидарность с ним. Об этом свидетельствовали стачки протеста, массовые митинги, и демонстрации, сбор средств в пользу семей жертв 9 января и стачечников России, выступления прогрессивных общественных деятелей в парламентах, широкая кампания в защиту А. М. Горького, заключенного царскими властями в Петропавловскую крепость, создание различных обществ и комитетов сторонников русской революции и т. д.

Большевистская газета «Вперед», сообщая об отзвуках петербургских событий за границей, писала: «В Брюсселе... тысячная толпа направляется к русскому посольству с криками: „Долой царизм! Долой убийц!“. В Вене устраивается разом два митинга... Митинги протеста против петербургских палачей созываются в Праге, Кракове, Пшемьсле. В Триесте рабочие собрались перед русским консульством, чтобы протестовать против зверств царского правительства. В Бресте стачечники во время манифестации бросали камни в здание русского консульства с криками: „Долой царя, да здравствует русская революция!“. Митинги состоялись во всех сколько-нибудь значительных городах Швейцарии. В Лондоне была сорвана большая медная доска, красовавшаяся на здании царского посольства. Собрания протеста происходили в итальянских городах: Риме, Неаполе и других».

Бурные и многолюдные митинги, собрания и сходки проходили в Париже. Царский посол во Франции Нелидов доносил в Петербург: «Везде, но преимущественно среди рабочих, собираются сходки, где произносятся зажигательные речи и принимаются направленные против русского правительства решения, которые потом мне посылаются...».

27 января 1905 года Всеобщая конфедерация труда организовала в зале Тиволи в Париже пятитысячный митинг рабочих, студентов и прогрессивной интеллигенции. Столь же многолюдным был митинг 30 января.

Прогрессивные деятели науки и культуры Франции (А. Франс, О. Мирбо, О. Роден, С. Бернар и др.) выступили с протестом против ареста Максима Горького. В феврале 1905, года передовые круги французской интеллигенции во главе с писателем А. Франсом организовали «Общество друзей русского народа». Члены общества в своих выступлениях на митингах выражали горячее сочувствие революционной борьбе рабочих.

Весть о русской революции оказала большое воздействие на рабочий класс и демократические слои населения Германии. Стачка горняков в Рурской области, начавшаяся еще 7 января, под непосредственным воздействием революционных событий в России приняла широкий размах и отличалась невиданным ранее упорством. Для подавления этой стачки в Рур были вызваны значительные жандармские и полицейские силы из Вестфалии, Гантадвера, Шлезвиг-Гольштейна, Гессен-Нассау, Бранденбурга, Померании и Саксонии.

Чтобы не допустить выступлений рабочих в знак солидарности с русской революцией, германское правительство держало наготове войска в Восточной и Западной Пруссии, Познани и Силезии. По донесению министра внутренних дел Вильгельму II, из этих областей не посылались подкрепления в Рур ввиду «возможных рабочих волнений на Востоке».

В Берлине и его округе, а также в других районах Германии проходили многолюдные

собрания рабочих и демократической интеллигенции, на которых выступали выдающиеся деятели международного рабочего движения А. Бебель, К. Либкнехт, К. Цеткин.

Лидеры левого крыла германской социал-демократии призывали немецких рабочих по примеру российского пролетариата перейти к более решительным методам борьбы.

Речь К. Цеткин 9 февраля на трехтысячном собрании в Моабитском общественном доме в Берлине, посвященная руководящей роли российского пролетариата в революции, была горячо одобрена присутствующими немецкими рабочими. К. Либкнехт в своем выступлении на более чем двухтысячном собрании рабочих в одном из районов Берлина выразил уверенность в том, что русская революция «поможет и немцам освободиться от господства остэльскийских юнкеров».

Буржуазные газеты Англии, Франции, Италии, Германии, Австрии ввели постоянные разделы: «Угрожающие забастовки», «Восстание в России». С тревогой сообщая о событиях в России, они вынуждены были признать, что симпатии рабочего класса и демократических слоев Европы на стороне русского пролетариата.

Первые дни революции в России показали трудящимся всего мира силу и значение революционных пролетарских средств борьбы. Благодаря руководству большевиков борьба рабочих приняла характер всеобщих политических стачек, массовых демонстраций и митингов и практически поставила вопрос о необходимости перехода к вооруженному восстанию.

Таким образом, январские события в Петербурге явились началом революционных выступлений по всей России и вызвали широкий отклик во всем мире.

В январские дни петербургские рабочие развили колоссальную энергию в борьбе против царизма и буржуазии. Классовые бои петербургского пролетариата были величайшей школой сплочения, организации и политического воспитания рабочих; они закалили их, помогли им яснее осознать свои силы.

Революционные выступления рабочих Петербурга, Москвы, Кавказа, промышленных центров Украины, Белоруссии, Польши, Прибалтики и других районов России обогатили международное рабочее движение новыми формами борьбы и организации пролетариата. Среди них выделялось такое мощное орудие борьбы рабочего класса, как массовая политическая стачка, получившая особенно широкое распространение, начиная с январских событий 1905 года.

Первая русская революция, начавшаяся стихийным выступлением петербургского пролетариата, уже в начальный период своего развития носила следы неумолимой и настойчивой работы революционной социал-демократии. Петербургские большевики во время январских событий осуществляли правильную тактику, благодаря чему их воздействие на революционное рабочее движение в Петербурге стало более определенным и значительным, чем в предшествующий период.

Однако влияние революционных социал-демократов, большевиков на массы не выросло еще до такой степени, чтобы они могли вполне овладеть движением. Многие стачки начинались стихийно, были плохо организованы, у рабочих отсутствовал заранее подготовленный план действий. «Девятое января 1905 года, — писал В. И. Ленин, — обнаружило весь гигантский запас революционной энергии пролетариата и всю недостаточность организации социал-демократов».

§ 11. Перестройка работы петербургской большевистской организации после 9 января 1905 года

§ 11.1. Усиление влияния большевиков в массах

Начавшаяся в России народная революция поставила перед большевиками ближайшую и неотложную задачу — усилить партийное руководство революционной борьбой пролетариата и расширить свое влияние в различных слоях трудящихся.

Это требовало привлечения новых сил во все большевистские комитеты РСДРП, в том числе и Петербургский, организации по-новому партийного аппарата, коренной перестройки партийной работы с учетом обстановки, сложившейся после 9 января.

Стачечное движение неуклонно нарастало и вовлекало в политическую жизнь широкие массы рабочего класса, учащуюся молодежь, демократическую интеллигенцию. Пробужденные революцией, они потянулись к большевикам, влияние которых на массы усиливалось с каждым днем. Сама жизнь требовала, чтобы профессиональные революционеры, ведущие большую, самоотверженную работу, передали этим «новобранцам» революции ряд функций, которые раньше выполняли сами. Однако многие профессиональные революционеры России, в том числе и руководящие партийные работники Петербурга, не решались привлекать к работе и к выполнению ответственных заданий новые силы из рабочих и интеллигенции, опасаясь их неподготовленности и неопытности.

«Правда, теперь предложение услуг со всех сторон огромное, но всё народ молодой, неопытный, неизвестно, насколько верный и т. д., — писал Ленину С. И. Гусев. — А между тем работы целые Монбланы, так что в отчаянии складаешь руки и пишешь письма за границу, потому что не знаешь, с чего, прежде всего, начать, за что ухватиться. Нужно и то, и другое, и третье: кружки растут, как грибы, целыми сотнями, новых пропагандистов и агитаторов конца нет, со всеми нужно поговорить, всякого выслушать... солдаты требуют листов, рабочие требуют листов, крик: „литературы!“ стоит над всем Питером, листов выпускается 10 тыс. в день, когда необходимо минимум 100 тыс.; литературы на складе 20 ф(унтов) (?!), когда ее нужно 20 пудов. Давайте нам объяснение программы-минимум, — требуют серые рабочие, — нам это нужно, прежде всего, знать».

Ленин, вынужденный жить в эмиграции, в «проклятом далеке», внимательно следил за работой петербургской партийной организации. Он понимал, какой огромный вред может принести партийной работе боязнь выдвигать новые силы. В ряде писем, адресованных руководящим партийным работникам Петербурга—С. И. Гусеву, Р. С. Землячке и другим, Ленин решительно требовал быстрее и всемерного развертывания организационной работы, смелого выдвижения молодых сил, усиления агитационно-пропагандистской работы в массах.

Опасение привлекать новые силы Ленин называл «идиотской, филистерской, обломовской боязнью молодежи» и призывал бороться с этой боязнью всеми силами. «Нужны молодые силы. Я бы советовал прямо расстреливать на месте тех, кто позволяет себе говорить, что людей нет,— писал В. И. Ленин А. А. Богданову и С. И. Гусеву 11 февраля 1905 года.— В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, не боясь ее. Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая и еще больше рабочая молодежь. Бросьте все старые привычки неподвижности, чинопочитания и проч. Основывайте из молодежи **сотни** кружков впередовцев и поощряйте их работать всюду» В. И. Ленин советовал вводить больше

рабочих в партийные комитеты, активно привлекать их к руководству партийной работой. В письме С. И. Гусеву в начале марта 1905 года В. Ленин интересовался: «Еще вопрос: приняли ли вы намеченных 6 рабочих в комитет? Непременно ответьте. Советуем всеми мерами: принимайте рабочих в комитет, по крайней мере, на 1/2. Без этого вы не укрепитесь против меньшевиков, которые пошлют большие подкрепления отсюда».

Ленин рекомендовал начать разукрупнение районных комитетов, создавать в каждом районе подкомитеты, предоставлять им больше инициативы, не бояться привлекать честных, энергичных, инициативных людей. «Расширяйте комитет **втрое** приемом молодежи, — писал В. И. Ленин А. А. Богданову и С. И. Гусеву, — создавайте пяток или десяток подкомитетов, „кооптируйте“ всякого и каждого честного и энергичного человека. Давайте право любому подкомитету писать и издавать листки без всякой волокиты (не беда, если ошибется: мы во „Вперед“ „мягко“ поправим)».

Для руководства развернувшейся революционной борьбой пролетариата прежнего состава петербургской партийной организации было совершенно недостаточно. Требовалось, прежде всего, увеличить численность партийных и примыкающих к партии организаций, умножить число кружков. «Только непременно организовывать, организовывать и организовывать сотни кружков, отодвигая совершенно на задний план обычные комитетские (иерархические) благоглупости», — писал Ленин.

Коренной перестройке партийной работы в изменившейся после 9 января обстановке Ленин посвятил специальную статью «Новые задачи и новые силы», которая была напечатана в № 9 газеты «Вперед». Статья и письма В. И. Ленина руководящим работникам Петербургского комитета РСДРП помогли быстрее и лучше перестроить работу петербургских большевиков применительно к новым условиям.

Руководствуясь ленинскими указаниями, большевики столицы привлекли много новых революционно-инициативных людей к работе в качестве агитаторов, к распространению листовок среди рабочих, к выполнению такой организационной работы, которая раньше велась узким кругом революционеров. Сообщая об этом в редакцию «Вперед» Ленину, С. И. Гусев писал: «События пробудили огромную массу сил. От предложений (самых разнообразных) нет отбоя. Фактически у нас имеется огромный конспиративный аппарат, который остается только усовершенствовать в некоторых его частях, чтобы он действовал прекрасно. Достаточно упомянуть, что у нас теперь около 60 агитаторов (больше половины, правда, очень молодых, масса народу, выполняющего и готового выполнять самые мелкие функции беготни, передачи, разноски, явок, переписки, экспедиции и посылки писем, наконец, простого переписывания различных материалов ».

Перестройка помогла расширить и усовершенствовать подпольный партийный аппарат. В январе 1905 года низовыми ячейками петербургской партийной организации являлись подпольные большевистские кружки. Члены этих кружков заводили знакомства в рабочей среде, вовлекали наиболее активных и передовых рабочих в кружки, вели широкую агитацию в массах, распространяли нелегальную литературу, обсуждали все практические вопросы, связанные с забастовками.

До 9 января несколько подпольных кружков составляли районную партийную организацию. Теперь в связи с ростом числа кружков районные организации разукрупнялись. После январских событий было организовано четыре подрайона в Городском, а несколько позже намечалось образование трех подрайонов при Невском районе. Такое же разукрупнение в дальнейшем было проведено и в других районах.

После перестройки несколько подпольных кружков составляли подрайон. Как

правило, партийные кружки наиболее крупных предприятий выделялись в отдельный подрайон. Например, из кружков Невского судостроительного и Обуховского заводов образовались отдельные подрайоны.

Во главе подрайона находился подрайонный комитет, состоявший из организатора подрайона и 8 —12 представителей!! от партийных кружков. Организаторами подрайонов обычно были рабочие. Они назначались районным комитетом.

Организатор подрайона был тесно связан с районным комитетом и, как правило, входил в его состав, получая указания от районного организатора. Используя имеющиеся связи, организатор подрайона беседовал с желающими вступить в партию, он же подыскивал явочные квартиры.

Вышестоящей партийной организацией являлся районный комитет. В январе 1905 года в Петербурге было шесть районных большевистских организаций: Невская, Выборгская, Городская, Нарвская, Василеостровская и Петербургская. В состав районного комитета входили: ответственный агитатор, ответственный пропагандист, секретарь и ответственные организаторы подрайонов. Районный комитет возглавлялся ответственным организатором района. Ответственные организаторы назначались Петербургским комитетом, входили в его состав и непосредственно от него получали указания.

На правах районного комитета действовала Объединенная социал-демократическая организация студентов С.-Петербурга. Она объединяла социал-демократические организации высших учебных заведений и под руководством Петербургского комитета проводила большую агитационную и пропагандистскую работу не только среди студентов, но и среди рабочих и солдат. Наиболее подготовленных студентов-большевиков Петербургский комитет выдвигал на ответственную партийную работу в качестве организаторов районов, агитаторов и пропагандистов. Например, ответственными организаторами районов являлись слушательница медицинских курсов Ольга Генкина и студент Петербургского университета Николай Дорошенко. Большую агитационную работу вел студент Петербургского университета Константин Жарновецкий.

Всей работой партийной организации столицы руководил Петербургский комитет РСДРП, состоявший из профессиональных революционеров: секретаря, ответственного пропагандиста, ответственного агитатора и ответственных организаторов районов. В январе 1905 года секретарем Петербургского комитета РСДРП был С. И. Гусев, членами комитета Р. С. Землячка, Е. Д. Стасова, В. В. Лившиц и другие.

Для обеспечения четкой и планомерной работы во всех районах, а также для обмена опытом и укрепления связей между районными комитетами устраивались собрания ответственных организаторов районов. Время от времени они на заседаниях ПК делали отчеты о работе в районах. Благодаря усилившемуся притоку в партию рабочих стала расти рабочая прослойка среди партийных работников.

В подрайонах руководящую агитационно-пропагандистскую и организационную работу в подавляющем большинстве вели рабочие. Однако как в самом ПК, так и в районных комитетах преобладали интеллигенты. Признавая такое положение ненормальным, Петербургский комитет РСДРП в начале марта 1905 года принял решение о более широком привлечении рабочих к организационно-партийной и агитационной работе. Было, решено создать во всех районах школы для подготовки агитаторов и пропагандистов из рабочих.

Агитационно-пропагандистская работа в городе непосредственно направлялась ответственными пропагандистами и агитаторами Петербургского и районных комитетов. Учитывая громадное значение большевистской агитации в период нарастания революции в

стране, Петербургский комитет поручил функции ответственного агитатора ПК секретарю комитета С. И. Гусеву.

Вскоре после 9 января Петербургский комитет перестроил организацию агитационно-пропагандистской работы, привлек к участию в ней значительное количество новых людей. Редакция «Вперед» считала удачным опыт организации агитационно-пропагандистской работы ПК РСДРП и популяризировала его на страницах газеты.

Основными звеньями агитационно-пропагандистской работы петербургской организации являлись кружки трех типов. Низшие кружки (летучки) не имели постоянного состава и собирались по мере надобности. Состав кружков среднего типа был более постоянным. Они собирались регулярно. Каждый такой кружок обслуживался одним и тем же агитатором, который проводил беседы по определенной программе. Наконец, более подготовленные рабочие занимались в пропагандистских кружках тоже постоянного состава.

Организация агитаторов была настолько гибкой и подвижной, что комитет в любое время мог направить агитатора для выступления с уже подготовленной речью. На страницах газеты «Вперед» приводились интересные подробности о работе агитаторов в массовых кружках (летучках):

«Агитатор по данному ему плану, заготовляемому специалистами-литераторами, составляет речь, которую произносит несколько раз в разных кружках, и в то же время готовит следующую речь. Таким образом, достигается экономия времени и сил, а главное, каждая речь строго обдумывается и хорошо подготавливается. Каждая речь должна представлять нечто совершенно цельное и законченное по определенному вопросу, должна подчеркивать наши основные лозунги (освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, вооруженное восстание, демократическая республика для свободной борьбы за социализм, конечная цель социал-демократии и т. п.)».

Газета «Вперед», являвшаяся тогда фактически центральным органом большевиков, давала агитаторам и пропагандистам много ценных материалов. Ленин призывал руководящих партийных работников в России шире распространять газету в массах, энергичнее проводить подписку на нее среди рабочих, смелее практиковать рассылку «Вперед» в конвертах по рабочим адресам. В ряде писем С. И. Гусеву он просил как можно шире пропагандировать газету «Вперед» среди питерских рабочих, и присылать адреса рабочих для рассылки ее в конвертах. «Пусть студенты и особенно рабочие, — писал Ленин, — выписывают десятками и сотнями на свои собственные адреса. Бояться этого по нынешним временам смешно. Все перехватить никогда не сможет полиция. Будет доходить 1/2 — 1/3 и это уже очень много».

В. И. Ленин придавал большое значение корреспонденциям самих рабочих в редакцию «Вперед», внимательно и любовно редактировал их письма, статьи и заметки, стараясь сохранить все индивидуальные особенности языка и стиля рабочих корреспондентов. В письме С. И. Гусеву от 15 февраля 1905 года Ленин требовал, чтобы корреспонденции рабочих пересылались не в форме конспектов, пересказов или выдержек, а целиком, чтобы редакция газеты была бы непосредственно связана с массами.

Для связи с газетой при Петербургском комитете РСДРП было создано специальное корреспондентское бюро. В письме В. И. Ленину от 20 января С. И. Гусев писал: «Корреспондентское бюро уже частью организовано. 3 — 4 раза в неделю (это только пока) вы будете получать корреспонденции из Питера».

По указаниям Ленина петербургские большевики энергично продвигали газету «Вперед» в рабочие массы. Газета доходила не только до партийных работников, но и до

передовых рабочих, студентов Петербурга. Петербургский комитет нередко перепечатывал и популяризировал в своих листовках отдельные статьи, заметки, лозунги из «Вперед». Рабочие Петербурга, как и всей России, читали всё это с большим интересом. В газете сообщалось: «„Вперед" и комитетские листки читаются рабочими нарасхват, одинаково и большевиками и меньшевиками».

Партийные работники Петербурга, особенно секретарь ПК С. И. Гусев, вели систематическую переписку с редакцией «Вперед», сообщали о работе Петербургского комитета РСДРП, настроениях рабочих, об интересующих их вопросах. Например, в одном из писем, отправленных вскоре после 9 января, С. И. Гусев просил напечатать в газете ряд заметок по поводу государственного страхования рабочих, так как на этом вопросе спекулировали либералы. В письме содержалась также просьба опубликовать статьи, разъясняющие основные требования программы-минимум РСДРП и их значение для классовой борьбы пролетариата, а также материалы, разоблачающие оппортунистическую тактику меньшевиков.

Ленин регулярно получал из Петербурга протоколы районных партийных собраний. Через петербургских партийных работников редакция газеты «Вперед» получала адреса и устанавливала связи с различными местными комитетами.

Петербургская партийная организация нуждалась и в своем местном печатном органе, который не могли заменить листовки и перепечатки из газеты «Вперед». На заседании 10 марта 1905 года Петербургский комитет принял решение об издании своей газеты. Была выделена печатная техника, избрана редакционная комиссия, утверждена программа газеты. Выпуск ее был делом чрезвычайно трудным. Поэтому было решено ограничиться выходом одного номера в неделю. Газету так и называли: «Петербургская рабочая неделя». До нас дошел единственный номер этой газеты, датированный 20 марта 1905 года. Редакция «Вперед», получив экземпляр «Петербургской рабочей недели», приветствовала это начинание Петербургского комитета РСДРП.

«Петербургская рабочая неделя» популяризировала основные большевистские лозунги — о вооруженном восстании, о гегемонии пролетариата, о союзе рабочего класса и крестьянства. Газета разоблачала антинародную политику царизма, приводила достоверные сведения о скрываемых царским правительством потерях русской армии на войне, сообщала о подготовке петербургских большевиков к III съезду партии, о борьбе с меньшевиками. В разделе «Русская жизнь» рассказывалось о стачечной борьбе, демонстрациях и митингах в различных городах России, о крестьянском движении. Подчеркивая огромное значение вооружения рабочих и вооруженной борьбы против самодержавия, газета приводила примеры героической борьбы народов Кавказа: рассказывала о вооруженном восстании, вспыхнувшем в начале февраля 1905 года в Гурии, в Озургетском и других уездах.

Улучшение агитационно-пропагандистской и организационной работы способствовало расширению и укреплению связи петербургских большевиков с рабочими массами, повышению организованности и упорства борьбы пролетариата. Возросшее влияние большевиков среди петербургского пролетариата показала удачно проведенная в Петербурге кампания по разоблачению и срыву контрреволюционных маневров царизма после «Кровавого воскресенья».

Массовая политическая стачка в Петербурге и поднимавшаяся по всей России волна забастовок заставили царское правительство наряду с карательными мерами прибегнуть к тактике посулов и громких обещаний для того, чтобы отвлечь от революции малосознательных рабочих.

13 января в «Правительственном вестнике» было объявлено, что царь поручил министру финансов Коковцеву приступить к разработке вопросов страхования рабочих, дальнейшего сокращения рабочего дня и т. д. Обещание царя издать законы, улучшающие положение рабочих, доводилось до народа с подчеркнутой торжественностью в особых афишах, расклеенных на фабриках и заводах.

Однако царское правительство не торопилось выполнять свои обещания. С целью дальнейшей провоочки рассмотрение предложений по рабочему вопросу было передано в специально созданную комиссию под председательством Коковцева.

Большевики решительно разоблачали лицемерные посулы . самодержавия. В листовке ПК РСДРП по поводу комиссии Коковцева большевики убеждали рабочих не верить самодержавию: «Либо оно просто надует вас, либо даст вам ничтожные уступки, но и тогда, если вы, поверив ему, перестанете бороться, начнет немедленно понемногу брать их обратно. Оно уже делало так... Не верьте ему, товарищи».

С той же непримиримостью и беспощадностью большевики выводили «на чистую воду» провокационную затею с посылкой так называемой «рабочей» депутации к царю, организованной Коковцевым и Треповым.

19 января в Царском Селе Николай II принял «депутацию рабочих», составленную Треповым из темной, отсталой части рабочих. Николай II произнес перед ними речь, в которой обрушился на революционеров, сумевших увлечь за собой пролетариат, и цинично заявил, что прощает рабочим их «вину».

Но неуклюжая попытка царских властей загладить впечатление, произведенное чудовищной бойней 9 января, с треском провалилась. Большевики разоблачили гнусную комедию во дворце. Выпущенные Петербургским комитетом РСДРП листовки разъясняли рабочим причины, заставившие царя прибегнуть к этому маневру, показывали лживость и провокационный смысл царской речи. Большевики звали рабочих решительно протестовать против подлой комедии, разыгранной царем. Одна из листовок так и была озаглавлена: «Подлая комедия во дворце».

С разоблачением очередной провокации царского правительства выступили и районные партийные организации. Большевики Выборгского района в листовке «Ответ на царскую речь» призывали рабочих не принимать деньги, «милостиво» пожертвованные царем на помощь семьям убитых и раненых 9 января. «Товарищи, — говорилось в листовке, — не берите денег из рук, обгаренных народной кровью! Презрением ответьте убийце безоружных рабочих!»

Рабочие встретили известие о приеме делегации и «милости» царя с глубоким негодованием. Они заявляли, что никаких делегатов не выбирали, что на них клеветают. Пострадавшие от пуль и нагаек царских сатрапов отказывались принимать подачку Николая II. О настроении путиловцев газета «Вперед» писала: «Путиловцы страшно возмущены комедией приема будто бы депутатов царем. В числе депутатов был Сорокин, заведомый шпион. Положение бывших „депутатов" теперь крайне опасное: рабочие грозятся убить их или, по крайней мере, избить».

На Металлическом и других заводах рабочие потребовали от администрации увольнения «рабочих»-депутатов к царю, окрестив их презрительной кличкой «царских пирожников».

Контрреволюционный маневр царского правительства обернулся против него самого. Возмущение рабочих, вызванное гнусной комедией во дворце, большевики направляли на дальнейший подъем стачечной борьбы.

В конце января на многих предприятиях Петербурга начались повторные забастовки. Рабочие снова выдвигали те же требования, что и во время массовой политической стачки.

24 января забастовали рабочие котельной мастерской Обуховского завода, вагоностроительного завода Речкина. На Невском судостроительном, в главных мастерских С.-Петербургско-Варшавской железной дороги обсуждался вопрос о новой забастовке.

Через несколько дней прекратили работу все рабочие Ижорского, Путиловского, Франко-Русского, Сестрорецкого заводов, Варшавских железнодорожных мастерских и другие. К бастовавшим металлистам примкнули текстильщики Никольской мануфактуры, шерстепрядильных фабрик Буш-Тисса и Шульца, Триумфальной бумагопрядильной мануфактуры, ситценабивной фабрики Леонтьевых, ткацких фабрик Чешера, Воронина, рабочие Тентелевского химического завода и другие.

В большинстве своем стачки были упорными и протекали организованно. Например, на Путиловском заводе работы возобновились полностью только 12 февраля.

Огромная воспитательная и организаторская работа большевиков в массах и собственный практический опыт борьбы натолкнули рабочих на такие смелые действия, как введение явочным порядком 8-часового рабочего дня, проведение тем же порядком выборов своих депутатов.

В конце января 1905 года на ряде крупных предприятий Петербурга — Путиловском, вагоностроительном заводе Речкина, Николаевской железной дороге и на Франко-Русском заводе рабочие самовольно стали работать восемь часов. В корреспонденции из Петербурга, напечатанной в газете «Вперед», рассказывалось:

«Оригинальные дела происходят здесь на вагоностроительном заводе Речкина (6000 рабочих). Во время забастовки были выставлены те же требования, что и на других заводах. Требования, конечно, не были удовлетворены. Рабочие стали опять на работу. Но с первого же дня они начали являться на работу на полчаса позже и уходить на полтора часа раньше, т. е. вместо прежних 10 часов работают только 8. Администрация пока молчит. Это продолжается уже несколько дней... Надо заметить, что на многих заводах, между прочим, на Николаевской железной дороге, рабочие хотя и взялись за работу, но упорно кончают ее через 8 часов, проводя, таким образом, самостоятельно 8-часовой рабочий день».

Движение за осуществление явочным порядком 8-часового рабочего дня еще не было таким массовым, каким оно стало в октябре-ноябре 1905 года. Однако и на первом этапе революции оно имело огромное значение для развязывания революционной инициативы рабочих масс.

Практический опыт передовых рабочих, осуществлявших революционным порядком одно из основных требований про-граммы-минимум РСДРП — 8-часовой рабочий день, помог большевикам при выработке важнейших тактических лозунгов партии на III съезде РСДРП.

С большим упорством рабочие вели борьбу за официальное, признание прав депутатов, выбранных самочинным путем.

В начале февраля депутаты от рабочих Путиловского завода предъявили администрации ряд требований, включая официальное признание выборов, неприкосновенность личности депутатов, выделение постоянного помещения для выполнения ими депутатских обязанностей, освобождение из-под ареста ранее выбранных рабочих-депутатов и др. В ходе забастовки путиловцы добились официального признания выборов.

В «Правилах для выборных от рабочих Путиловского завода», утвержденных дирекцией, говорилось: «Основная цель выборных от рабочих по мастерским — быть выразителями местных нужд рабочих перед лицами администрации завода». «Правила» определяли срок полномочий выборных в один год. Время, потраченное рабочим-депутатом на выполнение своих общественных обязанностей, оплачивалось за счет завода по среднему дневному заработку за последние три месяца работы. Вопросы, которые могли решаться с участием выборных, перечислялись в § 12 «Правил»: «Между прочим, в виде опыта, выборные будут привлекаться с совещательным голосом: а) к участию в комиссии при определении потери трудоспособности рабочих, пораненных при несчастных случаях во время работы; б) к распределению цеховой платы между отдельными рабочими партий и в) к распределению назначенных заводом валовых расценок между отдельными рабочими».

Под давлением стачечников царское правительство согласилось предоставить некоторым предприятиям право выбора депутатов. 8 февраля 1905 года были утверждены «Временные правила о выборных от рабочих в мастерских и паровозных депо на казенных железных дорогах». Правда, эти «Правила» содержали ряд оговорок и представляли собой лишь незначительный шаг вперед по сравнению с законом 10 июня 1903 года о старостах в промышленных предприятиях.

Полномочия депутатов, как правило, не прекращались вместе с забастовкой. Всякие переговоры с администрацией рабочие вели также через выборных.

В депутаты избирались самые передовые, сознательные, наиболее грамотные рабочие, часто — большевики. На те предприятия, где не было большевиков, Петербургский комитет или районные комитеты РСДРП направляли в помощь избранным депутатам членов партии с других предприятий. Они помогали депутатам правильно составлять требования и отстаивать их в переговорах с администрацией.

Рост организованности рабочих весьма беспокоил Петербургское общество фабрикантов и заводчиков. Пытаясь парализовать влияние большевиков на ход стачечной борьбы пролетариата, оно рекомендовало хозяевам вступать в переговоры с рабочими только в том случае, если в составе депутатий не будет «посторонних заводу лиц».

Главным образом усилиями большевиков были провалены и новые контрреволюционные махинации царских властей, связанные с так называемой комиссией Шидловского.

29 января царское правительство сообщило о создании под председательством сенатора Шидловского комиссии «для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих С.-Петербурга и его пригородов и для изыскания мер к устранению таковых в будущем». Выборы в комиссию было намечено произвести трехстепенные: сначала по мастерским, затем выборы выборщиков на заводских собраниях и, наконец, собрания по группам производств для выбора депутатов в комиссию.

Большевикам было очевидно, что комиссия Шидловского — предприятие того же рода, что и комиссия Коковцева, что и прием «рабочей» делегации в Царском Селе. Этой говорильней о нуждах рабочих правительство рассчитывало отвлечь их внимание от революционной борьбы. Большевики учитывали, что значительная часть рабочих, несмотря на полученный 9 января кровавый урок, могла не поддержать сразу тактику бойкота и прямого срыва комиссии Шидловского. Поэтому целесообразнее было использовать избирательную кампанию на первой и второй ступенях выборов для разоблачения царизма, а на последней стадии выборов путем предъявления требований сорвать комиссию Шидловского.

Большевистская тактика в отношении комиссии Шидловского была сформулирована газетой «Вперед» в статье «Комиссия государственных фокусов».

Петербургский комитет, исходя из указаний В. И. Ленина, разработал подробный план срыва комиссии Шидловского. Комитет рекомендовал рабочим выдвигать следующие требования: освобождение арестованных товарищей; неприкосновенность личности и жилища рабочих; свобода собраний и слова; выборы представителей рабочих посредством всеобщего, равного и тайного голосования; участие рабочих в комиссии с правом решающего голоса в количестве, равном числу капиталистов и чиновников вместе взятых; свобода слова в комиссии; публичность ее заседаний; публикация в газетах подробных отчетов о заседаниях комиссии. В случае, если правительство не удовлетворит эти требования, выборные от рабочих должны были отказаться от всякого участия в комиссии и объявить об этом рабочим Петербурга и всей России.

Большевики развернули большую работу по ознакомлению рабочих с этими требованиями. О них говорилось в специальной листовке ПК от 12 февраля 1905 года. Устраивались сходки, на которых члены петербургской большевистской организации читали листовку рабочим, разъясняли условия участия в комиссии Шидловского, советовали, кого выбирать.

13 февраля, в воскресенье, происходили выборы выборщиков в комиссию Шидловского. В этот день Петербургский комитет РСДРП выпустил листовку, в которой еще раз призвал рабочих выбирать самых сознательных, передовых рабочих и предъявлять повсюду намеченные требования. Усилена была устная агитация.

С. И. Гусев писал Ленину: «...около 60 агитаторов-интеллигентов в воскресенье утром были направлены на фабрики и заводы. По конспиративным соображениям невозможно сообщить, куда агитаторам удалось проникнуть; во всяком случае, на подавляющем большинстве заводов наши агитаторы (интеллигенты и рабочие) произносили речи перед выборами и после выборов».

Выступления большевистских ораторов рабочие встречали с горячим одобрением. Почти везде, где была хоть какая-нибудь возможность ознакомить рабочих с резолюцией Петербургского комитета РСДРП об условиях участия в комиссии Шидловского, эта резолюция принималась подавляющим большинством голосов. С особым успехом прошла она на крупных металлообрабатывающих предприятиях Петербурга: Путиловском, Обуховском, Невском судостроительном, Орудийном заводах, на заводах Лесснера, Лангеншипена и в мастерских Варшавской железной дороги.

Агитационно-пропагандистская и организаторская работа большевиков привела к тому, что почти на всех предприятиях в выборщики попали самые сознательные рабочие, в том числе много большевиков и сочувствующих им.

16 и 17 февраля в Народном доме Паниной состоялись общегородские собрания выборщиков. Представители девяти групп рабочих предъявили Шидловскому политические требования, содержащиеся в резолюции Петербургского комитета РСДРП, и заявили, что примут участие в работе комиссии только на этих условиях.

18 февраля Шидловский ответил, что требования выборщиков выходят за пределы полномочий комиссии и поэтому не могут быть удовлетворены. Тогда выборщики семи групп из девяти отказались от участия в дальнейших выборах. Выборщики начали агитацию за всеобщую стачку. В тот же день ПК РСДРП выпустил и широко распространил на предприятиях столицы листовку от имени группы выборщиков: «Почему мы отказались выбирать депутатов в комиссию Шидловского. Письмо к товарищам г. Петербурга».

По призыву большевиков 18 февраля металлисты ряда крупных заводов столицы начали политическую забастовку. Первыми выступили заводы С.-Петербургский металлический, Вагоностроительный, Лангензиппена, Тильманса, Посселя, Гейс-лера и др. С Балтийского судостроительного завода сообщали, что забастовка не началась 18 февраля «лишь потому, что в этот день была раздача жалования и кончили работы в 2 часа пополудни до возвращения выборщиков из комиссии Шидловского». Работы прекратились почти на всех заводах 2-го Васильевского и 2-го Выборгского участков.

Вслед за металлистами забастовали текстильщики Александрово-Невской мануфактуры Паля, Северной ткацкой мануфактуры, рабочие табачной фабрики «Лаферм». В тот же день к политическому протесту присоединились рабочие и тех предприятий, где уже раньше шли стачки: Невского судостроительного завода, Арсенала, Варшавских железнодорожных мастерских, Российско-Американской резиновой мануфактуры, Охтенской, Спасской, Петровской, Невской и Новой бумагопрядильной мануфактур, фабрики Колсевникова и др.

Забастовавшие 18 февраля рабочие главных паровозных мастерских Николаевской железной дороги собрались у конторы начальника мастерских и решительно потребовали освобождения ранее арестованных товарищей. Они предъявили также свои экономические требования. Не видя другого выхода из создавшегося положения, начальник ходатайствовал о закрытии мастерских.

На следующий день забастовали заводы Путиловский, Орудийный, Трубочный, электротехнический завод Сименс-Гальске, механический завод Сан-Галли, Проволочный и Гвоздильный заводы и др. К забастовке присоединились типографские рабочие газет «Русь», «С.-Петербургские ведомости», «Русская газета».

Всего 19 февраля стачка охватила более 65 тысяч рабочих. В дни с 19 по 22 февраля политическая стачка достигла высшего подъема. Остановилась работа на всех крупных заводах и фабриках Петербурга. После 22 февраля стачка пошла на убыль, возобновили работу сначала мелкие, а потом крупные предприятия.

Кампания против комиссии Шидловского, закончившаяся политической стачкой, явилась большим успехом большевиков Петербурга. Они от начала до конца руководили всей выборной кампанией, выпускали много листовок, вели агитацию среди рабочих. Большевики руководили выборными собраниями на предприятиях и собраниями выборщиков. Только активное вмешательство большевиков в выборы на всех стадиях не дало возможности царскому правительству провести «фокус» с комиссией Шидловского и обмануть питерских рабочих.

Деятельность петербургских большевиков во время кампании по выборам в комиссию Шидловского направлялась Заграничным большевистским центром, возглавляемым Лениным. С. И. Гусев и Р. С. Землячка получали лично от Ленина указания по всем важнейшим вопросам выборной кампании. Письмо «К товарищам г. Петербурга» было опубликовано совместно Петербургским комитетом РСДРП и Бюро комитетов большинства.

Правильная и твердая позиция большевиков в отношении комиссии Шидловского способствовала дальнейшему развитию революции. Меньшевики, наоборот, заняли путаную и непоследовательную позицию, которая наносила вред рабочему движению. В отчете Петербургского комитета III съезду партии говорилось, что меньшевики совсем запутались с этой комиссией. Сначала они стояли за решительный бойкот, потом от бойкота отказались, «но от выборов решили воздерживаться».

Непоследовательная и в сущности своей оппортунистическая тактика меньшевиков сбивала с толку многих рабочих и тем самым облегчала либералам и зубатовцам

продвижение в комиссию угодных им кандидатов. Например, на Металлическом заводе вследствие дезорганизаторской тактики меньшевиков зубатовцам удалось провести в выборщики своих кандидатов.

Кампания по выборам в комиссию Шидловского закончилась для меньшевиков большим политическим конфузом. Многие из тех рабочих, которые шли за меньшевиками, увидев непоследовательность своих руководителей и вред их тактики для развития революции, поддержали план большевиков. Усилилось разложение меньшевистской «периферии». На сторону большевиков стали переходить рабочие тех кружков, которые раньше находились под влиянием меньшевиков.

В отчете Петербургского комитета РСДРП III съезду партии сообщалось, что «январские дни и комиссия Шидловского создали благоприятное положение для комитета. Отколовшиеся районы постепенно стали переходить к комитету».

С. И. Гусев, касаясь провала меньшевистской тактики в отношении комиссии Шидловского, писал Ленину 5 марта: «К нам перешел Невский район, а вчера — пятнадцать кружков на Васильевском острове».

В Невском районе, где меньшевики после раскола петербургской организации (в декабре 1904 года) имели значительное влияние, теперь положение изменилось. Например, в конце 1904 года у большевиков в этом районе было не больше 10 партийных кружков, отсутствовали связи со многими предприятиями. После провала меньшевиков количество большевистских кружков увеличилось до 20, кружки объединяли 150 организованных рабочих. Были установлены и упрочены связи со всеми крупными предприятиями района: Обуховским, Невским судостроительным, Александровским, Вагоностроительным заводами, текстильными фабриками Паля, Торнтон, Максвелля и др.

Выросло число большевистских кружков и в других райо-нах. В Выборгском вместо существовавших в конце 1904 года 4 — 5 кружков, охватывавших около 40 рабочих, теперь насчитывалось 17 кружков со 127 рабочими. Кружки были на таких крупных предприятиях района, как фабрика Чешера (15 чел.), Металлический завод (20 чел.), машиностроительный завод Лесснера (16 чел.). В один из кружков Выборгского района входило 5 солдат из гарнизона Петропавловской крепости.

В Петербургском районе в начале января 1 — 2 кружка объединяли не более 15 организованных рабочих. В марте уже было 17 кружков; в них состояло 128 рабочих. В Городском районе в конце 1904 года насчитывалось 3 — 4 кружка. Связи со многими предприятиями вследствие больших провалов и арестов отсутствовали. В марте 1905 года в районе уже имелось 4 подрайонных комитета, каждый из которых объединял 10 — 15 кружков. Всего в Городском районе числилось около 300 организованных в кружки рабочих. Подрайонные комитеты Городского района имели связи с такими крупными предприятиями, как Франко-Русский завод, Арсенал, Российская бумагопрядильная, Екатеринбургская и Новая мануфактуры, фабрики Штиглица, Воронина и др.

В одной из корреспонденции, напечатанных в газете «Вперед», сообщалось о возрастающем интересе питерских рабочих к большевистским кружкам. «От желающих войти в кружки нет отбою,— писала газета, — иногда в течение двух дней приходится знакомиться с 30 — 40 человеками. Назначили собрание из 6 человек, придем, а там 12 человек новых сидят. Часто собираются человек по 20, по 30 вместе».

Петербургская большевистская организация с началом революции стала расти с поразительной быстротой. С декабря 1904 года до III съезда партии она выросла более чем вдвое. В докладе Петербургского комитета РСДРП III съезду приводятся данные о составе

всех районных большевистских организаций столицы, за исключением Василеостровской. По этим данным петербургская большевистская организация накануне III съезда насчитывала до 750 человек.

Несмотря на то, что влияние большевиков среди рабочих значительно усилилось, петербургской большевистской организации предстояла еще упорная борьба с меньшевиками за массы. В некоторых районах и на ряде предприятий меньшевики сохраняли большое влияние. Например, в Выборгском районе меньшевики имели в два раза больше кружков, чем большевики (около 40 против 17).

Удачно проведенная большевиками кампания срыва комиссии Шидловского обогатила петербургскую организацию опытом партийной работы в массах.

Ленин считал полезным популяризировать большевистскую тактику в отношении комиссии Шидловского. В начале марта В. И. Ленин писал С. И. Гусеву: «Ваш подробный рассказ об агитации комитета на выборах в комиссию Шидловского великолепен. Напечатаем».

Н. К. Крупская в переписке с большевистскими комитетами России неоднократно останавливалась на проведенной петербургскими большевиками политической кампании. В письме от 10 марта Н. К. Крупская отмечала: «...В Питере дела, кажется, пошли хорошо. По крайней мере, кампанию с комиссией Шидловского они провели блестяще».

Большевистские комитеты РСДРП одобрили и поддержали тактику петербургских большевиков по отношению к комиссии Шидловского. С. И. Гусев сообщал Ленину 5 марта: «Всюду в провинции очень хорошо отзываются о ПК, особенно по поводу комиссии Шидловского».

Так благодаря правильному и твердому руководству большевиков был сорван новый контрреволюционный замысел царизма. Успешно проведенная большевиками политическая кампания по разоблачению комиссии Шидловского способствовала политическому воспитанию рабочих, дальнейшему росту их революционной активности.

О возросшей сознательности рабочих говорили многочисленные корреспонденции из Петербурга в редакцию газеты «Вперед». С. И. Гусев писал, что широкие рабочие массы Петербурга осознали необходимость решительной борьбы за свержение самодержавия, что они готовы бороться за республику. «Мы будем требовать Учредительного собрания, — заявляли рабочие, — но мы не пойдем на улицы без ружей и динамита. Дайте нам оружие...» В другой корреспонденции из Петербурга отмечалось, что рабочие усиленно требуют вооружения: «Стремление организовать, подготовиться захватило теперь самые широкие слои рабочих масс».

Революционная борьба пролетариата в январе и феврале 1905 года всколыхнула все без исключения демократические круги Петербурга. В январе поднялась новая волна студенческого движения. На стихийно возникавших сходках студенты выдвигали политические требования, обсуждали ход революционных событий, принимали резолюции, выражавшие солидарность с борющимся пролетариатом и готовность биться за свержение самодержавия. Сотни рядовых студентов помогали большевикам в организации митингов, распространении листовок, сборе денег на оружие и средств в фонд помощи стачечникам.

27 января на студенческой сходке в Технологическом институте абсолютным большинством голосов (806 против 3) была принята резолюция, в которой студенты-технологи заявляли о своей полной солидарности с рабочим классом и всеми прогрессивными элементами страны в борьбе против самодержавия. «Мы считаем, — говорилось в резолюции, — что при настоящих исключительных условиях, когда борьба

между властью и народом достигла крайнего напряжения, совершенно невозможны какие бы то ни было учебные занятия, прекращаем таковые до 1-го сентября 1905 г. и зовем всех к активной борьбе за свободу и счастье народа».

Резолюция содержала требования прекращения войны, свободы печати, слова, совести и другие. Участники сходки единогласно приняли «Письмо к профессорам», в котором призывали их вместе бороться за свободу. «Идите с нами,— говорилось в письме,— свяжите свои цели и стремления с нашими — и вы станете нашими старшими товарищами. Мы прекращаем занятия до 1 сентября 1905 г. Вы не должны под угрозой треповского кулака идти против решения студенчества. Вы должны — и мы вас зовем — стать в ряды с нами, чтобы бороться за лучшую долю нашей родины».

Объединенная социал-демократическая организация студентов С.-Петербурга, руководившая революционной борьбой студенчества столицы, в своем обращении отмечала недостаточность одних забастовок и призывала студентов готовиться к всенародному восстанию. 7 февраля в актовом зале университета состоялась трехтысячная сходка студентов университета и других высших учебных заведений столицы. На этой сходке революционные студенты призвали всё студенчество принять активное участие в революции под руководством рабочего класса.

Всеобщие политические стачки рабочих привели в движение и мелких служащих.

В феврале 1905 года мелкие служащие Балтийского, Путиловского и ряда других заводов предъявили хозяевам свои требования. Правда, они касались главным образом улучшения условий труда и в отличие от требований рабочих не выходили за рамки существующего строя.

Служащие 50 аптек столицы участвовали вместе с рабочими в январской всеобщей политической стачке. После стачки петербургские большевики создали инициативную группу фармацевтов. Однако более широкие прослойки трудовой интеллигенции в начале революции оставались еще довольно инертными в политическом отношении.

В марте в стачечной борьбе петербургского пролетариата наступило относительное затишье. Большевики рассматривали его как затишье перед бурей. Рабочий класс накапливал силы для новых, еще более упорных и массовых боев. Но и в марте борьба пролетариата не прекращалась. Она приобрела только иные формы, чем в январе и феврале. Вместо длительных и всеобщих стачек проходили кратковременные частичные забастовки. В ряде случаев рабочие, не прибегая к забастовкам, добивались осуществления своих требований явочным порядком. Несколько снизилось, но продолжало оставаться на высоком уровне забастовочное движение среди текстильщиков, которых «раскачали» и вовлекли в движение металлисты.

Редакция газеты «Вперед», зная, что длящиеся с января стачки тяжело отражались на материальном положении рабочих, рекомендовала большевистским комитетам при организации забастовок проявлять больше гибкости, т. е. время от времени давать «отдых» долго бастовавшим рабочим. Такая гибкая тактика помогала готовить рабочих к новой всеобщей стачке, привлекала на сторону пролетариата широкие демократические слои города, а также крестьянство и армию.

Ведущее место в стачечной борьбе первых месяцев 1905 года занимал Путиловский завод. В январе-феврале на Путиловском заводе было четыре общих стачки, когда бастовал весь завод: с 3 по 18 января, с 28 января по 4 февраля, с 8 по 11 февраля и с 19 по 21 февраля. В остальные дни шла частичная забастовка, в которой участвовало от одной трети до половины путиловцев.

Вместе с путиловцами в первых рядах петербургского пролетариата боролись рабочие Невского судостроительного и Франко-Русского заводов. Эти предприятия бастовали в течение января-февраля по 25 дней каждое. За ними шли крупнейшие предприятия текстильной промышленности: Новая бумагопрядильная, Невская ниточная мануфактуры; каждая из них бастовала более 20 дней. Таким образом, застрельщиками стачечной борьбы являлись рабочие наиболее крупных предприятий металлообрабатывающей, а за ними текстильной промышленности.

Петербургский пролетариат вместе с рабочим классом всей России уже в первой четверти 1905 года упорной стачечной борьбой добился некоторых экономических уступок со стороны предпринимателей. Последние вынуждены были несколько повысить заработную плату и установить повышенную оплату сверхурочных работ; уменьшились штрафы; на ряде предприятий был сокращен рабочий день.

Царское правительство, учитывая в связи с русско-японской войной особую важность работы железных дорог и предприятий военного и морского ведомств, также оказалось вынужденным под напором не прекращавшихся стачек сделать некоторые экономические уступки рабочим казенных предприятий. В начале февраля в мастерских Николаевской железной дороги, на отдельных заводах артиллерийского и морского ведомств был введен 9-часовой рабочий день. На Ижорских заводах рабочий день в ряде мастерских был сокращен с 12 до 10 часов.

Однако эти уступки были частичными и непрочными. Они ни в коей мере не могли удержать рабочих от продолжения борьбы за основные экономические и политические требования. Материальное положение рабочих по-прежнему оставалось невыносимо тяжелым. «Петербургская рабочая неделя» писала: «Почти везде рабочим удалось добиться по крайней мере некоторого сокращения рабочего времени и повышения платы, но человеческих прав еще не добились».

Большевистская партия нацеливала все свои местные организации и рабочий класс России на дальнейшее углубление, и развертывание революции. В. И. Ленин, оценивая уроки январской борьбы пролетариата, писал: «Первая волна революционной бури отходит. Мы стоим накануне неизбежной и неминуемой второй волны».

Таким образом, после событий 9 января петербургские большевики провели перестройку всей своей работы применительно к новой обстановке. Перестройка помогла им усилить идейно-политическое и организационное руководство революционной борьбой петербургского пролетариата. Под руководством большевиков была успешно проведена массовая политическая кампания по разоблачению контрреволюционных маневров царизма. Следуя указаниям В. И. Ленина, большевики развертывали работу в массах, укрепляли свои связи с ними. Рост влияния и авторитета большевиков после 9 января явился немаловажным фактором, содействовавшим развитию революционного движения в Петербурге.

§ 12. Советы, их образование из потребностей классовой борьбы в 1905 году

«...Совет Рабочих Депутатов не рабочий парламент и не орган пролетарского самоуправления, вообще не орган самоуправления, а боевая организация для достижения определенных целей...». В. Л е н и н. «Социализм и анархизм»,.

«...Это были, наконец, именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании...».

В. Л е н и н. «Победа кадетов и задачи рабочей партии».

«...Революция 1917 года сопровождалась тем явлением, что, с одной стороны, буржуазная империалистическая партия превратилась силою событий в республиканскую партию, а с другой стороны, возникали демократические организации — Советы, созданные еще в 1905 г., ибо уже тогда социалисты поняли, что организацией этих Советов создается нечто великое, новое и небывалое в истории мировой революции. Советы, которые народ сумел создать вполне самостоятельно, это — форма демократизма, не имеющая себе равной ни в одной из стран...».

В. Ленин. «Речь о роспуске Учредительного Собрания».

§ 12 1. Возникновение советов и беспартийные организации Петербурга

Для более или менее исчерпывающей вопрос работы о Советах 1905 года пока не настало время, так как еще не хватает самых необходимых данных: мы не знаем во многих случаях ни состава Советов, ни времени их возникновения и гибели, ни их деятельности; мы не можем наконец, с твердой уверенностью сказать, что мы знаем все Советы, существовавшие в 1905 году. Если так обстоит дело с вопросом о Советах Рабочих Депутатов, то еще хуже стоит вопрос о Советах Крестьянских и Солдатских Депутатов, — организациях, которые играли очень большую роль в местном движении 1905 года.

Работы, появившиеся до настоящего времени по этому вопросу, не могут по только что высказанным соображениям претендовать ни на полноту обследованного материала ни на исчерпывающий анализ происхождения и развития советской формы в эпоху первой русской революции.

Само собой разумеется, что и наша статья не является ни исчерпывающей всего материала ни попыткой дать историю Советов 1905 г. Единственно, на что мы можем претендовать сейчас, это хотя бы несколько осветить вопросы происхождения и развития советской формы организации, возникшей двадцать лет тому назад в момент величайшего рабочего и крестьянского революционного движения.

Само собой ясно, что Советы свалились не с неба, что были, очевидно, в русском рабочем движении какие-то элементы, какие-то зародыши, из которых эти организации возникли; были, очевидно, такие условия, которые способствовали их развитию и превращению в то, что известно теперь под именем Советов Рабочих Депутатов 1905 г.

По вопросу о происхождении и развитии Советов существуют, как и следовало ожидать, различные мнения.

Эти мнения, прежде всего можно разделить на две группы: взгляды меньшевиков и взгляды большевиков. Но и меньшевики, и большевики, рассматривая вопрос о происхождении Советов, часто настолько далеко расходятся в своих точках зрения, что порой примирить их не только трудно, но и прямо невозможно. В качестве таких непримиримых взглядов на происхождение Советов можно привести мнение т. Н. Бабаханова, пытающегося доказать, что исходными точками для возникновения Советов послужили зубатовские организации.

Совершенно правильно отвергая эту нелепую мысль т. Бабаханова, т. П. Горин в своей работе «Очерки по истории Советов Рабочих Депутатов» держится как будто бы той мысли, что хотя «создание Советов Рабочих Депутатов конца 1905 г. явилось результатом всего предшествующего рабочего движения», однако Петербургский Совет Рабочих Депутатов — «детище всероссийской политической забастовки и октября» — сразу сложился в организацию пролетариата, поставив своей целью «борьбу за революционную власть». Слово «сразу» подчеркнуто нами, ибо, как увидим ниже, это «сразу» явилось не сразу, а было только

одним из моментов того процесса, завершением которого являлись такие Советы, как декабрьские Советы в Москве, Ростове-на-Дону и Красноярске, эти подлинные органы восстания, чем не был Петербургский Совет Рабочих Депутатов.

Что касается меньшевиков, то они, как известно, держатся мнения, что они были инициаторами возникновения Советов и что именно их идеи революционного самоуправления и явились тем толчком, который побудил массы прийти к этой форме организации.

Однако как бы ни старались меньшевики приписать себе честь образования Советов в эпоху первой русской революции, что бы ни говорили они по этому поводу, какие бы выдержки из своих статей ни приводили они в пользу своего приоритета, дело, однако, и значительно сложнее и значительно красочнее, чем это рисуется меньшевистским публицистам и историкам.

Обыкновенно в пользу того мнения, что Советы 1905 г., вернее, Петербургский Совет Рабочих Депутатов возникли под действием меньшевистской пропаганды, приводят факты и документы, говорящие о распространении в организации меньшевиков того периода идеи «революционного самоуправления» и «рабочего съезда» Аксельрода.

Действительно, идея революционного самоуправления усиленно пропагандировалась меньшевиками в 1905 г. Так, в передовой статье № 101 новой «Искры» в связи с положением о Булыгинской Думе говорится: «Необходимо теперь же, в связи с предстоящими выборами в Думу, развить самую широкую агитацию и заложить основы широкой рабочей партии»... «...Полулегальные, самовольно образующиеся рабочие агитационные комитеты должны быть образованы немедленно»... «...Ненародным выборам по земскому положению 1864 года они должны противопоставить идею н а р о д н ы х выборов всеобщим, равным, прямым, тайным голосованием. Они должны звать все слои населения, городского и сельского, немедленно приступить к осуществлению этой идеи и одновременно с тем, как будут выбираться «законные» депутаты, выбирать своих собственных, действительных представителей. Уездные и губернские собрания таких представителей революционного народа с возможностью посылки ими своих депутатов на общероссийское собрание могут создать мощную организацию для всего революционного движения, направленного на завоевание всенародного Учредительного Собрания».

В этой статье меньшевик Ф. Дан рисовал себе дело так, что путем¹ подобных революционных выборов будет создан общероссийский революционный центр, который и послужит опорой создания или созыва Учредительного Собрания. Не говоря уже о том, что неправильность этой тактики, построенной в связи с «булыгинской конституцией», вскоре сметенной вихрем революции, была очень скоро доказана жизнью, необходимо подчеркнуть, что Ленин гораздо раньше пустил в оборот идею диктатуры пролетариата и крестьянства, — идею, ни в какой степени не связанную с какой бы то ни было правительственной «конституцией», а возлагавшую единственную надежду на революционное творчество рабочих и крестьян и активность революционной социал-демократии. Стало быть, говорить о том, что именно меньшевистские идеи о революционном самоуправлении содействовали возникновению Советов, по меньшей мере, рискованно. Действительно, ближайшее рассмотрение фактов массового рабочего движения уже начала 1905 г. показывает это. Не подлежит ни малейшему сомнению, что, несмотря на то, что особенно в начале 1905 года рабочие массы, как выражается Ленин, «творили историю без социал-демократии», пропаганда и агитация социал-демократии имела огромное значение. В самом деле, в январские дни в Петербурге широкие массы рабочих шли за гапоновцами и очень часто не хотели даже слушать социал-демократов, и, однако же, вскоре после январских событий началось отрезвление и возврат

масс к социал-демократам. Об этом говорят десятки свидетелей. Как ни слаба была наша организация в начале 1905 г., социал-демократическая пропаганда и агитация оказали огромное влияние на сознание самых широких рабочих масс. Прежде всего это (влияние обнаружилось в связи с кампанией по выборам в комиссию Шидловского. Не входя в детальное обсуждение этого вопроса, здесь необходимо указать на два обстоятельства: во-первых, на то, что меньшевики пытались связать с выборами создание сети подобных комиссий по всей России, и, во-вторых, на то, что, независимо от воли руководителей — и большевиков и меньшевиков, — рабочие массы стихийно, революционным чутьем уже тогда нащупывали какие-то особые формы какой-то новой организации. В связи с выборами в комиссию Шидловского рабочие образовали особый институт, нечто вроде института старост или, вернее, депутатов от цехов и от мастерских. П. Колокольников (К. Дмитриев), склонный вообще приписывать инициативу образования Советов меньшевикам, по поводу образования этого института депутатов говорит следующее: «Сам я партийно работал в Невском районе. Здесь с первых же шагов пришлось столкнуться с живым наследием выборной кампании в комиссию Шидловского, в лице выборщиков, сохранивших свои полномочия и превратившихся в фабрично-заводские комитеты после ликвидации комиссии. Тогда вся текущая работа меньшевистской партийной организации, за исключением пропагандистских кружков, переплеталась с коллегиями делегатов-выборщиков и опиралась на них. Не менее велика была роль заводских выборщиков, как предшественников профессионального союза металлистов: вплоть до 1906 г. фабрично-заводское представительство заменяло профессиональный союз, а затем служило исходным пунктом для его организации. На фабрично-заводское представительство опирались и первые попытки организации союза весной и летом 1905 года».

Такие организации выборщиков или отдельные выборщики остались за Невской заставой на заводах Семянниковском, Обуховском и Александровском, а также на фабриках Паля и Максвелла. Подобные же организации выборных представителей рабочих существовали и на других заводах Петербурга, отчасти возникшие еще до выборов в комиссию Шидловского, отчасти в виде оставшихся от этих выборов депутатов мастерских и цехов.

Так было, например, за Нарвской заставой, где тотчас же после событий 9 января рабочие выбрали представителей от мастерских для переговоров с начальством, для руководства стачками, для сбора денег и т. п. функций. В связи с выборами в комиссию Шидловского частью прошли новые депутаты, частью попали старые представители рабочих. Такие же представители мастерских или цехов существовали на других заводах других районов, напр., на заводе Речкина за Московской заставой, на Выборгской стороне, на Васильевском острове, в Городском районе (напр., на Резиновой мануфактуре). И меньшевистская и большевистская организации в своей партийной работе вынуждены были считаться с этими беспартийными организациями, созданными отчасти стихийно-, отчасти под влиянием социал-демократии, — ни одна кампания, ни одна забастовка, ни один митинг в заводе без помощи эти выборных, этого зародыша фабрично-заводских комитетов или заводских выборных советов, успешно пройти не могли.

Что же это были за организации? Прежде всего необходимо подчеркнуть, что эти выборные органы не имели никакого отношения к гапоновскому союзу, — это были либо старые выборные, выдвинутые во время и на случай стачек представители, либо остатки от выборов в комиссию Шидловского, либо, наконец, избранные после кампании, связанной с этой комиссией, представители рабочих не только для руководства стачкой, а вообще для защиты и представительства масс (переговоры с администрацией по вопросам заработной платы, распо-

рядков в заводе и т. п.). Это, стало быть, были не только стачечные комитеты, а вообще боевые организации, выдвигаемые ходом революционной борьбы. Коллегии выборщиков, напр., оставшиеся от выборов в комиссию Шидловского, носили на себе явную печать чисто административного происхождения в то время, как выборные Путиловского завода тотчас после 9 января были выбраны исключительно на случай руководства стачечной борьбой. Это, наконец, были беспартийные неоформленные организации, так как и по существу и по влиянию в них преобладали рабочие беспартийные: ни регулярных собраний, ни уставов эти организации не имели, собирались от случая к случаю, хотя влияние их на рабочую массу было огромно. И еще одна черта характерна для этих, по большей части стихийно создавшихся организаций выборных, — их связь с партийными и с возникавшими с середины 1905 г. профессиональными организациями. С партийными организациями они связывались через депутатов-партийцев; так, за Невской заставой большой популярностью пользовались староста Обуховского завода П. А. Злыднев, впоследствии депутат Совета, меньшевик, за Невской заставой — староста Семянниковского завода, меньшевик Гудков, большевик Цыцарин, депутат от Паля Тюшин, большевик; за Московской же заставой — депутат от «фабрики механического производства обуви» Суворов, большевик, В. Вылузгин и другие.

С профессиональными организациями эти выборные, депутаты, фабрично-заводские организации получали связи просто потому, что ячейки таких выборных депутатов очень часто служили исходными точками создания или зарождения самих союзов.

Стало быть, уже вскоре после январских событий в Петербурге налицо были такие беспартийные неоформленные организации, которые являлись не только стачечными комитетами, а вообще неоформленными беспартийными боевыми организациями рабочего класса: это были не только стачечные комитеты, ибо они существовали не только во время стачки и не только для стачки, но это были и не институты старост, ибо в каждый данный момент такие организации могли превратиться в самый боевой орган пролетариата для достижения какой-либо определенной цели, поставленной себе пролетариатом; это, тем более, не были зародыши пролетарского самоуправления, — это были просто неоформленные боевые беспартийные органы, выдвигаемые стихийно-революционным движением.

§ 13. Летняя стачка и Совет Рабочих Депутатов Иваново - Вознесенска

Иваново-Вознесенск — один из самых оригинальных центров рабочего движения. Массовое движение там началось давно, еще в 80-х годах прошлого века; социалистическая организация ведет свое начало с первой половины 90-х годов, и с первых же своих шагов эта организация носит свой, самобытный, своеобразный характер: в этой организации с самого начала ее существования преобладающую роль играли местные рабочие-социалисты. Отсутствие интеллигенции, слабые связи с такими центрами, как Петербург и Москва, необыкновенно трудные условия для работы приезжего революционера-профессионала на заре социал-демократического движения в Иванове, все это очень скоро способствовало выделению руководителей рабочих — организаторов, пропагандистов, агитаторов; достаточно назвать хотя бы таких выдающихся рабочих, как Д. Талантов и Р. М. Семенчиков.

Этим, может быть, и объясняется то обстоятельство, что «экономизм» находил себе приверженцев в Иваново-Вознесенске еще в 1904 г. По крайней мере, по словам т. В. С. Смирнова, обособленная группа с уклоном к экономизму (руководимая т. Дунаевым) прекра-

тила свое существование только весной этого года. Но и раньше Евдокимов и Кондратьев, несомненно, являлись приверженцами тред-юнионистского рабочего движения. Зато среди ивановских рабочих никогда не пользовались успехом ни зубатовцы, ни гапоновцы, ни ушаковцы, ни какое-либо иное течение полицейского социализма.

Стихийное рабочее движение января 1905 г. мало затронуло сырую, неразвитую толщу ивановских рабочих. Но накаленная атмосфера соседних центров движения (Москва, Орехово-Зуево и т. п.) оказывала свое влияние и на ивановцев, тем более, что экономическое положение рабочих Иваново-Вознесенского района было поистине ужасно.

12 мая 1905 года началась замечательная стачка иваново-вознесенских рабочих, — стачка, сыгравшая огромную роль в истории русского рабочего движения. Чем же замечательна эта стачка? В этом движении иваново-вознесенские рабочие стихийно выдвинули такой орган, такую форму организации, какую с полным правом приходится считать высшей формой организации по сравнению с теми, что были выдвинуты до этого момента и образцами которых являются весенние организации Петербурга и, как увидим ниже, других городов.

В самом деле, как определяет Ленин Советы Рабочих Депутатов в 1905 году в самый момент их образования, в то время, когда они только что создавались? «Совет Рабочих Депутатов, — говорит он в статье, напечатанной в 21 номере «Новой Жизни», от 25 ноября 1905 г., — не рабочий парламент и не орган пролетарского самоуправления, вообще не орган самоуправления, а боевая организация для достижения определенных целей».

«В эту боевую организацию,— продолжает он, — входят, на началах временного, неоформленного боевого соглашения, представители Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (партии пролетарского социализма), партии «социалистов-революционеров» (представители мелкобуржуазного социализма или крайняя левая революционной буржуазной демократии), наконец, много рабочих «беспартийных». Эти последние являются, однако, не вообще беспартийными, а лишь беспартийными революционерами, ибо их сочувствие всецело лежит на стороне революции, за победу которой они борются с беззаветным энтузиазмом, энергией и самоотвержением...» Остановимся пока на этом определении.

Была ли образованная ивановскими рабочими организация обыкновенным стачечным комитетом? Конечно, нет. Это был и стачечный комитет и «боевая организация для достижения определенных целей» — своеобразный стачечный комитет. Прежде всего, если отбросить социалистов-революционеров, которых в Иванове не было, то в эту ивановскую организацию, действительно, как говорит Ленин, входили на началах боевого соглашения представители Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и беспартийные рабочие-революционеры. Руководство Советом находилось в руках социал-демократии.

«...Вообще,— говорит т. Самойлов, — решения, принимаемые Советом, диктовались руководящим центром; городской социал-демократической организации». По словам участников стачки (Самойлова и других), на заседаниях и президиума и пленума организации присутствовали и выступали социал-демократы.

Далее, в чем Ленин еще видит отличие Совета от всякой другой организации? В том, что это - новые органы революционной власти.

Говоря о периоде «(исторического творчества народа», т.-е. о 1905 г., Ленин указывает, что это творчество выразилось в захвате народом политической свободы и в создании новых органов революционной власти — Советов Рабочих, Солдатских, Железнодорожных, Крестьянских Депутатов, новых сельских и городских властей и т. п.

«Эти органы, — говорит он, — создавались исключительно революционными слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм всецело революционным, путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося от старых полицейских пут. Это были, наконец, именно органы в л а с т и, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неформленность, расплывчатость в составе и функционировании».

Какие элементы отличают, таким образом, Советы 1905 г. от всякой иной организации? Их три: а) классы, создающие Совет, б) способ создания Совета и в) цели, для которых создается Совет.

Советы создают революционные, и только революционные, классы населения, — не помещики, не капиталисты, не индифферентная и трусливая мелкая городская буржуазия, а революционные слои, населения — рабочие, крестьяне, мелкие служащие и т. п. Советы создаются не по писаному закону старой власти, а революционным путем, самочинно, огромной активностью масс. Советы создаются для того, чтобы овладеть властью, Советы — сама власть. Отвечает ли указанным признакам организация, созданная в Иванове в мае 1905 г.? Кто создал Ивановский Совет? Революционные иваново-вознесенские рабочие. Как создали ивановские рабочие свой Совет? По писаному закону, по установленным юридическим нормам? Стоит только прочесть в «Пролетарии» описание выборов в Совет, когда тридцатитысячная масса рабочих собралась 13 мая 1905 года на берегу Талки, чтобы понять, что никто рабочим не подсказывал этих выборов, что ими была проявлена огромная самодеятельность, что каждый рабочий и работница в этот момент сами были творцами своей организации.

Для чего был создан Ивановский Совет?

Здесь педанты и доктринеры скажут: а вот третьего и главного элемента, признака власти, в Ивановском Совете и нет. В самом деле, т. Самойлов говорит: «Бастующими рабочими было избрано около ста депутатов для переговоров от имени всех бастующих как с хозяевами, так и с представителями власти, а также для руководства стачкой». Да, это, конечно, так. Иваново-Вознесенский Совет был избран для руководства стачкой, а разве Петербургский Совет, Одесский, Новороссийский, Ростовский и другие не выбирались, между прочим, и для этой цели? Выбирались. Не в том суть. Что делает Советы органами революционной власти? Что по этому вопросу говорит Ленин? «Они действовали как власть, захватывая, напр., типографии (Петербург), арестуя чинов полиции, препятствовавших революционному народу осуществлять свои права ((Примеры бывали тоже в Петербурге). Они действовали как власть, обращаясь ко всему народу с призывом не давать денег старому правительству. Они конфисковывали деньги старого правительства (железнодорожные стачечные комитеты на Юге) и обращали их на нужды нового, народного правительства, — да, это были, несомненно; зародыши нового, народного, или, если хотите, революционного правительства».

Скажут на это: Иваново-Вознесенский Совет не захватил ни одной типографии. Да, в Иваново-Вознесенске ни в одной легальной типографии не печатались «Известия», но зато без разрешения Ивановского Совета ни в одной типографии вообще ничего нельзя было напечатать. Вот что да этому поводу рассказывает т. Ф. Н. Самойлов: «...И еще более ухудшилось настроение фабричной инспекции после того, как было отказано в просьбе какого-то представителя власти, разрешить напечатать срочную бумагу в одной из бастующих типографий, с которой последний обратился в Совет Рабочих Депутатов»... Спрашивается, не равносителен ли захват типографии! такому положению, когда

рабочие, не захватывая типографии, являются фактически ее хозяевами, и фабричный инспектор не может без разрешения рабочих напечатать ни одной строчки? Кто власть, Ивановский ли Совет или старая власть, органом которой был фабричный инспектор? Сомнений быть не может, если принять во внимание, что у самого-то Совета была такая свобода печати, какой до этого момента в Иванове не было' никогда, и что типография Ивановской социал-демократической организации совершенно свободно выпускала прокламации и воззвания, которые заменяли «Известия» других Советов, организовавшихся впоследствии.

Могут сказать, что Ивановский Совет не совершил ни одного акта, подобного тем, какие совершал, напр., Петербургский Совет, и о каких говорит Ленин. Да, Ивановский провинциальный Совет не издавал (да и не мог издать как провинциальный Совет) обращения ко всей России с просьбой не давать денег русскому правительству; но Ивановский Совет, напр., осуществил на деле такую свободу собраний и слова, каких до этого момента никогда не имели ивановские народные массы: он, как настоящая власть, занимал под собрания городские помещения (здание управы), устраивал митинги, и этому не могло помешать даже побоище, организованное старой властью. Само собой ясно, что без разрешения Совета старая власть, располагая войсками и ружьями, все-таки не имела силы пустить в ход ни одной фабрики, ни одного предприятия. На заседаниях Совета было постановлено: 1) избранному Совету Рабочих Депутатов руководить стачкой; 2) никаких сепаратных переговоров не допускать; 3) всем стачечникам вести себя скромно и организованно; 4) к работе приступать только по решению Совета Рабочих Депутатов. Действительно, мы видим, что ни одного сепаратного действия не только ни один рабочий, ни один завод, ни одна фабрика не предпринимали до тех пор, пока 25 июня после полуторамесячного' существования депутаты не постановили сложить с себя полномочия и закончить стачку.

Нечего говорить о том, что именно Совет, как власть, организовал охрану фабрик и заводов и вообще всего имущества в городе, и до тех пор, пока эта новая власть существовала в городе, ни один фунт муки, ни один кусок хлеба не был похищен голодными рабочими; именно после того, как депутаты сложили с себя полномочия, начался разгром лавок.

Тов. П. Горин держится того мнения, что отождествлять Ивановский Совет с позднейшими Советами нельзя, и что такое отождествление происходит только в силу формальной терминологии. «Таким образом, — говорит т. Горин, приводя экономические требования Иваново-Вознесенского Совета, — если Иваново-Вознесенский Совет и считают первым Советом, то исключительно да формальной терминологии, но не по его деятельности в смысле предreshения основных характерных черт деятельности Советов в 1905 году.

В этом смысле отождествление Ленинградского, Московского и провинциальных Советов с Иваново-Вознесенским является неверным так же, как неверно отождествление стачечных комитетов с Советами».

Прежде всего неверно считать Иваново-Вознесенский Совет простым стачечным комитетом, как это делает т. Горин, приводя в виде доказательства экономические требования иваново-вознесенских рабочих. Требования экономического характера Ивановнами были предъявлены, но т. Горину, по-видимому, неизвестно, что тот же самый Иваново-Вознесенский Совет предъявил и требования политические, что требования эти были приняты на пленуме Совета и что на пленуме же Совета решено было эти требования,

собравши подписи рабочих, отправить министру внутренних дел. Это и было сделано.

Об этом ясно говорит такой участник стачки, как т. Ф. Н. Самойлов: «Политические требования были отпечатаны; под ними подписались депутаты с точным указанием предприятия и должности, а затем был собран не один десяток тысяч подписей остальных бастующих. В виде петиции требования эти были отосланы по назначению».

В деле о рабочем движении в Иваново-Вознесенске эти требования, написанные, по-видимому, рукой секретаря Совета, имеются, с подписями председателя и всех депутатов Совета.

Этот драгоценный документ говорит о том, что в ходе забастовки и иваново-вознесенские рабочие и их Совет не стояли на месте, а двигались вперед.

В этих требованиях уже нет ни одного экономического пункта: здесь все, — и свобода слова, и свобода собраний, и свобода союзов и созыв Учредительного Собрания, — все пропитано той политикой, которая так характерна для Советов 1905 года.

Только то обстоятельство, что т. Горин не знает, что, кроме экономических требований, Иваново-Вознесенский Совет в самый разгар стачки (недели через три после ее начала) предъявил министру внутренних дел еще и общеполитические требования, и дало ему право сказать: «Выставленные требования и наказ, данный Совету общим собранием, указывают, что возникшая 15 мая обще рабочая организация по существу представляла собой стачечный комитет».

Нельзя, конечно, отрицать, что Иваново-Вознесенский Совет сначала был чисто стачечным комитетом, но нельзя отрицать и того, что постепенно в ходе стачки он перерастал узкие рамки только стачечного комитета и превращался во что-то другое. Ведь и Петербургский Совет сначала назывался, как увидим ниже, тоже только стачечным комитетом и только в ходе стачки (правда, очень быстро) изменил свое название.

Во что же превращался иваново-вознесенский стачечный комитет в ходе борьбы? В особого рода стачечный комитет, в котором уже проглядывали черты будущего Совета.

Вне сомнения, Иваново-Вознесенский Совет не боролся с оружием в руках за власть, но ведь и Петербургский Совет тоже не боролся за власть с оружием в руках, как это делали Московский, Ростовский и Красноярский Советы, и, однако же, только по этой причине никто не станет утверждать, что Петербургский Совет не был Советом.

Иваново-Вознесенский Совет возник в такой момент движения, когда ни о немедленном восстании, ни о переходе войск на сторону революции практически вопрос не ставился, но в ходе стачки события в Польше и в Крыму, несомненно, оказали влияние и на ивановцев.

Неверно, вне сомнения, отождествлять Советы со стачечными комитетами. Это утверждение, однако, нисколько не опровергает того мнения, что Советы 1905 года родились не сразу и что прежде чем выявилась та организация, в которой мы находим существенные черты Совета, шел довольно быстрый процесс превращения всякого рода боевых беспартийных рабочих организаций, в том числе и стачечных комитетов, в Советы. Одним из моментов такой эволюции и был Иваново-Вознесенский Совет.

Есть еще признаки, отличающие Ивановский Совет от обычного стачечного комитета.

Как только Ивановский Совет организовался, так сейчас же был избран президиум Совета, орган, несомненно, аналогичный Исполнительным Комиссиям или Исполнительным Комитетам следующих Советов. Были у Совета и председатель и секретарь. «В президиум Совета, — говорит Самойлов, — вошли: председателем А. Е. Ноздрин, секретарем Н. П.

Грачев, а вторым и третьим секретарями Добровольский и Суховский и казначеем т. Царский».

Ни в одном стачечном комитете ни в какой забастовке не было ни президиума, ни председателя, ни секретарей; ни один стачечный комитет не устраивал таких собраний своих депутатов, как это делал президиум Ивановского Совета, когда собирал пленум Совета, где делал отчеты о ходе стачки, о переговорах с предпринимателями и с властями, обсуждал вопросы о безработице. Ни один стачечный комитет не требовал суда над виновниками избиения, устроенного полицией 3 июня, ни один стачечный комитет не обращался к правительству с политическими требованиями, как это сделал Иваново-Вознесенский Совет. Нечего говорить, что Иваново-Вознесенский Совет, как и следующие Советы, организовал и подсобные организации, напр., комиссию для сборов в пользу безработных, отряды для охраны фабрик и заводов и т. п.

Относительно сущности новой организации, созданной ивановскими рабочими, не задумывались революционеры, ибо им тогда некогда было заниматься этим, но эту сущность прекрасно поняла буржуазия, орган которой «Новое Время» точно и ясно называл вещи своими именами, когда писал: «...Если присмотреться ко всему тому, что проделывается здешними забастовщиками, то придем к заключению, что здесь забастовкой руководят умелые головы. Здесь видна система. Так, рабочие, начав забастовку, избрали из своей среды Совет Депутатов, всего до 150 человек, которых и уполномочили вести переговоры как с фабрикантами, так и с властями»...

Совет Депутатов — этот - новый, а не какой-либо другой термин употребляет буржуазная газета; Совет Депутатов — этот термин отныне подхватят рабочие других городов и он будет становиться все популярнее и популярнее. Нашему Центральному району еще раз пришлось сыграть большую роль в истории русского рабочего движения: как в 1885 году орехово-зуювская Морозовская стачка, по словам Плеханова, была поворотным пунктом русского рабочего движения, так и теперь, через двадцать лет, в 1905 году иваново-вознесенская стачка явилась моментом, когда были созданы невиданные еще в мире организации — Советы Рабочих Депутатов, эти создания «самобытного, народного», революционного творчества рабочих масс. И не случайность — появление этих зародышевых советских форм именно в гуще рабочих масс исконного центра русского рабочего движения, в Иваново-Вознесенске.

Итак, иваново-вознесенская стачка лета 1905 года создала новую форму организации борющихся рабочих масс, неизмеримо более высокую, чем все те беспартийные организации, — фабрично-заводских старост, уполномоченных, депутатов, — какие появились в Петербурге (да и в остальной России) еще весной этого года. Следовало ожидать, что развивающееся массовое движение в своем дальнейшем ходе, беря за исходный пункт результаты, достигнутые в Иванове, пойдет дальше и будет совершенствовать те боевые органы, какие были созданы там. Действительно уже в июле в Костроме, а затем в августе и сентябре в Москве, на основе ивановского опыта, возникают организации гораздо более высокие по типу, чем в Иванове, и в некоторых отношениях гораздо более близкие октябрьским Советам, чем их предшественник.

§ 14. Костромская стачка и Совет Рабочих Депутатов в июле 1905 г.

Под влиянием иваново-вознесенской стачки вспыхнула и забастовка в Костроме.

Стачка началась 2 июля на Кашинской фабрике. До 7 июля правительству, пустившему в

ход черную сотню, удавалось частично дезорганизовать стачку, но 7 июля революционное движение взяло верх и стачка стала всеобщей. И здесь, как в Иванове, тот забастовочный орган, какой выдвинуло стихийное движение, очень скоро приобрел такой характер, что напрасно бы мы стали искать в нем типичные черты обычного стачечного комитета: это орган такого же характера, как и Иваново-Вознесенский Совет Рабочих Депутатов, при чем в нем появляются некоторые новые черты, еще более приближающие его к типичному Совету 1905 года.

Прежде всего, как и в Иванове, новый орган в Костроме получил название Совета или депутатского собрания. Образование его произошло также революционным путем вне всяких установленных законом правил, образовали его революционные беспартийные рабочие при участии социал-демократов. Самые выборы в подражание иваново-вознесенским рабочим произошли на берегу р. Костромы, на огромном общем собрании (до 8 тысяч чел.); выбрано было 108 депутатов.

Этот Совет Депутатов, собиравшийся два раза в день, выделил из себя стачечную комиссию и совершенно новый орган, который в Иваново-Вознесенске еще не существовал, — не только комиссию по безработице, но и милицию. О том, насколько Костромской Совет сделал шаг вперед по сравнению с Иваново-Вознесенским, видно из прекрасной корреспонденции в «Пролетарии» от 19 июля 1905 года:

«Костромская стачка, — говорится здесь, — длящаяся уже три недели, имеет громаднейшее значение. Бастующая масса под давлением социал-демократии выделяет из себя демократические органы, которые очень скоро легализуются, становясь официальными, всеми признаваемыми центрами. Губернатор говорит с председателем депутатского собрания, фабриканты против своей воли говорят со всеми депутатами, дума обращается к депутатскому собранию рабочих с официальными бумагами и запросами. Сегодня утром было столкновение между полицией пригородных сел и милицией. И полиция с милицией вела переговоры через парламентаров. Как депутатское собрание, так и милиция останутся после стачки».

Разве не ясно, что это не обычный стачечный комитет, а боевой орган революционных рабочих, созданный ими для определенных целей? Это станет еще более ясным, если указать, что под давлением Совета Депутатов, по его заявлению, созывается экстренное заседание городской думы, где и выносятся постановления оказать пособие бастующим, отпустив в распоряжение Совета Депутатов тысячу рублей на безработных. Под давлением же Совета администрация была вынуждена освободить депутата Кашинской фабрики, Савинова, арестованного на улице 7 мая. Под давлением же Совета полиция принуждена была освободить и трех членов комиссии по сбору денег в пользу забастовщиков, арестованных, будто бы, за сбор милостыни. Правда, этих трех рабочих — Частухина, Вавилова и Савинова — отдали под суд, но и суд оправдал их. Костромской Совет, как и Совет Иваново-Вознесенска, не издавал своего органа, и в Костроме издания социал-демократической организации заменяли орган Совета, но здесь делается уже шаг вперед, по сравнению с Иваново-Вознесенском: социал-демократический комитет издает уже «Бюллетени» более или менее регулярно. Всматриваясь в эти бюллетени, видишь как будто прообраз «Известий». Вот содержание бюллетеня № 1: 1) Помощь больным у Зотова. 2) Увольнение товарищей у Калинина. 3) Аресты. Вот содержание бюллетеня № 2: 1) Сыскное отделение у Зотова. 2) Порядки на фабрике Анонимного Общества. 3) Штрафы. 4) Церковная агитация. Эти бюллетени, право, мало чем отличаются от «Известий» любого провинциального Совета, напр., Юзовского или Мариупольского. Та же краткость, те же вопросы революционной стачечной борьбы здесь и там, но только соответствующие различной ситуации лета и осени 1905 года.

Эти бюллетени Костромского Совета — зародыши будущих «Известий», как сам Костромской Совет лета 1905 г. — зародыш Костромского Совета ноябрьских дней.

Корреспондент «Пролетария» назвал Совет июльских дней и выделенные им органы демократическими органами, сам не подозревая того, что очень хорошо выразил одну из черт вновь возникающих организаций, — участие в них народа, народной массы, революционной массы рабочих, берущих на себя задачу защиты не только своих узкопрофессиональных и классовых интересов, но и общедемократических: как же иначе можно понимать образование Костромским Советом лета 1905 года милиции, которая, без сомнения, была образована не только для защиты рабочих?

И еще две интересные и важные черты обоих Советов необходимо отметить: это, во-первых, участие женщин в них, и, во-вторых, выставление не только своих узких экономических требований, но и требований общероссийского значения (напр., восьмичасовой рабочий день, созыв Учредительного Собрания).

Что, действительно, и Иваново-Вознесенский и Костромской Советы уже переросли рамки обычного стачечного комитета, что они таили в себе черты новых органов революционной власти, — об этом свидетельствует еще и тот огромный авторитет, каким пользовались оба эти Совета не только среди рабочих, но и среди других революционно настроенных слоев населения. «Популярность Совета росла с каждым днем, — говорит т. Самойлов, — не только среди избирателей; она распространялась далеко за пределы города. К нам в Совет, через некоторое время после его избрания, начали поступать самые разнообразные просьбы и жалобы от рабочих ближайших городов и местечек о притеснениях со стороны хозяев; были жалобы и от крестьян на притеснения со стороны помещиков и разного сельского начальства (курсив наш. В. Я.). От рабочих нередко приезжали делегаты из разных местностей губернии за советами или со всякого рода жалобами на хозяев. Их приглашали на заседания Совета; выслушивали, давали необходимые указания, а иногда посылали с ними на место кого-нибудь из депутатов или партийных работников для организации стачки».

Таким образом, с полным правом можно сказать, что Ивановский и Костромской Советы, действительно, первые зародышевые, неоформленные, примитивные прообразы ноябрьских Советов 1905 г., при чем каждый из них только дальнейшая, более высокая фаза тех стихийно возникавших боевых организаций рабочего класса, какие возникали в Петербурге, да и в других городах, начиная с январских дней. Они — промежуточные звенья между этими боевыми органами отдельных заводов, районов, но они уже не только простые собрания старост, уполномоченных, депутатов, не фабрично-заводские комитеты, не только простые стачечные комитеты, а нечто высшее, более сложное; они охватывают рабочих уже целого города; они уже заключают в себе много черт Советов позднейшего периода, но они еще не таковы, как Советы конца года), — словом, они первые этапы в развитии этой новой формы революционной организации.

§ 15. Совет депутатов печатников и мысль о создании общегородского Совета в сентябре 1905 года в Москве

Давая одно из своих определений Советов 1905 года, Ленин, как мы видели, между прочим, определял Совет как «боевую организацию для достижения определенных целей». Образцом такой организации может служить Совет депутатов от типо-литографий Москвы в сентябре 1905 года. Для понимания характера этой организации необходимо сказать

несколько слов о тех условиях, при каких создавался этот Совет депутатов.

В течение весны и лета массовое движение 1905 года характеризуется, как известно, тем, что в ряды борющейся пролетарской массы начинают вступать самые забитые, самые отсталые слои пролетариата и служащих, — текстильные рабочие, работницы, строительные рабочие, каменщики, плотники, штукатуры и т. п., ремесленники, парикмахеры, шляпочники, портные, модистки и т. п., приказчики, телефонистки, конторщики, грузчики, прислуга и т. п. и т. д.

Вся эта масса трудящихся волнуется по всей России, но массовое движение, начавшееся в Петербурге, наиболее сильно вспыхнувшее затем на окраинах, как бы совершило полный круг, пройдя через Польшу, Юго-Западный край, Юг, Кавказ, Сибирь, Урал и Поволжье, и к началу осени сосредоточилось в центре России, захватив всю массу пролетариата. После летних баррикад в Лодзи, после Потемкинского восстания, после текстильных стачек в Иванове и Костроме движение в августе развернулось в Москве, и, начиная с сентября, Москва и стала тем центром, где революционные волны достигли наивысшего напряжения.

Первым симптомом этого осеннего движения было еще июльское брожение типографов. Причинами этого брожения печатников являлись общие причины рабочего движения 1905 г.: падение заработной платы и увеличение рабочего дня, которых добились предприниматели: в течение кризиса первой половины 900-х годов. Хотя с 1903 года по 1905 год, т.-е. после окончания кризиса, печатники повысили заработки на 5,4 %, но так как ввиду нового кризиса, наступившего в Москве в связи с русско-японской войной, цены на продукты питания поднялись от 7% (капуста) до 20% (гречневая крупа), в общем на 19%, то в общем реальная заработная плата рабочих печатного дела или стояла на уровне цен начала столетия, или даже ниже. Так, между прочим, объясняет дело и старший фабричный инспектор в своем донесении в отдел промышленности. «...Тарифы заработной платы, — говорит он, — принятые собранием Общества в 1903 г., продержались недолго: владельцы быстро забыли принятое решение и все время стремились к сокращению заработка рабочих; между тем, стоимость жизни за истекшие два года сильно возросла»... Рабочие были недовольны также и продолжительным рабочим днем. Брожение: охватывало то одну, то другую типографию, но вмешавшийся в дело Союз типолитографских рабочих призвал рабочих к организованным действиям и предложил начать стачку тогда, когда это будет признано удобным и необходимым со стороны Союза. (Союзом же были выработаны и общие требования печатников.) Однако в начале августа рабочие типографии Сытина предъявили требования, и так как в Москве не было налицо директоров товарищества, то они ждали ответа до сентября: 13 сентября дирекция типографии дала ответ, не удовлетворивший печатников, и 19 сентября вспыхнула стачка, превратившаяся в настоящее революционное выступление московского пролетариата (с митингами, столкновениями с войсками, баррикадами и демонстрациями и с человеческими! жертвами с той и другой стороны), перешедшее затем в октябрьскую забастовку.

В нашу задачу не входит описание событий этих бурных московских дней, но необходимо подчеркнуть, что в этом ярко-политическом движении и печатники играли видную роль, — они принимали участие и в собраниях и в демонстрациях, где дело доходило до кровавых столкновений с войсками.

Вместе с тем шли и собрания по типографиям, где рабочие-печатники вырабатывали свои отдельные требования и выбирали депутатов. Так и образовался в эти революционные

дни тот орган, который, собравшись в первый раз 15 сентября 1905 года, назвал себя Советом депутатов от типолиитографий г. Москвы.

Этот Совет имел 10 заседаний, на первом из них было представлено 34 предприятия в лице 87 депутатов, а в конце своего существования Совет состоял из 264 депутатов от 110 заведений.

В этом Совете были и представители Союза типолиитографских рабочих, а так как, с одной стороны, в конце августа 1905 г. Союз официально присоединился к меньшевистской фракции РСДРП, и так как, с другой стороны, в Союзе находились и большевистски настроенные рабочие, то, стало быть, Совет депутатов и являлся боевым соглашением в том смысле, в каком дает это определение Ленин.

Для какой же определенной цели организовался Совет Депутатов? «На все время стачки, — читаем мы в резолюции общего собрания депутатов типографских рабочих 25 сентября 1905 г., — необходимо учреждение постоянного Совета депутатов от типографий. Его задача — созывать общие и частные собрания типографских рабочих, готовить вопросы для обсуждения, предлагать собраниям решения, принятые Советом депутатов, приводить в исполнение принятые решения, распределять деньги, поступившие на поддержку стачки, вести сношения с хозяевами типографий»

По существу задачи, поставленные себе Советом, суть задачи, какие ставит себе любой стачечный комитет, но, во-первых, если определенные задачи, поставленные Советом, и сближают его со стачечным комитетом, то ведь эти задачи ставились и любым другим Советом, а, во-вторых, стачечный комитет этот необычного типа, — он выбран общими собраниями отдельных типографий, он объединяет все печатные предприятия Москвы, он сразу же, революционным путем, осуществляет свободу слова и собраний, постановив революционным путем устроить легальное собрание в народном доме в Грузинах и добившись легализации следующих собраний (городская дума отвела под собрания Капцовское училище).

Но не только в этом отличие Совета депутатов печатников от обычного стачечного комитета. Организованный для определенных целей, Совет силою вещей был вынужден сделать дальнейший шаг, — с одной стороны, превратиться на время стачки и в, боевой политический орган (Совет в конце стачки выдвинул и политические требования) и, с другой — выдвинуть вопрос о создании постоянного боевого органа рабочих печатников. В уже цитированной резолюции, в пункте третьем принятых собранием решений, говорится: «Не нужно ли оставить Совет депутатов постоянным учреждением и после стачки?».

Временный Совет депутатов после стачки превратился в постоянный, и затем преобразовался в чисто профессиональную организацию.

Что Совет депутатов являлся, хотя бы и, стачечной, но все же организацией не обычного стачечного типа, — об этом свидетельствует и его структура. 1) Совет избирался по установленной норме — один депутат от двадцати человек; 2) Совет избирал исполнительный орган, нечто вроде исполнительного комитета, функции которого заключались в заведовании финансами организации, распределении пособий бастующим, ведении переговоров с хозяевами и назначении заседаний, и 3) депутаты Совета давали отчеты о его деятельности своим избирателям по предприятиям.

Уже в этой структуре, вне сомнения, проглядывают некоторые черты будущих Советов, но и вообще способ создания, приемы деятельности, состав депутатов (социал-демократы и беспартийные рабочие, «неоформленный широкий боевой союз», как говорит Ленин) и, наконец, структура, — все это говорит за то, что Совет депутатов типолиитографий

Москвы был одной из тех промежуточных форм, через которую прошла боевая организация пролетариата, прежде чем стать Советом Рабочих Депутатов. В. В. Шер, рассказывая о возникновении Совета депутатов типо-литографий, между прочим, замечает: «Так сложилась чуть ли не впервые та форма организации, которой было суждено сыграть такую видную роль в нашем рабочем движении октябрьских дней». Это верно, если только принять во внимание, что еще раньше и в Петербурге, и в Иванове, и в Костроме рабочее движение стихийным революционным процессом вырабатывало формы организации, которые являлись определенными ступенями к кульминационной точке, где окончательно и сложился наиболее совершенный образец Совета.

Что это, действительно, так, что мысль о создании Совета, как неправильно утверждает т. Горин, возникла не сразу в момент всеобщей политической забастовки в Петербурге, — об этом свидетельствует чрезвычайно интересный документ, хорошо всем известный в Москве, но, конечно, основательно забытый и только недавно извлеченный на свет из архивов. Мы говорим о прокламации, напечатанной т. М. И. Васильевым (Южиным). Это воззвание «К борьбе», действительно, замечательный документ, ибо нет ничего невероятного в том предположении, что в нем уже сентябрьские события 1905 г. заставили московских большевиков учесть опыт и Иваново-Вознесенска, и Костромы, и типографов Москвы, и вообще опыт всего предшествующего движения. Теперь в сентябре, после Лодзи, после Потемкинского восстания, после перенесения центра движения в Москву, московские большевики ставят вопрос о том, что «Москва — это сердце России, — должна стать и становится сердцем всенародного восстания».

«Идите вперед на борьбу, — говорится в этом воззвании, — за общие всему рабочему классу политические и экономические требования.

Во имя этих требований бросайте работу, устраивайте собрания. На каждой фабрике и заводе обсуждайте положение дел. Вырабатывайте специальные, частные требования и общие требования всего рабочего класса. Выбирайте депутатов для руководства стачкой. Депутаты организуют разрозненных рабочих. Депутаты обязаны постоянно давать отчет во всех своих действиях, и для этого должны устраивать общие и частные рабочие собрания. Депутаты отвечают перед нами, но и мы отвечаем за депутатов. Пусть депутаты всех фабрик и заводов объединяются в общий Совет Депутатов всей Москвы. Такой общий Совет Депутатов объединит весь московский пролетариат».

Как видно отсюда, вопрос об организации Совета Рабочих Депутатов, как органа восстания, был выдвинут не в Петербурге, а в Москве еще в сентябре 1905 года и не сразу, как это представляется т. Горину, а только после того, как опыт иваново-вознесенских, костромских, московских, да и рабочих других городов нащупал ту форму организации, имя которой уже носилось в воздухе, которая называлась и в Иванове, и в Костроме, и в Москве Советом Рабочих Депутатов, и которая пока еще переживала зародышевые свои формы.

Не сразу, не внезапно, не везде создались Советы, как не сразу, не внезапно и далеко не везде они были и органами восстания и органами новой власти.

§ 16. Организации в других городах России, из которых развились Советы

Ленин, говоря о Советах 1905 года, называет, не только Советы Рабочих Депутатов, но упоминает и вообще всякие другие Советы Солдатских, Железнодорожных, Крестьянских Депутатов, новые сельские и городские власти и т. п.

Действительно, во многих местах России, в особенности на Юге, первоначальными организациями, из которых возникли Советы Рабочих Депутатов, являлись забастовочные или боевые комитеты, образовавшиеся на железных дорогах, на заводах и фабриках. Вот что рассказывает, напр., т. Шевченко об образовании Совета Рабочих Депутатов или Депутатского собрания г. Екатеринослава: «Работа на заводах была почти приостановлена; рабочие хотя и выходили на работу, но никто ничего не делал, собирались кучками, рассуждали, как быть. Начальство растерялось и временно не предпринимало никаких мер. Агитация пошла вовсю. Тут стихийно на самом производстве возникает из рабочих-революционеров разных партий нечто вроде коалиции. По каждому более или менее важному вопросу устраивались на заводе совещания из представителей разных партий, без санкции своих комитетов. Такие совещания происходили и в паровозных мастерских. В состав первого входили меньшевики, с.-р. и большевики, а дальше, когда дело доходило до забастовки, приглашали и рабочих зубатовского толка (к этому времени они полевели). Анархисты тоже иногда принимали участие в этих совещаниях. Были также использованы существовавшие тогда цеховые старосты, хотя между ними в то время не было ни одного революционера.

Возникшая стихийно коалиция в паровозных мастерских явилась прообразом сформировавшегося впоследствии Совета Рабочих Депутатов».

Здесь Совет Рабочих Депутатов (в декабре игравший большую роль в событиях) возник, как видим, стихийно из организаций, образовавшихся задолго до октябрьских дней, вскоре же после январских событий. (Рассказ т. Шевченко в данном случае относится именно к этому периоду времени.) И состав этой первоначальной организации, откуда вышел Совет, даже по названию, какое дает ему т. Шевченко, — «коалиция», — соответствует тому определению, которое мы находили у Ленина: это неоформленный боевой союз социалистов (большевиков и меньшевиков), революционных демократов и беспартийных рабочих, создавшийся всякий раз для определенных целей.

В образовании Ростовского-на-Дону Совета играл тоже очень большую роль не только социал-демократический комитет, где мысль об организации Совета возникла под влиянием известий о деятельности Совете в Петербурге, но в особенности уже давно, еще с лета, существовавшая железнодорожная депутатская организация, бюро, дорожный комитет Владикавказской железной дороги. Об этом Совете мы скажем подробнее ниже, здесь важно подчеркнуть, что под влиянием толчка, данного из Петербурга и Москвы еще весной, и в Ростове перед глазами всех рабочих уже давно действовала организация, сущность, характер, способ образования которой мало чем отличались от всех подобных депутатских собраний в России.

Точно так же и в Новороссийске как при образовании Совета, так и во время событий большую роль играли железнодорожники и их местная железнодорожная организация. Организация Красноярского Совета, как она рисуется и документами и воспоминаниями участников, также связана с боевыми органами, созданными в процессе революционной борьбы, — стачечным комитетом, руководившим железнодорожной забастовкой Сибирской жел. дор. и Комитетом Солдатских Депутатов, выбранных железнодорожным батальоном. Из этих двух организаций и образовался Красноярский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов на митинге 6 декабря.

Образование Совета Солдатских и Казачьих Депутатов читинского гарнизона имеет несомненную связь как с Советом Депутатов железнодорожных рабочих, так и с теми стачечными и солдатскими комитетами, которые были образованы по всем важнейшим

железнодорожным пунктам и войсковым частям Сибири в октябрьско-ноябрьские дни 1905 года.

Образование Советов в Киеве, Либаве, Ревеле и некоторых других пунктах находится в несомненной связи с функционировавшими еще задолго до октября всякого рода беспартийными неоформленными рабочими организациями.

Так, например, Союз рабочих г. Киева, оформившийся в организацию советского типа к ноябрю (первое общее собрание было ноября 1905 г.), несомненно, вырос из тех делегатских или депутатских собраний 9 крупнейших киевских механических заводов, какие создались и функционировали еще до октября. Несомненна также связь Киевского Совета и с профессиональными организациями Киева. «Целый ряд ораторов, — говорится в отчете об учредительном собрании Совета, — выяснил необходимость для профессиональных союзов преследовать не только экономические, но, главным образом, политические цели».

Задача союза делегатов была сформулирована в следующем постановлении: «Союз делегатов ставит своей задачей борьбу против экономической эксплуатации рабочего класса и за его политические права».

Ревельская организация Собрание старшин рабочих г. Ревеля, носившая, несомненно, все черты организации советского типа и связавшаяся или, по крайней мере, пытавшаяся связаться с Петербургским Советом Рабочих Депутатов, возникла из тех неоформленных беспартийных делегатских организаций, какие существовали в Ревеле на заводах еще до октября 1905 г. Что Собрание старшин рабочих г. Ревеля являлось организацией, аналогичной Советам в других городах России, — это явствует из отчетов о работе этого собрания: то же руководство политическими и экономическими стачками, та же организация помощи безработным, та же война с городской думой, что и у других Советов, не руководивших вооруженным восстанием (напр., Одесский Совет).

Надеждинский Совет Рабочих Депутатов, организованный еще в июне 1905 года, возник также из неоформленных беспартийных цеховых организаций, которые выдвинули выборных от цехов. Совет этот имел председателя, исполнительный орган и являлся руководящей организацией для всех Надеждинских заводов.

Несомненна связь со стачечной организацией и вырастание из нее и Боткинского Совета Рабочих Депутатов.

Перечисленные выше факты, несомненно, позволяют нам установить следующие положения:

1. Советы Рабочих Депутатов возникали постепенно в процессе революционного движения еще до октябрьских дней из различных боевых революционных организаций, создавшихся повсюду для определенных боевых целей (главным образом стачки, всякого рода революционные выступления и т. п.).

2. Возникающие Советы носят характер боевых соглашений революционной социал-демократии и революционных демократов и беспартийных революционных рабочих.

3. Уже в этих зародышевых Советах намечаются различные органы, развивавшиеся вполне только в период октября — декабря: исполнительные комитеты Советов, милиция (боевые дружины), стачечные комиссии (или комиссии безработных) и т. п.

4. Первой организацией советского типа был Совет Рабочих Депутатов Иваново-Вознесенска в мае 1905 г.

§ 17. Петербургский и московский советы рабочих депутатов 1905 года

Центр революционного движения с осени перешел в Москву, — это верно, но это нельзя понимать так, что Петербург плелся в хвосте событий. Наоборот, даже в дни величайшего напряжения кровавых боев в Москве революционная мысль и инициатива, толкавшие рабочие массы остальной России к действию, исходили из Петербурга: руководителем движения, передовым отрядом революции оставался Петербург, — город, где был подведен итог революционным попыткам пролетариата в разных пунктах страны создать новые формы власти, город, где все эти попытки нашли наиболее полное, яркое, наиболее совершенное завершение и истолкование, где находился центр нашей партии и где был вождь ее В. И. Ленин.

Л. Д. Троцкий, говоря о том, что Петербург в 1905 г. стоял в центре всех событий и что в самой столице центром движения являлся Совет, замечает, что это произошло «прежде всего потому, что эта чисто классовая пролетарская организация являлась организацией революции, как таковой».

Это совершенно правильно, и именно потому, что это правильно, при рассмотрении вопроса о возникновении Петербургского Совета нельзя ограничиваться рассмотрением лишь революционных истоков, которые бурлили в одном Петербурге: в октябре Петербургский Совет был величайшим достижением революции, но революционное движение не остановилось на этом и уже очень скоро шагнуло еще дальше, чтобы взлететь на гребень волны в декабре в Москве и других городах.

«Совет Рабочих Депутатов, — говорит т. Троцкий, — возник как ответ на объективную, ходом событий рожденную потребность в такой организации, которая была бы авторитетом, не имея традиций, сразу охватила бы рассеянные стотысячные массы, почти не имея организационных зацепок; которая объединяла бы революционные течения внутри пролетариата, была бы способна на инициативу и автоматически контролировала бы самое себя, — и, главное, которую можно было бы в 24 часа вызвать из-под земли».

Такой организацией не могла быть ни одна из существовавших революционных партий, ни один из союзов, возникавших еще до октября.

Несмотря на огромное идейное влияние, социал-демократия организационно объединяла всего несколько тысяч рабочих: обе фракционные организации, и большевиков и меньшевиков, насчитывали в своих рядах от двух до трех тысяч пролетариев, не более, к концу лета и не более 5 — 6 тысяч к концу года.

Число членов партии рабочих социал-демократов среди петербургского пролетариата было совсем невелико. Правда, социал-демократы безраздельно господствовали в организовавшихся уже к октябрю профессиональных союзах (металлистов-, печатников и т. д.), но и сами союзы по своей численности были невелики, и, что самое главное, они объединяли отдельные группы пролетариата, что, впрочем, не мешало им активно участвовать в работе и создании Совета.

Наконец, возникшие к тому времени такие политические организации как «Союз союзов» являлись организациями буржуазными и в еще меньшей степени; могли стать общероссийским политическим и организационным центром революции.

Нужны были какие-то новые формы организации, которые бы наиболее полно и совершенно отражали объективный ход событий: во главе этих событий шел пролетариат, увлекаая в своем движении революционные мелкобуржуазные слои населения и, стало быть,

для того, чтобы отразить этот ход движения, необходимо было, чтобы создалась такая организация, главной массой которой был бы пролетариат, окруженный представителями всех слоев революционно настроенной мелкой буржуазии,

Необходимо было, как говорит Ленин, создать боевой союз революционной социал-демократии с беспартийными рабочими и революционными демократами; такая организация была выражением всей революционной России в противовес остальной контрреволюционной России.

Процесс создания такой организации и шел по всей России, начиная с января до декабря: в Иванове, Костроме, Москве, Екатеринославе, в самом Петербурге рабочие массы пытались создавать организации, которые могли бы охватить все революционные элементы.

Несомненно, преувеличенная цифра говорит одно: только ничтожная часть рабочих Петербурга (на 300.000 рабочих примерно 2 — 3% партийных) была организационно охвачена партией. Думается, однако, что предполагаемые нами цифры преувеличены. Такое же явление наблюдалось и в Москве. Мартов в своей истории считает, что там к концу лета большевики имели несколько сот членов партии, меньшевики — немного меньше. Это неверно. Исходя из цифр большевистской конференции, т. Шестаков считает, что в середине 1905 г. у большевиков было около 2.500 членов партии; считая и меньшевиков, можно принять, что всего членов партии к концу лета в Москве было 3.000. На Стокгольмском съезде от Москвы было 16 делегатов, что дает примерно 4.800 членов партии весной 1906 г. Применяя и к Москве те же рассуждения, что к Петербургу, можно сказать, что в Москве к моменту восстания было примерно тысяч десять членов партии (с Окружной организацией, см. «Путь к Октябрю», вып. 3-й, М., 1923 г., стр. 19). Это опять же на 300.000 рабочих Москвы и округа дает 2—3% рабочих членов партии. Даже если принять эти цифры, и тогда несомненно, что организационно партия охватывала очень небольшую часть рабочих. Другое дело — идейное влияние: оно было огромно; другое дело — те беспартийные организации, при помощи которых партия вела за собой все рабочие массы. Советы Рабочих Депутатов и были такими организациями. (С. С т р у м и л и н, «Рост РКП(б) за 25 лет» (справка) в изд. «Октябрь», «Двадцать пять лет РКП(б)» дает цифры гораздо меньшие, чем мы пролетариата. То в форме выборных депутатов от мастерских, то в форме депутатов, оставшихся от выборной кампании в комиссию Шидловского, то в форме боевых стачечных комитетов заводских, фабричных, общегородских, железнодорожных, то, наконец, в форме Совета Депутатов в Иванове и Костроме, то в форме Совета печатников, в Москве рабочие массы творили историю и, творя ее, все больше и больше приближались к той форме, какая ныне известна под именем Совета Рабочих Депутатов 1905 года.

Происходил какой-то удивительный, своеобразный процесс: история, в лице творящих ее рабочих масс, как будто бы постепенно переходила от одного образца организации к другому, всякий раз видоизменяя ее, отбрасывая одни элементы, вводя новые, то упрощая, то усложняя организацию.

Петербургский пролетариат миллионами нитей был связан с остальной Россией, и эти связи помогали ему, усваивая опыт рабочих других городов, их достижения и успехи, перерабатывать в своей революционной лаборатории и, наконец, дать в октябре 1905 г. наиболее совершенный образец организации.

Только так объясняя возникновение Совета, можно понять и как будто бы внезапное появление этой невиданной еще формы организации, и силу ее, и то огромное влияние, какое она имела на всю остальную Россию, и очень быстрое появление Советов в остальной России. Если бы можно было сказать, что появление Совета было чудом, то и тогда

необходимо было бы объяснить появление этого чуда.

Петербургский Совет возник в момент наивысшего напряжения революционной борьбы: 8 октября началась забастовка на дорогах московского узла и в течение первых четырех дней захватила не только большую часть железнодорожной сети, но и большинство пролетариата крупнейших промышленных центров. 10 октября уже бастовали рабочие Москвы, Харькова и Ревеля, а 12-го началась забастовка и в Петербурге за Невской заставой. Если верить свидетельству Хрусталева-Носаря, 12 октября им на митинге в Технологическом институте излагалась история сентябрьской стачки печатников в Москве и их Совета депутатов, и от этого собрания, будто бы, ведет свое начало Совет, но как раз в это время уже шел стихийный, революционный процесс в самых широких рабочих массах: так, на Обухов-скот заводе рабочие выбрали для руководства стачкой старост, за Московской заставой выборы депутатов произошли 13 октября. Замечательно то, что даже на первом своем заседании 13 октября в резолюции-воззвании «Ко всем рабочим и работницам» Совет называет себя «Рабочим Комитетом». «Нельзя допустить, — говорится в этом воззвании, — чтобы забастовки то вспыхивали, то потухали. Поэтому мы постановили объединить руководство движением в руках общего Рабочего Комитета. Мы предлагаем каждому заводу, каждой фабрике и профессии выбрать депутатов по одному на каждые пятьсот человек. Собрание депутатов фабрики или завода составит фабричный или заводский комитет. Собрание депутатов всех фабрик и заводов составит Общий Рабочий Комитет Петербурга».

Под этим воззванием стоит подпись: «Совет Депутатов Петербургских фабрик и заводов». Рабочие заводов, выбирая депутатов, сначала так и смотрят на них, как на своих представителей в общегородском стачечном комитете. Гесслеровцы пишут, напр., в своей резолюции: «Для руководства всем движением Петербурга избираем депутатов в стачечный комитет, действующий по уполномочию всех рабочих». И сам Совет еще на третьем собрании (15 октября в физической аудитории Технологического института) при выработке порядка дня называет себя не Советом Рабочих Депутатов, а то «Общим Рабочим Советом», то просто «Рабочим Советом». Это название встречается и употребляется и дальше, но в то же время входит в употребление и всему миру известное теперь имя: «Совет Рабочих Депутатов». Эта подпись впервые появляется как на заголовке первого номера «Известий», так и в конце его.

Все это мы говорим для того, чтобы показать, что рожденный революционными рабочими массами Совет возникал как общегородской стачечный комитет, и ни одному из участников движения не приходило в голову, какое огромное значение имеет та организация, куда он посылает своего избранника-депутата.

Впрочем, что возникающий «Рабочий Комитет» не обычный стачечный комитет, это понимали все или, по крайней мере, наиболее сознательные рабочие Петербурга: в тех резолюциях, которые они принимали, выбирая своих депутатов, они ясно указывали, что задача, стоящая перед Рабочим Комитетом, не простая стачка, а революционная политическая стачка, цель которой — не только добиться 8-часового рабочего дня, но и борьба за Учредительное Собрание и политическую свободу.

Это говорили в своих резолюциях обуховцы, гесслеровцы, печатники, рабочие-электрики, приказчики, конторщики, бухгалтеры.

Подавляющая масса рабочих не задумывалась над тем, в чем заключается сущность Совета: нужно было творить историю, и в этом революционном творчестве и выяснилась сущность новой организации. В своем определении природы Совета Ленин после указаний

на революционный характер этой организации продолжает: «Это были, наконец, именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании. Они действовали, как власть, захватывая, напр., типографии (Петербург), арестуя чинов полиции, препятствовавших революционному народу осуществлять свои права (примеры бывали тоже в Петербурге, где соответствующий орган новой власти был наиболее слаб, а старая власть наиболее сильна). Они действовали, как власть, обращаясь ко всему народу с призывом не давать денег старому правительству. Они конфисковывали деньги старого правительства (железнодорожные стачечные комитеты на Юге) и обращали их на нужды нового, народного правительства, — да, это были, несомненно, зародыши нового, народного, или, если хотите, революционного правительства».

Вне всякого сомнения, не все то, что здесь перечислено, осуществлялось и проводилось в жизнь Петербургским Советом: он, например, не производил конфискации денежных средств правительства, но он был некоторое время действительной властью, и, пока он был этой властью, революция шла от победы к победе. Совет, несомненно, стоял во главе движения, которое вырвало у самодержавия манифест 17 октября, Совет ноябрьской забастовкой заставил самодержавие отменить военное положение в Польше, Совет руководил борьбой за 8-часовой рабочий день, Совет фактически ввел свободу печати, захватывая типографии, Совет осуществил на деле свободу слова и собраний, Совет, наконец, сделайся объединяющим: центром революции. Почему? Потому что он был действительно, хотя и недолго, революционной властью. В стране, зародышем той самой власти, той диктатуры пролетариата, которой добились рабочие в октябре 1917 года.

«Описанные нами органы власти, — говорит Ленин, — были в зародыше диктатурой, ибо эта власть не признавала никакой другой власти и никакого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, вне законная, опирающаяся на силу в самом прямом смысле слова, власть — это и есть диктатура. Но сила, на которую опиралась и стремилась опереться эта новая власть, была не силой штыка, захваченного горсткой военных, не силой «участка», не силой денег, не силой каких бы то ни было прежних, установившихся учреждений. Ничего подобного. Ни оружия, ни денег, ни старых учреждений у новых органов новой власти не было»... «На что же опиралась эта сила? Она опиралась на народную массу. Вот основное отличие этой новой власти от всех прежних органов старой власти. Те были органами власти меньшинства над народом, над массой рабочих и крестьян. Это были органы власти народа, рабочих и крестьян, над меньшинством, над горсткой полицейских насильников, над кучкой привилегированных дворян и чиновников».

Эти слова Ленина как нельзя лучше иллюстрируются составом Петербургского Совета. Максимальное число депутатов в Совете было в половине ноября — 562 человека, которые представляли 147 фабрик и заводов, 34 мастерские и 16 профессиональных союзов. Из этого числа депутатов (562 чел.) 508 были представителями заводов, фабрик, и мастерских и 54 — союзов. В общей сложности все депутаты представляли не менее 250 тысяч рабочих, стало быть, подавляющее большинство Петербурга, так как за каждым рабочим депутатом стояли сотни и тысячи их товарищей.

Впереди всех шли металлисты, они дали 351 депутата, за ними шли рабочие текстильного производства — 57 депутатов, затем печатники — 32, по обработке дерева — 23 и т. д.

Но в Совете были представители и такого пролетариата, как приказчики и конторщики,

и депутаты от служащих почты и телеграфа. Мало того: в Совете были и представители социалистических партий, не говоря уже о том, что многие депутаты являлись членами социал-демократической партии и партии социалистов-революционеров: в Исполнительном Комитете Совета из 50 членов 28 были от рабочих районов, 13 от профессиональных союзов (в том числе и от железнодорожного и почтово-телеграфного союза) и от социалистических партий.

Петербургский Совет Рабочих Депутатов был действительно боевым союзом революционной социал-демократии, революционных рабочих и революционной демократии, и в том была его сила и его слабость.

В самом деле, объясняя понятие диктатуры, Ленин говорит, что одним из самых существеннейших «методов» действия эпохи «революционного вихря» является: «применение народом насилия по отношению к насильникам над народом».

Вот этот «метод» действия Петербургский Совет Рабочих Депутатов применял так редко и так мало, что по всей справедливости Ленин имел все основания считать Петербургский Совет, как и другие подобные органы в остальной России, лишь «зародышевыми» органами новой революционной, пролетарской власти, диктатуры пролетариата и крестьянства. Почему же Петербургский Совет не применял этого «метода» действия? Потому, что в том боевом союзе революционной социал-демократии, революционных рабочих и революционной демократии каким был Совет, революционная демократия не представляла многомиллионного крестьянства, представители которого заседают и Советах после 1917 г., а в руках детей этого крестьянства и было то самое ружье, без чего невозможно и применение того метода, о котором говорит Ленин.

Правда, Петербургский Совет прекрасно понимал это и бросил в массы лозунг: «вооружайтесь!». Этот лозунг нашел горячий отклик и рабочей массе: в районах, на заводах и фабриках организовались дружины, самим Советом закупалось оружие, эти дружины и милиция (и Невском, Московском и Выборгском районах) охраняли типографии, где печатались «Известия», боролись с черной сотней, охраняли собрания Совета и т. д. Но что значили несколько десятков винтовок и револьверов, когда вооруженные тысячи крестьян царской армии стреляли в рабочих и своих же братьев-крестьян в городах и селениях царской России. Совет прекрасно понимал, что и другое оружие нужно выбить из рук самодержавия — деньги. И, понимая это, он выпустил «Манифест» (2 декабря) к народу с предложением брать вклады из ссудо-сберегательных касс и из Государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом.

Не менее хорошо Совет понимал и огромное значение организационных, связей с революционными массами населения, с социалистическими партиями, профессиональными и политическими союзами, оппозиционными слоями, как в столице, так и в провинции. В этом отношении Совет вполне использовал то обаяние, каким он пользовался среди масс, и к концу существования он был связан не только с рабочими массами и профессиональными союзами рабочих и служащих.

О том, какое могучее действие оказал этот «Манифест», можно судить, по следующим цифрам: за декабрь 1902—1904 гг. превышение вкладов государственные сберегательные кассы Петербурга над выдачами выразилось цифрой 265.000 р., в провинции — 3.914.000 р. (по всей России — таких, но и с крестьянским, железнодорожным и почтово-телеграфными союзами; у Совета были прочные связи с социалистическими партиями, налаживались связи с армией. Совет, действительно, становился огромной силой: под его влиянием создавались Советы в других городах. Приближался момент, когда уже самый

факт существования Совета должен был передать в его руки ту самую реальную силу, бросить в его объятия то самое крестьянство, темнотой которого держалось самодержавие... Но та самая революционная демократия, представители которой были в Совете, и те оппозиционные группы, самой большой силой которых была либеральная буржуазия, удовлетворились октябрьской победой и за спиной народа сговаривались с царем. Это и дало уверенность и силу самодержавию. Оно победило: 3 декабря Совет был арестован.

Петербургский Совет отлично понимал, что после первых побед над самодержавием необходимо расширить свою организационную базу и создать всероссийское объединение Советов, которые кое-где возникли помимо Петербургского Совета, а кое-где непосредственно под его организационным влиянием; возникает идея съезда депутатов всех Советов, профессиональных союзов и стачечных комитетов, а 19 ноября отправляются депутаты в Москву, в южные и поволжские города. И за всем тем Петербургский Совет не превратился в тот орган восстания, каким был Московский Совет Рабочих Депутатов. Было и другое обстоятельство, помешавшее Петербургскому Совету стать тем, чем стал Московский Совет, органом вооруженного восстания, — это (Наличие в Совете весьма значительного количества меньшевиков, которые, конечно, не думали о превращении Совета в такой орган восстания. Борьбе с оппортунистическим влиянием меньшевиков в Петербургском Совете очень много внимания уделяли большевики, в особенности после того, как в большевистской части партии было понято все огромное значение Совета.

Как известно, ни большевики ни меньшевики в первые моменты существования Совета не могли по весьма естественным причинам понять этого значения. Что это действительно так, и что, по крайней мере, до конца октября, стало быть, до того момента, когда выяснилось, какую силу представляет Совет, как руководитель в борьбе рабочих масс, большевики не представляли себе всего значения Совета, — об этом свидетельствуют не только резолюции наших районных организаций, вроде резолюции Семянниковокого подрайона за Невской заставой, приводимой т. Гориным на стр. 60 своей книги, — резолюции, в которой предлагалось членам Совета социал-демократам даже уйти из Совета, если Совет пойдет не по социал-демократической линии, — не только подобные резолюции, но и очень определенное мнение руководящих партийных центров.

Некоторые товарищи, наоборот, полагают, что с самого начала возникновения Совета большевики сразу оценили эту организацию. Так думает, напр., т. П. Горин, когда говорит: «Большевики придавали огромное значение Совету». Нужно опросить: когда? Если говорить об октябре, как это делает т. Горин, то это неверно. И петербургские и московские большевики сначала не могли оценить всей огромной роли Совета. Тов. Кнуньянц (Радин) очень хорошо выразил тогдашний взгляд большевиков на Совет, как на организацию для руководства только определенными выступлениями пролетариата. «Он может, — писал он в № 5 «Новой Жизни», — только руководить определенными выступлениями пролетариата, стать во главе активных определенных массовых действий».

Тов. Кнуньянц только верно отражал то официальное мнение, которое существовало в октябре в наших руководящих партийных, и меньшевистских и большевистских, центрах.

В резолюции Петербургского федеративного совета РСДРП, т.-е. временного объединенного центра большевиков и меньшевиков, напечатанной в «Письме ко всем партийным работникам» ЦК РСДРП от 21 октября 1905 г., стало быть, уже после того, как Петербургский Совет сыграл огромную роль во всероссийской политической забастовке, — в этой резолюции очень ясно высказана точка зрения партии, весьма близкая к мнению т. Кнуньянца.

Сказав, что партия на своем пути выступления, как руководителя рабочих масс, встречает «политически неоформленные и социалистически незрелые рабочие организации, создаваемые стихийно-революционным движением пролетариата», резолюция дальше указывает, что «каждая из таких организаций, представляющая известный этап в политическом развитии пролетариата, поскольку он стоит вне рядов социал-демократии, объективно оказывается перед опасностью задержать пролетариат на примитивном политическом уровне и тем подчинить его буржуазным партиям».

«Одной из таких организаций, — говорится в резолюции далее, — является Петербургский Совет Рабочих Депутатов».

Установив, таким образом, свой взгляд на природу Совета, резолюция рекомендует социал-демократам членам Совета: 1) добиваться принятия Советом программы РСДРП; 2) в случае отказа со стороны Совета принять с.-д. программу уйти из Совета и разоблачать перед пролетариатом антипролетарский характер подобных организаций и 3) в случае, если Совет, отказавшись принять с.-д. программу, оставят за собой право в каждом отдельном случае определять свою политику, с.-д. не уйдут из Совета, но оставят за собой право доказывать «всю бессмысленность подобного политического руководства».

Как видим, Семянниковский подрайон нашей организации в своей резолюции от 30 октября только повторил то, что было сказано 27 октября федеративным советом.

Тов. М. И. Васильев (Южин), сам принимавший близкое и руководящее участие в движении и даже уже в сентябре выбросивший лозунг организации Совета в Москве, хорошо знал это отношение наших руководящих партийных центров к Советам.

«Эта резолюция, — говорит он, — содержалась в «Письме ко всем партийным работникам» ЦК РСДРП от 27 октября 1905 года, но сущность отношения ЦК к Советам была известна нам уже раньше. Теперь ясно, что такое отношение к Советам являлось большой ошибкой, но тогда оно было господствующим среди большинства социал-демократов, в том числе и меньшевиков. Роль Советов, как новых органов власти, как органов диктатуры пролетариата, была еще неясна».

Тов. Васильев (Южин) очень правильно определяет тогдашние взгляды большевиков на Советы. И уж совсем неправильно приписывает Ленину т. Горин в октябре и ноябре взгляд на Советы, как на зародыш новой, революционной власти. «В ряде статей, помещенных в «Новой Жизни», Ленин развивал свои положения о Совете Рабочих Депутатов, как боевой организации пролетариата, как зародыше новой революционной власти». Так говорит т. Горин. «Ряд статей Ленина в «Новой Жизни» о Советах это три статьи: в № 13 от 15 ноября «Неудачная провокация», в № 16 от 18 ноября «Учитесь у врагов» и в № 21 от 25 ноября 1905 г. «Социализм и анархизм». Как же определяется в этих статьях сущность Советов? Как «зародыш новой революционной власти»? В первой из этих статей, одобрительно отзывающейся о постановлении Совета, призывавшего рабочих ответить буржуазии всероссийской борьбой всего пролетариата, Ленин ни слова не говорит о природе Совета и указывает только на то, что «союзу самодержавия и буржуазии мы должны противопоставить союз социал-демократии и всей революционной буржуазной демократии».

Во второй статье «Учитесь у врагов» Ленин выступает против «Нашей Жизни», которой не нравилась борьба большевиков в Петербургском Совете против «беспартийных» классовых организаций, против стремлений меньшевиков «объединить весь пролетариат без различия политического вероисповедания».

Ленин выступает против «беспартийности» и ни слова и здесь не говорит о природе

Советов.

Только в одной статье, помещенной в «Новой Жизни» (в № 21 от 25 ноября 1905 г.), «Социализм и анархизм», Ленин касается сущности Совета, но и здесь он ни слова не говорит о Совете, как о зародыше новой революционной власти, как о диктатуре пролетариата и крестьянства. Здесь, в этой статье, В. И. Ленин определяет Совет, как боевую организацию для достижения определенных целей.

«Совет Рабочих Депутатов, — говорит он, — не рабочий парламент и не орган пролетарского самоуправления, а боевая организация для достижения определенных целей».

«По существу дела Совет Рабочих Депутатов является неоформленным, 'широким боевым союзом социалистов и революционных демократов, при чем, конечно, «беспартийная революционность» прикрывает целый ряд переходных ступеней между теми и другими. Необходимость в таком союзе очевидна для ведения политических стачек и других более активных форм борьбы за насущные, признанные и одобренные гигантским большинством населения демократические требования».

Нет ни слова о Советах, как органах новой революционной власти, и к статье Ленина, написанной уже в январе 1906 г., «Платформа «большинства». Говоря о бойкоте Думы, В. И. вооружается против лозунга меньшевиков выборами в Думу противопоставить выборы в Советы. «Да и к чему, — говорит он здесь, — создавать новые Советы Рабочих Депутатов по-новому, когда есть еще (напр., в Питере) старые Советы Рабочих Депутатов? Это бесполезно, и даже вредно, ибо вызовет неправильное мечтательное настроение, будто падающие и разлагающиеся Советы можно оживить новыми выборами, а не новой подготовкой и расширением восстания».

Больше того: в январе 1906 г. Ленин еще смотрит на Советы, как на «временную (курсив наш. В. И.) беспартийную организацию», которая «может иногда дополнить, но никак не заменить прочной, и длительной боевой партийной организации».

«...Аресты этих Советов, — говорит он, — дали весьма важный урок рабочим. Эти аресты показали, как опасно доверять лжеконституционализму, как непрочна «революционное самоуправление» без победы революционных сил, как недостаточна временная беспартийная, организация, которая может иногда дополнить, но никак не заменить прочной и длительной боевой партийной организации. Столичные Советы Рабочих Депутатов пали потому, что у них не хватало прочной опоры в боевой организации пролетариата».

И здесь, как видим, нет ни слова о Советах, как об органах новой революционной власти, и только в марте 1906 г. в работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии» В. И. Ленин впервые формулировал свой общеизвестный взгляд на природу Советов, как на такую организацию, которая отличается теми тремя признаками, о которых мы говорили выше: 1) эта организация есть акт революционного творчества, а не писаного закона, 2) это самобытное творчество масс и 3) это, наконец, зародыш новой революционной власти наравне с другими подобными организациями (Советами Солдатских, Железнодорожных, Крестьянских и иных Депутатов).

Все только что сказанное мы говорим совсем не для того, чтобы умалить значение Петербургского Совета или чтобы указать на ошибки-большевиков, — мы говорим это для того, чтобы показать, что создание Советов было не таким простым и однообразным процессом, как это кажется с первого взгляда, и что, только взглянув на Советы тогда, когда они сделали свое великое дело, все большевики и, прежде всего, В. И. Ленин поняли их

громадное значение.

История возникновения Московского Совета еще более, чем история Петербургского, подтверждает ту мысль, что советская форма организации возникала и действовала не по какому-то заранее определенному трафарету, а что в зависимости от обстоятельств времени и места жизнь и деятельность Совета принимала особые, отличающие его от других организаций формы.

Формально Московский Совет организовался значительно позже некоторых даже провинциальных Советов, — первое его заседание происходило 22 ноября, в то время как в Ростове-на-Дону Совет начал свою работу уже 7 ноября, а в Новороссийске еще в октябре организация Совета была в полном ходу. И, несмотря на это, несмотря на то, что на первом заседании Московского Совета присутствовал эмиссар из Петербурга. От Совета, необходимо подчеркнуть то обстоятельство, на которое было указано выше: мысль о создании Совета Рабочих Депутатов возникла в Москве еще в сентябре, и Петербург со своим Советом был только толчком, который ускорил дело организации в Москве.

Формально Совет в Москве начал свое существование 22 ноября, но фактически «организация Московского Совета Рабочих Депутатов качалась, по крайней мере, с первых чисел ноября». Так говорит один из его активных создателей М. И. Васильев (Южин). В этом нет ничего удивительного: после сентябрьской стачки, когда была выдвинута идея Совета Рабочих Депутатов в воззвании «К борьбе», прошел всего один месяц. В течение которого то, что намечалось в московской прокламации в идее, осуществилось на деле в Петербурге.

После этого опыта в Петербурге организация в Москве должна была пойти естественным путем, как дальнейшее развитие того опыта, который проделан в Питере.

Самим участникам движения, в том числе и Васильеву, дело представлялось так, что Совет необходимо было организовать в противовес буржуазному московскому стачечному комитету, где было очень много буржуазной интеллигенции и очень мало рабочих, попавших и комитет в момент октябрьской стачки.

«И мы, и меньшевики, — говорит т. Васильев, — приступили к организации Совета главным образом потому, что хотели его противопоставить московскому стачечному комитету, достаточно обнаружившему свою предательскую мелкобуржуазную сущность».

Но дело в том, что после октябрьской забастовки не только в Москве, но и в других местах большевики логикой событий вынуждены были создавать боевые организации советского типа, если они не хотели упустить руководство событиями из своих рук. Точно так же, как и в Москве, в Самаре революционные социал-демократы должны были создать революционную беспартийную рабочую организацию в противовес буржуазной — «комитету общественного порядка», возникшему, как в Москве, в момент октябрьской стачки. А так как, кроме этого буржуазного «комитета общественного порядка», в Самаре возникли еще и другие стачечные комитеты — городской, председателем которого был студент «Варенга», и железнодорожный, председателем которого являлся эсер инженер Осеев, — тоже далеко не революционные, то мысль об организации Совета напрашивалась сама собой. Что и эти организации носили буржуазный характер, — видно из резолюции Самарского Совета Рабочих Депутатов, принятой на первом же заседании Совета.

«Совет Рабочих Депутатов, — говорится в этой резолюции, — находит союз железнодорожный буржуазной организацией, стремящейся затемнить классовое самосознание рабочих, и рекомендует последним не вступать в него. Что касается стачечного комитета, то СРД находит его, не заслуживающим доверия рабочих, потому что

он — полу буржуазная организация, а деятельность его излишней, а часто и вредной, и потому СРД находит необходимым упразднить его и все дела, касающиеся железнодорожных рабочих, передать в ведение организующихся железнодорожных профессиональных союзов и в Самарский: Совет Рабочих Депутатов».

Такое же явление происходило и в Киеве, когда там возникал Киевский Совет Рабочих Депутатов из «Союза рабочих г. Киева».

Там роль организации, в которой господствовала в октябре буржуазия, играл местный «Союз союзов». И там пришлось социал-демократии бороться с буржуазией за влияние на рабочих, тем более, что даже на первом собрании делегатов, когда создавался Совет, из среды самих делегатов-рабочих раздавались голоса за соединение с буржуазным «Союзом союзов». И здесь на собрании 6 ноября была вынесена резолюция, резко отрицательная по отношению к буржуазным стачечным организациям, несмотря на красноречивые выступления либерального инженера, призывавшего к сотрудничеству классов. Вот эта резолюция: «Совет Рабочих Депутатов г. Киева по вопросу объединения с «Союзом союзов» постановляет: интересы рабочего класса требуют особой организации пролетариата, а потому Совет высказывается против вступления в «Союз союзов», не отказываясь вступать с ним в соглашение в отдельных случаях борьбы с самодержавным правительством.

Было бы излишним приводить подобные же факты из истории возникновения других Советов. То, что представлялось деятелям большевикам в Москве, как необходимость борьбы со своей местной буржуазией, было всероссийской необходимостью для всего русского пролетариата: Советы, как боевые органы соглашения революционной с о ц и а л-демократии и р е в о л ю ц и о н н ы х р а б о ч и х, д о л ж н ы были быть созданы, если социал-демократия не желала упустить руководство пролетариатом из своих рук, как' бы сильна местная социал-демократическая организация ни была в то время. Без таких организаций повести на восстание пролетариат было нельзя. Это прекрасно поняли московские большевики в ноябре 1905 г., и, как бы ни судить об этом теперь, величайшим фактом является то, что московские большевики сумели в ноябре — декабре 1905 г. сделать шаг вперед по сравнению с Петербургом, а именно превратить Московский Совет из боевого органа соглашения революционной социал-демократии с (революционной демократией (социалистами-революционерами и меньшевиками) в орган восстания, где и эсеры и меньшевики, т.-е. эта самая демократия, играли подчиненную роль, плетясь в хвосте большевиков. В этом и заключается историческая заслуга московских большевиков, и это прекрасно доказано т. Васильевым (Южиным) в его прекрасной работе.

Эта разница двух Советов, как бы двух типов советской формы организации, особенно хорошо иллюстрирована т. Васильевым примером того отношения к армии, которое выявилось со стороны активнейших работников Московского и Петербургского Советов. И тот и другой Совет бросали в массы лозунг: «вооружайтесь», но в то время, как Московский Совет, в лице своего руководящего органа, стремился двинуть в бой московских солдат (хотя и неудачно), Петербургский Совет, в лице своего виднейшего представителя, выразил так свое отношение к армии: «Граждане! Нашим требованием да будет удаление поиск из Петербурга! Пусть на 25 верст вокруг столицы не останется ни одного солдата».

Но не только в этом отношении отдельных представителей выразилась разница в Петербурге и Москве в деле привлечения солдат к Советам: в Москве, хотя и кратковременно, существовал Совет Солдатских Депутатов. Этот Совет организовался в момент восстания в Ростовском полку в начале декабря. Первое и, кажется, единственное собрание этого Совета происходило 2 декабря 1905 г. На этом собрании присутствовали,

кроме депутатов восставшего Ростовского, еще представители Екатеринославского, Несвижского, Троице-Сергиевского и Казачьего полков, а также трех саперных батальонов и, разумеется, представители военных организаций РСДРП и партии эсеров вместе с начальниками боевых дружин.

К сожалению, эта организация скоро распалась: подавление восстания в Ростовском полку и вспыхнувшее восстание в Москве не дали возможности этой организации развиваться и окрепнуть хотя бы так, как, это происходило на Дальнем Востоке в тех местах, где образовались Советы Солдатских Депутатов, — Чита, Иркутск, Красноярск.

За свое кратковременное существование (от 22 ноября до 5 декабря 1905 года) Московский Совет охватил подавляющее большинство московских рабочих, имея в своем составе более 200 депутатов, представляющих около ста тысяч рабочих. Какой же характер носил Московский Совет, и что отличало его от Петербургского Совета?

Этой чертой является господствующее влияние большевиков социал-демократов в Московском Совете. Хотя формально все важнейшие решения, касавшиеся выступлений московского пролетариата, проводились через Совет, хотя в Исполнительном Комитете Совета было по два представителя от большевиков, меньшевиков и социалистов-революционеров, хотя были созданы и районные Советы, однако фактически все движение в Москве находилось в руках социал-демократов-большевиков. Тов. С. Черномордик (Л. Ларионов) считает, что причинами такого явления были следующие обстоятельства: Московский Совет организовался поздно, не успел развернуть организационной работы, его собрания происходили нелегально, и (Московский Совет и его исполнительный орган не носили характера постоянного учреждения, и главное руководство всем движением в Москве находилось в руках федеративного совета РСДРП, где господствовали большевики. «Московский Совет, — говорит т. Ларионов, — был не руководящий орган московского революционного пролетариата, а боевой орган, при помощи которого большевики осуществляли политическое влияние и руководство пролетарскими массами. С другой стороны, Московский Совет был как бы проводником политического влияния с.-д. в массы. При этих условиях не было никакой необходимости, в существовании каких-то особых руководящих и деловых органов Совета, как ИК. Руководящие и деловые функции выполняли партийные организации, а Совет лишь имел моральное значение и политическое постольку, поскольку он объединял широкие беспартийные пролетарские массы. А это значение он приобретал в постановлениях своих пленумов».

М. Васильев (Южин) несколько иначе расценивает цель и задачи. Совета, считая его «могучим помощником партии» и полагая, что Советы необходимы там, где «социал-демократия не успела еще к моменту революции охватить своей стройной организацией широких рабочих масс»; он, однако, говорит, что «цель Совета Рабочих Депутатов — помочь объединению и руководству политической и экономической борьбы пролетариата».

Черномордик полагает, что оценка Южина, вообще говоря, неверна, но применима к Московскому Совету, так как Московский Совет целиком проводит в жизнь все постановления, воззвания и резолюции Московского Комитета большевиков. Говоря это, Черномордик утверждает, что определение, данное Лениным, также неприменимо к Московскому Совету, ибо, в силу указанных выше причин, Московский Совет не был «широким боевым союзом социалистов и революционных демократов».

Как определяет Ленин природу Советов 1905 года?

Это — широкий боевой союз социалистов и революционных демократов, при чем, конечно, «беспартийная революционность» прикрывает целый ряд переходных студеней

между теми и другими. Что же это за боевой союз? Это «боевая организация для достижения определенных целей», — говорит он в другом месте той же статьи, откуда взята цитата о «боевом союзе».

Из кого же состоит эта боевая организация? «В эту боевую организацию входят, на началах временного, неоформленного боевого соглашения, представители Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (партия пролетарского социализма), партии «социалистов-революционеров» (представители мелкобуржуазного социализма или крайняя левая революционной буржуазной демократии), наконец, много рабочих «беспартийных».

Спрашивается, отвечает ли характер Московского Совета только что указанным признакам? Несомненно, в его состав входили и большевики, и меньшевики, представители пролетарского социализма, и социалисты-революционеры, представители мелкобуржуазного социализма, и беспартийные рабочие. Был ли Московский Совет боевой организацией пролетариата для достижения определенных целей? Несомненно. Сам же тов. Черномордик говорит: «Через Совет Московская организация нашей партии осуществляла политическое руководство широкими рабочими массами. Через Совет вся деятельность Московского Комитета нашей партии как бы санкционировалась московским пролетариатом».

В этом последнем замечании вся суть. Как ни была сильна организация в Москве, каким обаянием ни пользовались большевики в Москве в 1905 году, почему-то требовалась санкция организации, куда входили не только социалисты-революционеры, но и беспартийные революционные рабочие. Без этой санкции не выступал в решительные моменты большевистский центр, эта санкция потребовалась для самого решительного акта, предпринятого большевистским центром, — объявления 7 декабря всеобщей политической забастовки, превращающейся в вооруженное восстание.

Почему-то потребовалась такая санкция. Ведь, если верить т. Южину, в Москве социал-демократия охватила широкие массы рабочих своей стройной о р г а н и з а ц и е й (курсив наш. В. Н.), а если это так, то к чему санкция еще какой-то организации, кроме той, которая охватила своей стройной организацией массы? Просто так, чтобы прибавить лишнюю подпись под своей резолюцией? И прежде всего, действительно ли наша большевистская организация охватила широкие массы рабочих Москвы своей стройной организацией? Что говорит сам Черномордик по поводу стройности Московской организации? «Вся беда заключается в том, — говорит он, — что декабрьское восстание произошло не тогда, когда мы этого хотели, а когда этого хотели наши враги, т.-е. в тот момент, когда мы ни политически, ни технически к этому не были еще готовы».

Почти в таких же выражениях высказывается и другой не менее осведомленный работник о состоянии Московской организации: «Нужно сказать прямо: организации не были подготовлены к подобному выступлению. Отсутствовал план, отсутствовали распоряжения». Это говорит т. Михаил Мироныч (т. Мандельштам, П. Н.). О такой же несогласованности и отсутствии плана говорят и другие товарищи: Владимирский, Доссер, Костицын, Виноградов, Седой (З. Литвин), да и стоит ли перечислять?

В то же время М. Васильев (Южин) в своих воспоминаниях говорит, что накануне восстания решено было привлечь весь пролетариат Москвы к решению вопроса о выступлении, и с этой целью было предложено Московскому Совету подвергнуть вопрос о восстании обсуждению на фабриках и заводах. Когда вопрос был решен, руководство забастовкой и восстанием было формально поручено Исполнительному Комитету Совета, но так как Президиум Исполнительного Комитета состоял из лиц, входивших в федеративный

комитет, то фактически руководство принадлежало ему. Совета, стало быть, обойти была нельзя, и весь вопрос заключался в том, что федеративный комитет и Исполнительный Комитет в сущности были одно и то же, и потому восстанием руководил федеративный комитет, то есть большевики.

Все вышеприведенные рассуждения несколько не умаляют московских большевиков, наоборот, их героизм, их революционное чутье, их истинно революционная тактика в декабре 1905 года в том и проявилась, что, несмотря на отсутствие плана, на неподготовленность, несмотря на то, что именно наша организация, включая максимум десять тысяч рабочих (в декабре), не охватывая своими организационными рамками широких рабочих масс, поняла необходимость выступления, звала к нему, руководила им и сумела использовать все имеющиеся в ее распоряжении средства и в том числе авторитет Совета.

Природа Московского Совета была такова же, как и природа всякого другого Совета; это был боевой союз социал-демократов, социал-революционеров и беспартийных рабочих, но с тем отличием от Петербургского Совета, что в этом боевом Союзе исключительным в л и я н и е м обладали большевики, что Московский Совет в своем развитии ушел значительно дальше Петербургского и, как это прекрасно выяснил сам же тов. Васильев в своей последней работе, был превращен большевиками в орган восстания революционного пролетариата.

Но, даже обладая этим влиянием, они вынуждены были прибегать к санкции Совета, ибо каким бы обаянием ни пользовались большевики, обаяние Совета было еще больше. И московские большевики это прекрасно понимали, когда вместе с рабочими создавали не только общегородской, но и районные Советы, и когда посылали своих депутатов в другие города организовывать Советы. О том, какое огромное значение имели районные Советы в дни вооруженного восстания в Москве, можно судить по воспоминаниям рабочего Ив. Петухова, рассказывающего о выборах Лефортовского Районного Совета, об участии рабочей массы в этих выборах и о том энтузиазме, который охватил рабочих, провожавших своих депутатов до места первого заседания. Характерно подчеркнуть следующий эпизод, — говорит т. Петухов, — когда от литейщиков был избран старый рабочий, по прозвищу Феофан, то он обратился к собранию с краткой речью. «Товарищи, — сказал он, — только теперь я понял, какая сила в единении рабочего класса. Я увидел, что всеобщим коллективным выступлением на борьбу со своими врагами, буржуями, можно добиться всех прав и свободы. Мне, старику, и во сне не снилось, что мне придется быть избранным для отстаивания наших рабочих прав и носить почетное' звание представителя Совета Рабочих Депутатов, но только мне думается, что без кровавой схватки в борьбе с нашими угнетателями дело» не обойдется, а поэтому мы, ваши избранники, просим вас поддерживать с оружием в руках ваши Советы Рабочих Депутатов».

Без Советов наша партийная организация, как бы сильна она ни была, как это показал 1917 год, повести за собой массы на вооруженную борьбу не могла, создать той атмосферы сочувствия и содействия, которая охватила десятки миллионов людей, не сумела бы. Так и в Москве, только уничтоживши стачечный комитет, где было множество представителей буржуазии, и создавши Московский Совет, большевики получили не только организацию, которая давала санкцию решениям большевистского центра, ставила печать, но и действительно была боевой организацией, неоформленным боевым союзом революционной социал-демократии с революционными рабочими. Отличие от Петербургского Совета состояло именно в том, что в этом боевом союзе промежуточные звенья между двумя

концами цепи (революционная социал-демократия — большевики и революционные рабочие) — социал-революционеры, меньшевики — были и менее сильны и менее многочисленны, Чем в Петербурге; существо же Совета, так сказать, природа его оставалась та же. Именно этот боевой союз позволил москвичам бросить низов самодержавию, именно этот союз создал вокруг большевистских дружин и большевистского центра ту огромную широкую массу рабочих, без которых нельзя было продержаться и дня, как бы сильны эти дружины ни были. Московский Совет был только дальнейшей ступенью в развитии, которая носит имя Совета: от боевого союза революционной социал-демократии, революционных демократов и революционных рабочих москвичи начали переход к следующему этапу, первую попытку к такому боевому союзу к такой цепи, из которой выпадают те промежуточные элементы, та самая р е в о л ю ц и о н н а я д е м о к р а т и я, т е с л о и, от каких с такими мучительными потрясениями происходила эмансипация в наше время.

Мы увидим далее, что Петербургский и Московский Советы как бы дна типа этой организации и что все остальные Советы, в других городах страны, приближаются то к петербургскому, то к московскому типу, подражают то Петербургу, то Москве, повторяя и выявляя в своем развитии существенные черты то Петербургского, то Московского Советов.

§ 18. Провинциальные советы

Вопрос о существовании Советов в провинции еще не вполне освещен. До настоящего времени было установлено существование Советов в следующих городах: в центральной России и на Севере — в Костроме, Саратове, Самаре, Мытищах, Твери, Орехове-Зуеве, Вятке, Екатеринбурге, Надеждинском и Воткинском заводах; на юге России — в Одессе, Николаеве, Киеве, Кременчуге, Екатеринославе, Юзовке, Мариуполе, Таганроге, Ростове-на-Дону; на Кавказе — в Новороссийске и Баку; в Сибири — в Красноярске, Иркутске, Чите; на западе России — в Белостоке и Смоленске и в Прибалтийском крае — в Либаве и Ревеле.

Существует давно установившееся мнение, что во всех перечисленных городах и местечках Советы возникли под влиянием Петербургского Совета, при этом высказывающие такое мнение полагают, что только толчок, данный из Петербурга, заставил рабочих и их партии прийти к этой форме организации. Действительно, большинство Советов организовалось в ноябре, а часть даже и в декабре. Так, в ноябре начали действовать Советы в городах Ростове-на-Дону, Одессе, Николаеве, Костроме, Самаре; в декабре — в большинстве остальных вышеперечисленных городов.

Больше того: мы знаем, что делегаты Петербургского Совета были в Москве, в Одессе и на Волге, посылал делегатов и Московский Совет, и, несомненно, их воздействие на провинциальные организации отрицать нельзя. Наконец, мы знаем, что идея рабочего, съезда имела сторонников среди меньшевиков в то время, и для осуществления ее они предпринимали определенные шаги, ухватившись за Советы, как за удобную организацию, при помощи которой можно созвать такой съезд. Все это бесспорно. Вне всякого сомнения, Петербургский Совет был большим толчком и примером, под воздействием которого стали возникать Советы и в других городах: революция нашла, наконец, в Петербурге ту форму организации, которая объединяла, действительно, широкие массы пролетариата, и. было бы странно, если бы Петербургский Совет не толкал рабочие массы остальной России к подражанию. Но за всем тем необходимо подчеркнуть, что везде, где возникали Советы, уже существовали, в том или другом виде зачаточ н ы х о р г а н и з а ц и й, из которых в ы росли Советы, не исключая Москвы, где идея Совета возникла еще в сентябре и где

преобладающее влияние большевиков содействовало дальнейшей эволюции Совета. Поэтому так легко везде возникали Советы, равняясь либо по Петербургу, либо по Москве в зависимости от соотношения сил, влияния и значения нашей партийной организации.

В самом деле, мы видели, что так происходило дело в Петербурге, где Совет вырос из многочисленных неоформленных депутатских организаций заводов и фабрик; так было и в Костроме, где Совет имел уже предшественника в июльские дни, так было в Москве, где московские печатники проделали опыт создания Совета в сентябре, так дело шло и в Екатеринославе и в Юзовке, где уже вскоре после январских событий организовалась «коалиция» или стачечные комитеты, из которых и выросли эти Советы. Так дело шло и в других городах. Остановимся на истории возникновения еще нескольких провинциальных Советов, взявши такие города, где Советы в своем развитии, повторяя опыт Петербурга и Москвы, вносили кое-что новое и своеобразное. В Ростове-на-Дону образование Совета теснейшими узами связано с существовавшими там стачечными организациями, — стачечные комитеты фабрик и, главное, железнодорожное бюро Владикавказской жел. дор. 6 ноября в Ростове вспыхнула стачка на табачных фабриках; на другой день стачечный комитет назначил на 11 часов дня на углу Пушкинской улицы и Казанского переулка собрание бастующих работниц и рабочих. Собрание мирно протекавшее (как раз напротив фабрики Асмолова) было неожиданно атаковано казаками, и началось дикое избиение. Избиение было настолько жестоко, что даже сам полицеймейстер, агент которого (пристав Гнедин) руководил избиением, впоследствии сознался, что расправа ничем не была вызвана и отличалась невиданной свирепостью и дикостью.

Растрата вызвала невиданное возмущение даже среди забитых фабричных работниц-табачниц. Поэтому, когда организованные рабочие стали звать табачниц на митинг в Новопоселенный сад, то работницы не только пошли сами, но, идя, заходили на заводы и звали с собой рабочих других фабрик и заводов.. Эта забастовка и послужила исходным пунктом организации Ростовского Совета. Председатель его товарищ Гурвич так рассказывает об организации Совета:

«...Перед нами стал вопрос, что нам делать. Организация наша состояла из достаточного количества кружков. Связь была по всем заводам и предприятиям Ростова, но мы еще не собирали наших членов на официальные собрания. Погром прошел недавно, настроение начальства было угрожающее, и потому мы официально открыть собрание не решались. В это время до нас дошла весть, что в Петрограде забастовкой руководил Совет Рабочих Депутатов. Тогда перед нами встал вопрос об образовании Совета Рабочих Депутатов. В организации началось обсуждение этого вопроса, обсуждение медленное, мы не знали, как взяться за это дело. Мало-помалу на тех заводах, где у нас была крупнейшая связь, стали выбирать депутатов, но дело шло медленно. В это время вспыхнула забастовка на табачных фабриках»...

«...Когда весть об избиении работниц распространилась, дело было сделано: то, что мы обдумывали в течение нескольких дней, то было сделано буквально в несколько часов, благодаря насилию, употребленным казаками. Через час после избиения работницы отправились в Новопоселенский сад, где часто проводились собрания забастовавших работниц.

Идя туда, они снимали рабочих с ближайших предприятий. Везде, куда доносилась весть об этом, рабочие самостоятельно бросали работу. Наши сознательные товарищи призывали к избранию депутатов. К 3 часам дня результаты выборов оказались настолько значительными, что было решено вечером того же дня созвать первое заседание Совета в

Нахичевани на частной квартире. Это было постановлено в 2 часа дня, а в 3 часа ко мне явился т. Дьяконов-Розанов и сообщил, что мы собираемся в главных мастерских». В приведенных словах т. Гурвича в высшей степени тонко подмечена та бурная стремительность, с которой действует революционная то, что днями и неделями обдумывается в кабинете руководителя организации, то своим революционным почином в течение нескольких часов проводит в жизнь революционная масса. Вечером 7 ноября в столовой главных мастерских Владикавказской железной дороги собрались депутаты забастовавших фабрик и заводов. Центральное Бюро железнодорожников, уже давно существовавшая стачечная и руководящая организация депутатского типа. Вначале это собрание еще не было собранием Совета; председателем собрания был Шведов, председатель железнодорожного Бюро, кадет, управленец. Собрание потребовало замены его представителем Донского Комитета, в лице которого ростовские рабочие уже давно видели своего представителя и выразителя своих стремлений и интересов. Председателем был избран Розанов-Дьяков (впоследствии был заменен Гурвичем).

После этого собрание объявляет в знак протеста против избиения работниц двухдневную забастовку и бойкот табачных изделий Асмолова и затем конституируется как Совет Рабочих Депутатов.

Так к моменту революционной борьбы, во время стачки, базируясь на стачечных организациях (железнодорожное Бюро, стачечные комитаты табачных фабрик и других заводов) возникает Ростовский Совет. Это происхождение Ростовского Совета наложило особый отпечаток на его состав: члены стачечных комитетов женщины-табачницы так и вошли в Совет, и вместе со вновь выбранными депутатками они составляли очень большой процент депутатов Совета, — даже Советы текстильного района, Ивановский и Костромской, не имели так много женщин в своем составе, как Ростовский Совет.

Впечатление от забастовки и объявленного Советом бойкота было огромно; после этого Совет становится настоящей силой и властью в Ростове.

Избранная Советом Исполнительная Комиссия не имела регулярных заседаний, ибо подавляющее большинство ее членов были социал-демократы и даже члены Донского Комитета, который фактически и был руководителем Совета. В этом отношении Ростовский Совет приближался к типу Московского Совета: влияние социал-демократии в Ростове среди рабочих было настолько велико, что и Ростовский Совет был, как выражается т. Васильев (Южин) о своем Московском Совете, могучим помощником социал-демократии, санкционируя решения Донского Комитета. Отсутствие регулярных действий Исполнительной Комиссии, быть может, объясняется тем чувством колоссального единодушия, которое всегда царило в Совете. Это объясняется тем, что большинство деятелей Совета было тесно связано революционным братством». Это революционное братство, это тесное слияние трех организаций — Донского Комитета, Исполнительной Комиссии и Бюро железнодорожников (об этом говорит т. Гурвич) и делало ненужным регулярные заседания Исполнительной Комиссии: часто тут же, в столовой, за перегородкой под шум общего собрания Совета или митинга заседал Донской Комитет, Исполнительная Комиссия, Бюро или три организации вместе, часто важнейшие решения принимались тут же на общем собрании Совета, так как все руководящие организации движения тесно слились в Совете. А Совет становился, действительно, силой. Его заседания происходили почти ежедневно, так как ежедневно на месте заседаний Совета (в столовой мастерских) шли митинги, с которыми подчас сливался и Совет. Что же делал Совет? На этих митингах и собраниях он давал уроки политической грамоты ростовскому рабочему. «Все¹ шли сюда, —

говорит Гурвич, — особенно рабочее население, с каждой мелочью повседневной жизни и каждым крупным вопросом политического бытия. Но была и главная цель — готовиться к дальнейшей борьбе, выяснять всей массе населения и рабочим смысл происходящих событий...» «...Это была громадная школа политического просвещения рабочего класса». Вот почему, быть может, Ростовский Совет не имел такой большой нужды в своем органе: газету ему заменяли ежедневные многотысячные митинги и собрания.

В состав Ростовского Совета входили не только рабочие крупных предприятий, но и представители ремесла (шляпочницы и самостоятельные мелкие профессии), профессиональные союзы не только рабочих, но и служащих, домашняя прислуга. Это был, действительно, боевой союз социал-демократии и революционных рабочих, но только, как и в Москве, здесь главную роль играли социал-демократы и революционные рабочие; промежуточные звенья, социал-революционеры, никакого значения не имели.

Характерной чертой Ростовского Совета является та тесная связь, какую он установил с ближайшими революционными организациями — с Батайской, Тихорецкой, Великокняжеской, Новороссийской, Екатеринодарской. В этом отношении Совету оказал огромную помощь железнодорожный союз, Бюро которого действовало в согласии с Советом и в руках которого находилась вся железнодорожная сеть Северного-Кавказа. Это обстоятельство делало из Ростовского Совета могучую, непобедимую власть над целым краем: в его руках находился ключ; к Кавказу, и при благоприятной ситуации этот ключ мог сыграть огромную роль в борьбе.

Еще одна замечательная черта характеризует Ростовский Совет: по мере того как события развивались, руководящую роль в Совете начинали играть все больше и больше представители левого революционного крыла социал-демократии, и, как только наступил решительный момент, единственными руководителями движения остаются; большевики: руководство вооруженным восстанием всецело находилось в руках большевиков, — Макса Бутягина, Васильченко, Анатолия Сабыны и Степана Войченки.

Так, по мере того как приближалась развязка, Совет становился чисто боевым органом вооруженного восстания и, как в Москве, был могучим орудием помощи в руках революционной социал-демократии. В нашу задачу не входит детальное описание возникновения и деятельности отдельных Советов, поэтому мы, чтобы уяснить себе природу этих организаций, остановимся еще на некоторых своеобразных, характерных чертах 1905 г.

Возьмем такой Совет, как Новороссийский. Новороссийский Совет Рабочих Депутатов официально начал свое существование с декабря 1905 года, но на деле его организация началась раньше, еще в октябре, тесно слившись с двумя революционными организациями, — социал-демократической организацией и железнодорожным Бюро, председатель которого Зелень играл большую роль в движении и был хорошо связан с Ростовом и Екатеринодаром. В октябре же социал-демократы и социал-революционеры приступили к организации боевых дружин, которые и явились вооруженным оплотом Совета.

Какой же характер носил Новороссийский Совет? В нем были ярко выражены все те черты, на которые указывает Ленин, определяя. Советы 1905 г.

Это был по составу боевой союз революционной социал-демократии, революционной буржуазной демократии и беспартийных революционных рабочих, ибо в состав его главного органа — Исполнительной Комиссии — входили социал-демократы (Попов, Николаев, Зелень и др.) и социал-революционеры (Лейбович, Калинин и пр.), а действия его носили

характер настоящих боевых действий с силами самодержавия.

Далее, Новороссийский Совет выявил все черты новой, самочинной, народной, революционной власти. Не говоря уже о том, что, как и все другие Советы, Новороссийский Совет проводил забастовки, пускал в ход и останавливал фабрики и заводы, захватывал типографии и т. п., он имел, кроме того, в своем распоряжении вооруженную силу, — собственные боевые дружины и городскую милицию; пользуясь этой силой, он разоружал городских и стражников в окрестностях Новороссийска, заставил фактически отказаться от власти губернатора, который, захвативши казну, укрепился на станции железной дороги, назначил свои, новые, революционные власти (губернатором был назначен Синюхаев, полицеймейстером — Гречкин, начальником гарнизона — Грозинский, начальником боевых сил — Дубровин и начальником почты и телеграфа — Лордкипанидзе) и приступил даже к организации таких институтов, как народный революционный суд в замену упраздненного самодержавного суда. Это была настоящая новая революционная власть, полная сил и обаяния, — власть, перед которой опускались даже винтовки казаков, которые отказались повиноваться забаррикадировавшемуся губернатору и, подчинившись новой власти, революционной, покинули Новороссийск. «Новороссийская республика» просуществовала до конца декабря и могла бы просуществовать и дольше, если бы самодержавие не справилось с главными очагами движения, — Петербургом и Москвой.

В Твери Совет Рабочих Депутатов, сконструировавшийся 21 октября (по расчету от 50 чел. один делегат), интересен как по характеру своего возникновения, так и по своей попытке поднять вооруженное восстание. Есть данные утверждать, что и в Твери исходными точками организации Совета послужили стачечные органы, созданные еще раньше октября тверскими рабочими. По крайней мере, один из самых активных работников Тверской большевистской организации и председатель Совета, ныне народный комиссар земледелия, А. П. Смирнов об этом говорит очень определенно: «Организация стачечных комитетов по всем фабрикам и заводам, также общегородского стачечного комитета (позднее переименованных в Советы Рабочих Депутатов) была произведена через несколько дней после 17 октября».

Это обстоятельство только еще раз подтверждает ту мысль, что во многих местах Советы вырастали прямо уже из готовых, боевых беспартийных организаций, созданных рабочими еще раньше октябрьской стачки.

Тверской Совет приближался гораздо более к Московскому, чем к Петербургскому. Совету. Так, он прямо признал руководство РСДРП (б). В резолюции, принятой большинством 193 против 5, Совет объявил, что «единственной истинной представительницей интересов всего угнетенного народа он признает РСДРП и в своей дальнейшей борьбе будет следовать руководству именно ЭТОЙ партии».

Задачи Совета заключались, по словам другого участника Тверской организации большевиков, т. Петрова-Широкова!, в поддержании связей с ЦК и крупными промышленными центрами, в руководстве политической и стачечной борьбой, в сборе денег и оказании-помощи нуждающимся и т. п.

Эти задачи тов. Широков приписывает стачечному комитету, стоявшему во главе Совета, комитету, очевидно, выполнявшему функции Исполнительной Комиссии других Советов.

Кроме руководства стачечным движением, Тверской Совет в декабре п ы т а л с я поднять и вооруженное восстание: дело дошло до постройки баррикад на дворе Тверской

Морозовской мануфактуры и до попытки произвести взрыв в здании Морозовской фабрики. Разгром. вооруженного восстания в Москве затушил и вооруженное движение Твери.

Вооруженным выступлением закончили свое существование и некоторые Советы Донецкого бассейна, напр., Юзовский Совет, Екатеринославский («Чечелевская республика») и другие.

К сожалению, о Советах в Донецком бассейне еще нет подробной работы, и трудно сейчас сказать, что за организации действовали во время восстаний в Александровке, Горловке и других пунктах, — были ли это только Советы железнодорожных депутатов, о каких говорит Ленин, или это были такие же Советы, как и в остальных местах страны.

В Екатеринославе, по словам т. А. Фабричного, руководящая роль в Совете принадлежала меньшевикам, «но во время всеобщей забастовки и восстания руководящая роль перешла к нам. «Боевой стачечный комитет» носил ярко выраженный большевистский характер. В «Боевой Стачечный Комитет» вошли Исполнительный Комитет Совета в полном составе, представители жел.-дор. союза и еще по два представителя социал-демократических комитетов (от нас вошли товарищи Андрей и Сергей) и один представитель от социал-революционеров. Точно не помню всего состава БСК. Самый Совет, т.-е. депутатское Собрание, продолжал существовать, и Боевой Стачечный Комитет перед ним отчитывался. Помню, как власть во время забастовки фактически перешла в руки Совета и как к нему официально обратился один из консулов с просьбой разрешить какому-то видному иностранному инженеру уехать из Екатеринослава. Железная дорога пропускала лишь с разрешения Совета так называемые делегатские поезда. Помню рассказ о том, как губернатор, увидев на стене своего дома прокламацию Совета, сказал с усмешкой: «вот наше новое начальство».

О Таганрогском Совете мы не имеем почти никаких документов, но все же можно сказать, что в организации и проведении декабрьской стачки Совет играл большую роль, сделавшись фактически властью в городе: после заседания 11 декабря, когда было постановлено начать политическую забастовку, город, действительно, замер, при чем прекратили свои функции не только заводы и фабрики, но и правительственные учреждения, как окружный суд, и всякого рода коммерческие предприятия (напр., частные банки).

Как и в Петербурге, Совет в Таганроге печатал свои известия, захватывая типографии вооруженной силой.

Из других провинциальных Советов, приближающихся по типу к Московскому по преобладанию в них большевиков, выделяются Николаевский, Либавский, Саратовский, Костромской, Екатеринбургский. Николаевский! Совет, организованный в дни ноябрьской забастовки, находился под руководством большевистской организации, хотя официально об образовании Совета извещал объединенный комитет социал-демократической организации г. Николаева. Судя по воспоминаниям участников, Совет некоторое время пользовался огромным влиянием среди населения и, пожалуй, был фактической властью, — собирал деньги, организовал помощь безработным, имел свою милицию и тому подобное.

Либавский Совет возник 14 декабря по предложению объединенного комитета местных социал-демократических организаций (по одному представителю от 200 рабочих; Костромской Совет был создан в первых числах ноября, находился под исключительным влиянием большевиков, руководил забастовкой, издавал свои «Известия»; Екатеринбургский Совет был организован, по-видимому, не позднее 19 ноября 1905 г., так как в

местной газете от этого числа есть сообщение о том, что Екатеринбургский Совет в составе 11 представителей от заводов уже функционирует. Интересно то обстоятельство, что организатором этого Совета являлся Я. М. Свердлов.

В возникновении Саратовского Совета заслуживает внимания та точка зрения, какой держалась Саратовская социал-демократическая организация при создании Совета в конце ноября. По отчету о заседании Саратовской социал-демократической организации видно, что саратовские социал-демократы смотрели на Совет, как на боевую стачечную организацию.

«Всякому понятно, — так излагается точка зрения саратовских социал-демократов, — что невозможно вести всеобщую стачку без общегородского стачечного комитета, а так как всеобщие забастовки сделались хроническими, то и боевая стачечная организация должна сделаться более или менее постоянной».

«Вместо того, чтобы каждый раз в момент возобновления стачки в суете и суматохе создавать стачечную организацию, гораздо лучше и практичней иметь всегда наготове необходимый технический аппарат в виде ОРД, который и в «мирное» время может оказать немалые услуги рабочему классу. Поэтому комитет высказывается за немедленную организацию Совета Рабочих Депутатов г. Саратова». В резолюции об образовании Совета комитет высказал очень определенный взгляд по этому поводу. «Саратовская организация РСДРП признает желательным и необходимым создание в г. Саратове выборного Совета Рабочих Депутатов для технического руководства массовыми выступлениями саратовского пролетариата и для обсуждения общих профессиональных нужд рабочего движения».

Советы Рабочих Депутатов в Одессе и в Баку, возникшие уже-после Петербургского Совета, были типичными меньшевистскими Советами; в их руководящих органах преобладали меньшевики, и потому вся их тактика, вся их деятельность в самые острые моменты политической борьбы носят на себе явные черты нерешительности, уклона в профессиональную сторону движения и отказа от решительных выступлений против старого строя.

Мы не имеем более точных и подробных сведений ни о Смоленском, ни о Боткинском, ни о Вятском, ни о Белостокском, ни о Совете на Надеждинском заводе, ни об Орехово-Зуевском и Мытищинском Советах, кроме того, что все они принимали участие в политических забастовках, что все они возникли уже после октября (за исключением Надеждинского, возникшего еще летом), так сказать, под влиянием примера и толчка, данного Петербургом, но очевидно, что эти Советы не имели того боевого характера, каким отличались даже такие, как, например, Новороссийский Совет.

Мы точно так же очень мало знаем и о крестьянских Советах 1905 г., но несомненно, что и этого рода организации имели много черт, сходных с теми, какими отличались Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Крестьянские революционные организации, иногда возникавшие самостоятельно, иногда, как отделения Крестьянского союза, разбросанные по всей стране, сплошь и рядом даже носившие название Советов Крестьянских Депутатов и нередко связанные с нашими рабочими Советами (как, например, в Твери или Новороссийске), по большей части являлись также боевыми революционными организациями.

Именно об этих организациях В. И. Ленин сказал в своей работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии» следующее: «Крестьянский союз рос со сказочной быстротой в период революционного вихря. Это была, действительно, народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, податливая к мелкобуржуазным иллюзиям крестьянина (как податливы к ним и наши социалисты-революционеры), но,

безусловно, «почвенная», реальная организация масс, безусловно-революционная в своей основе, способная применять действительно революционные методы борьбы, не суживавшая, а расширявшая размах политического творчества крестьянства, выдвигавшая на сцену самих крестьян с их ненавистью к чиновникам и помещикам, а не полуинтеллигентов, которые так часто бывают склонны сочинять всякие проекты сделок между революционным крестьянством и либеральными помещиками».

К сожалению, до настоящего времени мы имеем очень мало сведений о возникновении и характере Советов Крестьянских Депутатов. Борис Шумящий очень правильно отмечает характерную черту своего Красноярского Совета, когда говорит о том, что «Красноярский Совет вплотную подошел к проблеме власти». Эта черта в Красноярском Совете выявлена еще полнее и ярче, чем в Новороссийске. Но прежде чем остановиться на этом, необходимо подчеркнуть и еще одну новую черточку Красноярского Совета, как и других сибирских Советов, — Читинского и Иркутского: это были не только Советы Рабочих, но и Солдатских Депутатов. В Красноярском Совете из 120 человек депутатов только около 80 были рабочие, остальные приходились на долю солдат железнодорожного батальона, перешедшего на сторону рабочих. Рожденный, как и другие Советы, в дни революционной бури, своей исходной организацией Красноярский Совет имел так называемый Объединенный Стаечный Комитет, который образовался еще в середине октября, во время октябрьской забастовки, в котором руководящую роль играли большевики и в руках которого уже тогда находился Красноярск. Такой же характер носил и Совет в Чите, где рядом с Советом депутатов железнодорожников возник «Совет Солдатских и Казачьих Депутатов Читинского гарнизона», в Иркутске и других городах Сибири, где возникли Советы Солдатских Депутатов (Владивосток, Сретенск, Нерчинск, Харбин).

В Сибири развитие советской формы, стало быть, сделало еще один шаг вперед, охвативши новые революционные элементы, солдат и, значит, крестьян, так как большинство армии, конечно, было крестьянское.

«Объединенный Совет Депутатов от солдат и рабочих» в Красноярске официально был объявлен на митинге 6 декабря, хотя и Совет Рабочих и Совет Солдатских Депутатов продолжали существовать и отдельно. Как только было достигнуто это объединение, вся власть в городе перешла в руки Совета, и в течение того недолгого времени, что существовал Совет, он был не только зародышем новой власти, — он стал единственной революционной властью в городе. Что это действительно так, — видно из того, что все функции старой городской думы и старых царских властей перешли к Совету. Если Новороссийский Совет только прекратил действия старого царского суда, если он только намеревался разработать новый избирательный закон о городской думе, то Красноярский фактически принялся за строительство новой жизни; были организованы секции: муниципальная, охраны порядка в городе и на железной дороге, охраны труда, охраны здоровья, искусства и зрелищ и управления губернией, т.-е. решительно все функции власти — административная, хозяйственная, судебная и военная, — все это перешло к новой власти. Новый суд, новая администрация, новые избирательные нормы, свободная печать, свобода собраний, слова, союзов, — все это вводилось, поддерживалось, охранялось вооруженной силой рабочих и солдат, добровольно защищавших свою народную власть, вплоть до подавления Совета самодержавием.

Красноярский Совет поэтому, быть может, является самым ярким прообразом тех новых Советов, которые существуют сейчас, ибо уже тогда, в 1905 г., он ярко выявил все

существенные черты советской формы, как органа власти, — самочинность своего революционного возникновения, поддержка его вооруженным народом, смена старых властей и учреждений и замена их новыми органами власти и учреждениями, опирающимися на волю подавляющей массы населения.

Такие же явления, как в Красноярске, происходили и в других: городах Сибири, и везде, где только возникали формы, подобные той советской форме, какая возникла в Красноярске, — везде она представляла в большей или меньшей степени тот боевой союз, о котором говорит Ленин. Действительно, в Красноярске в состав Совета входили, кроме беспартийных рабочих и большевиков, меньшевики (левые из них участвовали и в восстании) и социалисты-революционеры, т.-е. та самая революционная демократия, представители которой заседали и в других Советах. Но всюду социал-демократы являются руководителями движения и всюду во главе идет революционная часть социал-демократии — большевики. «Руководителями движения, — говорит Д. Зайцев, — председателями митингов и членами стачечных комитетов везде являются социал-демократы. Социал-демократические комитеты в Красноярске, Томске и Иркутске приняли характер временного правительства». И не только в этих трех городах, но и в других пунктах Сибири новые органы революционной власти совершали революционные акты, упразднявшие старую власть. Если, например, в Чите совершался «переход в общественную собственность железной дороги, почтово-телеграфных учреждений и отчасти земель и золотых промыслов кабинета», то подобные же явления происходили и в других местах.

Таким образом, и в Сибири, как и в Европейской России, сущность новых органов власти была одна и та же.

§ 19. Структура советов

Как же были организованы Советы? Какова их структура?

Прежде всего, какие избирательные нормы были положены в основу Советов?

Единообразной избирательной нормы, разумеется, Советы 1905 г. не имели. Петербургский Совет, как известно, положил в основу избирательной единицы число пятисот, при чем эта норма досталась ему в наследство еще от выборов в комиссию Шидловского. Московский Совет последовал в этом отношении за Петербургом. В Одессе выборы производились от каждых ста человек, в Костроме выбирали одного депутата от 25 человек, в других городах выборы производились без всяких точно установленных правил (Новороссийск, Екатеринослав), но везде выбираемые депутаты выбирались решительно всеми рабочими и гражданами тех предприятий и учреждений, где производились выборы. Завод и фабрика — вот главная цитадель Советов. Выборы происходили без всякого ограничения, в них принимала участие вся масса революционных рабочих, а во многих местах — и мелких служащих. Обаяние Советов было так велико, что на выборы в Советы в некоторых городах претендовали даже мелкие торговцы (напр., в Новороссийске).

Во всяком случае, подавляющее большинство рабочих объединялось Советами, — в таких городах, как Петербург, Москва, Екатеринослав, почти все рабочие входили в Советы. В Петербурге наивысшее число депутатов было 562 чел., при чем на долю фабрик и заводов приходилось 508 чел., что при норме 500 чел. дает 254 тысячи чел. рабочих; в Москве максимум депутатов было число 204 от 134 фабрик и заводов, что при той же норме дает около ста тысяч рабочих; в Костроме — 500 депутатов, что при норме © 25 чел. дает 12,1/2 тысяч рабочих, и т. п.

Организация Советов шла двумя различными путями, — организовался сразу общегородской Совет, как в Петербурге, Ростове, Новороссийске и других местах, или рядом с общегородским Советом устраивались и районные Советы, как в Москве и Одессе, при чем и здесь организация шла разными путями: в Москве члены районных Советов посылали в общегородской своих представителей, но общегородской строился независимо от районных Советов; в Одессе же, напр., Совет выбирался сначала по районам, и эти районные Советы собираясь вместе и -составляли общегородской Совет (три районных совета были: Пересыпский, Городской и Дальницкий).

Как общее правило, Советы избирали исполнительный орган, называвшийся то Исполнительным Комитетом, то Исполнительной Комиссией, при чем в некоторых Советах и Исполнительный Комитет составлялся из Исполнительных Комитетов районных Советов (Одесса).

Некоторые Исполнительные Комитеты избирали, в свою очередь, Президиум. Совет выбирал председателя, который чаще (всего был и председателем Президиума, секретарей и других должностных лиц.

Жалованья члены Совета, конечно, не получали, так как Советы располагали небольшими средствами, поступавшими из добровольных взносов и членских отчислений рабочих. Кроме указанных органов, почти все Советы немедленно же создавали много подсобных организаций, — комиссию помощи безработным, комиссию митинговую, издательскую или редакционную (где имелись «Известия»), финансовую и т. п., и там, где Советы руководили восстанием или становились настоящими органами власти, создавали боевые дружины, милицию (Новороссийск, Одесса, Красноярск, Екатеринослав, Юзовка, Мариуполь, Тверь и т. д.), назначали начальников боевых дружин, начальников разных городских учреждений (почты, телеграфа, железных дорог и т. п.), как, напр., в Красноярске, Чите, Новороссийске и других местах.

Некоторые Советы обладали солидными вооруженными силами, как Красноярский, Читинский и т. п.

Далеко не все Советы располагали своими органами. Следующие Советы издавали специальный советский орган — «Известия Совета Рабочих Депутатов»: Петербургский, Московский, Одесский, Костромской, Бакинский, Новороссийский, Юзовский, Мариупольский, Вятский, Таганрогский. Прочие Советы, как Ростовский, пользовались легальной прессой, печатая в ней свои отчеты, или считали своей прессой прессу партийную, как это было в Красноярске, где «Красноярский Рабочий», газету Красноярской социал-демократической организации, с полным правом можно считать советской газетой (так же было и в Чите, где издавался «Забайкальский Рабочий»).

Печатались «Известия» либо захватным порядком, либо в постоянных типографиях, как в Красноярске.

Все Советы без исключения издавали и печатали тем или иным путем резолюции, постановления, воззвания, листки, прокламации и тому подобное.

Печатные произведения некоторых Советов, как, напр., Петербургского, имели огромное агитационное значение и оказали могучее влияние на рабочих всей России.

В составе решительно всех Советов принимали участие представители двух революционных партий — социал-демократов и социалистов-революционеров, при чем преобладающую роль в них играли социал-демократы — меньшевики или большевики, смотря по соотношению партийных сил в данном городе: какова была партийная физиономия города, таково было и лицо Совета.

Представители профессиональных организаций, и в особенности железнодорожников, играли также большую роль в Советах.

В общем же никаких твердо установленных норм, так сказать, конституции Советов, не было: они только намечались, рождаясь под давлением обстоятельств в каждом городе в зависимости от своеобразных условий места и времени.

§ 20. Эволюция советов

В течение своего недолгого существования Советы 1905 года пережили своеобразную эволюцию, если так можно назвать тот бурный своеобразный процесс, который протекал в течение одного лишь года, начиная с январских дней по декабрь, когда Советы были раздавлены подавляющей силой врага, а члены их либо погибли в бою, либо пошли на каторгу, в ссылку, тюрьму или эмиграцию.

Советы возникли и выросли из тех форм коллективного революционного творчества, которые были созданы рабочими всей России тотчас же после январских событий, — стачечных комитетов, выборных институтов (выборщиков, депутатов, старост), железнодорожных бюро, боевых комитетов на заводах, стачечных комитетов в полках, батальонах, — словом, всех тех боевых революционных органов, старых по форме, но новых по своему характеру и содержанию, имевших своей первой и главной задачей руководство революционной борьбой рабочих с самодержавием и буржуазией.

Вместе с ходом революционной борьбы изменялись и эти организации: то тут, то там эти организации усложнялись и расширялись, охватывая все более и более широкие массы рабочих.

Наиболее ранними формами этих организаций были: Иваново-Вознесенский Совет весны и лета 1905 года, затем Костромской июльский Совет и Совет рабочих типо-литографий в сентябрьские дни в Москве и, быть может, Совет в Надеждинском заводе.

В этих организациях уже намечаются некоторые черты будущих Советов: они называют себя Советами Депутатов, они выбирают нечто аналогичное Исполнительному Комитету (Президиум, Исполнительную Комиссию) и некоторые другие органы — комиссию для помощи безработным, финансовую комиссию и т. -п., они, наконец, объединяют не только рабочих одного предприятия или группы предприятий (печатники в Москве), но и всех рабочих всех предприятий данного города (Иваново-Вознесенск). Это уже не простые стачечные комитеты, но это еще и не типичные Советы 1905 г.

В октябре, в момент величайшей из забастовок в мире, создается Петербургский Совет, а за ним возникают и Советы в других городах и совершенно самостоятельно в Москве, где уже в сентябре мысль о Совете висит в воздухе.

Петербургский и Московский Советы являются двумя типами Советов. Оба они боевой союз революционной социал-демократии с революционной демократией и беспартийными революционными рабочими, в то время как в Петербурге революционная демократия (меньшевики и социал-революционеры) занимает преобладающее значение, в Москве боевой характер Совета выражен резче и влияние находится всецело в руках именно левого крыла революционной социал-демократии — большевиков.

Все остальные Советы приближаются то к типу Петербургского, то Московского; Одесса, Киев, Баку и подобные им приближаются к первому типу, Красноярск) Новороссийск, Ростов, Тверь и так далее — к московскому типу, при чем и эти Советы переживают эволюцию в ходе революции, отбрасывая нерешительные, соглашательские

элементы, по мере приближения к развязке, к вооруженному восстанию.

Наконец, кульминационный пункт революционного движения вовлекает в свой круговорот и армию, и создаются, главным образом, в Москве и в Сибири Солдатские Советы, то в виде отдельно существующих организаций, то сливаясь с Советами Рабочих.

Советы становятся организаторами и руководителями восстания и сливаются с чисто боевыми партийными организациями.

Преобладающую роль в Советах играют металлисты, но постепенно в них вовлекаются и более отсталые слои рабочих,

Вместе с тем все ярче и резче выявляются в Советах и зародыши новой революционной власти, прообраз нашей диктатуры пролетариата и крестьянства.

Советы, как говорит Ленин, являются продуктом самобытного, народного, революционного творчества, и, действительно, они охватывают, главным образом, массы русского пролетариата: Петербург, Москва, Тверь, Иваново-Вознесенск, Кострома, Саратов, Самара, Екатеринослав, Ростов, Орехово-Зуево, Новороссийск, Красноярск, Чита, Николаев, Одесса, Киев — города либо с исключительно русским населением, либо с преобладанием его; Советы на окраинах страны (за исключением Ревеля, Белостока, Баку, Сибири) немногочисленны: там как в январе, так и теперь, в октябрьские и декабрьские дни, во главе движения стоит исключительно партийная организация, — стачечные, военно-боевые, военно-революционные комитеты.

«У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, — писал Ленин в 1905 году, — есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегия. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контрреволюцией возможно «единство воли» пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов.

«Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм».

Это будущее стало нашим настоящим, но оно стало настоящим только потому, что в прошлом русский рабочий класс под руководством своей партии заложил основы той самой диктатуры, имя которой — С о в е т ы .

Что это, действительно, так, что наша партия, именно большевики, еще в 1905 году, заложила основы Советской власти, — об этом свидетельствуют все только что изложенные факты.

С первого взгляда, разбираясь в тех резолюциях и статьях, какие были вынесены и написаны большевиками в конце 1905 г., может показаться, что большевики коренным образом изменили свои взгляды на Советы на протяжении нескольких месяцев. Действительно, в известном «Письме ко всем партийным работникам» ЦК РСДРП от 27 октября высказывался тот взгляд, что Совет Рабочих Депутатов есть политически не оформленная и социалистически незрелая организация, могущая объективно задержать пролетариат на примитивном политическом уровне и тем самым подчинить его буржуазному влиянию. Отсюда выдвигалась задача побудить Совет принять программу и тактику социал-демократической партии. По принятии этой программы Совет должен признать (руководство партии «и в конечном счете раствориться в ней») В случае отказа Совета принять нашу программу социал-демократы должны выступить из Совета и разоблачить его антипролетарский характер; в случае же если Совет откажется принять определенную программу и будет в каждом данном случае определять свою политику, социал-демократы останутся в Совете, развивая собственную программу и доказывая всю бессмысленность подобной тактики Совета.

В сущности, говоря, большевики оставались верны резолюциям III съезда и только развивали более конкретно мысль, выраженную в пункте «б» резолюции по вопросу об открытом политическом выступлении РСДРП, принятой на этом съезде. В этом пункте говорилось: «Использовать все легальные и полулегальные рабочие общества, союзы и другие организации для обеспечения преобладающего влияния на них социал-демократии и превращения их, по мере возможности, в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России».

Превратить революционную беспартийную рабочую организацию в опорный пункт партии — это, однако, не значит уступить такой организации гегемонию партии.

Вполне естественно, наоборот, со стороны партии добиваться, чтобы революционная беспартийная организация признала руководство партии, ее программу и тактику.

Большевики оставались верны резолюциям III съезда и идее о революционной диктатуре пролетариата и крестьянства, развитой уже в июле 1905 года в работе Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

Весь вопрос заключался в том, как применить эти резолюции и идеи работы Ленина к конкретной действительности.

Здесь не все большевики и не сразу разгадали сущность Советов, и даже сам Ленин в соответствии с изменившейся конкретной обстановкой различно квалифицировал различные Советы.

Первый раз Ленин высказался о сущности Советов в конце ноября 1905 г. в статье «Социализм и анархизм», определяя природу Совета, как боевую организацию и как широкий неоформленный боевой союз революционных социалистов, революционных демократов и революционных беспартийных рабочих. Но и здесь, в этой статье, Ленин подчеркивает признание Советами руководства социал-демократической партии. Стало быть, никаких разноречий во взглядах Ленина в ноябре 1905 г. и в мае — июле 1905 г. нет.

Только в январе 1906 г., говоря о социал-демократической полемике по поводу выборов в Государственную Думу и возражая против попытки меньшевиков помимо Думы осуществить передовые стремления в форме какого-либо нелегального представительства, Ленин подчеркивает, что хотя Советы и возникли революционным путем, но никакая беспартийная организация не может заменить боевой партийной организации

Такая беспартийная революционная организация может иногда дополнить, но не может заменить партийной боевой организации. И здесь нет противоречия той идее о диктатуре пролетариата, которая была развита Лениным уже в мае и июле 1905 г. Правда, здесь нет и определения природы Совета, как зародыша новой революционной власти; но это было возможно сделать только учтя опыт декабрьских событий и роль в них Советов. Как только это было сделано (а сделано это было в феврале 1906 г.), так сейчас же и появилось то определение Советов, какое Ленин дал в работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии».

Из только что сказанного следует, что во взглядах Ленина по вопросу о Советах противоречий нет, а есть только развитие этих взглядов, их уточнение и расширение, по мере того как расширялось и уточнялось изучение Лениным опыта декабрьских дней: определения природы Советов, данные Лениным в марте, и есть определение Советов, как таких организаций, которые по сути дела и были практическим осуществлением той диктатуры, о какой Ленин говорил в работе о двух тактиках. Таким образом, мы видим, что мысль о руководстве нашей партии в Совете проходит красной нитью в той оценке, какую давал Ленин Советам и партии во время их борьбы в декабрьские дни.

Но мы видели, что и на деле там, где Советы, действительно, были боевыми

революционными организациями, где они были аппаратами и организациями вооруженного восстания, там большевики стояли во главе Советов, там руководство находилось в руках большевиков.

Так прежде всего дело происходило в Москве, так же дело шло в Екатеринославе и вообще в Донецком бассейне, так было во время вооруженного восстания в Ростове-на-Дону, в Красноярске, в Чите, Новороссийске, так было везде, где преобладали большевики, где была инициатива в их руках.

Та самая диктатура пролетариата и крестьянства, идея которой была развита Лениным, как мы видели, была временно осуществлена именно теми Советами, где они, становясь органами восстания, становились вместе с тем и органами власти, а органами власти они становились там, где руководителями пролетарских и крестьянских масс были большевики, разделявшие и отстаивавшие идею диктатуры. Вот почему мы с полным правом можем сказать, что именно под руководством нашей партии большевиков в 1905 г. пролетариат заложил основы той самой диктатуры, имя которой Советы⁹.

§ 21. Петербургские большевики в период нарастания и наивысшего подъема революции в мае декабре 1905 года

21. 1. Руководство большевиков революционным движением в Петербурге весной и летом 1905 года

Весна и лето 1905 года были периодом дальнейшего развития и углубления революции. Русские рабочие и крестьяне, угнетенные народы нерусских национальностей под руководством большевиков продолжали героическую борьбу против самодержавия. К тому времени еще более обострились объективные экономические и политические причины, которые привели к революции.

Самодержавие своей преступной политикой вело Россию к экономической катастрофе. Хозяйственный организм страны трещал по всем швам. «...1905-ый год, — указывал В. И. Ленин, — был годом экономической депрессии, т. е. упадка промышленности...»

В 1905 году в России было выплавлено чугуна на 14,5 млн. пудов меньше, чем в 1904 году. За этот же период добыча угля снизилась на 51 млн. пудов, нефти — на 200,5 млн. пудов, а производство стали уменьшилось на 17,2 млн. пудов. Производство продукции хлопчатобумажной промышленности снизилось на 10%.

На экономике страны сильнейшим образом отражались последствия русско-японской войны, перебои в работе транспорта.

Даже по официальным, заведомо преуменьшенным данным⁹ военная авантюра царизма стоила русскому народу свыше 120 тысяч человеческих жизней, потери флота, части территории и огромных материальных средств, определявшихся не меньше, чем в 4 — 5 млрд. рублей.

По Портсмутскому миру, заключенному 23 августа (5 сентября) 1905 года, Россия уступила Японии весь Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, южную ветку Китайско-Восточной железной дороги, южную половину Сахалина, отказалась от Маньчжурии,

⁹ См., 1905. т. Третий, М., - Л., 1925, 304с.

признала протекторат Японии над Кореей.

В расстройство пришла вся финансовая система царской России. За время войны государственный долг возрос более чем на 1,5 млрд. рублей, количество кредитных билетов, находившихся в обращении, увеличилось с 578 млн. рублей в 1904 году до 854 млн. рублей в 1905 году. Рост выпуска бумажных денег привел к обесцениванию рубля.

За всеми этими явлениями, расшатывавшими экономику страны, последовало прекращение платежей по кредитам и займам, а также импорта капитала, новое сокращение экспорта товаров.

Недород, охвативший большинство земледельческих губерний, резко ухудшил продовольственный баланс страны. В 1905 году валовой сбор хлеба составил всего 3 млрд. 783 млн. пудов, т. е. на 634,5 млн. пудов меньше, чем в 1904 году.

Тяжелые последствия войны, усиление промышленной депрессии, резкое расстройство финансовой системы, неурожай 1905 года — всё это привело к прогрессирующему ухудшению материального положения широких слоев населения, к резкому снижению жизненного уровня трудящихся.

В этих условиях недовольство народных масс существующим строем всё нарастало, усиливалась борьба против самодержавия. Волны забастовочного движения и крестьянских восстаний распространялись всё шире и шире по всей территории царской России.

Дальнейшему развитию рабочего и крестьянского движения в стране способствовало организационное укрепление большевистских организаций, улучшение постановки агитационной и пропагандистской работы, усиление связи партии с массами.

Революционная борьба пролетариата с каждым днем принимала всё более организованный характер. Забастовки теперь, как правило, начинались не стихийно, а после предварительной агитационной и организационной подготовки. В этот период количество политических стачек значительно возросло не только у металлистов, но и у текстильщиков. Всё чаще происходили открытые столкновения рабочих с полицией и войсками.

Весенне-летний период развития первой русской революции начался первомайскими политическими стачками. В обстановке острого политического кризиса и нарастания революции празднование 1 мая приобретало особенно важное значение. Перед 1 мая в стране была распространена прокламация, написанная Лениным и изданная Бюро комитетов большинства и газетой «Вперед».

Ленинская прокламация призывала рабочих и крестьян сплачивать свои силы «для новой, неустанной, непреклонной борьбы за свободу, равенство и братство» и готовиться к вооруженному восстанию для свержения царизма. «Пусть первое мая этого года будет для нас праздником народного восстания, — давайте готовиться к нему»... — говорилось в прокламации. Ленин далее указывал, что «час восстания еще не пробил, но он уже не далек».

Исходя из указаний Ленина, петербургские большевики готовились к 1 мая как к смотру организованности пролетариата, его готовности к предстоящему вооруженному восстанию. Петербургский комитет РСДРП решил отметить первомайский праздник стачкой, митингами, сходками, массовками. Комитет выпустил две листовки, в которых призывал рабочих объявить 1 мая всеобщую забастовку.

«Пусть ни один завод, ни одна фабрика не работают в дни 1 и 2 мая, пусть к забастовке заводских рабочих примкнут и все наемные служащие, ремесленники, наборщики, приказчики, конторщики, булочники, кондукторы, извозчики».

Так как 1 мая 1905 года приходилось на воскресенье, то ПК призывал в этот день к забастовке рабочих тех фабрик и заводов, которые обычно работают по воскресеньям, а также

рабочих железных дорог, трамваев, конки. Петербургский комитет призывал всех рабочих столицы провести забастовку 2 мая, а 1 мая устраивать маевки, митинги. В день 1 мая, указывалось в листовке, рабочие должны выставить требование 8-часового рабочего дня, созыва Учредительного собрания временным революционным правительством, полной свободы слова, собраний, союзов. ПК призывал петербургских рабочих объединиться под знаменем РСДРП и готовиться к вооруженному восстанию.

Петербургские большевики развернули широкую подготовку к празднованию 1 мая. На всех крупных заводах и фабриках были проведены собрания рабочих, посвященные этому вопросу. 25 апреля в лесу около поселка Балканы состоялась сходка 400 рабочих Ижорских заводов. Многие рабочие были вооружены револьверами и практиковались в стрельбе. Первомайские сходки рабочих происходили 26 и 27 апреля за Колпинским кладбищем и в Колонистском лесу. Буржуазная газета «Сын отечества» сообщала о митингах рабочих Невской заставы, состоявшихся 28 и 29 апреля в районе Шлиссельбургского тракта, и о сходках рабочих за Нарвской заставой, на которых обсуждался порядок проведения праздника.

Большевистские ораторы выступали на собрании обуховцев 28 апреля по поводу предстоящего празднования 1 мая; среди рабочих была разбросана пачка прокламаций. На Путиловском заводе большевики распространяли во всех цехах прокламации Петербургского комитета РСДРП о праздновании 1 мая.

По-своему готовилось к 1 мая царское правительство. В Петербурге, как и в других крупных городах страны, были усилены наряды полиции и городских, все войска приведены в боевую готовность.

Несмотря на принятые правительством меры, направленные к срыву первомайского праздника, день 1 мая был отмечен в столице митингами и массовками. На Путиловском заводе при огромном стечении рабочих всех мастерских первомайский митинг прошел накануне, 30 апреля, а в день 1 мая путиловские и охтенские большевики организовали за городом в лесу маевку рабочих.

«Триста человек путиловских и охтенских рабочих сгрудились вокруг высокого пенька, с которого говорил оратор. В прежние годы собрать такую большую массовку было невозможно. На деревце развевался красный флажок. Голоса ораторов звучали громко, уверенно».

В маевке, организованной на Охтенском заводе взрывчатых веществ, приняли участие рабочие заводов Титова и Охтенского порохового, а также полигона. Рабочие собрались в лесу Санкт-Петербургской земледельческой колонии. Выступал агитатор Выборгского районного комитета партии.

Многочисленные первомайские митинги рабочих состоялись за Невской заставой на Преображенском кладбище и в саду Невского общества народных развлечений. С большим подъемом провели первомайский митинг рабочие Металлического завода на Выборгской стороне. Докладчик от Петербургского комитета разъяснял рабочим задачи развивавшейся революции.

2 мая на ряде заводов и фабрик Петербурга была проведена стачка. В этот день бастовали такие крупные предприятия, как Невский судостроительный завод, Металлический, Вагоностроительный, Леснера, фабрика Паля и др.

В день 1 мая политические митинги прошли в Москве, Харькове, Ростове и ряде других городов. В Варшаве, Риге, Ревеле политические стачки сопровождались столкновениями рабочих с войсками и полицией.

Первомайские стачки, митинги, массовки, сходки ярко свидетельствовали о нарастании революционной энергии и политической активности рабочего класса. В то же время празднование 1 мая 1905 года явилось могучим средством мобилизации сил пролетариата.

Май 1905 года в Петербурге был началом нового подъема революционного движения. Лишь на фабриках и заводах, подведомственных фабричной инспекции, в этом месяце насчитывалось 152 тысячи стачко-дней. Вагоностроительный завод в полном составе бастовал 12 дней, завод Лесснера — 14, телефонная фабрика Эриксона — 15, фабрика шерстяных изделий Торнтон — 11 дней и т. д.

В течение всего мая бастовали рабочие Петербургского порта. Они требовали введения 8-часового рабочего дня, организации страхования, улучшения медицинской помощи, неприкосновенности личности и жилища для своих выборных представителей. Эти требования не были выполнены, и борьба рабочих порта продолжалась и в последующие месяцы. Рабочие писчебумажной фабрики Паллизена потребовали от администрации увеличения заработной платы, увольнения наиболее ненавистных мастеров. Чтобы придать большую силу своим требованиям, рабочие 7 мая объявили стачку, которая продолжалась 2 дня.

Под влиянием большевистской агитации стачечное движение в Петербурге, как и по всей стране, росло, ширилось и принимало всё более ярко выраженный политический характер. Всюду проходили митинги и демонстрации.

30 мая 1905 года рабочие Балтийского завода на собрании, на котором присутствовало до 6000 человек, горячо обсуждали вопросы текущих событий, положение на фронте и, выражая глубокое возмущение политикой царского правительства, вынесли постановление об усилении борьбы за созыв Учредительного собрания.

В мае 1905 года на многих предприятиях Петербурга широко развернулось массовое движение за сокращение рабочего времени. На Обуховском, Путиловском, Вагоностроительном, Ижорских и других заводах рабочие революционным порядком устанавливали 9-часовой рабочий день. Большевики возглавили это движение.

Петербургский комитет РСДРП в листовке «Забастовавшим товарищам» указывал, что 9-часовой рабочий день — слабый, нерешительный, но всё-таки шаг вперед. Большевики, говорилось в листовке, поддержат все усилия рабочих масс добиться улучшения своего положения, увеличения заработной платы, а особенно сокращения рабочего времени. Одновременно большевики указывали, что программным требованием партии, закрепленным и освященным кровью трудящихся в январские дни, является требование 8-часового рабочего дня. «Это требование выставлено нашей партией, — разъяснял Петербургский комитет, — и мы от него не отступим».

В результате упорной борьбы на Обуховском и Ижорских заводах был установлен 9-часовой, а на Патронном заводе и заводе Военно-врачебных заготовлений — 8-часовой рабочий день.

Среди летних стачек 1905 года особенно выделяется стачка иваново-вознесенских рабочих. Она длилась почти два с половиной месяца — со второй половины мая до начала августа. В стачке, руководимой Северным комитетом большевиков, принимало участие около 70 тысяч рабочих, среди которых было много женщин. В период стачки рабочие создали Совет уполномоченных, явившийся одним из первых Советов рабочих депутатов в России.

Стачка закалила рабочих. Она показала образец мужества, стойкости, выдержки, солидарности рабочего класса и послужила настоящей школой политического воспитания иваново-вознесенских рабочих.

Особенно острый характер носила стачечная борьба в крупном промышленном центре

Польши — городе Лодзи, где стачка переросла в вооруженную битву рабочих с войсками. Рабочие Лодзи покрыли город десятками баррикад и в течение трех дней (9 —11 июня по старому стилю) вели с царскими войсками уличные бои. Это было первое вооруженное выступление пролетариата России.

Оценивая выступление лодзинских рабочих, Ленин писал: «Вооруженное восстание растет и вглубь и вширь. Новые жертвы царских палачей — в Лодзи убито и ранено до 2000 чел. — зажигают пламенной ненавистью к проклятому самодержавию новые десятки и сотни тысяч граждан. Новые вооруженные битвы показывают все нагляднее и нагляднее неизбежность решительной вооруженной борьбы народа с вооруженными силами царизма. Из отдельных вспышек все больше вырисовывается картина общероссийского разгорающегося пожара».

Новым крупным шагом в развитии революционного движения против самодержавия было восстание в Черноморском флоте на броненосце «Потемкин», вспыхнувшее в июне 1905 года.

В. И. Ленин, получив известие о переходе броненосца «Потемкин» на сторону революции, считал необходимым принять меры, чтобы связать движение моряков с движением рабочих, крестьян и местных гарнизонов. Ленин поручил большевику М. И. Васильеву-Южину, отъезжавшему тогда в Россию, установить тесную связь с социал-демократической организацией, руководившей восстанием в Черноморском флоте.

В статье «Революционная армия и революционное правительство» В. И. Ленин писал: «Рубикон перейден. Переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром. Новые еще более энергичные попытки образования революционной армии последуют неминуемо за событиями в черноморском флоте». Дело партии, указывал В. И. Ленин, «поддержать всеми силами эти попытки, разъяснить самым широким массам пролетариата и крестьянства общенародное значение революционной армии в деле борьбы за свободу, помочь отдельным отрядам этой армии выдвинуть общенародное знамя свободы, способное привлечь массу, объединить силы, которые бы раздавили царское самодержавие».

Классовые бои в ряде рабочих центров страны оказали большое влияние на революционное движение в Петербурге. Петербургский комитет РСДРП в специальной листовке рассказал рабочим об этих событиях и призвал пролетариат столицы к политической забастовке. «Кровавая борьба в Лодзи, Варшаве и Одессе требует, чтобы мы отозвались на нее, поддержали наших, уже вступивших в открытую борьбу, товарищей», — писал Петербургский комитет, воспитывая у рабочих чувство пролетарской солидарности.

Движение протеста петербургских рабочих против кровавой расправы царизма с рабочими Лодзи и других городов сочеталось с политической стачкой протеста против империалистической войны и новой мобилизации. 16 июня вышел царский указ о проведении в Петербургской и ряде других губерний мобилизации в армию. Большевики решили сорвать мобилизацию. Все силы были брошены на заводы и фабрики для проведения бесед, собраний и митингов.

Большевики разъясняли рабочим, что мобилизация объявлена не для войны с Японией, а для подавления восставшего народа, что долг петербургских рабочих — поддержать борцов Лодзи, Варшавы, Одессы и сорвать мобилизацию. Листовка «Новая мобилизация», выпущенная ЦК РСДРП, разоблачала контрреволюционные цели царской мобилизации и призывала рабочих направить все силы для борьбы с самодержавием. В этой листовке, которая была распространена Петербургским комитетом на всех предприятиях столицы, говорилось: «На царскую мобилизацию мы ответим иной, мы мобилизуем все силы рабочего

класса и поведем их не против японцев, а против злейшего врага России — против царского правительства. Долой войну! Долой самодержавие! Да здравствует РСДРП!»

На призыв большевиков объявить политическую стачку дружно откликнулись путиловцы. Еще до этого весь май и первую половину июня на заводе не прекращались волнения. Ежедневно происходили стычки рабочих с администрацией, которая репрессиями пыталась заставить рабочих прекратить борьбу. С завода было уволено 180 кузнецов. Но это только обострило обстановку. 20 июня рабочие Путиловского завода в знак протеста против войны и мобилизации в царскую армию объявили забастовку, предъявив в то же время частные требования к администрации.

Большевистская газета «Рабочий» писала о забастовке путиловцев: «Товарищи-путиловцы дружной сознательной забастовкой выразили могучий протест против мобилизации, а затем к политическому требованию „Долой войну!“ присоединены были экономические: 9-часовой рабочий день, прибавка заработка в размере 20% и принятие на работу всех уволенных товарищей. Забастовка протекала твердо, и об уступках не было и речи».

Два дня над заводом развевался красный флаг, прикрепленный ночью каким-то смельчаком на громоотвод самой высокой заводской трубы.

В тот же день забастовали рабочие Невского судостроительного завода. Большевики провели здесь массовку, на которую собралось свыше 5000 рабочих. Ораторы, направленные Невским районным комитетом, произносили речи о войне, о политическом положении России. Затем единогласно была принята резолюция с протестом против войны и мобилизации, выработанная Петербургским комитетом.

Забастовали также рабочие Обуховского и Вагоностроительного заводов, фабрики Торнтон, Никольской ткацкой мануфактуры, Сампсониевской бумагопрядильни, Невской писчебумажной фабрики Варгунина и других предприятий Петербурга. Политическая стачка-протест против войны и мобилизации 20 июня в Петербурге стала всеобщей.

Демонстрация протеста против мобилизации прошла и на Сестрорецком заводе. Революционно настроенные массы рабочих, заполнившие улицы Сестрорецка, несли красные флаги, пели «Марсельезу».

Царское правительство, напуганное выступлением питерских рабочих, вынуждено было отказаться от проведения мобилизации в Петербургской губернии. Это была крупная победа питерских рабочих. Она укрепила у них веру в свои силы и непоколебимую решимость бороться до победного конца. Стачка-протест показала возросший авторитет и влияние большевистской организации среди широких масс петербургского пролетариата.

22 июня почти все бастовавшие предприятия Петербурга приступили к работе. Только путиловцы, вышедшие на работу, в 9 часов утра вновь прекратили ее. Они предъявили правлению общества Путиловских заводов требования о введении 9-часового рабочего дня, увеличении зарплаты, избрании старост и принятии на работу всех ранее уволенных за участие в революционном движении. Одним из требований было: «Уволить директора Белоножкина, деспота». Администрация, поддержанная правительством, 5 июля объявила локаут. Завод был закрыт, увеличались аресты.

Большевистская организация путиловцев, руководимая Петербургским комитетом, в период стачки усилила работу в массах. Этому способствовали созданные после III съезда партийные комитеты в мастерских. Во время забастовки на заводе функционировало семь пропагандистских рабочих кружков; был создан один кружок по подготовке агитаторов из среды рабочих.

Большевики собирали сходки рабочих, рассказывали им о героической стачке иваново-вознесенских текстильщиков, не сдававшихся в неравной борьбе с фабрикантами, и призывали путиловцев к стойкости и организованности. Руководители Нарвского районного комитета, а также активисты заводской большевистской организации Н. Г. Полетаев и Ф. И. Бодров неустанно занимались всеми вопросами, возникавшими в ходе забастовки. Большевики организовали борьбу со штрейкбрехерами: у заводских ворот были выставлены рабочие пикеты, которые никого не пропускали в завод.

Забастовка на Путиловском заводе, сопровождавшаяся локаутом, продолжалась полтора месяца. Рабочие находились в крайне тяжелом материальном положении. По сообщению газеты «Рабочий», к 20 июля на Путиловском заводе голодало не менее 10 тысяч рабочих, а с семьями — от 35 до 40 тысяч человек. Не имея возможности платить за квартиру, многие лишились жилья. Голодные люди бродили по улицам, собирались группами. Путиловцев не принимали даже в кустарные мастерские. Но несмотря на все лишения, они проявили исключительное мужество.

Стойкость и упорство путиловцев вызвали горячее чувство пролетарской солидарности среди рабочих других предприятий столицы. По инициативе большевиков на фабриках и заводах Петербурга был проведен сбор пожертвований в пользу бастующих. Рабочие Обуховского завода собрали в помощь бастующим путиловцам свыше 3 тысяч рублей. На Невской ниточной мануфактуре из 1600 рабочих лишь 60 человек не участвовали в сборе пожертвований бастовавшим путиловцам.

В сборе пожертвований приняла участие и демократическая интеллигенция. Большую материальную помощь путиловцам оказали великий русский писатель А. М. Горький и знаменитый художник-реалист И. Е. Репин. Директор Путиловского завода в неофициальном письме управляющему отделом промышленности и торговли министерства финансов сообщал: «На Нарвском проспекте в разных местах, на улицах и в трактирах, раздаются деньги разными лицами, которые при этом подговаривают продолжать забастовку во что бы то ни стало».

На собранные средства были созданы четыре бесплатные столовые и три молочных пункта для детей. Но эта помощь была далеко не достаточной для того, чтобы поддержать такую огромную армию безработных, тем более, что в лавках потребительского общества, во главе которого стоял помощник директора Путиловского завода, бастовавшим рабочим категорически отказывали в кредите.

20 июля рабочие вновь направили депутацию в управление завода, настаивая на выполнении своих требований. Администрация завода и на этот раз категорически отказалась выполнить требования рабочих. После этого 21 июля произошло крупное столкновение бастовавших рабочих со штрейкбрехерами.

На другой день ни один штрейкбрехер не осмелился выйти на работу, и завод бездействовал полностью. Забастовка продолжалась еще несколько дней. Однако в сложившихся условиях рабочие были вынуждены отступить. 28 июля начался прием рабочих на прежних условиях, а 15 августа завод работал на полную мощность.

«Забастовка наша кончилась неудачей,— писал Нарвский районный комитет. — Нам не удалось вырвать у капиталистов хоть ничтожной прибавки к заработной плате, чтоб не умирать с голоду. Нам не удалось урвать у буржуазии хоть один лишний свободный час, чтоб отдохнуть от непосильного труда... Капитализм и царское правительство соединились в своей борьбе против нас, и, недостаточно организованные и неподготовленные, мы оказались побежденными».

Несмотря на неудачу, путиловская стачка имела большое значение. Газета «Новые силы» — орган Нарвского района петербургской партийной организации — писала по этому поводу: «Всем памятна путиловская забастовка 1905 года, которую он (рабочий класс) проводил страшной ценой голода своих семей, решительно добиваясь улучшения своего положения. Путиловский завод был живым источником, сильной революционной струей, которая с ободряющей силой текла по всему организму петербургского пролетариата».

Путиловская стачка раскачала и подняла на борьбу рабочих всех отраслей промышленности. В июне 1905 года петербургские рабочие дали вдвое больше стачко-дней, чем в мае. По неполным данным фабричной инспекции, не включавшим заводы военного и морского ведомства и железнодорожные предприятия, в июне в Петербурге было свыше 306 тысяч стачко-дней. В авангарде борьбы шли металлисты, на долю которых в июне приходилось 70% всего числа стачко-дней.

В дальнейшем стачечная борьба петербургских рабочих шла всё время на подъем. В июле, по далеко не полным данным, количество стачко-дней возросло до 443 тысяч.

Политическому воспитанию и революционной мобилизации рабочего класса способствовала однодневная политическая стачка, организованная Петербургским комитетом РСДРП 9 июля в день полугодовщины «Кровавого воскресенья». Для того чтобы провести стачку возможно организованнее, большевики проделали большую подготовительную работу: созвали две конференции агитаторов и представителей фабрично-заводских комитетов, на которых обсуждался план выступления рабочих

Петербурга и его пригородов, выпустили десятки тысяч прокламаций.

В листовке «Ко всем рабочим» Петербургский комитет призвал рабочих 9 июля прекратить все работы и объявить забастовку: «Пусть не работает ни одна фабрика, ни один завод, ни одна мастерская; в честь погибших товарищей, в честь мучеников рабочего дела провозгласим всеобщую забастовку. И пусть эта забастовка покажет нашим врагам — царю, правительству, капиталистам, что мы знаем, за что погибли наши товарищи, что смерть их нас многому научила. Покажем этой забастовкой, что снова, как и 9 января, все мы, как один человек, идем за одно дело.

Но пусть видят наши враги, что мы уже не те, что были 9-го, что если мы еще раз пойдем к дворцу, то пойдем не с просьбами, а с требованиями, и не безоружными, а с оружием в руках, чтобы свергнуть правительство палачей и убийц, чтобы завоевать свободу для себя самих и для наших детей».

Сестрорецкая большевистская организация выпустила особое воззвание: «К сестрорецким оружейникам», в котором разъясняла значение событий 9 января и призывала рабочих Сестрорецкого оружейного завода к политической стачке. В воззвании говорилось: «Товарищи! Завтра полгода со дня 9 января. Русский пролетариат ознаменует этот день однодневным прекращением работ. Этим он покажет, что питает непримиримую ненависть к царскому гнету и чтит память зверски убитых борцов за великое рабочее дело».

На заводах и фабриках большевики организовали многочисленные митинги. Член Петербургского комитета в корреспонденции о работе петербургской партийной организации с 1 по 15 июля сообщал в газету «Пролетарий»: «Наши организаторы выступали на заводах Семяниковском, Обуховском, Чугунном, Балтийском, у Берга и на некоторых других мелких».

Для мобилизации всех сил и координации действий рабочих петербургские большевики, руководствуясь указаниями Ленина о допустимости временных блоков и соглашений в интересах усиления фронта пролетариата, заключили с меньшевиками и эсерами

частное соглашение о совместном выступлении 9 июля.

Царское правительство решило военными мерами предупредить революционное выступление петербургского пролетариата 9 и 10 июля. Оно увеличило количество полицейских постов; наряды конной полиции и кавалерийские патрули разъезжали по всем улицам города. В помощь полиции 8 июля были выделены усиленные наряды войск петербургского гарнизона: на Путиловский, Франко-Русский, Вагоностроительный, Обуховский, Трубочный, Газовый, Александровский механический заводы направили по две роты солдат. Войска были направлены также к Бирже, Гостиному двору, Государственному банку, на Охту, на Мытнинскую и Новгородскую улицы, на Васильевский остров, на Преображенское кладбище и в другие места города. К вечеру 8 июля воинские части петербургского гарнизона находились в 62 пунктах столицы. Кроме того, на случай экстренного вызова в резерве в полной готовности было оставлено 8 рот пехоты, несколько эскадронов кавалерии и казачьи полки.

Однако правительству не удалось сорвать политическую стачку в память жертв 9 января. Благодаря тщательной подготовительной работе большевиков однодневная забастовка прошла в Петербурге исключительно организованно. Уже к 11 часам утра 9 июля бастовало более 32 тысяч человек. Выступили, прежде всего крупные металлообрабатывающие предприятия — Обуховский, Путиловский, Вагоностроительный, Невский судостроительный, Металлический, Лесснера, Розенкранца, Орудийный, Сименс и Гальске. К ним присоединились фабрики Паля, Торнтон, Северная и Никольская ткацкие мануфактуры, писчебумажная фабрика Варгуниных, телефонная фабрика Эриксона, Невская бумагопрядильня и др. Число бастовавших рабочих к вечеру 9 июля достигло 100 тысяч человек.

Стачка сочеталась с митингами и массовками, которые происходили на Обуховском, Невском судостроительном, Балтийском, Чугунном заводах и в порту. На одном из митингов был арестован оратор, но рабочие отбили его, после чего оратор говорил еще час.

Многочисленные митинги, на которых выступали преимущественно ораторы-рабочие, состоялись в Сестрорецке. Сестрорецкие большевики организовали рабочую демонстрацию с громадными красными флагами, с пением «Вы жертвою пали» и «Марсельезы». В корреспонденции в газету «Пролетарий» об этой демонстрации рассказывалось: «Процессия представляла из себя удивительно грандиозное зрелище, невиданное никогда не только здесь, но и в Петербурге. Шествие и митинг продолжались около 3-х с половиной часов». Сестрорецкие рабочие сорвали бал, намеченный в этот день буржуазией.

Политическая стачка 9 июля способствовала воспитанию пролетарской солидарности рабочих в борьбе с самодержавием. События 9 июля убедительно свидетельствовали о том, что успех стачки и ее массовость неразрывно связаны с большевистским руководством.

Подъем революционной борьбы, происходивший летом 1905 года по всей России, показал царскому правительству, что мерами насилия и репрессий не сломить революционный энтузиазм масс. Царизм вынужден был маневрировать, создавать видимость уступок, даже обещать некоторые «реформы», чтобы таким образом расколоть фронт революционных борцов и ослабить натиск революции.

Одной из таких попыток самодержавия совлечь массы с революционного пути было обещание созвать Государственную думу.

6 августа 1905 года царское правительство опубликовало манифест о созыве Государственной думы, подготовленный министром внутренних дел Булыгиным. Проект предусматривал созыв законосовещательной Думы, причем обеспечивал в ней громадное преобладание представителей дворянства и крупной буржуазии; привлекалась также

зажиточная верхушка крестьянства. Подавляющая часть населения страны была лишена права участвовать в выборах Думы. Маневр с булыгинской Думой отражал стремление царского самодержавия войти в сделку с либеральной буржуазией в целях подавления революционного движения пролетариата и крестьянства.

Буржуазия боялась развертывания революционных сил пролетариата и охотно шла на сделку с самодержавием. Она развила активную деятельность в связи с подготовкой выборов в булыгинскую Думу.

Партия большевиков, определившая свое отношение к булыгинскому проекту задолго до опубликования избирательного закона, решила бойкотировать Думу. III съезд партии охарактеризовал обещанную царем Государственную думу как карикатуру на народное представительство и предложил всем партийным организациям разоблачать реакционные цели правительственных маневров, показывать вынужденный характер уступок царизма.

Центральный Комитет РСДРП в начале сентября 1905 года выпустил листовку «К рабочим и крестьянам», в которой призвал народ бойкотировать Думу и готовиться к решительным битвам с царизмом. Эта листовка была перепечатана большинством партийных комитетов и распространялась среди рабочих и крестьян.

20 сентября в газете «Пролетарий» была опубликована резолюция Центрального Комитета РСДРП о Государственной думе. Резолюция разоблачала булыгинскую Думу как грубую подделку народного представительства и предлагала соединить все силы для немедленной и совместной подготовки всеобщего и одновременного протеста в виде политических стачек против этой затеи правительства.

Ленин разработал конкретную программу действий партийных организаций. Он указал, что большевистская тактика активного бойкота должна заключаться, во-первых, в усилении всех форм агитации по разоблачению характера созываемой Думы как бессильного придатка к аппарату царского правительства; во-вторых, в проведении агитационной кампании вокруг главных лозунгов революции — сооруженного восстания, организации революционной армии и образования временного революционного правительства; в-третьих, в объединении всех сил революционной демократии для борьбы под лозунгами большевиков; в-четвертых, в поддержке идеи бойкота, возникшей у левого крыла буржуазной демократии, с тем, чтобы использовать недовольство самодержавием всех слоев населения и поднять их революционную активность; в-пятых, в беспощадном разоблачении каждого соглашательского шага буржуазных предателей революции.

Большевики рассматривали тактику активного бойкота Думы как средство борьбы против попытки царизма отвлечь массы от революции.

Совсем другую позицию занимали меньшевики. Они объявили Думу организацией «революционного самоуправления народа», решили поддержать выборы в Думу и участвовать в ее работе. Меньшевистская «Искра» объявила большевистскую тактику активного бойкота Думы анархической и всемерно восхваляла оппортунистическую тактику меньшевиков.

Лидеры меньшевиков — Парвус, Череванин и Мартов — предлагали заключить с либеральной буржуазией политическое соглашение.

Тактика меньшевиков была вредна. В период подъема революции она заменяла лозунг подготовки вооруженного восстания лозунгом организации «революционного самоуправления народа», сеяла среди рабочих и в особенности среди крестьян иллюзии о том, что мирным путем можно добиться удовлетворения народных требований. Меньшевистская тактика помогала либеральной буржуазии, ставшей уже

контрреволюционной силой, обманывать трудящихся, выдавать свои интересы за интересы народа, свои выборы — за выборы народа. Меньшевистская идея «революционного самоуправления народа» при сохранении самодержавия тормозила развитие революции и помогала реакционной буржуазии добиться выгодной сделки с царизмом.

Ленин подверг беспощадной критике оппортунистическую тактику. Лозунг меньшевиков, указывал он, совпадает с лозунгом либеральной буржуазии. Вся либерально-монархическая буржуазия добивается, чтобы власть перешла к ней «мирно», без народного восстания.

«Только восстание, — писал Ленин, — может на деле обеспечить победу революции...»

Большевистские комитеты России, одоблив тактику активного бойкота булыгинской Думы, развернули решительную борьбу за осуществление этого бойкота.

Руководствуясь указаниями Ленина, Петербургский комитет в период думской кампании провел на предприятиях столицы огромную работу. Большевики разъясняли рабочим, какие цели преследует царизм, созывая булыгинскую Думу, чьи интересы она будет представлять, и указывали рабочим, что добиться необходимых экономических и политических преобразований можно только путем вооруженного восстания против царского самодержавия.

Петербургский комитет выпустил специальную листовку, в которой охарактеризовал царский манифест от 6 августа как наглое издевательство над рабочим классом России, как грубую попытку обмануть русское крестьянство и весь русский народ жалкой подделкой народного представительства. ПК призывал рабочих готовить вооруженные силы для того, чтобы «...дружно и одновременно выступить путем всеобщих стачек, вооруженных демонстраций и восстаний на всем пространстве России». Обращаясь к крестьянам, ПК призывал их поддержать рабочих в этой решительной борьбе, создавать революционные крестьянские комитеты.

Призыв Петербургского комитета к бойкоту булыгинской Думы нашел широкий отклик среди петербургских рабочих. На Обуховском, Невском судостроительном, Александровском и других заводах состоялись многочисленные митинги.

На Невском судостроительном заводе на двух митингах присутствовало по 5000 человек. Речи ораторов нередко прерывались возгласами: «Долой самодержавие, да здравствует вооруженное восстание!»

24 августа 1905 года на Обуховском заводе состоялся митинг с участием 900 рабочих. Оратор-большевик, посланный Невским райкомом партии, разъясняя присутствующим классовый характер Думы, призванной обслуживать интересы помещиков и крупной буржуазии, подчеркнул, что рабочий класс совершенно лишен избирательных прав, вследствие чего Дума явится лишь новым орудием его угнетения. Оратор призвал рабочих продолжать решительную борьбу против самодержавия. Большевистские лозунги были встречены дружными криками «ура». «Митинг внес сильное оживление в рабочие массы, — писал информатор в ЦК. — Везде кучки рабочих оживленно толковали по поводу речи и выражались пожелания, чтобы митинги организовывались возможно чаще».

Три митинга под лозунгами «Долой Думу!», «Да здравствует вооруженное восстание!», «Да здравствует РСДРП!» провели большевики в Александровском подрайоне. На митинге 23 сентября оратор проанализировал состав будущей Думы, выяснил ее антинародный характер и призвал рабочих объединиться для активного бойкота Думы и подготовки к вооруженному восстанию. Митинг закончился пением «Марсельезы». Отмечая революционное настроение рабочих, корреспондент писал об этом митинге: «Клич „долой

самодержавие" был подхвачен всей толпой, и она с пением „Марсельезы" двинулась по узким улицам... Могуче и сильно звучали слова отречения от старого мира и ненависти к царскому чертогу, подхватываемые толпой с запевалой-оратором во главе. И как символ покинутого, одинокого самодержавия торчал на своем возвышении заводской жандарм».

Тактику активного бойкота Думы поддержали не только рабочие, но и другие слои населения: крестьянство, студенчество, передовая часть интеллигенции и др.

В этот период большевистский Центральный Комитет обратился ко всей учащейся молодежи с призывом отойти от пассивных форм сопротивления, мобилизовать свои силы для революционных выступлений совместно с пролетариатом. Залы высших учебных заведений большевики предлагали использовать для проведения собраний и митингов.

Воззвание ЦК РСДРП «Ко всей учащейся молодежи» явилось боевой программой действий революционного студенчества. Воззвание нашло горячий отклик и среди значительной части петербургских студентов. Во всех высших учебных заведениях города проходили многотысячные сходки, на которых обсуждались задачи революции, роль студенчества в революционной борьбе.

13 сентября с большим подъемом прошел митинг студентов Петербургского университета. Большевикам пришлось вести на митинге ожесточенную борьбу с кадетами, меньшевиками и эсерами по всем политическим и тактическим вопросам революции. Из этой борьбы они вышли победителями: студенты приняли резолюцию, предложенную большевиками.

Студенческие аудитории широко использовались для устройства рабочих собраний и митингов. Нередко проходили объединенные митинги студентов с рабочими. Так, 17 сентября на митинге в аудиториях курсов Лесгафта, где обсуждался вопрос об отношении к булыгинской Думе, кроме студентов присутствовало около 500 рабочих.

На всех собраниях и митингах петербургские большевики решительно разоблачали оппортунистическую тактику меньшевиков, сеявших иллюзии о возможности превращения царской Думы в «революционное собрание» для созыва Учредительного собрания. Под влиянием большевистской критики петербургская группа меньшевиков вынуждена была заявить об отказе от участия в булыгинской Думе. Однако, признав лозунг «Долой Думу», меньшевики предлагали петербургским рабочим участвовать совместно с либеральной буржуазией в избирательной кампании.

В статье «Земский съезд» Ленин разоблачил предательское поведение петербургских меньшевиков, формально признавших активный бойкот, а на деле проводивших в жизнь буржуазный лозунг «революционного самоуправления».

Кампанию бойкота булыгинской Думы петербургские большевики успешно использовали для разоблачения кадетов как главной, основной в этот период соглашательской партии. На одном из собраний на Васильевском острове, посвященном выборам в Думу, с яркой речью против кадетов выступил только что возвратившийся из ссылки М. И. Калинин. Свою речь он закончил призывом не верить буржуазным красноречиям, а последовательно проводить большевистскую тактику активного бойкота. «Разве вы не испытали на своих спинах их слова,— обращался Калинин к рабочим,— разве вы не знаете, что эти сытые люди не друзья голодного народа?»

Тактика активного бойкота булыгинской Думы давала выход революционному настроению масс, сплачивала их вокруг большевистских лозунгов: «Долой Государственную думу!», «Да здравствует вооруженное восстание!», «Да здравствует Учредительное собрание, созванное временным революционным правительством!»

Большевистская тактика бойкота булыгинской Думы полностью себя оправдала. Правильность ее была подтверждена самим ходом событий. Огромное значение этой тактики состоит в том, что она способствовала подъему революционного движения масс и разоблачению конституционных иллюзий. Важнейшим политическим результатом организованного большевиками активного бойкота был срыв булыгинской Думы, срыв попытки самодержавия отвлечь народ от революции.

Меньшевистская же тактика потерпела полный провал, так как она строилась без учета объективной обстановки, не считалась с фактом революционного подъема в стране. Жизнь доказала несостоятельность тактики меньшевиков, ориентировавшихся на конституционный путь развития революции, на соглашение с кадетами.

Оценивая большевистскую тактику бойкота булыгинской Думы, Ленин впоследствии писал:

«Большевистский бойкот „парламента" в 1905 году обогатил революционный пролетариат чрезвычайно ценным политическим опытом, показав, что при сочетании легальных и нелегальных, парламентских и внепарламентских форм борьбы иногда полезно и даже обязательно уметь отказаться от парламентских».

Таким образом, в весенне-летний период 1905 года деятельность петербургской организации большевиков проходила под знаком борьбы за выполнение решений III съезда РСДРП. На основе указаний съезда большевики готовили рабочих Петербурга к вооруженному восстанию, разъясняя им роль массовых политических стачек в революционной борьбе пролетариата. Празднование 1 мая 1905 года, стачку протеста против военной мобилизации, день 9 июля, кампанию бойкота булыгинской Думы большевики использовали для мобилизации всех революционных сил.

§ 22. Действия большевиков по соединению крестьянского движения в единый процесс борьбы в революции

Рассматривая стратегию и тактику соединения в единый процесс борьбы против царизма, мы, прежде всего, рассмотрим сущность аграрного вопроса в России. И Ленин даёт нам для этого прекрасные выводы. Он пишет: «Аграрный вопрос» — если употреблять эту обычную, ходячую терминологию — существует во всех капиталистических странах. Но в России рядом с общекapиталистическим аграрным вопросом существует другой, «истинно-русский» аграрный вопрос. Чтобы кратко отметить разницу обоих аграрных вопросов, укажем, что ни в одной цивилизованной капиталистической стране нет сколько-нибудь широкого демократического движения мелких землевладельцев за переход к ним земель крупного землевладения.

В России такое движение есть. И, соответственно этому, ни в одной европейской стране, кроме России, марксисты не выставляют и не поддерживают требования о переходе земли к мелким землевладельцам. Русский аграрный вопрос неизбежно породил признание *всеми* марксистами такого требования, независимо от разногласий, связанных с тем, *как* должно быть организовано владение и распоряжение переходящей землей (раздел, муниципализация, национализация).

Откуда же разница между «Европой» и Россией? Не от самобытности ли развития России, не от отсутствия ли в ней капитализма или особой безнадежности, безысходности нашего капитализма? Так думают народники различных оттенков. Но этот взгляд в корне неверен, и жизнь давно опровергла его.

Различие между «Европой» и Россией происходит от чрезвычайной отсталости России. На Западе аграрно-буржуазный строй уже вполне сложился, крепостничество давно сметено, остатки его ничтожны и не играют серьезной роли. Главным общественным отношением в области сельского хозяйства на Западе является отношение *наемного рабочего* к предпринимателю, фермеру или собственнику земли. Мелкий земледелец занимает там промежуточное положение, переходя, с одной стороны, в класс нанимающихся, продавцов рабочей силы (многочисленные формы, так называемой подсобной работы или побочных заработков крестьянина), а с другой стороны, в класс нанимателей (число наемных рабочих у мелких земледельцев гораздо значительнее, чем обыкновенно думают).

В России, несомненно, уже упрочилось и неуклонно развивается столь же капиталистическое устройство земледелия. И помещичье и крестьянское хозяйство эволюционируют именно в этом направлении. Но чисто капиталистические отношения придавлены еще у нас в *громадных* размерах отношениями *крепостническими*. Борьба массы населения, в первую голову массы крестьянства вообще, с этими именно отношениями — вот в чем своеобразие русского аграрного вопроса. На Западе *такой* «вопрос» существовал во время оно повсеместно, но он давно уже там решен. В России с его решением запоздали, аграрная «реформа» 61-го года не решила его, столыпинская аграрная политика *не может* при данных условиях решить его.

В статье «Землевладение в Европейской России» мы привели главнейшие данные, выясняющие сущность современного русского аграрного вопроса.

Около 70 миллионов земли у 30 000 крупнейших помещиков и приблизительно столько же у 10 миллионов крестьянских дворов — таков основной фон картины. О каких хозяйственных отношениях свидетельствует эта картина?

Тридцать тысяч крупнейших помещиков — главным образом, представители старого барства и старого, крепостнического хозяйства. Из 27 833 владельцев имений свыше 500 десятин — дворян 18 102, т. е. *почти две трети*. Громаднейшие латифундии, которые находятся в их руках, — в среднем приходится свыше 2000 десятин земли на каждого из этих крупнейших помещиков! — не могут быть обрабатываемы инвентарем владельца и наемными рабочими. В значительной степени неизбежной является, при таком положении дела, старая барщинная система, то есть существование мелкой культуры, мелкого хозяйства на крупных латифундиях, обработка помещичьей земли инвентарем мелкого крестьянина.

Именно эта барщинная система и распространена, как известно, особенно широко в центральных, исконно-русских, губерниях Европейской России, в *сердце* нашего земледелия. Так называемые отработки представляют из себя не что иное, как прямое продолжение и пережиток барщинной системы хозяйства. Невозможные кабальные приемы хозяйства, вроде зимней наемки, работы за отрезанные земли, «круговой обработки» и т. д., и т. п. — это тоже барщина. Крестьянский «надел» является, при такой хозяйственной системе, способом обеспечения *помещика* рабочими руками, и не только рабочими руками, но и инвентарем, который, как бы жалок он ни был, служит для обработки помещичьей земли.

Крайняя нищета массы крестьян, которые привязаны к своему наделу и не могут жить с него, крайняя примитивность земледельческой техники, крайняя неразвитость внутреннего рынка для промышленности, — таковы результаты этого положения вещей. И самым рельефным доказательством того, что в основе, в сути своей дело остается неизменным вплоть до наших дней, является теперешняя голодовка 30 миллионов крестьянства. Только крепостническая задавленность, обношенность, беспомощность массы закабаленных мелких хозяев *может* вести к таким ужасным массовым голодовкам в эпоху быстро развивающейся

и сравнительно высоко уже стоящей (в лучших капиталистических хозяйствах) земледельческой техники.

Коренное противоречие, которое ведет к таким ужасным бедствиям, незнакомым крестьянству Западной Европы со времен средних веков, есть противоречие между капитализмом, высоко развитым в нашей промышленности, значительно развитым в нашем земледелии, и *землевладением*, которое продолжает оставаться средневековым, крепостническим. Нельзя выйти из этого положения без крутой ломки старого землевладения.

Крепостническим является не только помещичье, но и крестьянское землевладение. Относительно первого дело так очевидно, что не возбуждает никаких сомнений. Заметим только, что уничтожение крепостнических латифундий, скажем, хозяйств свыше 500 десятин, не подорвет крупного *производства* в земледелии, а, напротив, усилит, разовьет его. Ибо крепостнические латифундии — опора *мелкого* кабального земледелия, а вовсе не крупного производства. На громаднейших участках земли, свыше 500 дес, почти невозможно или, по крайней мере, крайне трудно в большинстве местностей России ведение *крупного хозяйства*, обработка всей земли инвентарем владельца и вольнонаемным трудом. *Понижение* размера таких владений есть одно из условий гибели мелкого кабального земледелия и перехода к крупному капиталистическому производству в сельском хозяйстве.

С другой стороны, и надельное крестьянское землевладение в России тоже остается средневековым, крепостническим. И дело не только в его юридической форме, изменяемой теперь фельдфебельским разрушением общины и насаждением частной поземельной собственности, — дело также в его *фактическом* облике, которое никаким разгромом общины не затрагивается.

Фактическое положение громадной массы мелких и мельчайших, большей частью, чересполосных крестьянских «парцелл» (= крохотных участков земли), отличающихся наихудшим качеством почвы (вследствие отмежевания крестьянской земли в 1861 году под руководством крепостников-помещиков и вследствие выпашанности земли), — неизбежно ставит их в кабальное отношение к наследственному владельцу латифундии, старому «барину».

Представьте только себе нагляднее эту картину: на 30 000 владельцев латифундий по 2000 десятин земли приходится 10 000 000 крестьянских дворов с семидесятиным участком на «средний» двор. Ясно, что никакое разрушение общины, никакое создание частной поземельной собственности *еще не* в состоянии будет изменить кабалы, отработков, барщины, крепостнической нищеты и крепостнических форм зависимости, вытекающих отсюда.

«Аграрный вопрос», порождаемый таким положением вещей, есть вопрос об устранении остатков крепостничества, сделавшихся невыносимой помехой капиталистическому развитию России. Аграрный вопрос в России есть вопрос о крутой ломке старого, средневекового землевладения, как помещичьего, так и надельного крестьянского, — ломке, которая стала абсолютно необходимой вследствие крайней отсталости этого землевладения, крайнего несоответствия между ним и всей системой народного хозяйства, сделавшегося капиталистическим.

Ломка должна быть крутой, потому что несоответствие чересчур велико, потому что старое слишком старо, «болезнь чересчур запущена». Ломка во всяком случае и во всех ее формах не может не быть, по своему содержанию, буржуазной, так как вся хозяйственная жизнь России уже буржуазна, и землевладение непременно подчинится ей, непременно приспособится к велениям рынка, к давлению всемогущего в нашем теперешнем обществе

капитала.

Но, если ломка не может не быть крутой, не может не быть буржуазной, то остается еще нерешенным, *какой* класс из двух непосредственно заинтересованных классов, помещичьего и крестьянского, проведет это преобразование или направит его, определит его формы.

§ 23. Аграрное движение в России

§ 23. 1. Движение до 1905

Под аграрным движением разумеется та форма революционной борьбы, крестьян свойственна деревне; сущность ее сводится к борьбе крестьян против помещиков из-за земли (отсюда название). Поскольку помещики, владея землей, путем земельного и всякого другого ростовщичества кабелили крестьян, лишали их свободы, лозунгом А. д. стало «земля и воля». В период непосредственного закабаления (до 1861) А. д. имело форму борьбы, гл. обр., за «волю», — т.-е. против крепостного права. Но ближайший анализ тогдашних крестьянских движений (наиболее известным из них является *Пугачевщина*, во 2 пол. 18 в.; предшествующие, т. и. «Смута» начала 17 в. и восстание Степана Разина во второй половине того же века, в своих подробностях известны нам хуже) показывает, что движение и тогда носило характер классовой борьбы крестьян против помещиков, и дело шло не только о ниспровержении крепостного права, но и о захвате помещичьих земель крестьянами. — В 19 в. имели место отдельные крупные крестьянские выступления, которые неизменно жестоко подавлялись помещиками. Движение особенно усилилось накануне т. и. «освобождения крестьян». С 1830 число крестьянских волнений возрастает по пятилетиям след. образом: 46, 59, 101, 172 волнений в среднем в год. По правительственным данным, за 20 лет (1835 — 55) было убито 144 помещика, в среднем — 7 чел. в год. Между тем, только за промежуток с 1835 по 1845 за убийство помещиков было сослано 298 мужч. и 118 женщ. из крепостных крестьян. Волнения в большинстве случаев вызывались усилением крепостнической эксплуатации. Ограбление крестьян помещиками в 1861 — отрезка земли, высокий выкуп и т. п. — вызвали еще более сильное движение. В первые же 4 м-ца после манифеста 19/II 1861 было 647 случаев бунтов, т.-е. более, чем за все предшествовавшие 30 лет. В течение второй половины 19 в., начиная с 70 гг., движение несколько ослабело. В 80 и 90 гг. имели место лишь отдельные столкновения, вызываемые захватом помещиками у крестьян земель, выгонов, лесов и т. д., загоном крестьянского скота и, наконец, взиманием правительством недоимок.

§ 23. 2. Движение в 1905 — 1906 гг.

С новой силой революционная борьба крестьянства началась с первых же годов 20 в. Развитие капитализма, вызвавшее сильное расслоение деревни, создавшее, с одной стороны, кадры сельской буржуазии, а с другой, — еще большие кадры деревенской бедноты, в сильнейшей степени обострило классовую борьбу в деревне. Полукрепостническая эксплуатация и разорение крестьян развивающимся капитализмом явились непосредственными предпосылками крестьянской революции. Движение началось в 1902 в Харьковской и Полтавской губ., где крестьяне разгромили более ста имений. Движением были захвачены уезды, более всего пострадавшие в этот год от неурожая. В 1903 — 04

движение затихло, чтобы с новой силой начаться в 1905. А. д. началось с первых же месяцев рабочей революции в городах. Возникнув 15/11 в Дмитровском у., Курской губ., оно быстро перекинулось на соседние уезды Орловской, Черниговской и др. губ. Независимо от движения в центральной черноземной полосе, началось движение на Кавказе и в Прибалтийском крае. В начале года движением было захвачено 74 уу. Летом 1905 разгорается непосредственная борьба за землю, захват помещичьей земли, увоз урожая и т. п. По Югу прокатывается волна с.-х. забастовок. Летом поступают сведения о волнениях из 91 уездов. С *еще* большей силой движение развивается осенью 1905, в непосредственной связи с движением в городах. Оно охватывает до половины всех уездов в России (240). Выдающееся место (в 119 уу.) занимают разгромы помещичьих имений, к-рые являются преобладающей формой движения в центрально-черноземной полосе России. Зимой, с общим затишьем в сельском хозяйстве, несколько затихает и аграрное движение (происходило в 120 уездах) с тем, чтобы к началу с.-х. сезона достигнуть наибольших размеров (240 уу.). Летом 1906 с особенной силой разворачивается стачечная борьба, особенно на Ю., а также борьба за землю и урожай. В остальных районах к осени 1906 движение значительно сокращается (72 уу.). Зимой оно опускается до 44. весной и летом 1907 захватывает 82 уу. и совсем утихает осенью 1907 (3 уу.). Наиболее сильное движение в 1905 было в районах наибольшей дифференциации деревни, с наибольшим процентом безземельных и безлошадных х-в, именно в ю.-з. губ. (3,3 случая движения на уезд), в украинских (2,9), средне-волжских (2,8), центрально-земледельческих (2,5). Довольно сильное движение было в западных районах: в Литовском, Белорусском, где особенно обострена была борьба из-за захватов помещиками сервитутов, т.-е. угодий общего — крестьян и помещиков — пользования, слабее — в Приозерном и Северном районах. Наиболее слабое движение было в центрально-промышленном (1,09) и Приуральском районах (0,4). В первом районе, как известно, пролетаризирующееся крестьянство уходило в города, что, конечно, ослабляло революционную борьбу в деревне. Что касается участников движения, то для русской буржуазной крестьянской революции (по определению тов. Ленина) как-раз характерно выступление всего крестьянства против диктатуры крепостников. Однако, в зависимости от условий времени и места и, прежде всего, в зависимости от степени расслоения крестьянства в каждом районе, в одних местах руководящую роль играло зажиточное крестьянство, в других — середняки, в третьих — беднота, батраки. Бедняки являлись главной революционной силой в районах сильной дифференциации крестьянства, как., напр., на Ю.-З. и в Новороссии, где их движение сливалось с общим батрацким движением и где преобладали с.-х. стачки. Чисто батрацкое движение имело место в Прибалтийском крае. В этих районах зажиточное крестьянство или было пассивно, или даже становилось на сторону помещиков, т. к. движение бедноты часто направлялось и против него. В районах более однородного крестьянства, как в центрально-черноземной полосе, в движении участвовало преимущественно все крестьянство, прежде всего основные середняцкие массы, хотя весьма часто и здесь зажиточные становились на сторону помещиков. Единственно, где, в противоположность другим районам, зажиточное крестьянство активно участвовало в движении, это в многоземельных районах с сильной буржуазией, как, напр., в Приуральском районе или в Северном и Приозерном. В последних преобладала порубка леса, к-рая для своего осуществления требовала транспорта и потому была доступна почти исключительно крестьянам, имеющим лошадей. Движение было направлено не только против помещиков, но и против всех местных эксплуататоров, кулаков, лавочников, местного духовенства и т. п.

Формы движения по различным районам были разные, в зависимости от местных

условий. Преобладающим видом движения являлся разгром, который особенно был распространен в центральной черноземной полосе России, где он являлся одним из самых радикальных средств крестьянской борьбы против помещиков. Уничтожая имения, крестьяне добивались этим перехода помещичьей земли в их руки. Первое место по количеству погромов занимают центрально-черноземные губернии — ниже-волжские, а затем уже идут Украинские и Новороссийские. В районах развитого капиталистического хозяйства погромы являлись единичными. Другой формой, тесно связанной с погромами, были поджоги. Последние являлись универсальным средством борьбы, чрезвычайно удобным в условиях жесточайшего помещичьего террора. Этим средством крестьяне особенно широко пользовались при невозможности открытых выступлений в 1906 — 07. Следующее место, по распространенности, занимают порубки леса. Это единственная форма движения, к-рая была распространена повсюду, начиная с сев. лесных районов и кончая южными, где леса являются редкостью. Как мы уже указывали, в порубках главное участие принимали зажиточные крестьяне. Далее следуют массовые потравы, запашки, захват посевов и лугов, увоз сена и хлеба. Наибольшую силу эта форма движения имела летом 1906 и более всего была распространена в центрально-земледельческом и приозерном районах. Весьма сильно было и арендное движение. Накануне 1905, вследствие развития капитализма, помещики непрерывно повышали арендную плату, а то и совсем прекращали сдачу земли в аренду и вводили собственные запашки. Все это в значительной степени ухудшало положение как сельской буржуазии, сосредоточившей в своих руках значительную часть арендных угодий, так и середняков, которых малоземелье заставляло идти на самую кабальную форму арендных сделок. В 1905 крестьяне или добивались понижения арендной платы, или же требовали перехода арендной земли в их постоянное владение. — Чисто пролетарской формой борьбы были сельскохозяйственные стачки, широко распространившиеся в 1905 — 06 по всему Южному и Юго-Западному. Первое место по числу стачек занимает Юго-Западный край, затем Украина и, наконец, западные районы: Литовский, Белорусский и особенно Прибалтийский. Наконец, последней формой движения являлись насильственная смена власти и отказ в платеже налогов. Эта форма движения особенно была распространена в центрально-промышленном районе и в западных губерниях, где крестьяне сплошь и рядом назначали свою местную власть. Последнее имело место и в других районах, напр., в Балашовском у. Саратовской губ. В общем и целом, движение проходило стихийно, влияние партий наблюдалось лишь в отдельных районах. В капиталистических районах, в Юго-Западном и Прибалтийском было сильно влияние социал-демократов, в полукрепостническом земледельческом центре и в Поволжье — эсэров. Созданный в 1905 Крестьянский союз представлял более зажиточное крестьянство и находился в руках эсэристующей и, частью, кадетствующей буржуазной интеллигенции. Правильной организации руководства движением не было. Правительство карательными экспедициями подавляло крестьянскую революцию. Дело доходило до артиллерийского обстрела деревень. Крестьянам не удалось овладеть помещичьей землей. Они добились лишь частичных уступок; так, указом 3/XI 1905 были сложены оставшиеся еще выкупные платежи. Под влиянием А. д. были временно несколько понижены арендные цены и несколько повышена заработная плата. Но, самое главное, — крестьянское движение заставило само помещичье правительство лихорадочно работать над уничтожением остатков крепостничества в деревне, что выявилось в т. н. *Столыпинской реформе*.

Аграрное движение в годы реакции. После 1905—1906 крестьянское движение значительно сократилось. В период 1907—13 число зарегистрированных крестьянских

волнений было по годам таково: 2.557, 2.045, 2.528, 6.247, 4.567, 1.810, 647, всего за 7 лет — 20.430; более сильное движение было в черноземной полосе, на к-рую приходится 12.563 случая столкновений, тогда как на нечерноземные — 7.554 случая, на Азиатскую Россию — всего 305 случаев. По годам — наибольшей силы движение достигло в 1910, т. к. 1907 — 10 были годами промышленной депрессии, в условиях которой уход крестьян в город был чрезвычайно затруднен, что и способствовало скоплению в деревне беднейшего крестьянства, составившего один из самых революционных элементов деревни в Октябрьскую Революцию (что и выявилось в движении комбедов 1918 года). В эти же годы с наибольшей силой развивалась столыпинская реформа, именно раздел общинных земель и создание хуторов и отрубов. Так же, как и в 1905, первое место по числу аграрных столкновений занимают юго-западные губ., белорусские, центрально-черноземные, средне-волжские и др. Именно в этих районах более всего сохранились остатки крепостничества, быстрое разложение которого развивающимся капитализмом и революционизировало крестьянство. В виду жестокой расправы помещиков с открытыми революционными выступлениями преобладали наиболее безопасные для участников тайные поджоги (3.282 случая), большая часть которых падает на черноземную полосу (2.473); в нечерноземной зарегистрировано лишь 802 случая. Прочие виды А. д. занимали значительно меньше места, — так, порубки леса зарегистрированы всего в 323 случаях, захват земли, лугов и увоз урожая — в 67 случаях, арендные столкновения — в 38 случаях, покушения на жизнь помещиков и их имущество, избиение служащих — в 262 случаях. Одновременно с борьбой против помещиков, середняки и бедняки ведут революционную борьбу и с кулачеством, к-рое, при поддержке царского правительства, расхищало общинные земли. В борьбе с кулачеством также преобладали поджоги (6.653 случая). Крестьяне не допускают «землеустройства», которое отдавало лучшие земли кулакам под хутора и отруба: хуторяне и отрубники избиваются, имущество их уничтожается (244 случая). На помощь последним приходят полиция и войска. Столкновения с последними обычно сопровождалась стрельбой в безоружных крестьян, убийствами и ранениями. Одновременно с борьбой против помещиков и кулачества, крестьяне ведут борьбу с правительством и его чиновниками, особенно в связи с взиманием налогов и взысканием недоимок (536 случаев), поджигают волостные правления и т. п. «общественные здания» (106 случаев), отказываются платить подати и недоимки (184 случая). Столкновений с полицией зарегистрировано 107 случаев. Революционная агитация, устройство митингов, распространение листовок, создание революционных организаций отмечаются в 215 случаях. Хотя перечисленные случаи столкновений по абсолютному своему числу для всей России и невелики, однако, нужно иметь в виду условия беспроектной реакции. Классовая борьба в деревне должна была дойти до крайнего напряжения, чтобы в условиях жесточайшего помещичьего террора она могла вылиться в открытые революционные выступления или столкновения.

Во время войны, с уходом наиболее здорового революционного крестьянства в армию, движение в первый момент ослабело.

Со стороны зажиточного крестьянства в первую фазу революции наблюдается та же позиция, что и в 1905 — 06, с той только существенной разницей, что, вследствие усилившегося за годы столыпинщины расслоения деревни, участие зажиточных в революции сузилось, а участие низов — расширилось. Положение резко меняется с Октябрьской Революцией. Если в первые месяцы революции руководящую роль в движении и в крестьянских организациях играли, в зависимости от района, более обеспеченные крестьяне, а в некоторых — и зажиточные, и соответственно большое влияние имели правые

эсеры, то в последующие месяцы, с приходом из города революционных рабочих, а из армии—демобилизованных солдат, руководство революционным движением постепенно начинает переходить к середнякам, беднякам и к деревенским батракам, а вместе с тем — к большевикам и левым эсерам. Все партии, кроме большевиков, вели активную борьбу с крестьянским движением. Эсеры, захватившие руководящее влияние в крестьянских организациях в первый период революции, пытались остановить крестьянское движение, как методами словесного воздействия, так и при помощи карательных экспедиций. Все контрреволюционные партии вели решительную борьбу против попытки крестьян революционным путем ликвидировать в деревне полукрепостнические помещичьи владения. За 8 месяцев существования буржуазно-помещичьего Временного Правительства ничего не было сделано для удовлетворения требований крестьян, наоборот, принимались все меры к сохранению в неприкосновенности помещичьего землевладения и помещичьих имений в деревне, под предлогом ожидания разрешения земельного вопроса в Учредительном собрании. Только победа пролетариата в Октябрьской Революции и создание Советской власти дали возможность крестьянам в союзе с рабочими, под руководством Российской Коммунистической Партии, завершить многовековую борьбу крестьянства с помещиками. Советская власть без всякого выкупа передала в руки крестьян все конфискованные у господствующих классов земли и уничтожила все виды эксплуатации крестьян. С конфискацией помещичьих земель и частичным разделом помещичьего скота и инвентаря развернулась борьба между беднотой и кулачеством. Создавшиеся Комитеты Бедноты при поддержке Советской власти сломили господство кулачества в деревне и тем способствовали успешному ведению гражданской войны, организации снабжения городов, армии и т. д. Революция не только уничтожила в деревне все остатки крепостничества и все виды эксплуатации, но и открыла возможность постепенного перехода к высшим социалистическим формам хозяйства.

КОНЕЦ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОГО ТОМА